

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 22. № 4
Volume 22. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2023

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2023

Том 22. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2023

Volume 22. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

2023. Vol. 22. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up *M.Yu. Merkulova, O.N. Yadykina*
Technical editing: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval,*
Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina

Passed for printing Nov. 27, 2023.

Date of publication: Jan. 27, 2024.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.1. Published pages 19.5.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order . «C» 38.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2023. Т. 22. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редакторы английских текстов: *Е.А. Елтанская, Д.А. Новак*

Верстка *М.Ю. Меркуловой, О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *Н.М. Вишняковой, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькиной, И.В. Сметаниной*

Подписано в печать 27.11.2023 г.
Дата выхода в свет: 27.01.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).
Заказ . «С» 38.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-ЛЕТИЮ ЮБИЛЕЮ

ОТКРЫТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФИЛОСОФИЯ» В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Омельченко Н.В., Соловьева Л.С.
«Любите философию в себе,
а не себя в философии»:
интервью с Омельченко Николаем Викторовичем 6

ПОНЯТИЕ ΑΨΕΣΙΣ (ЕРЕСЬ) В ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Карчагин Е.В. Проблема справедливости
в антиеретическом дискурсе
св. Ипполита Римского 17

Душин О.Э. Трансформации манихейства
в Средние века 28

Макаров А.И. Русские религиозные философы
Серебряного века
о роли и функциях ересей в истории 35

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Крючкова С.Е., Храпов С.А., Крючкова Е.В.
Цифровые технологии
как средство социальной инженерии 42

Дружинин А.М. Медиаманипуляции:
критический подход 55

ФИЛОСОФИЯ

Волкова А.А. Генезис концепции спасения
в религиозно-философском наследии
Кирилла Туровского: византийское влияние
и оригинальность идей 67

Романенко А.А. Эсхатологическая дилемма
В.С. Соловьева: человеческая свобода
или божественная необходимость? 79

Храпова В.А., Комова В.А. Город
как культурный феномен
в условиях социальной трансформации 88

Гарбузов Д.В., Млечко А.В. О внутренних источниках
реформирования российской системы
высшего образования:
системноисследовательская методология
Г.П. Щедровицкого 99

Горина Т.С. Хабитуализация научного просвещения 107

Букин Д.Н., Фантров П.П., Мейдер В.А.
Социальная онтология молодежной субкультуры:
теория и практика 115

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Понукалина О.В. Соотношение труда и досуга
в условиях цифровых трансформаций 124

Ефимова Е.Г., Простова Д.М., Дудина И.М.
Проблемы трудоустройства выпускников
профессиональных образовательных организаций
в условиях современной экономики России 133

Иливицкая Л.Г. Индустриальные районы города:
стратегии работы с прошлым 147

Логинова Е.В., Гузев М.М., Горшкова Н.В.
Формирование модели демографически устойчивого
социально-экономического развития
в регионах России 157

Хомутова Н.Н., Зеленская Т.М. Информированное
добровольное согласие пациента:
институализация практик в современной России 170

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Жань Цзиньхун. Различие идей
Конфуция и Платона 180

Листвина Е.В., Орлов М.О., Рязанов А.В.
Социокультурные аспекты
современных идентификационных процессов 188

CONTENTS

ON THE 30th ANNIVERSARY

OF THE OPENING

OF THE SPECIALTY “PHILOSOPHY”

AT VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Omelchenko N.V., Solovieva L.S. “Love Philosophy in Yourself, but Not Yourself in Philosophy”: Interview with Omelchenko Nikolai Viktorovich 6

THE CONCEPT Αἵρεσις (HERESY)

IN PHILOSOPHY AND THEOLOGY:

FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT

Karchagin E.V. The Problem of Justice in the Anti-Heretical Discourse of St. Hippolytus of Rome 17

Dushin O.E. The Transformation of Manichaeism in the Middle Ages 28

Makarov A.I. Russian Religious Philosophers of the Silver Age on the Role and Functions of Heresies in History 35

SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEMS

OF MEDIA CULTURE

Kryuchkova S.E., Khrapov S.A., Kryuchkova E.V. Digital Technologies as a Means of Social Engineering 42

Druzhinin A.M. Media Manipulation: A Critical Approach 55

PHILOSOPHY

Volkova A.A. The Genesis of the Concept of Salvation in the Religious and Philosophical Heritage of Cyril of Turov: Byzantine Influence and Originality of Ideas 67

Romanenko A.A. Eschatological Dilemma of V.S. Soloviev: Human Freedom or Divine Need? 79

Khrapova V.A., Komova V.A. The City as a Cultural Phenomenon Under Conditions of Social Transformation 88

Garbuzov D.V., Mlechko A.V. About Internal Sources of Reforming the Russian Higher Education System: System-Thought-Activity Methodology of G.P. Shchedrovitsky 99

Gorina T.S. Habitualization of Scientific Enlightenment 107

Bukin D.N., Fantrov P.P., Meider V.A. Social Ontology of Youth Sub-Culture: Theory and Practice 115

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Ponukalina O.V. The Ratio of Work and Leisure in the Context of Digital Transformations 124

Efimova E.G., Prostova D.M., Dudina I.M. The Employment’s Problems of the Graduates from Professional Educational Organizations in the Conditions of the Modern Economy in Russia 133

Ilivitskaya L.G. Industrial Areas of the City: Strategies for Working with the Past 147

Loginova E.V., Guzev M.M., Gorshkova N.V. Formation of a Model of Demographically Sustainable Socio-Economic Development in the Regions of Russia 157

Khomutova N.N., Zelenskaya T.M. Informed Voluntary Consent of the Patient: Institutionalization of Practices in Modern Russia 170

ACADEMIC DISCUSSIONS

Ran Jinhong. Differences Between Ideas of Confucius and Plato 180

Listvina E.V., Orlov M.O., Ryazanov A.V. Sociocultural Aspects of Modern Identification Processes 188

www.volsu.ru

К 30-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ОТКРЫТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФИЛОСОФИЯ» В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

UDC 101.1

LBC 87

Submitted: 18.07.2023

Accepted: 16.11.2023

“LOVE PHILOSOPHY IN YOURSELF, BUT NOT YOURSELF IN PHILOSOPHY”: INTERVIEW WITH OMELCHENKO NIKOLAI VIKTOROVICH

Nikolai V. Omelchenko

Volgograd, Russian Federation

Lyubov S. Solovieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The conversation with N.V. Omelchenko – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2006), Fulbright Scholar-in-Residence (Mansfield University, Mansfield, PA, USA, 2001–2002 academic year), awarded the Volgograd State University Medal of Merit (2012) – took place in February 2023. This interview marked the beginning of a series of events dedicated to the thirtieth anniversary of the opening of the specialty ‘Philosophy’ at Volgograd State University. The first reception of future philosophers was held in 1994. N.V. Omelchenko told about the circumstances of the opening of the specialty ‘Philosophy’ at Volgograd State University, about the idea, organization, and development of the international conference “The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions,” and about the purpose of the educational project “Philosophical School ‘Logos’.” Omelchenko associates his introduction to philosophy with N.G. Chernyshevsky, whose work *Aesthetic Relations of Art to Reality* impressed him back in his school years. Dr. Omelchenko defends the thesis that every person is a philosopher. He also considers philosophical therapy as a perspective trend in contemporary philosophy.

Key words: N.V. Omelchenko, interview, philosophical reflection, philosophical questions, human being.

Citation. Omelchenko N.V., Solovieva L.S. “Love Philosophy in Yourself, but Not Yourself in Philosophy”: Interview with Omelchenko Nikolai Viktorovich. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

УДК 101.1

ББК 87

Дата поступления статьи: 18.07.2023

Дата принятия статьи: 16.11.2023

«ЛЮБИТЕ ФИЛОСОФИЮ В СЕБЕ, А НЕ СЕБЯ В ФИЛОСОФИИ»: ИНТЕРВЬЮ С ОМЕЛЬЧЕНКО НИКОЛАЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ

Николай Викторович Омельченко

г. Волгоград, Российская Федерация

Любовь Сергеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Беседа с Николаем Викторовичем Омельченко – доктором философских наук, профессором, Почетным работником высшего профессионального образования РФ (2006), фулбрайтовским стипендиатом (Mansfield University, PA, USA, 2001–2002), обладателем медали ВолГУ «За заслуги» (2012) – состоялась в феврале 2023 года. Это интервью положило начало циклу мероприятий, приуроченных к тридцатилетнему юбилею открытия специальности «Философия» в Волгоградском государственном университете. Первый прием будущих философов в ВолГУ прошел в 1994 году. Н.В. Омельченко рассказывает об обстоятельствах открытия специальности «Философия» в ВолГУ, замысле и организации Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях», целях просветительского проекта «Философская школа “Логос”». Свое приобщение к философии Н.В. Омельченко связывает с Н.Г. Чернышевским, чья работа «Эстетические отношения искусства к действительности» произвела на него впечатление еще в школьные годы. Николай Викторович защищает тезис о том, что каждый человек есть философ. Отдельно рассматривается тема философской терапии как перспективного направления в развитии современной философии.

Ключевые слова: Н.В. Омельченко, интервью, философская рефлексия, философские вопросы, человек.

Цитирование. Омельченко Н. В., Соловьева Л. С. «Любите философию в себе, а не себя в философии»: интервью с Омельченко Николаем Викторовичем // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

Любовь Сергеевна Соловьева:
Здравствуйте, Николай Викторович! Я очень рада возможности побеседовать с Вами. Спасибо, что нашли для этого время. Сегодня 2 февраля – день победы в Сталинградской битве – значимый день и в истории нашего города, и страны в целом. Позвольте поздравить и Вас с этим праздником.

Николай Викторович Омельченко:
У меня с днем победы под Сталинградом 2 февраля связано еще одно историческое событие. 2 февраля 2007 г. к нам в деканат принесли письмо из ЮНЕСКО. Мы сидели со студентами, занимались подготовкой к конференции, которая назначена была на май 2007 г., и ждали решения ЮНЕСКО, поскольку письмо с просьбой дать нам патронаж было им отправлено в предыдущем году, осенью. Получилось так, что это письмо пришло именно 2 февраля. И я, когда его открыл и посмотрел, что Генеральный директор ЮНЕСКО нас поздравляет и желает нам успехов в проведении конференции, и все ребята, которые были – все обомлели: «Неужели это случилось!» Все ждали этого решения, и оно случилось.

Я до сих пор благодарен директору Койхиро Мацуура. У него были хорошие слова, я их процитирую: «Позвольте мне поздравить вас с этой важной инициативой, направленной на стимулирование философской рефлексии, что является одним из приоритетных направ-

лений ЮНЕСКО в общей стратегии развития философии». Это заставило меня подумать, почему же так хорошо все произошло? Мне показалось тогда, что поддержка нашей конференции от имени ЮНЕСКО была связана со многими обстоятельствами, в частности с тем, что уже не было Советского Союза, была Россия – и в этой стране уже не было марксистского догматизма. Было такое ощущение, будто и мы сами, и ЮНЕСКО понимали, что мыслить самостоятельно – это прекрасно. Мне кажется, одно из достоинств современной России – это возможность мыслить самостоятельно. И наша конференция «Человек в современных философских концепциях» находилась в русле этого нового явления, когда люди могут думать самостоятельно; я могу думать так, как я хочу. Здесь появляется у человека какое-то оптимистическое настроение, во-первых, внутренняя радость, что он может сам думать, а во-вторых, уверенность и надежда, что он когда-то получит тот результат, которого хочет. Если даже спустя некоторое время он получит не тот результат, он снова будет искать новый, который его устраивает.

Мне кажется, одно из достоинств нашей конференции и одна из основных ее идей – это попытка пригласить людей самых различных философских направлений подумать над темой «Человек». Сама по себе эта идея кон-

ференции родилась после защиты моей докторской диссертации, которая была посвящена философской антропологии и называлась «Первые принципы философской антропологии». Защитившись в июне 1997 г., я решил, что теперь, в меру своих сил и возможностей, я могу дальше развивать философскую антропологию. Но не один, а привлекая людей, приглашая их делать это вместе.

Это совместное творчество, мне кажется, и было достоинством конференции «Человек в современных философских концепциях». Когда в 1998 г. мы организовали первую конференцию, то предполагалось, что сам университет станет своеобразным центром притяжения – притяжения различных философских направлений, школ, идей для обсуждения темы человека. Тем самым в этой конференции, независимо от ее масштаба, самым важным было то, что люди собирались помыслить тему «Человек». Это уникальный опыт, когда из разных концов России, из разных стран к нам приезжали для того, чтобы подумать над темой «Человек». И наш университет, и наш факультет рассматривались мною прежде всего как центр притяжения. Мы создавали соответствующую благожелательную обстановку для того, чтобы люди спокойно рассуждали, чувствовали себя комфортно, находились в дружеской атмосфере.

Любопытная деталь, Любовь Сергеевна, у нас не было цензуры. Это очень странная вещь для меня самого, поскольку все тексты, которые поступали на конференцию, я сам лично редактировал. Это была колоссальная работа. Только один текст мы отклонили, посоветовавшись с коллегами, поскольку этот текст был чрезвычайно «сырой», соединен из каких-то разрозненных фрагментов так, что было непонятно, о чем автор хочет сказать. Что касается остальных текстов, можно было предполагать, что будет какая-то человеконенавистническая идеология, что появятся люди, которые будут говорить не в пользу человека, а против человека, но у нас не было такого случая, чтобы мы встретились с отрицательным отношением к человеку. Наоборот, была какая-то позитивная настроенность на осмысление темы человека. Это деталь, которую я, честно говоря, до сих пор не могу объяснить: почему люди собирались для того,

чтобы высказать какую-то позитивную идею о человеке, а не наоборот, не сказать плохо о нем, не сказать, что он выродок, что он должен закончиться и т. д. Это чрезвычайно интересная вещь. Мне было интересно, что люди в основном мечтают о процветании человека. Это основной вывод из всех наших четырех конференций.

Мне понравились слова Генерального директора ЮНЕСКО о философской рефлексии. Если вдуматься, то люди приезжают на конференцию для того, чтобы высказаться, чтобы их послушали, чтобы услышать отклик на свои идеи. Все наши дискуссии проходили в дружеской атмосфере. Если наши студенты или преподаватели были не согласны с какой-то высказанной идеей, они обсуждали это. Иногда им не нравились выступающие, но это был некий новый импульс для мышления наших студентов. Возможно, Вы помните, что на всех конференциях присутствовал определенный настрой, энтузиазм. Все как будто чувствовали, что происходит что-то необыкновенное. Но точно так же чувствовали себя и все, кто к нам приезжал! Вот в чем дело.

Я был удивлен, когда профессор из Германии, поклонник Макса Шелера, выступив с докладом на пленарном заседании, захотел *сам* встретиться с нашими студентами. Я помню, что он был необыкновенно рад, что такую возможность ему предоставили. Получилось так, что в то время в Германии не очень удачно отметили юбилей Макса Шелера, а мы отметили. И для него это было фантастикой. В России отмечают юбилей Макса Шелера, а в Германии не очень. Он был очень удивлен и попросил меня организовать встречу со студентами.

Я начал рассказывать об этой конференции, потому что сегодня – 2 февраля. А 2 февраля 2007 г. была еще одна победа – мы получили письмо от Генерального директора ЮНЕСКО с поддержкой нашей конференции. Это было необыкновенное счастье, мы были в таком восторге, что трудно передать. Но это случилось. Это сделали мы, во славу университета, во славу факультета, во славу России. Представьте, в Волгоградском университете – патронаж ЮНЕСКО. Вы когда-нибудь еще где-нибудь видели, в каком университете был такой патронаж?

Я расскажу такую вещь. Все академические институты в России знали, что мы сделали такую конференцию. Когда я приехал на очередную встречу в СПбГУ на философский факультет, его декан, Юрий Никифорович Солонин спрашивал у меня, как удалось это сделать. Конечно, я рассказал, это не секрет. Было очень много организационной работы. И потом мы излагали все ее результаты, например, в «Вестнике Российского философского общества»¹.

Когда я говорю, что наш философский факультет имел международное признание, я, в частности, имею в виду и этот феномен. К нам приезжало множество гостей из-за рубежа, у которых оставалось приятное впечатление о нашей конференции. Конечно, было много работы, но позвольте заметить, Любовь Сергеевна, всем же было интересно.

Л.С.: Да, Николай Викторович, я это хорошо помню. Мне посчастливилось дважды принимать участие в этих конференциях, в том числе в четвертой, проводимой под эгидой ЮНЕСКО. Я согласна с Вами, что была совершенно необычная, по-своему волшебная атмосфера.

Н.О.: Это, конечно, было историческое событие, Поэтому я 2 февраля отмечаю две даты – победу в Сталинградской битве и победу нашего факультета, когда мы сделали большое-большое дело.

Л.С.: Николай Викторович, а когда Вы задумывали, замысливали эту конференцию, Вы ожидали такого эффекта? Или изначально планировались более скромные масштабы?

Н.О.: У меня была одна идея – приглашать коллег обсуждать тему «Человек», поскольку для меня она является генеральной, основной для моих научных занятий. Это было на факультете, поскольку я хотел, чтобы факультет был привлекательным по многим параметрам, в том числе и с точки зрения обсуждения каких-то важнейших проблем. Кто скажет, что тема человека не важнейшая? Все будут согласны а priori.

Что касается результатов: наши конференции набирали оборот автономно, появилась уже какая-то инерция. На первой конференции никто еще не верил, что может кто-то приехать из-за рубежа. Приехали. Были два человека – один из Финляндии, другой из Гер-

мании. На следующей конференции было уже больше, на третьей еще больше. Ну а на четвертой – аншлаг, если так можно выразиться. Там был сбор очень многих ученых из разных стран. Если посмотреть наш отчет в «Вестнике Российского философского общества» за 2007 г. № 3, то будет понятно, какие мы получили результаты.

Эта конференция получила продолжение, мы в нашем издательстве отпечатали четыре тома материалов конференции. Такого раньше не было. Потом мы получили из Англии предложение опубликовать избранные материалы. И в январе 2009 г. появилась книга «The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions»². Затем пришло предложение от Библиотеки Конгресса США о том, чтобы мы по почте прислали материалы этой конференции. Мы отправили четыре тома в Библиотеку Конгресса США.

Я, конечно, не ожидал, что мы получим такой грандиозный успех. Но когда мы провели три конференции, уже был опыт, и мы почувствовали, что имеем возможность и потенциал для проведения следующей конференции. Тогда и появилась идея сделать конференцию под эгидой ЮНЕСКО.

Л.С.: Николай Викторович, насколько мне известно, большая часть Вашей жизни связана с философией: философский факультет МГУ, кандидатская и докторская диссертации по философским наукам. А можете ли Вы сказать, чем вообще является для Вас философия. Что для Вас философия?

Н.О.: Вы знаете, это может показаться странным, но еще в школе, где-то в 7-м или 8-м классе я наткнулся на книжку Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Это его магистерская диссертация. Это было первое знакомство, и, может быть, после этого я заинтересовался, например, таким вопросом «что такое цвет?». Тогда я не знал, что вопросы «что такое цвет?», «что такое дом?», «что такое стол?», «что такое звезда?», «что такое мир?», «что такое человек?» – это самые глубокие философские вопросы. В литературе это называется «чтойность» предмета. Чтойность означает сущность предмета. Слово «чтойность» есть в английском и в немецком языках. Может быть, для русского языка это не совсем удачное сло-

во, но оно, по крайней мере, произносимо. За этим термином скрывается сущность. У Гегеля есть такое выражение, что задача, цель философии – познание сущности предметов. Я разделяю такой подход и полагаю, что назначение философии – это познание сущности предметов. Если давать определение, то можно сказать, что философия – это наука о сущности бытия, или о чтойности предметов.

Отсюда вытекают очень интересные выводы. Например, если я говорю, что философия – это наука о чтойности предметов, то первое замечание, которое можно сделать, будет следующим: я могу спросить, что такое стол и что такое цвет, но и любой другой человек также спрашивает, что такое цвет, что такое жизнь, что такое человек. Отсюда я делаю вывод: каждый человек мыслит сущность предметов, каждый человек есть философ. Мой аргумент в пользу того, что каждый человек есть потенциально философ заключается в следующем: мы, люди, можем задавать вопрос «что такое стол? цвет?», то есть мы способны задавать вопрос о сущности предметов, о сущности бытия. Это и есть философский вопрос, самый фундаментальный.

Не все согласны с моим определением, что каждый человек – философ. Недавно я прочитал у Гегеля фразу о том, что человек как мыслящее существо – прирожденный метафизик.

Л.С.: Каждый человек – философ, почему?

Н.О.: Да. У Гегеля аргумент простой: человек мыслит, следовательно, он – прирожденный метафизик. Об этом можно прочитать в «Энциклопедии философских наук», том 1.

Получается, в этом понимании мы с Гегелем единомышленны. Только немного аргументация другая. Он говорит о том, что каждый человек мыслит, а мышление приближает к философии, к метафизике, а я говорю о том, каждый человек мыслит, но не всегда он метафизик. Только когда задает вопрос «что есть то-то?». Вопрос о чтойности – вопрос о сущности. Таким образом, я становлюсь философом, когда задаю этот вопрос.

Разумеется, не все каждую минуту задают этот вопрос, не всем же нужно каждую минуту быть философами. Я говорю о том, что каждый человек внутри себя, выражаясь словами Гегеля, «прирожденный метафизик».

Множество аргументов в пользу этой логики появилось сегодня. Позвольте продолжить отвечать на Ваш вопрос о том, что такое философия и чем она является для меня, исходя из посылки о чтойности предметов. Если я рассуждаю в этом ключе, то получается, что сама по себе философия оказывается привлекательной для многих. Аргумент такой: начиная с 80-х гг. прошлого столетия, появилось движение под названием «философская практика». Это примерно то, чем занимается профессор А.И. Макаров и его группа. Движение философской практики получило распространение в России. Коллеги, которые этим занимаются, вывели философию из академических институтов, образно говоря, на площадь, на улицу. Приблизили ее к любому человеку.

Например, философские кафе. Там могут собираться люди по настроению. Я могу пойти в музыкальное кафе, послушать музыку, а могу поговорить с людьми о чем-либо. При этом не обязательно я должен обсуждать чтойность, я могу говорить о чем угодно, но, спустя некоторое время, моя мысль может приблизиться к этому вопросу о чтойности. Получается, я могу двигаться в сторону философии разными путями. Если один увидел в школе книжку Чернышевского, а другой уже в зрелые годы услышал какие-то слова в философском кафе, то это нормально, потому что мы можем двигаться к философии разными путями. И она будет присутствовать в нас по-своему.

В этой связи мне нравится выражение, что небольшое открытие, которое мы совершаем, в том числе благодаря нашему философскому размышлению, или, другими словами, философской рефлексии, приводит нас к тихой радости. У нас в голове, в душе что-то случается. По моему определению, то, что случается, когда я делаю небольшое открытие для себя, – тихая радость. Этой тихой радостью человек не может насытиться. Он мечтает о том, чтобы еще раз приблизиться и испытать «тихую радость», радость своего духа оттого, что он смог решить что-то для себя. Эта ситуация, мне кажется, привлекательна для любого человека, если он обращается к философии.

Есть еще один момент, о котором мне пришлось говорить в одной из моих работ.

В 1999 г. проходил Второй Российский философский конгресс в Екатеринбурге. Я отослал туда свои тезисы под названием «Философия как терапия». Неожиданно для меня философия открылась с этой стороны. Почему я так подумал и думаю сейчас и разделяю движение философской практики? На Западе канадский философ Лу Маринофф (Lou Marinoff) опубликовал книгу под названием «Plato, Not Prozac!» (1999), которое можно перевести и так: «Платон лучше антидепрессанта Прозак». Я читал эту книгу, она тоже о философской терапии. Это было для меня интересно, как для человека, который вдруг узнает, что эту же идею на другом конце земного шара высказал другой человек. Я высказал это, сидя в Волгограде, он это высказал, находясь в Канаде. У него толстая книжка, у меня маленькие тезисы, но идея одна.

Философия многогранна. Она есть наука о сущности, о чуждости предметов. Другой вариант понимания связан с философско-терапевтическим эффектом. Но иногда могут сказать, что любой разговор утомляет, если он длится больше положенного срока. Если он ни о чем, то, действительно, пустые разговоры утомляют. В таком случае человек выходит опустошенным, ощущая пустоту внутри себя. Такие разговоры, конечно, не могут считаться философскими. Терапия связана именно с сущностным компонентом человеческого мышления.

Моя логика определения философии как терапии отличается от той, которая встречается в рамках упомянутого движения. Моя логика состоит в следующем: если наше мышление мыслит сущность какого-то предмета, благодаря этому оно себя усиливает, потому что оно видит истину. Для любого человека познание истины – это укрепление самого себя. Если вспомнить Библию: истина сделает вас свободными. Это правда. Истина делает нас более свободными, но она делает нас и более сильными, более прозорливыми, более понимающими. Возможно, какая-то истина нас огорчает, потому что она не согласуется с нашими бывшими представлениями. Это не важно. Главное, что я могу от этой истины перейти к другому, более адекватному представлению о мире. Мне кажется, что для приобретения терапевтического

эффекта мышление должно мыслить сущность предмета. Получается, мысля сущность предметов, я беру от них какую-то дополнительную силу, поскольку, как я уже говорил, случается «тихая радость» оттого, что я что-то узнаю. Тихая радость делает человека чуточку сильнее: ведь это сделал я, значит, я могу, значит, я еще что-то могу. Такое настроение всегда нужно поддерживать в человеке. Ты обязательно можешь, потому что ты человек и в тебе есть сущностное мышление. Только ты поверь в себя.

Когда мы говорим, что в философии имеется терапевтический момент, можем вспомнить Сенеку, Эпикура, которые говорили, что, если ты хочешь врачевать свою душу, обращайся к философии. Иначе говоря, в истории философии нет недостатка в поддержке этой идеи. В этом и ценность философского знания, которое, помимо отвлеченного рассуждения о постижении сущности предметов, помогает человеку выживать в какой-то экстремальной, необычной или тупиковой ситуации.

Еще один пример в пользу того, что философия есть терапия и что она занимается сущностным поиском: смысл жизни. Философия занимается изучением сущности предметов, но человек тоже имеет свою сущность. Если мы узнаем свою сущность, то мы можем узнать смысл своей жизни. Получается, самопознание, ориентированное на познание своей сущности, продвигает наше представление не только о самом себе, но и о смысле собственной жизни.

Здесь я должен сделать неожиданный поворот: в каждом человеке светится божественная сущность. Представьте, мы узнали эту божественную сущность. Развивая собственную сущность, получается, я работаю с Богом и для Бога, я исполняю божественный замысел.

Складывается такая картина: мои персональные действия связаны с космическим (божественным) замыслом; я себя соединяю с космосом (Богом). Таким образом, чем занимается философия? Она человека из какого-то замкнутого пространства трансцендирует в безбрежное космическое пространство к космической сущности, или божественной сущности, если вы предпочитаете религиозную терминологию. Философия помогает увидеть и

услышать божественный замысел, который есть в человеке. Выражаясь словами Сократа, мы услышим свой даймоний, божественный даймоний. Философия приближает нас к нему, потому что философия – это сущностное мышление. Мы можем апеллировать к этому, общаясь либо в философском кафе, либо в студенческой аудитории, либо в разговоре с самим собой.

Таким образом, отвечая на вопрос, чем же философия является для меня, выделю сущностный компонент прежде всего. От него уже исходят выводы, позволяющие дополнить представление о философии и сделать его объемным. Это объемное представление не туманит философское знание, а, наоборот, проясняет.

Л.С.: В связи с Вашими словами вспоминается также тезис о том, что философия есть искусство вопрошания.

Николай Викторович, в начале нашего разговора Вы вспоминали свою докторскую диссертацию, которая была защищена в 1997 году. Расскажите, пожалуйста, чему она была посвящена.

Н.О.: Получилось так, что я защищал диссертацию в день своего рождения. Защита прошла успешно, и потому я рассматриваю защиту докторской диссертации как второй день моего рождения. Это было на философском факультете Санкт-Петербургского университета. К тому времени я без научного консультанта подготовил диссертацию под названием «Первые принципы философской антропологии».

Почему я поехал в Петербург? В 1997 г. только там была открыта специальность «философская антропология», в России больше нигде не было.

Л.С.: То есть это была одна из первых диссертаций по философской антропологии вообще в России?

Н.О.: Да, моя диссертация была второй. Первым был коллега из Петербурга. Тогда эта специальность называлась «философская антропология и философия культуры», потом добавлялись и убирались другие различные определения.

Тема человека интересовала меня со студенческих лет. В советской философской литературе не было философской антропологии,

но была проблема человека, была тема человека. И вдруг появляется новое направление. Естественно, мне захотелось поехать в Петербург и представить свою диссертацию.

Логика моей работы была следующей. Для того чтобы изучать любой предмет, мы должны стать на определенную точку зрения. Например, фотограф фотографирует с определенного ракурса, выбирает ту позицию, которая наиболее удачно передаст лица участников его будущей фотографии. Любой исследователь исходит из определенных предпосылок. Например, один говорит, что человек – ветошь, грязь; или, по Ницше, человек – это мост, его нужно преодолеть; или человек – от Бога. В общем, можно по-разному говорить. В итоге, когда мы посмотрим на само понятие «человек», оно рождается исходя из различных фотографических позиций. У меня была задача найти ту позицию, которую я бы хотел принять и из нее исходить для исследования и понимания человека. Потому работа и называется «Первые принципы...», то есть исходные принципы для понимания человека.

Многие тезисы являлись новыми и до сих пор не всегда разделяются философским сообществом. Например, тезис, который может казаться странным: я, как Джордано Бруно, исхожу из множества разумных миров, считая человека одним из бесконечного множества разумных существ в мире. Тут возникает вопрос: а уверен ли я в этом? Да, я уверен в этом. Я привожу аргументы в пользу бесконечного множества миров. И один из моих тезисов звучит парадоксально: мироздание, бесконечный космос рождает разумные цивилизации в бесконечном количестве для того, чтобы... не умереть. Для того чтобы космос существовал, ему нужен свидетель, свидетель, который говорит: «Космос есть!»

Получается парадокс: для существования космоса нужен свидетель, но этот свидетель существует всегда. У физиков, космологов есть «антропный принцип». Он говорит о том, что человек появляется на определенной ступени. Да, но помимо человека всегда присутствует какой-то наблюдатель. В качестве гипотезы допустим, что это так. Что получится? Получится, что мы можем умереть каждую секунду. Я имею в виду, что человечество может умереть. Оптимистической

программы для человека нет. Потому что, если оно погибнет, свидетелями будут другие разумные миры. Но у человека есть разум и потому есть оптимистическое настроение – мы можем выжить, нам достанет разума не уничтожить самих себя на этой планете.

У нас нет предопределенности. Первая позиция – нас ожидает Армагеддон, вторая позиция – все будет нормально. Я хочу сказать, у нас нет этого, исходя из множества миров. Множество миров предполагает, что, если человек существует на этой земле, он может закончить по-разному. Как выразился один писатель: и как негодяй, и как святой. Так может закончить свой земной путь любой человек и все человечество. У него нет предопределенной программы развития. Получается, каждую минуту человек должен задумываться над тем, чтоб себя не истребить.

Если полагать, что человек единственен, это значит, как говорил Сартр, он случаен. Тогда отношение к человеку будет другим.

Моя позиция: к человеку нужно бережно относиться, чтобы он раньше времени не погиб от своей бестолковой самоуверенности. Например, сегодня все говорят об экологии. Так нужно что-то делать, искать выходы.

Другой тезис связан с концепцией Альбера Камю. Человек находится в абсурде. Абсурд – норма бытия. Человек сам ничего не может. Абсурд изменить нельзя. Моя критика такова: для того чтобы изменить ситуацию абсурда, нужны другие исходные предпосылки, нежели у Альбера Камю. Камю дает неверные исходные предпосылки; поменяйте в своей голове установки, и будет все по-другому, абсурд уже не будет вечным – ему можно противостоять.

Иначе говоря, моя диссертация была посвящена поиску исходных предпосылок, которые позволяют дать адекватное знание о человеке. Это мой подход, с ним можно дискутировать. Я потому и хотел приглашать на конференцию разных авторов, чтобы услышать других, которые говорят о человеке, исходя из других позиций. Альтернативное мнение является ценным как возможный источник будущей истины.

Л.С.: Спасибо. Вы сегодня вспоминали имена очень разных философов. Николай Викторович, а любимые философы у Вас есть?

Н.О.: Есть очень много интересных авторов, которые привлекательны по разным основаниям, по глубине мысли, по легкости литературного стиля, или, наоборот, по сложности стиля. Гегель, например, великолепен в своем сложном стиле, но великолепен и в пояснениях. Мне нравится одна из основных идей Гегеля, что любой предмет внутренне противоречив.

Я уже упоминал Чернышевского. С ним я познакомился еще молодым человеком, когда узнал, что такое философия.

Некий ориентир, образец, примеры способа размышления о мире – это Джордано Бруно, Альбер Камю, Макс Шелер. О последнем особый разговор. Получилось так, что к тому времени, когда я начал писать докторскую диссертацию, появились первые переводы зарубежной философии. Среди них был Макс Шелер. Когда я почитал его, я понял, что мы братья по духу. Получилось так, что мои представления о мире в других терминах совпадают с ним. Не со всем я согласен, но «Положение человека в Космосе» произвело на меня впечатление. Это небольшая работа. Она издана на русском, на английском, на других языках. Для меня этот автор является наиболее близким по духу, особенно когда мы говорим о первых принципах понимания человека.

Л.С.: Философской антропологии?

Н.О.: Да, он один из ее основоположников. На мой взгляд, это и есть самый первый, реальный основоположник философской антропологии. Макс Шелер более глубок по сравнению с другими авторами. Когда читаешь, иногда дух замирает – настолько приятна глубина его мысли.

Другой автор, который мне понравился, – Евгений Трубецкой. Глубина его мысли впечатляет. Когда читаешь, получаешь разные виды наслаждения: интеллектуальное, эстетическое, обыкновенное человеческое. Когда читаешь Евгения Трубецкого, ты наслаждаешься тем, что ты познакомился с этим человеком. Он тебе что-то говорит, а ты радуешься, что он тебе это говорит. Его мысли по-прежнему актуальны, интересны. Я понимаю, что его религиозная концепция смысла жизни для светского человека, может быть, не совсем понятна. Но его настроение, его

духовное возвышенное состояние безупречно. Может быть, у него не настолько классический стиль, как у Альбера Камю, но он очень удачно подбирает определения, слова для выражения своих мыслей. Этому нужно учиться.

Л.С.: А над чем Вы сейчас работаете? Вы продолжаете линию, начатую докторской диссертацией, или сменили тематику?

Н.О.: Спасибо за вопрос. Краткий ответ: да. Я назову два направления. Первое – продолжение попытки помыслить человека с точки зрения смысла жизни. По моему мнению, наше сущностное мышление должно, если человек заинтересован в понимании смысла своей жизни, ориентироваться на то, что собой представляет твоя собственная сущность, или божественный замысел. Если я услышал свой даймоний, я должен ориентироваться на то, что говорит этот даймоний. Вот Сократу он подсказывал, чего не надо делать. А нам даймоний может подсказывать и что не надо делать, и что надо делать. Я предлагаю термин «истина даймония», мы должны верить в свой внутренний голос, мы должны чутко его слышать и слушать, поскольку он нас не обманывает.

Давайте попробуем помыслить нашу внутреннюю сущность, и она нам подскажет смысл жизни. Это одна из работ, которую я сейчас выполняю, занимаясь подготовкой и статей, и монографии на эту тему.

Еще одно выражение в контексте смысла жизни мне понравилось у Гегеля. Этот фрагмент касается истории философии: «История философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов»³. Как Вам нравится?

Л.С.: Великолепно.

Н.О.: Великолепно. Эта фраза просто прекрасна. Я хочу сказать, если человек услышал свой даймоний и действует по своей внутренней сущности или, как сказал бы религиозный человек, божественному замыслу, то может надеяться, что после себя он оставит «пантеон божественных образов». Если бы меня спросили о смысле человеческой жизни, я бы

ответил, что смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы после себя оставить пантеон божественных образов.

Второе направление, которое кажется мне любопытным, опять-таки связано с диссертацией. Я называю это светской, или философской, теологией.

Существует много комментариев религиозных текстов. Например, притча о Иове. Великолепная вещь, у которой существует множество интерпретаций. Мое стремление построить метафизику религии исходит из того, что я хочу понять, что скрывается за этими образами.

В Библии о Боге сказано: «Я есмь Сущий». Так говорит Бог. Иначе говоря, о Боге в Библии говорится, что он есть Бытие. Бог есть Бытие. Что значит Бытие? Это сущность мироздания.

Давайте попробуем помыслить, что будет дальше. Альтернативой Бога является дьявол. Но альтернативой бытия является ничто. Следовательно, мы дьявола можем интерпретировать через понятие ничто. Это негация, дьявол все отрицает. Тотальная негация, исходящая от дьявола, есть тотальная негация, исходящая от ничто.

Другой пример от Хайдеггера. Он один из авторов, который мне также нравится. Иногда говорят, что у него очень сложный стиль. Согласен, но вместе с тем там очень хорошая глубина мысли. У него есть такая дефиниция: Ничто первичнее, чем «нет» и отрицание. Обратите внимание, я говорю «нет», что-то отрицаю, а, по Хайдеггеру, за этим стоит фундаментальное понятие Ничто. Есть понятие «Бытие», а есть понятие «Ничто». Давайте попробуем помыслить, что будет получаться, если мы попытаемся противопоставить понятия Бытия и Ничто, или Бога и дьявола. А в итоге получается, что Бог как Бытие есть добро, есть истина, есть любовь, красота. А дьявол есть безобразие, ложь, все отрицательное. Таким образом сравнивая, получается, что у дьявола есть отрицательные характеристики, а у Бога положительные.

Я попытался сделать первый шаг к тому, что Бог – это не выдумка, это не фейербаховская антропологическая экстраполяция человеческих качеств. Нет, это некоторый образ бытия, точнее, его сущности, а не просто ка-

ких-то материальных аспектов. Бог нематериален, но сущность тоже нематериальна. Сущность есть некое отношение, его нельзя увидеть, можно только помыслить.

Давайте подумаем, может быть, Библия нам подсказывает еще какую-то истину, которую философия со своим логическим разумом не всегда может заметить. Может, другая религия нам что-то подскажет. Иначе говоря, человечество имеет разные способы восприятия истины.

Л.С.: Спасибо. Николай Викторович, я бы хотела поговорить о проекте, который начался больше десяти лет назад, и до сих пор продолжается у нас на кафедре. Это философская школа «Логос», которую Вы в свое время инициировали. Когда этот проект начинался, каков был изначальный замысел «Философской школы “Логос”»?

Н.О.: Спасибо за этот вопрос. Он очень приятный и интересный. Почему? Тут есть два аспекта. Первый: мне казалось, что если я люблю философию, то почему другим это недоступно? Наверное, все так же должны любить философию или могут любить философию. Я хотел предложить, чтобы наша кафедра и наши философы рассказали о философии, поделились со всеми, кто придет: школьниками, людьми с производства, из других вузов. Философская школа замысливалась просто: приходи, и мы тебе расскажем о философии. Может быть, у кого-то появится свой непосредственный интерес к философии, и он к нам придет на философский факультет, независимо от возраста.

Второй аспект – это профориентация. Мы приглашали ребят послушать. Они приходили в университет, и все знали: здесь есть философский факультет. У меня до сих пор такое ощущение, что философская школа «Логос», когда встречаются в аудитории слушатели и преподаватели, делает чуточку лучше и преподавателей, и слушателей, поскольку все они присутствуют по доброй воле. Никто никого не заставляет. И в это время идет разговор о философии в каком-то аспекте, но все же о философии.

Само название «Философская школа “Логос”» утверждает философию в этом мире, когда о ней хотят вообще забыть, сказать, что это никому не нужно и т. д. Когда в царской

России отменяли философию, то один министр сказал, что от философии польза сомнительна, а вред очевиден. Так вот я сегодня пытался сказать о пользе философии, которая более очевидна.

Л.С.: Очевидно, Вы пользой философии и руководствовались, когда начали процесс организации философского образования в ВолГУ. Расскажите о том, как открывалась специальность «Философия» в ВолГУ. Насколько это было сложно? Или не очень?

Н.О.: Это было интересно. У меня было такое ощущение, что мы начинаем новую жизнь. Когда я говорил «давайте откроем философию», все делали большие глаза и говорили: «Ты где хочешь открывать, в Волгограде?» Аргументы против были разные, например; 1) здесь нет достаточной культуры, и ты никогда ничего не сделаешь; 2) где взять преподавателей?; 3) это будет никому не интересно, к тебе никто не придет на факультет.

Но я исходил и исхожу из посылки, что каждый человек есть философ и обладает сущностным мышлением. Если у него есть настроение и есть желание, то все будет нормально. Я не думаю, что сейчас такое настроение, как было тогда, в 90-е гг., но в 1992 г. я впервые озвучил эту идею: давайте создадим философский факультет у нас в университете. Я тогда ректору М.М. Загорулько написал следующую записку: «Предлагаем открыть на историческом факультете отделение философии, тем самым положить начало философскому факультету в ВолГУ. В одной из своих работ академик Дмитрий Лихачев, подчеркивая высокий уровень русской культуры, отмечал, что Русь до XIX в. явно отставала от западных стран в науке и философии в западном смысле этого слова. По его мнению, причина этого кроется в отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования. Сегодня существует программа “Университеты России”. Думается, открытие философского факультета в ВолГУ соответствует целям и задачам данной программы. Ни в одном университете на Волге от Ярославля до Саратова нет философского факультета. Волгоградский университет располагает необходимым потенциалом, чтобы приступить к обучению студентов уже в сентябре 1992 года». Открыли в 1994 году.

Я написал это заявление, отдал служебную записку. Потом были организационные моменты, переговоры с министерством. Я не знаю, как они велись, но для нас было радостное удивление, «тихая радость», когда открыли философскую специальность. Мне кажется, это было правильное решение. Я и сейчас в этом уверен.

Когда что-то начинает двигаться, развиваться, там появляются внутренние импульсы, идет саморазвитие. Поэтому я надеюсь на то, что факультет будет саморазвиваться и импульсы будут исходить от коллег, от студентов, от аспирантов, магистрантов. Внутреннее развитие наиболее ценное. Исходя из внутреннего потенциала, человек понимает, что он может, когда это лучше сделать и т. д. В этом смысле я оптимист. Я надеюсь на то, что вновь открытая философская специальность будет прогрессировать благодаря потенциалу, который будет присутствовать и предлагать новые перспективы для развития.

Л.С.: В 2022 г. мы как раз пережили «тихую радость», когда после многих лет перерыва был возобновлен набор на теперь уже направление подготовки бакалавров «Философия». Что бы Вы могли пожелать нашим первокурсникам?

Н.О.: Я хочу сказать, что у меня оптимистическое настроение еще и потому, что на

факультете работают выпускники философского факультета. Например, Вы, другие коллеги. И в городе уже появились выпускники философского факультета. Это большое-большое достижение нашего образования, нашей идеи, наших усилий, которые мы прикладывали для этого.

Что касается пожелания: всегда оставаться верными философскому образованию, быть энтузиастами философского образования. У К.С. Станиславского есть такая фраза: любите искусство в себе, а не себя в искусстве. Перефразируя это выражение, я бы сказал, обращаясь к студентам: любите философию в себе, а не себя в философии.

Л.С.: Большое спасибо за пожелание и за интересную беседу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник Российского философского общества. 2007. № 3.

² The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions / ed. by N. Omelchenko. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 355 p. URL: <https://www.cambridgescholars.com/product/978-1-4438-0143-0>

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 219.

Information About the Authors

Nikolai V. Omelchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Fulbright Scholar-in-Residence (Mansfield University, Mansfield, PA, USA, 2001–2002), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2006), Volgograd, Russian Federation, nomelchenko1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5381>

Lyubov S. Solovieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>

Информация об авторах

Николай Викторович Омельченко, доктор философских наук, профессор, фулбрайтовский стипендиат (Mansfield University, PA, USA, 2001–2002), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2006), г. Волгоград, Российская Федерация, nomelchenko1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5381>

Любовь Сергеевна Соловьева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>

www.volsu.ru

ПОНЯТИЕ ΑΪΡΕΣΙΣ (ЕРЕСЬ) В ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.2>

UDC 1(09)
LBC 87.3(0)4

Submitted: 28.10.2023
Accepted: 16.11.2023

THE PROBLEM OF JUSTICE IN THE ANTI-HERETICAL DISCOURSE OF ST. HIPPOLYTUS OF ROME

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines one of the key episodes of the semantic transformation of the moral and political category of justice, its fate in the era of the Christianization of philosophy. The article analyzes a Greek-language polemical treatise of the 3rd century A.D., known as the “Philosophoumena” (or more precisely, “Philosophical Opinions, or a Refutation of All Heresies”), recently attributed to Hippolytus of Rome, a prominent representative of pre-Nicene patristics. The article shows that in this treatise, justice appears as a significant concept used in a number of contexts. First of all, the author of the treatise is armed with justice for the trial of heretics, criticizes their own claims to justice. He argues that all heresies are a direct consequence of Greek philosophical teachings, and for this reason, justice occupies an essential place in the retelling and quotations of classical ancient Greek thinkers. At the same time, justice is an important component of various heretical cosmologies, theologies, and traditions of social organizations. In addition, justice appears as a theological attributive category: in heretical teachings, Christ is referred to as the fairest man, and one of several gods of pluralistic Gnostic theology is endowed with the property of justice. Hippolytus himself uses the category of justice in the narrative of “divine economy”, where it is associated with the appearance of “the law and the prophets” and the incarnate Messiah. Thus, Hippolytus’ anti-heretical discourse reflects the contradictory image of late-Antique philosophy and the early history of Christianity and shows justice as a term relevant both for the ancient philosophical tradition of the late Roman period and for the emerging heretical and “orthodox” Christian religious traditions.

Key words: justice, Hippolytus of Rome, heresies, antiheretic treatises, early Christianity.

Citation. Karchagin E.V. The Problem of Justice in the Anti-Heretical Discourse of St. Hippolytus of Rome. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 17-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.2>

УДК 1(09)
ББК 87.3(0)4

Дата поступления статьи: 28.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В АНТИЕРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СВ. ИПОЛИТА РИМСКОГО

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье осмысливается один из ключевых эпизодов семантической трансформации морально-политической категории справедливости, ее судьбы в эпоху христианизации философии. В статье анали-

зируется грекоязычный полемический трактат III в., известный под названием «Философуммена» (более точное название – «Философские мнения, или Обличение на все ереси»), атрибутированный Ипполиту Римскому, яркому представителю доникейской патристики. Показано, что в данном трактате справедливость фигурирует как значимое понятие, используемое в целом ряде контекстов. Прежде всего автор трактата вооружен справедливостью для суда над еретиками, критикует собственные претензии на праведность (справедливость) со стороны еретиков. Он утверждает, что все ереси суть прямое логическое следствие греческих философских учений и по этой причине справедливость занимает существенное место в пересказе и цитатах классических древнегреческих мыслителей. Одновременно справедливость есть важная составная часть разнообразных еретических космологий, теологий и систем общественного устройства. Помимо этого, справедливость фигурирует как теологическая атрибутивная категория: в еретических учениях Христос именуется как справедливейший человек, а свойством справедливости наделяется только один из нескольких богов плюралистической гностической теологии. В свою очередь сам Ипполит задействует категорию справедливости в нарративе «божественного домостроительства», где она связана с появлением «закона и пророков» и вочеловечившегося мессии. Тем самым антиеретический дискурс Ипполита отображает противоречивый образ позднеантичной философии и начальной истории христианства и показывает справедливость как термин, актуальный как для античной философской традиции позднеимперского периода, так и для появившихся «еретической» и «ортодоксальной» христианской религиозных традиций.

Ключевые слова: справедливость, Ипполит Римский, ереси, антиеретические трактаты, раннее христианство.

Цитирование. Карчагин Е. В. Проблема справедливости в антиеретическом дискурсе св. Ипполита Римского // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 17–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.2>

Введение

Справедливость – категория, имеющая ключевое значение для восприятия регулятивных принципов общественной жизни. Поэтому ее трансформация представляется неизбежной. Один из самых интересных эпизодов семантической трансформации справедливости – ее судьба в эпоху поздней античности, то есть периода «христианизации» философии. Эта «судьба» обусловлена несколькими значимыми обстоятельствами того времени. Во-первых, это все еще классическая категория афинской морально-философской традиции, одна из четырех аρεте, кардинальных добродетелей. Во-вторых, на ее интерпретацию влияют разные традиции осмысления праведности религиозного толка. В-третьих, справедливость является морально-этической рамкой древневосточных мифологических традиций. Таким образом, понимая справедливость как категорию, описывающую фундаментальные основы общественных отношений, мы продолжаем рассматривать ее изменения на данном этапе развития европейской интеллектуальной традиции¹.

Обращение к понятию справедливости в антиеретическом дискурсе раннесредневековой философии актуально, потому что демонстрирует особенности семантического пере-

хода и показывает новые смысловые ниши фундаментальных морально-политических категорий античного и средневекового мира. Здесь можно выделить два ракурса: 1) содержательный, как смена значения самого понятия и 2) практический, как критика и оправдание на основе принципа справедливости неверности ересей и наказания еретиков. Второй ракурс интересен еще и тем, что данные критические выпады и полемический пафос принадлежат эпохе II–III вв., когда христианские мыслители еще сами были вынуждены защищаться от внешней критики и занимали апологетическую позицию.

Материалы и методы

В статье я обращаюсь к грекоязычному антиеретическому трактату III в., известному под названием «Философуммена» (Φιλοσοφούμενα ἢ κατὰ πασῶν αἱρέσεων ἐλέγχος, *Philosophumena sive omnium haeresium refutatio* – «Философские мнения, или Опровержение всех ересей»). Надо сказать, что оригинальное название всего трактата – это именно «Опровержение всех ересей (Ὁ κατὰ πασῶν αἱρέσεων ἔλεγχος)». Но поскольку его первая книга, посвященная изложению философских учений, переписывалась часто и отдельно, так как «видимо, уже в средние века она использова-

лась как учебник» [Ткаченко 2011, 214], постольку ее авторский заголовок был затем перенесен и на заглавие всего трактата.

Трактат только сравнительно недавно был атрибутирован Ипполиту, а до того его авторами считался Ориген и др. Дискуссионного вопроса авторства я не касаюсь, и принимаю авторство св. Ипполита Римского, довольно значительной фигуры доникейской патристики². Ипполит Римский считается учеником Ириния Лионского и продолжателем его полемической деятельности. Как отмечает А.А. Ткаченко: «Значительная часть сочинения основана на трактате “Против ересей” сщмч. Ириния Лионского. Однако автор добавляет ряд новых сведений, источников и учений, неизвестных сщмч. Иринию» [Ткаченко 2011, 214]. Благодаря этому текст трактата является ценным доксографическим источником по истории философии и античной науки [Афонасин 2005]³.

Этот трактат примыкает к целому корпусу антиеретической христианской литературы. Как отметил В.М. Лурье, изучение «ересиологических справочников», где описываются актуальные (в «Панарионе» Епифания Кипрского, написанного во второй половине IV в. их насчитывается восемьдесят!) еретические доктрины, необходимо для «знания общей «карты» христианского богословия» [Лурье 2006, 537–538]. При том что богословие Ипполита остается на уровне апологетов II века: «его доктрина о Слове так же (если не больше) сложна и запутанна, как и учение Татиана и Юстина» [Жильсон 2004, 35].

Трактат содержит десять книг. Однако в имеющихся рукописях имеется существенная лакуна. Это касается второй, третьей и начала четвертой книги. В первых четырех книгах автор подробно рассматривает разные философские учения (прежде всего древнегреческие, но также касается и учений индийских брахманов) и целый ряд мифологических языческих преданий (от Гесиода до магии и астрологии). В книгах с пятой по девятую описываются многообразные еретические учения с древности до II века. В десятой, заключительной книге, автор после краткого резюме изложенного, формулирует основные положения «истинного учения». Текст переводился на русский язык не единожды, одна-

ко только сравнительно небольшими частями и полного перевода до сих пор нет⁴.

Проблема текста

Какова роль понятия справедливости в данном тексте? Нам было важно выявить смысловое местоположение этого понятия в трактате. Мы рассмотрим контексты, в которых проявляется проблематика справедливости. Проводимый анализ нацелен на выявление смыслов, связанных с нравственным порядком, справедливостью и праведностью, то есть терминами, имеющими корень *-dik-*⁵.

Собственно, уже в начале трактата Ипполит стремится «справедливо судить» о еретических учениях: еретики «подвергнутся праведному суду (*δικαίως κριθῶσι*)» [Ипполит 2008, 344–345]⁶. Для чего автору начинать трактат, направленный на опровержение христианских заблуждений, с учений древнегреческих философов? Ответ на это вопрос можно получить, обратившись к весьма характерному месту трактата, в котором удачно для целей статьи одновременно присутствуют термин справедливость и выражается главный «методологический принцип» трактата. Так, в шестой главе Ипполит пишет, что гностик Валентин «по справедливости» должен быть назван пифагорейцем и платоником, а не христианином, так как именно «из этого учения, а не из Евангелий, Валентин собрал во едино свою собственную ересь» [Hippolytus 1986, 6, 29, 1]⁷. В свою очередь Ноета Ипполит считает последователем Гераклита, сливающим все в одно. Так, его последователи говорят, что: «Один и тот же Бог является Отцом и Демиургом всего сущего, которому было угодно, хотя и невидимо, явиться древним праведникам (*δικαίους*)». Отец смешивается с Сыном. «Когда Отец еще не родился, его справедливо (*δικαίως*) называли “отцом”. Но когда отец изволил произвести рождение, он родился и стал своим собственным сыном, а не сыном другого» [Hippolytus 1986, 9, 10, 10–11].

В целом, это можно назвать базовым принципом Ипполита: он утверждает, что ереси суть следствие греческих философских учений. Помимо отмеченных выше Валентина и Ноета он описывает следующие зависимости: Иустин Гностик зависит от Геродота;

Василид от Аристотеля; Маркион от Эмпедокла; Симон Маг от Гераклита; Гермоген от Сократа; энкратиты от киников. Это весьма серьезное обвинение и интересное критическое основание, так как с его помощью можно обвинить каппадокийский кружок в аристотелизме, автора Ареопагитик в неоплатонизме и т. д. Иными словами, в трактате ставится проблема границ ортодоксии и ереси.

Справедливость в пересказах учений философов

Чаще всего термин встречается в развернутом пересказе учения Платона. Существенное место она занимает в пересказе платоновского учения о душе и ее посмертной судьбы: «он говорит, что и приговоры существуют после смерти, и в Аиде – суды, и благие души в качестве вознаграждения получают благо, дурные же – соответствующие наказания» [Ипполит 1995, 102]⁸ и его противников: «Другие же это отрицают, но считают, что каждая душа получает место по достоинству, в доказательство приводя его слова о том, что некоторые души находятся вместе с Зевсом, другие, принадлежавшие хорошим людям, сопровождают других богов, а третьи избывают вечные наказания – это те, которые в течение этой жизни совершали низкие и несправедливые поступки» [Hippolytus 1986, 1, 19, 13]⁹.

Появляется справедливость и в перечне четырех главных добродетелей: «рассудительность, целомудрие, справедливость, мужество (φρόνησις, σωφροσύνη, δικαιοσύνη, ἀνδρεία)» [Hippolytus 1986, 1, 19, 16], при этом «каждой из них соответствуют два порока, из-за избытка и недостатка. Например, ...справедливости – меньшее обладание ею по недостатку и излишек ее по избытку» [Ипполит 1995, 103]¹⁰. Далее справедливость предстает в качестве составной части счастья, понимаемого Платоном как конечной человеческой цели: «О счастье же он говорит, что это сильное уподобление богу. Уподобление же, это когда становишься благочестивым и справедливым с помощью рассудительности» [Ипполит 1995, 103]¹¹. И одновременно несправедливость отождествляется со злом: «Он говорит, что прегрешения невольны. Ведь в

самое прекрасное из всего, что в нас есть, а это – душа, никто не принял бы зла, то есть несправедливости. По незнанию блага, по ошибочному пониманию его, люди, думая, что совершают нечто прекрасное, впадают во зло» [Ипполит 1995, 103]¹². В подкрепление этого Ипполит цитирует, как он пишет, очень ясное место из «Государства» [Hippolytus 1986, 1, 19, 21], хотя на самом деле цитируется диалог «Критофонт»: «Вы же утверждаете, что несправедливые люди несправедливы не по невежеству и невоспитанности, но по доброй воле, а с другой стороны, осмеливаетесь говорить, что несправедливость позорна и ненавистна богам. Так почему же вы добровольно избираете себе подобное зло? Да потому, отвечаете вы, что все люди подчиняются наслаждениям. Но ведь это – невольное побуждение, в то время как победа над ним в нашей власти, не правда ли? Таким образом, наше рассуждение показывает, что несправедливость во всех отношениях бывает невольной и каждому человеку» [Платон 1994, 576].

Другие греческие философы появляются в нашем контексте уже только по одному разу. Так, Аристотель учил о внутренних добродетелях души согласно с Платоновским перечнем, состоящим из тех же четырех аρεте [Hippolytus 1986, 1, 20, 6]. Эпикур утверждал, что «нет ни судов во аде, ни судилищ (δικαστήρια), так что, если кто совершил в этой жизни что-либо (злое) и скрыл, остается совсем безнаказанным»¹³. Справедливость, точнее Правда (Дикэ) всплывает при упоминании Пифагора и его изречения: «Если ты вдали от дома, не поворачивай назад. Иначе Фурии, помощницы Дикэ (Δίκης), накажут вас» [Hippolytus 1986, 6, 26, 1]. Перед непосредственным цитированием известного фрагмента Гераклита о Логосе (DK 50) – «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно» [Фрагменты... 1989, 199] – Ипполит пишет, что «Гераклит утверждает, что все делимо [и] неделимо, рождено [и] нерождено, смертно [и] бессмертно, логос [и] вечность, отец [и] сын, бог [и] справедливый»¹⁴. Это крайне любопытное место, поскольку последние три пары могут быть прочитаны в современном для эпохи Ипполита ключе, например, Маркионовом.

Наконец, справедливость фигурирует при упоминании Эмпедокла. В данном случае речь идет как раз о Маркионе, который обвиняется в следовании учению Эмпедокла, построенном на абсолютном противопоставлении добра и зла. Здесь учение о праведном (δίκαιον) Логосе упускает человеческие свойства Иисуса: «Ибо Эмпедокл говорит, что космосом управляет злой Раздор, а другим мыслимым [миром] – Любовь, в то время как между двумя противоположными принципами находится справедливый Логос (δίκαιον λόγος), которым вещи, разделенные Раздором, объединяются и Любовью присоединяются к Единому. Но тот же самый справедливый Логос (δίκαιον λόγος), сражающийся на стороне Любви, Эмпедокл провозглашает Музой и призывает ее сражаться на его стороне... Следуя этому, Маркион полностью отвергает рождение нашего Спасителя, считая невозможным, чтобы Слово, которое борется заодно с любовью (то есть с Добром), было рождено в подчинении к телесному образованию разрушительного Раздора» [Hippolytus 1986, 7, 31, 3].

Астрология и египетская космология

Астрологический разворот сохранившейся части четвертой книги показывает, что справедливость может быть свойством знаков зодиака. В частности, справедливыми (δίκαιοι) являются люди, рожденные под знаками Тельцов, а под знаками Весов – «беспечными (кому невыгодно совершать какой-либо несправедливый (ἀδίκως) поступок)» [Hippolytus 1986, 4, 21, 2].

В пересказе египетской теологии и космогонии справедливость и ее противоположность образуют фундаментальную пару жизни и смерти: «Свет соответствует единице, и мрак – двойце, и свету естественна жизнь, а двойце – смерть, и жизни – правда, а смерти – несправедливость»¹⁵.

Плюралистическая теология

Важную роль все же играет теология, то есть учение о Боге. И здесь мы встречаем стандартное гностическое учение о двух разных богах. При этом один из них целенаправ-

ленно и явно наделяется свойством справедливости. Как утверждает Ипполит, согласно Кердону, есть два разных бога: один справедливый, другой благой. Отталкиваясь подобным образом от еретиков и от Симона, «Он говорит, что бог, провозглашенный Моисеем и пророками, не является отцом Иисуса Христа. Это происходит потому, что бог, провозглашенный Моисеем, может быть познан, в то время как отец Христа неизвестен. Первый справедливый, в то время как второй благой (καὶ τὸν μὲν εἶναι δίκαιον, τὸν δὲ ἀγαθόν)»¹⁶. Апеллес также различает этих богов, однако добавляет к ним еще двоих, говоря так: «Есть некий добрый Бог, как предполагал Маркион; тот, кто сотворил все, справедливый (δίκαιον), он же все и устроил; есть и третий, пламенный (πύρινον), который говорил с Моисеем, и еще четвертый, причина зла»¹⁷.

Отметим, что здесь присутствует справедливость и как некий общий принцип Вселенной. Так, Маркион Понтийский и Кердон, его наставник, сами также утверждают, что существуют три начала всего – добро, справедливость и материя (ἀγαθόν, δίκαιον, ὕλην) [Hippolytus 1986, 10, 19, 1]. «Однако некоторые ученики добавляют к ним четвертое, говоря: добро, справедливость, зло и материя (τινὲς δὲ τούτων μαθηταὶ <καὶ τετάρτην> προστιθέασι, λέγοντες ἀγαθόν, δίκαιον, πονηρόν, ὕλην)» [Hippolytus 1986, 10, 19, 2]. «Но все они утверждают, что доброе (Существо) вообще ничего не сотворило, хотя некоторые называют справедливого таким же злым, в то время как другие утверждают, что его единственный титул – справедливый. И они утверждают, что (справедливое Существо) сотворило все вещи из подчиненной материи, ибо он сотворил их не хорошо, а иррационально» [Hippolytus 1986, 10, 19, 2]¹⁸.

Христос как справедливейший человек

Очевидно значение личности Иисуса Христа в теологических построениях еретических доктрин, претендующих на звание христианства. Так, согласно Карпократу, Иисус был рожден Иосифом как все обычные люди, но при этом был более справедливым, более праведным (δικαιότερον) чем другие [Hippolytus 1986, 7, 32, 1]. Сходное уче-

ние о Христе принадлежит Керинфу, по его словам, Христос такой же, как и все другие люди, но был более справедливым и мудрым, чем они [Hippolytus 1986, 7, 33, 1]. Керинф говорит, что «Иисус не был рожден от Девы, но родился от Иосифа и Марии таким же образом, как и все остальное человечество, и что Он превосходил всех остальных людей справедливостью (δικαιοσύνη), целомудрием (σωφροσύνη) и умом» [Hippolytus 1986, 10, 21, 3]. Эбиониты оправдываются через Моисея, они «говорят, что космос возник из истинного Бога; но говорят о Христе так же, как Керинф. И они во всем живут по Закону Моисея, объявляя себя таким образом оправданными (δικαιοῦσθαι)» [Hippolytus 1986, 10, 22, 1]. Личность Иисуса Христа тем самым совершенно антропна, хотя и содержит элемент «перфекционизма».

Ложные праведники

Критический, «судящий» пафос прамбулы трактата, направленный на праведность-справедливость еретиков, сохраняется и в других местах текста. В контексте критики энкратитов Ипполит словами апостола Павла борется с их мнимой праведностью: «Ибо всякое творение Божие хорошо, и нельзя отвергать ничего, что принимается с благодарением; ибо оно освящается словом Божьим и молитвой... Итак, этого слова блаженного Павла достаточно для опровержения тех, кто так живет и почитает себя праведными (δικαίωv), и чтобы показать, что и это есть ересь» [Hippolytus 1986, 8, 2, 3].

В девятой книге Ипполит пишет, что некий Алкивиад, уже после широкого распространения учения Каллиста, продвигал учение некоего праведника Эльхасая как ниспосланное ангелом [Hippolytus 1986, 9, 13, 2]. Елхасай проповедовал необходимость клятвы перед крещением и принятием на себя обязательства новой жизни не делать несправедливости в такой формулировке: «я больше не буду грешить, прелюбодействовать, красть, творить несправедливость (οὐκ ἄδικήσω), не буду брать лишнего (οὐ πλεονεκτήσω), не буду лелеять ненависть, нарушать веру, получать удовольствие от каких-либо злых поступков» [Hippolytus 1986, 9, 15, 6].

Справедливость в рассказе о ессеях

В контексте критического восприятия автора трактата претензий на праведность со стороны «еретиков», отдельного внимания заслуживает рассказ о ессеях, где несколько раз появляется справедливость. Так, при допуске в эту «секту» человек: «клянется страшной клятвой. Прежде всего почитать божественное, затем соблюдать справедливость в отношении людей, ни в коем случае не обижать кого-либо, не испытывать ненависти ни к обидчику, ни к врагу, молиться за них, содействовать справедливым, соблюдать верность по отношению ко всем, а особенно к должностным лицам (секты), ибо без содействия бога никто не становится руководителем» [Ипполит 1971, 371]¹⁹. Ипполит описывает также процедурные особенности справедливого судопроизводства. «На судах они чрезвычайно тщательны и справедливы. Они судят, собравшись не менее ста человек» [Ипполит 1971, 371–372]²⁰. И обращается к теме посмертного суда для неправедных. «Учение ессеев о божественном возникло ранее, чем у всех других народов; это видно из того, что все те, кто осмелился говорить о боге или о сотворении мира, восприняли основы именно из иудейского учения, а не какого-либо другого. А более всего заимствовали (это учение) Пифагор и стоики, научившиеся у египтян. Они (ессеи) говорят, что будет суд и все сгорит, и все неправедные (ἁδίκους) будут наказаны навечно» [Ипполит 1971, 373]²¹. Возможно, что Ипполит вполне осознанно заканчивает этим рассказом о посмертной участи человеческой души, имея в виду начало своего обзора и учение о душе Платона. Очевидно, что рассуждения о посмертной справедливости – важный лейтмотив мышления о справедливости.

Справедливость в учении Ипполита

Наконец, трижды справедливость фигурирует в позитивной части, в учении, которое Ипполит излагает как истинное и единственно верное. В этих фрагментах неожиданно оказывается проявлена историческая логика «божественного домостроительства», включающая «закон и пророки» и воплотившегося

мессию. Так, «закон был установлен праведными мужами древности. Ближе к нашему времени закон был установлен вышеупомянутым Моисеем, мужем почтенным и боголюбивым. Он поставил закон, полный строгости и справедливости» [Hippolytus 1986, 10, 33, 10]. Пророки: «Всем этим руководит Слово Божье, Первороденный Сын Отца, глас предрассветного света. После этого появились на свет мужи праведные (δίκαιοι), друзья божи. Они были названы пророками из-за того, что заранее предсказывали грядущее» [Hippolytus 1986, 10, 33, 11]. Наконец, о Христе Ипполит пишет, что он имеет подлинную человеческую природу. Это есть условие его справедливости и благодати. «Ибо если бы этот Человек случайно был из другой сущности [отличной от нашей], зачем бы ему приказывать мне, слабому по природе, делать то же, что и Он Сам? И насколько Он тогда благ и справедлив (ἀγαθὸς καὶ δίκαιος)?» [Hippolytus 1986, 10, 33, 17].

Таким образом в позитивной части трактата справедливость фигурирует как имя для свойства закона Моисея, свойства боголюбивых людей древности и божественного свойства (последнее в контексте христологии).

Раннехристианский философско-теологический синтез

«Опровержение всех ересей» Ипполита олицетворяет многие сложности противоречивого союза философии и христианского откровения. Главными интеллектуальными оппонентами и соперниками для христиан первых веков были гностические учителя, что отражает трактат Ипполита. «По своей типологии, гностическое мышление – паранаучная и парафилософская форма мысли, к сути которой принадлежит отказ от метода и от отграничения понятий, отсутствие критериев, отмечающих достоверно выведенное или усмотренное от привнесений фантазии и произвола» [Хоружий 2000, 297]. В таком случае еретики использовали «нерациональную» часть философии, в то время как христианские мыслители или «настоящие» философы вооружились рациональной, категориальной частью. Ипполит в этом противостоянии очевидно занимает «антифилософскую» позицию, не проявляя

симпатий к греческой философской традиции по понятной причине.

Однако, в целом, абсолютного противостояния, выраженного, например в знаменитом Тертуллиановом противопоставлении Афин и Иерусалима, мы не можем найти в раннехристианской мысли. Так как и сам Тертуллиан, очевидно, испытал влияние со стороны стоицизма. Известное латинское выражение *philosophia ancilla theologiae* («философия – служанка богословия») требует смысловой корректировки. В христианском античном и средневековом понимании христианство и философия могли отождествляться. К примеру, по выражению Максима Исповедника: «Христианин любомудрствует тремя способами: заповедями, догматами и верой. Заповеди отделяют ум от страстей, догматы вводят его в ведение сущих, а вера – в созерцание Святой Троицы» [Максим Исповедник 1993, 139]. И в целом в течение почти всего византийского времени философией часто именовалась монашеская жизнь как «цельная бескомпромиссная форма следования Христу» [Dölger 1953, 199]. Как отмечал Ф. Коплстон: «Логические и философские категории могли, конечно, использоваться как орудия теологии и для развития всеобъемлющего христианского истолкования мира. Однако в том, что касается знания о Боге и о цели или задаче человеческой жизни, поиски истины уступили место обладанию ею» [Коплстон 1997, 31]. Проблема заключается в пропорциях и соотношении этих двух традиций. Иными словами, проблематичной становится не философия как таковая и ее интеллектуальный инструментарий, а ее отдельные представители и их учения.

Заключение

Итак, в данном сочинении св. Ипполита справедливость фигурирует как фоновое понятие, по понятным причинам не бывшее предметом самостоятельного рассмотрения. Однако, сам автор вооружен справедливостью для суда над еретиками, критикует претензии на праведность со стороны еретиков. Справедливость также упоминается как важная составная часть космологий и теологий еретических и древних учений. Она приводит-

ся в пересказе и цитатах древнегреческих философов, в рассказах о загробной участи у Платона и эссеев. Справедливость фигурирует как свойства Христа и Бога. При этом в еретических учениях Христос именуется как справедливейший человек, но именно только как человек, а справедливым называется один из нескольких богов плюралистической гностической теологии. В то время как сам Ипполит упоминает справедливость в нарративе «божественного домостроительства», где она связана с появлением «закона и пророков» и вочеловечившегося мессии.

Таким образом «Опровержение всех ересей» олицетворяет многие сложности противоречивого союза философии и христианского откровения II–III вв. н. э., а антиеретический дискурс Ипполита отображает противоречивый образ начальной истории христианства, внутри которого справедливость выступает как категория, актуальная и для античной философской традиции, и для формирующихся еретической и «ортодоксальной» христианской религиозных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. другие публикации автора по теме справедливости и становления философских категорий в эпоху поздней античности и раннего средневековья: [Карчагин, Токарева, Яворский 2017; О добродетелях 2017; Карчагин, Яворский 2021; Карчагин, Токарева, Яворский 2021; Карчагин 2022].

² Личность и состав корпуса произведений Ипполита остаются предметом дискуссий: [Cerrato 2002].

³ Подробный разбор философской доксиграфии трактата см.: [Афонасин 2006а; Афонасин 2006б].

⁴ В то время как, к примеру, на английском языке есть несколько полных переводов: [Hippolytus 1921; Hippolytus 2016].

⁵ Для обнаружения упоминаний о справедливости был произведен поиск по базе древнегреческих текстов (TLG – *Tesaurus Linguae Graecae*), где размещен наиболее авторитетный оригинальный текст источника: [Hippolytus 1986]; три цифры цитирования воспроизводят последовательность по схеме book, chapter, section. Цитаты на русском языке приводятся по имеющимся переводам. Иногда для иллюстрации и удобства читателя в текст перевода я включаю греческий оригинал терминов, связанных со справедливостью. В случае цитирования

других, непереуведенных на русский язык, частей трактата я привожу свой перевод.

⁶ «ἀλλ' ἐπεὶ ὄρω μὴ δυσωπουμένους αὐτοὺς τὴν ἡμετέραν ἐπιείκειαν μὴδὲ λογιζομένους ὡς θεὸς μακροθυμεῖ ὑπ' αὐτῶν βλασφημούμενος, ὅπως ἢ αἰδεσθέντες μετανοήσωσιν ἢ ἐπιμείναντες δικαίως κριθῶσι, βιασθεὶς πρόειμι δεῖξω αὐτῶν τὰ ἀπόρητα μυστήρια» [Hippolytus 1986, 1, 1, 2].

⁷ «Τοιαύτη τις, ὡς ἐν κεφαλαίοις εἶπεῖν ἐπελθόντα, ἡ Πυθαγόρου καὶ Πλάτωνος συνέστηκε δόξα, ἀφ' ἧς Οὐαλεντίνος, οὐκ ἀπὸ τῶν εὐαγγελίων, τὴν αἵρεσιν τὴν ἑαυτοῦ συναγαγών, ὡς ἐπιδείξομεν, δικαίως <ἄν> Πυθαγορικὸς καὶ Πλατωνικὸς, οὐ Χριστιανός, λογισθεῖη».

⁸ «οἱ δὲ ἀθάνατον αὐτὴν εἶναι λέγοντες μάλιστα ἐκείνοις <ς> ἰσχυρίζονται, <ἐν> ὅσοις <ς> καὶ κρίσεις φησὶν εἶναι μετὰ τελευτῆν καὶ ἐν Ἄιδου δικαστήρια, καὶ τὰς μὲν ἀγαθὰς ἀγαθοῦ μισθοῦ τυγχάνειν, τὰς δὲ πονηρὰς ἀκολούθων δικῶν» [Hippolytus 1986, 1, 19, 11].

⁹ «οἱ δὲ οὐ, ἀλλὰ τόπον λαγχάνειν κατ' ἄξιαν ἐκάστης <ν>, καὶ χρῶνται μαρτυρίῳ, ὅτι φησὶ μετὰ Διὸς τινὰς εἶναι, ἄλλους δὲ μετὰ ἄλλων θεῶν συμπεριπολοῦντας τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν, τοὺς δὲ ἐν κολάσεσιν ὑπάρχειν αἰωνίαις, ὅσοι πονηρὰ καὶ ἄδικα παρὰ τοῦτον τὸν βίον εἰσὶν ἐξεργασμένοι» [Hippolytus 1986, 1, 19, 13].

¹⁰ «τῇ δὲ δικαιοσύνῃ μειονεξίαν κατὰ μείωσιν, πλεονεξίαν καθ' ὑπερβολήν» [Hippolytus 1986, 1, 19, 16].

¹¹ «τὴν δὲ εὐδαιμονίαν εἶναι φησὶν ὁμοίωσιν θεῶν κατὰ τὸ δυνατόν· τὴν δὲ ὁμοίωσιν τῷ θεῷ, ὅταν τις ὅσιός τε καὶ δίκαιος γένηται μετὰ φρονήσεως» [Hippolytus 1986, 1, 19, 17].

¹² «Ἀκούσια δὲ φησὶν εἶναι τὰ ἀμαρτήματα· εἰς γὰρ τὸ κάλλιστον τῶν ἐν ἡμῖν, ὅπερ ἐστὶν ἡ ψυχὴ, οὐκ ἄν τινα τὸ κακὸν παραδέξασθαι, τουτέστι τὴν ἀδικίαν· κατὰ ἄγνοιαν δὲ <τινας> καὶ σφάλμα τοῦ ἀγαθοῦ, οἰομένους καλὸν τι ποιεῖν, ἐπὶ τὸ κακὸν ἔρχεσθαι» [Hippolytus 1986, 1, 19, 20].

¹³ «ᾧ ἀκολουθεῖ μῆτε κρίσεις εἶναι ἐν Ἄιδου μῆτε δικαστήρια, ὡς ὅτι ἄν δράση τις ἐν τῷ βίῳ τούτῳ καὶ διαλάβῃ, ἀνεύθυνον εἶναι παντελῶς» [Hippolytus 1986, 1, 22, 5].

¹⁴ «Ἡράκλειτος μὲν οὖν φησὶν εἶναι τὸ πᾶν διαιρετὸν ἀδιαίρετον, γενητὸν ἀγένητον, θνητὸν ἀθάνατον, λόγον αἰῶνα, πατέρα υἱόν, θεὸν δίκαιον» [Hippolytus 1986, 9, 9, 1].

¹⁵ «προσφεκίεται δὲ τῇ <μὲν> μονάδι τὸ φῶς, τῇ δὲ δυάδι τὸ σκότος· καὶ τῷ μὲν φωτὶ κατὰ φύσιν ἡ ζῶη, τῷ δὲ σκότει ὁ θάνατος· καὶ τῇ μὲν ζῳῇ <ἡ> δικαιοσύνη, τῷ δὲ θανάτῳ ἡ ἀδικία» [Hippolytus 1986, 4, 43, 12].

¹⁶ «Κέρδων δὲ τις, καὶ αὐτὸς <τὰς> ἀφορμὰς ὁμοίως παρὰ τούτων λαβὼν καὶ Σίμωνος, λέγει τὸν ὑπὸ Μωσέως καὶ προφητῶν κεκηρυγμένον θεὸν μὴ εἶναι πατέρα Ἰησοῦ Χριστοῦ· τοῦτον μὲν γὰρ ἐγνώσθαι, τὸν δὲ τοῦ Χριστοῦ πατέρα εἶναι ἄγνωστον»

καὶ τὸν μὲν εἶναι δίκαιον, τὸν δὲ ἀγαθόν» [Hippolytus 1986, 7, 37, 1].

¹⁷ «Ἐπελ<λ>ῆς δέ, καὶ <αὐτὸς> τούτων <μαθητῆς> γενόμενος, οὕτως λέγει εἶναι τινα θεὸν ἀγαθόν, καθὼς καὶ Μαρκί(ων) ὑπέθετο· τὸν δὲ <τὰ> πάντα κτίσαντα εἶναι δίκαιον – ὃς τὰ γενόμενα ἐδημιούργησε· – καὶ τρίτον <δὲ εἶναι ἕτερον>, τὸν Μωσεῖ λαλήσαντα – πύρινον δὲ τοῦτον εἶναι – εἶναι δὲ καὶ τέταρτον ἕτερον, <τὸν τῶν> κακῶν αἴτιον· τούτους δὲ ἀγγέλους ὀνομάζει» [Hippolytus 1986, 7, 38, 1].

¹⁸ «οἱ δὲ πάντες τὸν μὲν ἀγαθὸν οὐδὲν ὄλως πεποιθῆκεναι, τὸν δὲ δίκαιον – <δν> οἱ μὲν <καὶ> [τὸν] πονηρόν, οἱ δὲ μόνον δίκαιον ὀνομάζουσι – πεποιθῆκεναι [δὲ] τὰ πάντα φάσκουσιν ἐκ τῆς ὑποκειμένης ὕλης».

¹⁹ «Πρὶν δὲ αὐτοῖς συνεστιαθῆ, ὄρκους φρικτοῖς ὀρκίζεται· πρῶτον μὲν εὐσεβήσῃ τὸ θεῖον, ἔπειτα τὰ πρὸς ἀνθρώπους δίκαια φυλάξῃ καὶ κατὰ μηδένα τρόπον ἀδικήσῃ τινά· μηδένα τε μήτε ἀδικοῦντα μήτε ἐχθρόν μισήσῃ, προσεύχεται δὲ ὑπὲρ αὐτῶν, <καὶ> συναγωνίζεσθαι [αὐτῶν] τοῖς δικαίοις» [Hippolytus 1986, 9, 23, 3].

²⁰ «Περὶ δὲ τὰς κρίσεις ἀκριβέστατοι καὶ δίκαιοι· δικάζουσι δὲ συνελθόντες οὐκ ἐλάττους τῶν ἐκατόν, τὸ δὲ ὀρισθῆν ὑπ' αὐτῶν ἀκίνητον» [Hippolytus 1986, 9, 25, 1].

²¹ «ὧν μάλιστα Πυθαγόρας καὶ οἱ ἀπὸ τῆς Στοᾶς παρ' Αἰγυπτίοις τούτοις μαθητευθέντες <τὰς ἀρχὰς> παρέλαβον· λέγουσι γὰρ καὶ κρίσιν ἔσεσθαι, καὶ τοῦ παντὸς ἐκπύρωσιν, καὶ τοὺς ἀδίκους κολασθήσεσθαι εἰς αἶψα» [Hippolytus 1986, 9, 27, 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонасин 2005 – Афонасин Е.В. «Опровержение всех ересей» Ипполита как вспомогательный источник по истории античной науки // Философия науки. 2005. № 2 (25). С. 3–32
- Афонасин 2006а – Афонасин Е.В. Доксография в поздней античности. Часть вторая: «Опровержение всех ересей» и другие позднеантичные свидетельства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4, № 1. С. 113–125.
- Афонасин 2006б – Афонасин Е.В. Доксография в поздней античности. Часть третья: «Опровержение всех ересей» о Платоне, Аристотеле и эллинистической философии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4, № 2. С. 123–130.
- Жильсон 2004 – Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV в. М.: Республика, 2004.
- Ипполит 2008 – Ипполит, еп. Римский, св. О философских умозрениях, или Обличение всех ересей

- (I, IV) // Ипполит, еп. Римский, св. О Христе и антихристе. СПб.: Библиополис, 2008. С. 339–384.
- Ипполит 1995 – Ипполит, св. Опровержение всех ересей (I 18–20) // Учебники платоновской философии. М.; Томск: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина; Водолей, 1995. С. 101–105.
- Ипполит 1971 – Ипполит, св. Опровержение всех ересей (IX 18–28) // Тексты Кумрана. М.: Вост. лит., 1971. Вып. 1. С. 369–373.
- Карчагин, Токарева, Яворский 2017 – Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р. Понятие справедливости в истории ранне-византийской мысли (IV–VII вв.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 214–226. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.20>
- Карчагин, Токарева, Яворский 2021 – Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р. Понятия справедливости и благочестия в византийской политико-философской мысли IV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 224–235. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.18>
- Карчагин, Яворский 2021 – Карчагин Е.В., Яворский Д.Р. Понятие *phronesis* в трактате Псевдо-Аристотеля «О добродетелях и пороках»: герменевтические заметки // Добродетель благоразумия в истории европейской этики: от Аристотеля к Фоме Аквинскому. Альманах. Псков: Псков. гос. ун-т. 2021. С. 41–47.
- Карчагин 2022 – Карчагин Е.В. Смысловые значения понятия энергии в тексте Нового Завета // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 3. С. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.2>
- Коплстон 1997 – Коплстон Ф. Ч. История средневековой философии. М.: Энигма, 1997.
- Лурье 2006 – Лурье В.М. История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiδma, 2006.
- Максим Исповедник 1993 – Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. М.: Мартис, 1993.
- О добродетелях 2017 – О добродетелях и пороках // Душина О.Э., К.А. Шморага К.А. (ред.). «Никомахова этика» в истории европейской мысли. Альманах. СПб.; Псков: Псков. гос. ун-т, 2017. С. 227–237.
- Платон 1994 – Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994.
- Ткаченко 2011 – Ткаченко А.А. Ипполит Римский // Православная энциклопедия. Т. 26. М.: Православ. энцикл., 2011. С. 202–222.
- Фрагменты... 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989.

Хоружий 2000 – *Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб.: Алетея, 2000.

Cerrato 2002 – *Cerrato J. A.* Hippolytus Between East and West: The Commentaries and the Provenance of the Corpus. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Dölger 1953 – *Dölger F.* Zur Bedeutung von φιλόσοφος und φιλοσοφία in Byzantinischer Zeit // Idem. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal: Buch-Kunstverlag, 1953. S. 197–208.

Hippolytus 1986 – Hippolytus Scr. Eccl., Refutatio omnium haeresium (= Philosophumena) (2115: 060) «Hippolytus. Refutatio omnium haeresium». Berlin: De Gruyter, 1986; Patristische Texte und Studien 25.

Hippolytus 1921 – Hippolytus. Philosophumena or, the Refutation of All Heresies. L., N. Y., Macmillan, 1921.

Hippolytus 2016 – Hippolytus. Refutation of All Heresies. Atlanta, SBL Press, 2016.

REFERENCES

Afonasin E.V., 2005. “Refutation of All Heresies” by Hippolytus as an Auxiliary Source on the History of Ancient Science. *Filosofija nauki*, no. 2 (25), pp. 3-32.

Afonasin E.V., 2006a. Doxography in Late Antiquity. Part Two: “The Refutation of All Heresies” and Other Late-Antique Evidence. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija*, vol. 4, no. 1, pp. 113-125.

Afonasin E.V., 2006b. Doxography in Late Antiquity. Part Three: “The Refutation of All Heresies” on Plato, Aristoteles and Hellenistic Philosophy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija*, vol. 4, no. 2, pp. 123-130.

Gilson E., 2004. *Philosophy in the Middle Ages: From the Origins of Patristics to the End of the 14th Century*. Moscow, Respublika Publ.

Hippolytus, 2008. O filosofskih umozrenijah, ili Oblichenie vsej eresej (I, IV). *Hippolytus. On Christ and Antichrist*. Saint Petersburg, Bibliopolis Publ., pp. 339-384.

Hippolytus, 1995. *Refutation of All Heresies (I 18-20). Textbooks of Platonic Philosophy*. Moscow, Tomsk, Greek-Latin study by Yu. Shichalin, Aquarius Publ., pp. 101-105.

Hippolytus, 1971. *Refutation of All Heresies (IX 18-28). Texts of Kumran*. Moscow, Vost. lit. Publ., vol. 1, pp. 369-373.

Karchagin E.V., Tokareva S.B., Yavorskiy D.R., 2017. The Concept of Justice in the History of the Early Byzantine Thought (4th– 7th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 5,

pp. 214-226. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.20>

Karchagin E.V., Tokareva S.B., Yavorskiy D.R., 2021. The Concepts of Justice and Piety in the Byzantine Political and Philosophical Thought of the 4th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 26, no. 6, pp. 224-235. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.18>

Karchagin E.V., Yavorskiy D.R., 2021. Notion of Phronesis in Pseudo-Aristotle’s Treatise “On Virtues and Vices”: Hermeneutical Notes. *The Virtue of Prudence in the History of European Ethics: From Aristotle to Thomas Aquinas. Almanac*. Pskov, Pskov university Publ, pp. 41-47.

Karchagin E.V., 2022. Semantic Meanings of Energy Notion in the Text of the New Testament. *Logos et Praxis*, vol. 21, no. 3, pp. 17-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.2>

Copstone F.Ch., 1997. *History of Medieval Philosophy*. Moscow, Enigma Publ.

Lurye V. M. 2006. *The History of Byzantine Philosophy. Formative period*. Saint Petersburg, Axiōma Publ.

Maximus the Confessor. 1993. *Creations of St. Maximus the Confessor. Book 1*. Moscow, Martys Publ.

About Virtues and Vices, 2017. Dushin O.E., Shmoraga K.A., (eds.). “Nicomachean Ethics” in the History of European Thought. *Almanac*. Saint Petersburg, Pskov, Pskovskiyy gosudarstvennyy universitet, pp. 227-237.

Plato, 1994. *Works. In 4 Vols. Vol. 4*. Moscow, Mysl Publ.

Tkachenko A.A., 2011. Hippolytus of Rome. *Orthodox Encyclopedia, Vol. 26*. Moscow, Pravoslav. encikl. Publ., pp. 202-222.

Fragments from Works by Early Greek Philosophers. Pt. 1, 1989. Moscow, Nauka Publ.

Horuzhij S.S., 2000. *About the Old and the New*. Saint Petersburg, Aleteja Publ.

Cerrato J.A., 2002. *Hippolytus Between East and West: The Commentaries and the Provenance of the Corpus*. Oxford, Oxford University Press.

Dölger F., 1953. Zur Bedeutung von philosophos und philosophia in Byzantinischer Zeit. *Idem. Byzanz und die europäische Staatenwelt*. Ettal, Buch-Kunstverlag, S. 197-208.

Hippolytus 1986. *Refutatio omnium haeresium (= Philosophumena) (2115: 060) «Hippolytus. Refutatio omnium haeresium»*. Berlin, De Gruyter. (Patristische Texte und Studien, 25).

Hippolytus, 1921. *Philosophumena or, the Refutation of All Heresies*. London, New York, Macmillan.

Hippolytus, 2016. *Refutation of All Heresies*. Atlanta, SBL Press.

Information About the Author

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Academicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.3>

UDC 1(091):254.4
ЛБС 87.3(5Ирн)3-276

Submitted: 27.09.2023
Accepted: 16.11.2023

THE TRANSFORMATION OF MANICHAISM IN THE MIDDLE AGES

Oleg E. Dushin

Vaganova Ballet Academy, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Firstly, the article discusses the general significance of the phenomenon of “heresy” in the history of European culture. At the same time, it is indicated that in the long term of the social development process, inversions of assessments and understanding of orthodox and non-orthodox views and beliefs occur quite often, when the persecuted become true heroes and their persecutors are declared retrograde. It is also emphasized that the very practice of knowing the truth implies the need for certain experiences that go beyond the scope of traditional intellectual activity, which causes rejection by society. The article notes that heretics were often sacrificed to preserve the social status quo, but, in the end, this led to the exact opposite results. Secondly, the article examines the medieval transformation of the heresy of the Manichaeans, the attitude towards which in modern culture has fundamentally changed, and a wide scientific and philistine interest in the heritage of the Cathars has developed. In this regard, the article studies the problem of the continuity of Manichaeism and Catharism, the relationship between the Cathar doctrine and the principles of Christian religiosity, and demonstrates the special significance and role of the Cathar movement in the development of the social space of cities and the mentality of medieval townspeople. Thirdly, on the example of understanding the world and man, the fundamentally dualistic nature of the worldview of the Cathars or Albigensians is revealed, which led them to the implementation of extreme forms of asceticism up to the practice of self-mortification (endura). Fourthly, as a conclusion, it is indicated that the Cathar movement played a special role in the history of the Middle Ages, demonstrating new social demands of the dynamically developing ethos of the burghers while paying attention to the fact that the experience of traditional monastic ascetics was based not on mortification of the flesh but on the fundamental transformation of whole human nature (theosis).

Key words: heresy, Manichaeism, Bogomils, Cathars, Albigensians, dualism.

Citation. Dushin O.E. The Transformation of Manichaeism in the Middle Ages. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 28-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.3>

УДК 1(091):254.4
ББК 87.3(5Ирн)3-276

Дата поступления статьи: 27.09.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ТРАНСФОРМАЦИИ МАНИХЕЙСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Олег Эрнестович Душин

Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается, во-первых, общее значение феномена «ереси» в истории европейской культуры. При этом указывается, что в перспективе длительного процесса социального развития довольно часто происходят инверсии оценок и понимания ортодоксальных и неортодоксальных взглядов и убеждений, когда преследуемые и гонимые становятся подлинными героями, а их гонители объявляются ретроgrадами. Также подчеркивается, что сама практика познания истины подразумевает необходимость определенных переживаний, выходящих за рамки традиционной интеллектуальной деятельности, что вызывало неприятие со стороны социума. В статье отмечается, что еретики часто приносились в жертву для сохранения общественного status quo, но, в итоге, это приводило к прямо противоположным результатам. Во-вторых, исследуется средневековая трансформация ереси манихеев, отношение к которой в современной культуре принципиальным образом изменилось, сложился широкий научный и обывательский интерес к наследию катаров. В этой связи в статье изучается проблема преемственности манихейства и катаризма, соотношения доктрины катаров и принципов христианской религиозности, демонстрируется особое значе-

ние и роль движения катаров в развитии социального пространства городов и менталитета средневековых горожан. В-третьих, на примере понимания мира и человека раскрывается принципиально дуалистический характер мировоззрения катаров или альбигойцев, что приводило их к осуществлению крайних форм аскетизма вплоть до применения практики умерщвления себя (*endura*). В качестве заключения указывается, что движение катаров приобрело особую роль в истории Средневековья, продемонстрировав новые социальные запросы динамично развивающегося этоса бюргерства. При этом обращается внимание на то, что опыт традиционной монашеской аскезы строился не на умерщвлении плоти, а на принципиальном преображении всей человеческой природы (*theosis*).

Ключевые слова: ересь, манихейство, богомилы, катары, альбигойцы, дуализм.

Цитирование. Душин О. Э. Трансформации манихейства в Средние века // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 28–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.3>

Введение

Обращаясь к проблематике «еретических» убеждений, тех «превратных» воззрений, которые «выходили» за рамки официальных церковных догматов, сложившихся принципов мировосприятия, господствующих идеологических доктрин, необходимо признать, что многое из того, что исторически воспринималось как «нарушение» или даже как «разрушение» основ устоявшегося мира, в перспективе развития европейской культуры приобретало характер истины, подлинного знания, тогда как преследователи этих учений и идей впоследствии подвергались обструкции и рассматривались исключительно как ретрограды. Тем самым, позиции притесняемых и гонимых и их недругов оборачивались и приобретали прямо противоположный смысл. Причем в роли ереси в XX в. стали восприниматься не только неортодоксальные религиозные верования, как это было в Средние века или инновационные научные теории, за которые преследовали ученых в Новое время, но и личные политические убеждения.

В конечном счете следует согласиться с тем, что тема стигматизации знаний в качестве «ересей» сохранила свою актуальность и необходимость философского осмысления и с точки зрения исторических практик, и в перспективе развития современности. В частности, сама экспликация истины требует некоторой формы «преодоления», своеобразного «выхода» за существующие пределы и границы. Практики познания истины предполагают определенный опыт переживаний. Сама по себе истина имеет не только интеллектуально-познавательный характер, но для того, чтобы она стала в подлинном смысле истиной,

требуются соответствующие переживания, часто трагического характера. Сторонники новых идей, подобно героям древнегреческого эпоса, принимают свою судьбу как неизбежность, как *Fatum*, сохраняя приверженность личным воззрениям и не ведая об их будущей реабилитации и признании. По сути, истина для них несет в себе характер жертвы. Различного рода «ересиархи» довольно часто приносились в жертву для поддержания общественного *status quo*, но в то же время их заклятие становилось истоком реализации и утверждения новых перспектив веры, научного познания и самого существования человека.

Так получилось и с еретическим учением катаров, средневековой «версии» манихейства. Разумеется, оно не может быть реабилитировано с позиций Римско-католической церкви, но в пространстве современной культуры оно приобрело новые интерпретации и принципиально иное понимание. Катаров стали воспринимать именно как сообщество преследуемых и гонимых. С 1900 г. во Франции начал выходить журнал «Пробуждение альбигойцев», основанный восемнадцатилетним Деода Роше, а в 1950 г. он создал «Общество по изучению катаров», объединившее таких ученых как Рене Нелли, Жан Дювернуа, Фернан Ниль. Все они были по-настоящему захвачены исследованиями доктрины катаров. Они активно занимались поиском источников, написали соответствующие научные работы, защитили диссертации, опубликовали многочисленные монографии. Причем даже в их научных штудиях присутствует явная толика мистических ожиданий и предчувствий, поиска особых форм знаний и осуществления эксклюзивных духовных практик, присущих

приверженцам ереси катаров. В свою очередь, подобная стратегия стала основополагающей для Антонена Гадаля, президента Инициативного общества, который в своей деятельности активно использовал неизбывную тягу людей к опыту мистических переживаний, выводящих их за рамки повседневности, и часто прибегал к замысловатым и искусственным интерпретациям символики катаров. Таким образом, даже современные исследования средневекового катаризма обрастали всевозможными мифами и легендами [Тарасова 2005].

В целом, движение катаров явилось неотъемлемой составной частью западноевропейского Средневековья, и хотя его влияние было полностью подавлено к концу XIV в., оно сохранилось в качестве феномена культурно-исторической памяти, сыграв свою вполне определенную роль в развитии европейского самосознания. В данном контексте символично звучат слова французского исследователя Жана Мадоль, автора монографии «Альбигойская драма и судьбы Франции»: «Через потрясения XIII в. Средние века из детства вступают в современный мир» [Мадоль 2000, 21]. Стоит напомнить, что период детства в интерпретациях известных психологов всегда воспринимался как уникальное время, в рамках которого формируется личность, происходит развитие индивидуальных задатков человека, по сути, закладывается основа его будущих успехов и поражений.

Манихейство и катаризм

Среди еретических движений первоначального христианства манихейство явилось одним из главных направлений. Сергей Сергеевич Аверинцев в данной связи отмечал, что для официальной Церкви «дух манихейства был постоянной опасностью, как бы подземным потоком, подтачивавшим основы христианского сознания» [Аверинцев 1976, 33]. В самом деле, по мере утверждения христианства в качестве господствующей религии его статус в обществе и роль в государстве кардинально изменялись, приобретая все большее значение и влияние. Но при этом набирал силу и процесс обмирщения Церкви, ее постепенного превращения из преследуемой и го-

нимой в мощный институт власти. В результате, она стала крупнейшим владельцем сельскохозяйственных угодий и важнейшим атрибутом средневековой общественно-политической системы. Причем содержание самой церковной доктрины становилось все более сложным и не всегда понятным для паствы.

В свою очередь, манихейство при всей замысловатости своего учения предлагало достаточно ясную схему понимания мира и поведения человека. При этом оно не было так явно обременено земными связями и отношениями и отвечало на духовные запросы верующих, захватывая умы и простых прихожан, и людей образованных, и представителей аристократической элиты. Тем самым, оно все более и более представляло реальную угрозу для существующих институтов власти. Поэтому против него единым фронтом выступали как церковные иерархи, так и светские правители. «Едва ли какую-либо другую религию преследовали столь беспощадно и жестоко, как религию Мани», – отмечает петербургский ученый А.Л. Хосроев [Хосроев 2007, 207]. Гонения, как указывает исследователь, начались еще в языческом Риме. Так, в 297 г. император Диоклетиан издал эдикт, в котором подчеркивалось исключительно чужеродное, персидское происхождение учения Мани. Преследования продолжились и при христианских властителях. Тем не менее, вопреки всем принимаемым актам, «это религиозное движение-изгой имело невероятный успех в разных концах ойкумены и на протяжении многих лет успешно соперничало с религиями, которые, в отличие от манихейства, с ранних пор были государственными» [Хосроев 2007, 259].

В истории Средневековья манихейство представало в разных модификациях своего развития: от болгарского богомилства до движения катаров. Причем последнее отражало противостояние и борьбу между Тулузой и Парижем за приоритет властных полномочий. И поэтому движение альбигойцев, как принято называть катаров во Франции, приобрело столь заметное общественное влияние. «Крестовый поход против альбигойцев был главным образом политическим предприятием, а не религиозным конфликтом», – подчеркивает французский исследователь Роже

Каратини [Каратини 2010, 10]. При этом возникает принципиальный вопрос о том, насколько средневековое учение катаров или альбигойцев можно считать прямым продолжением учения Мани.

Считается, что манихейство восходит к разновидности гностических доктрин Средневековья, что оно явилось вариантом инноваций, принятых в религии зороастризма в Иране при шахе Шапуре I, совместив учение зороастризма с христианством и античным культом Митры. В свою очередь, средневековые неортодоксальные христианские движения павликан, богомилов и катаров воспринимаются в качестве «манихейских» сект и признаются в роли «преемников» дела Мани. Причем специфика этих движений состояла в том, что они придавали особое значение деятельности апостолов, а также считали, что в церковь проникли греховные люди, которые привнесли в нее власть сатаны.

В данном контексте известный шведский религиовед Гео Виденгрэн признает, что «Мани претендовал только на то, что он избрал (а точнее воссоздал) внутри христианства “истинную” (или “совершенную”) и “универсальную” церковь» [Виденгрэн 2001, 247]. Тем самым, согласно его концепции, свое учение проповедник рассматривал в роли единственно подлинного и всеобщего носителя христианского духа, обращенного к самым разным народам. Именно так – в качестве «истинных христиан» – воспринимали себя и его последователи.

Действительно, учение катаров апеллировало к традициям раннего христианства и критиковало Папскую курию за отказ от подлинного духа Христова, что, согласно их представлениям, было обусловлено Миланским эдиктом 313 г., когда церковь приобрела официальный характер и стала частью государственной системы. Примечательно, что учение катаров первоначально распространяли клирики, а затем оно получило признание и обрело многочисленных адептов из числа простых верующих, искавших новых духовных путей и мистических практик, но не нашедших таковых ни в официальной церкви, ни в кургуазной культуре, ни в средневековой науке. В XII–XIII вв. доктрина катаров получила широкое распространение на Севере Ита-

лии и Юге Франции, где было много городов с развитой системой ремесел и торговых связей. Центрами их движения явились Тулуза, Милан, Флоренция. Причем их проповедники были так популярны и чувствовали себя столь вольготно, что свободно и беспрепятственно вступали в открытые богословские дискуссии с официальными священниками и монахами. Символично, что подобные прения поддерживались и местными аристократами.

Дуализм: мир

Несмотря на все нюансы и особенности развития манихейства от учения Мани через богомильство к катарам, определяющим началом, связующим религиозные доктрины этих движений, являлся строгий мировоззренческий дуализм. Позиция прямой и однозначной преемственности между данными доктринами подвергается вполне обоснованной критике, но, в любом случае, дуалистический принцип был основой их мировосприятия. Показательно, что дуалистические воззрения катаров были изложены в труде доминиканца Райнерио Саккони «Книга о двух принципах», так как представление содержания этого еретического учения было крайне необходимо для его последующего опознания и ниспровержения. Причем, как показывает А.Л. Дунаев, отношение Церкви к ересям в период XII–XIII вв. развивалось в направлении от чисто интеллектуального опровержения к крайне жесткому преследованию [Дунаев 2008].

В свою очередь, современный французский ученый Жан Маркаль прямо заявляет, что манихейство «представляет собой наиболее совершенный пример дуалистической ереси, ставшей настоящей религией со специфическими ритуалами и догмами» [Маркаль 2008, 167]. При этом тенденция к дуализму, по его мнению, «проявлялась постоянно в истории манихейских сект и нашла завершение в знаменитой *endura* катаров конца XIII века» [Маркаль 2008, 176]. Следует отметить, что так называемая *endura* была важной составной частью практики мистической жизни «совершенных». Она представляла собой постепенное умерщвление себя, что подразумевало отказ от оков темного материального мира во имя Бога и обретение своей подлинной «ан-

гельской» природы. По сути, человек переставал употреблять пищу. В учении катаров данная практика представлялась в качестве реализации особого духовного пути восхождения к Божественному Свету, к Небесному Отцу.

Известный исследователь альбигойцев Рене Нелли также утверждает, что «в философском плане катаризм – это дуализм» [Нелли 2005, 58]. При этом он признает, что «есть бесспорное сходство между учением Мани о происхождении Зла и точкой зрения катаров» [Нелли 2005, 61]. Тем не менее, немецкий ученый Арно Борст полагает, что «вечная противоположность обеих сил, понимаемых катарами как силы света и силы тьмы, объясняется, однако, не памятью о прежнем манихействе, а чтением Библии (Иак 1, 17; Кол 1, 13; Ис 45, 7)» [Нелли 2005, 345]. Причем он подчеркивает, что для катаров Библия уже в XIII в. стала «кладдезем цитат», они придавали особое значение изучению текстов Священного Писания. Таким образом, понимание мира в учении катаров, как и в манихействе, предполагало наличие двух начал – Добра и Зла, за ними признается извечное существование, но Добро ассоциируется с Духом и Светом, а Зло с Материей и Тьмой. Так катары разрешали одну из важнейших проблем богословского дискурса монотеистических религий: как возможно зло в сотворенном Богом мире, если Его природа есть абсолютное благо.

Ученые отмечают, что в движении катаров сложились два направления: «умеренные» и «радикальные» дуалисты. Радикалы считали, что если Сатана смог создать этот мир, то он вполне может рассматриваться в качестве божества и восприниматься как реальный соперник подлинного Бога, тогда как «умеренные» дуалисты признавали Сатану лишь в роли падшего ангела. Также радикалы полагали, что Христос является ангелом, но в противоположность падшим ангелам он не соприкасался с грехом и не был связан с телом. По их представлениям, Ему была присуща только видимость тела, *corpus phantasticum* («иллюзорное тело»), которое не было связано ни с материальностью, ни с плотскими недостатками. В свою очередь, Мария также имела ангельскую природу и в этом смысле не могла быть причастна к физическому рождению Христа. Умеренные же не отвергали полностью идею

воплощения Христа. Согласно их учению, Христос стал в Марии человеком, но при Вознесении Он оставил свое земное тело. Миссия Христа заключалась для них в том, чтобы спасти падших ангелов, вернуть домой потерянных овец, ангелов неба. Он осуществлял это посредством проповеди. При этом умеренные признавали чудеса, сотворенные Христом на Земле, а радикалы видели в них лишь своего рода фокусы с материальными предметами, которые создавали иллюзию и были достойны только пренебрежения.

Так или иначе, катарам было присуще глубокое недоверие ко всему земному и к его творцу, который воспринимался ими в образе дьявола, торжествующего над всем сущим. В этом плане будущность нашего мира виделась им в абсолютно превратной перспективе. Радикалы утверждали, что в нем восторжествует ад, «рай глупцов». Но и умеренные катары с таким же пессимизмом ожидали конца Света. В их представлениях в результате Страшного Суда Земля будет сожжена, она превратится в огненный ад, либо снова распадется на элементы и на ней восторжествует тотальный хаос.

Дуализм: человек

Согласно доктрине альбигойцев, изначально совершенная душа человека оказалась раздвоена между ангельской природой, которая пребывает на Небесах, и земной плотью, физическим телом. Поэтому перед людьми возникает сложная задача преодоления зла. Им следует строго исполнять волю Бога и ненавидеть данный превратный мир. Отсюда в учении катаров складывается особое понимание греха, для них грешить означало принимать этот мир, поэтому в их представлениях любой грех считался смертным. В этом смысле они были негативно настроены не только по отношению к официальной Католической церкви как носительнице искаженного духа христианства, но и к представителям светской власти, к социально-правовым институтам, к системе феодальной иерархии.

В такой перспективе Р. Нелли представляет катаризм с его отрицанием церкви и родового права наследования как некоторую оппозицию феодализму в целом. «Следует

признать, что катары осуждали все основы феодализма», – утверждает французский ученый [Нелли 2005, 18]. С одной стороны, он видит в данном подходе проявление влияния городских бюргеров. С другой – в этом присутствовала стратегия тотального неприятия всего того, что определяло существующий мир, который с точки зрения катаров был абсолютно превратен и несправедлив.

Эффективность ереси катаров, как считает Рене Нелли, задавалась призывом к возвращению к подлинному христианству. Как известно, на данной основе выстраивались самые разные неортодоксальные учения не только в период Средних веков, но и в Новое время. При этом ученый подчеркивает, что катары имплицитно способствовали развитию буржуазного духа. Стремясь к строгой нравственной чистоте и к предельной простоте жизни, они, по его мнению, стали провозвестниками буржуазного накопительства и стяжания. Катаризм в его понимании «был отражением эволюции общества, которая уже уменьшила в Окситании прерогативы сеньоров, противопоставив им интересы буржуа, противопоставив города замкам. Это было частично связано с наступлением денег» [Нелли 2005, 25]. Причем, согласно интерпретациям французского исследователя, «совершенные» были вполне успешными финансистами в силу их высокой моральной требовательности и пунктуальности. Более того, они даже могли оказать заемщику поддержку в случае каких-то проблем.

В свою очередь, Арно Борст также признает, что «во время расцвета своей церкви совершенные занимались оживленными финансовыми операциями» [Нелли 2005, 371]. Кроме того, как подчеркивает ученый, «катары никогда не отрицали труд» [Нелли 2005, 370]. При этом на особое отношение к труду в рамках еретических учений катаров и вальденсов как форме аскетического образа жизни и проявления подлинной христианской праведности указывает и российская исследовательница Е.Г. Кайпова [Кайпова 2016, 213]. В итоге следует обратить внимание на то, что две важнейшие составляющие будущего буржуазного мира Нового времени – культ денег и труда – нашли отражение в учении катаров. Разумеется, не стоит преувеличивать значение катаризма для формирования

и утверждения стратегий капиталистического производства и денежного накопительства в Западной Европе, но, в любом случае, он имплицитно включал вполне определенные тенденции, задававшие длительную перспективу развития самосознания европейского индивида.

Заключение

В качестве вывода необходимо еще раз подчеркнуть, что движение катаров приобрело особую роль (пусть и трагическую) в сложной истории XIII в., являя собой пример крайних форм аскетизма и суровых духовных практик. Но их путь – это «умерщвление» плоти (*enduga*), тогда как традиционный монашеский аскетизм – это «преображение» всей человеческой природы (*theosis*). В этом плане «совершенные» принимали на себя все противоречия и недостатки этого превратного мира, но они не могли обрести и представить другим реальную возможность примирения. Их учение отражало новые принципы и стратегии поведения складывающегося бюргерства, которое посредством крайних форм религиозного пиетизма стремилось к преодолению всех условностей и ограничений феодального общества. По сути, это было проявлением одного из сюжетов в длительной истории формирования и утверждения современной буржуазной цивилизации. Однако нельзя забывать (как показывает в своей статье А.А. Устинова [Устинова 2009]), что и сама Папская курия активно искала разнообразные формы контроля и воздействия на сознание верующих, которые должны были способствовать не только преодолению народных ересей, но и сформировать перспективу «оправдания» земной жизни людей, признания их повседневных забот и стратегий практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев 1976 – *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 17–64.
- Виденгрэн 2001 – *Виденгрэн Г.* Мани и манихейство. СПб.: Евразия, 2001.
- Дунаев 2008 – *Дунаев А.Л.* Основные этапы идеологической борьбы с ересью в XII–XIII вв.

- // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2008. № 1. С. 76–91.
- Кайпова 2016 – *Кайпова Е.Г.* Отражение изменений бюргерского мировоззрения в еретических учениях катаров и вальденсов во Франции и Германии XII – начала XIV века: (по материалам католических источников) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). С. 210–216.
- Каратини 2010 – *Каратини Р.* Катары. М.: Эксмо, 2010.
- Мадоль 2000 – *Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб.: Евразия, 2000.
- Маркаль 2008 – *Маркаль Ж.* Монсегюр и загадка катаров. СПб.: Евразия, 2008.
- Нелли 2005 – *Нелли Р.* Катары. Святые еретики. М.: Вече, 2005.
- Тарасова 2005 – *Тарасова Т.* Некоторые малоизвестные аспекты катаризма // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2005. № 5. С. 118–121.
- Устинова 2009 – *Устинова А.А.* IV Латеранский собор 1215 года и программа борьбы с альбигойской ересью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 45–50.
- Хосроев 2007 – *Хосроев А.Л.* История манихейства (Prolegomena). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007.
- Antiquity to the Middle Ages. *From the History of Culture of the Middle Ages and the Renaissance.* Moscow, Nauka Publ., pp. 17-64.
- Widengren G., 2001. *Mani and Manichaeism.* Saint Petersburg, Eurasia Publ.
- Dunaev A.L., 2008. The Main Ideological Stages of Struggle Against Heresy in the 12th – 13th Centuries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8, History*, no. 1, pp. 76-91.
- Kajpova E.G., 2016. Reflections of Changes in the Burgher Worldview in the Heretical Doctrines of the Cathars and Waldenses in France and Germany in the 12th – Early 14th Centuries: (Based on Catholic Sources). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (170), pp. 210-216.
- Caratini R., 2010. *Cathars.* Moscow, Eksmo Publ.
- Madele J., 2000. *Albigensian Drama and the Fate of France.* Saint Petersburg, Eurasia Publ.
- Markal J., 2008. *Montsegur and the Mystery of the Cathars.* Saint Petersburg, Eurasia Publ.
- Nellie R., 2005. *Cathars. Holy Heretics.* Moscow, Veche Publ.
- Tarasova T., 2005. Some Little-Known Aspects of Catharism. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Series 7, Philosophy*, no. 5, pp. 118-121.
- Ustinova A.A., 2009. IV Lateran Council of 1215 and the Program of Struggle Against the Albigensian Heresy. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 111, pp. 45-50.
- Khosroev A.L., 2007. *History of Manichaeism (Prolegomena).* Saint Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University.

REFERENCES

Averincev S.S., 1976. The Fate of European Cultural Tradition in the Epoch of Transition from

Information About the Author

Oleg E. Dushin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Ballet Academy, Zodchego Rossi St, 2, 191023 Saint Petersburg, Russian Federation, odushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>

Информация об авторе

Олег Эрнестович Душин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2, 191023 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, odushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.4>

UDC 141.4
LBC 87.3(2)6

Submitted: 28.08.2023
Accepted: 16.11.2023

RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS OF THE SILVER AGE ON THE ROLE AND FUNCTIONS OF HERESIES IN HISTORY

Andrey I. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The Russian religious philosophers of the Silver Age created the original concept of heresies. Their interpretation of heresies is ambivalent: first, heresies are symptoms of spiritual quests and the self-knowledge of a free spirit; second, two heresies that helped fuel the heresies of the twentieth century were chiliasm (S. Bulgakov) and spontaneous nihilism (N. Berdyaev). The inspiration for these came from the teachings about the end of time. This article will consider the point of view on heresy in the context of the doctrine of the *absolute* and the philosophy of history by L. Karsavin, the metaphysics of the spirit by N. Berdyaev, and the concept of Christian socialism by S. Bulgakov. Their idea is that heresies testify to the development of Christian doctrine, i.e., to its illnesses and impasses. He writes heresies into the history of spiritual research. All these concepts were a kind of response to the challenge of history, which Friedrich Nietzsche called “the death of God.” In Russian thought, it manifested itself in the form of ritual belief among the people and the deadening of official church theology. Church writers did not see any social problems or an impending revolution. Therefore, Russian writers and philosophers of the Silver Age took upon themselves the mission of warning about the crisis of the religious attitude towards the world. Russian religious philosophers were interested in the phenomenon of the deadening of the Christian spirit in official church Christianity, and their special task was to counter the process of the deadening of the spirit in Orthodoxy. This caused the condemnation of all Russian religious philosophers in church circles. They were accused of heretical ideas of cosmism and sophiology. However, today they are the property of Russian religious culture; their works are included not only in university programs in philosophy and theology but also in the programs of theological seminaries.

Key words: heresy, Russian religious philosophy, Silver Age, chiliasm, nihilism, Christianity.

Citation. Makarov A.I. Russian Religious Philosophers of the Silver Age on the Role and Functions of Heresies in History. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 35-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.4>

УДК 141.4
ББК 87.3(2)6

Дата поступления статьи: 28.08.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ЕРЕСЕЙ В ИСТОРИИ

Андрей Иванович Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Русские религиозные философы Серебряного века создали оригинальную концепцию ересей. Ереси трактуются ими амбивалентно: с одной стороны, ереси – это симптомы духовных поисков, самопознание свободного духа (и здесь, конечно же, не обошлось без влияния философии Г.В.Ф. Гегеля), а с другой – ереси XX в. подпитывались учениями о конце времен, уходя корнями в хилиазм (С. Булгаков) и стихийный нигилизм (Н. Бердяев). В этой статье будет рассмотрена точка зрения на ереси в контексте учения об Абсолюте и философии истории Л. Карсавина, метафизики Духа Н. Бердяева и концепции христианского социализма С. Булгакова. Их идея состоит в том, что ереси свидетельствуют о развитии христианского учения – о его болезнях и тупиках, оттеняющих идеал христианства, куда они вписывают историю духовных поисков. Все эти концепции были своеобразным ответом на вызов истории, который Фридрих Ницше назвал «смертью Бога». В русской мысли он проявился в виде обрядоверия в народной среде и омертвлении

официального церковного богословия. Судя по церковной прессе того времени, церковные авторы не видели никаких социальных проблем и надвигающейся революции, поэтому миссию предупреждения о разворачивающейся «бесовщине» взяли на себя русские писатели и философы Серебряного века. Так как религиозных философов интересовал феномен омертвления христианского духа в официальном церковном христианстве, а их особой задачей стало противодействие процессу омертвления духа в православии, то это вызвало в церковных кругах осуждение практически всех русских религиозных философов. Их обвиняли как раз в еретических идеях космизма и софиологии. Однако сегодня они являются достоянием русской религиозной культуры, их труды включены не только в университетские программы по философии и теологии, но и в программы духовных семинарий.

Ключевые слова: ересь, русская религиозная философия, Серебряный век, хилиазм, нигилизм, христианство.

Цитирование. Макаров А. И. Русские религиозные философы Серебряного века о роли и функциях ересей в истории // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 35–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.4>

В России религиозная философия возникает в конце XIX в. в условиях особых национальных вызовов, одним из которых было сильное ослабление церковной жизни при полном отсутствии интереса к богословию среди образованной части горожан. Это создавало реальную опасность выхолащивания мистического духа из христианства под воздействием попыток светских властей поставить под идеологический и политический контроль Православную Церковь. Русские философы, начиная с Владимира Соловьева, преследовали цель обратить интерес своих соотечественников к православию, которое в своей официальной части, мягко говоря, переживало не лучшие времена: преобладало обрядоверие, судя по церковной прессе того времени, официальные богословы и церковные авторы не видели никаких социальных проблем, и совсем не видели надвигающейся революции в отличие от писателей, того же Ф.М. Достоевского. Вместе с тем во всем мире нарастала интеллектуальная волна интереса к христианской мысли, к особенностям ортодоксальных и протестантских течений. В это интеллектуальное движение мощно вошел Вл. Соловьев, а затем и высланные из России Н. Бердяев, Л. Карсавин, С. Булгаков: и на них повлияли зарубежные мыслители и они повлияли на международное течение (см., например: [Тимошина 1993; Dahm 1975; David 1962; Mueller 1951]). При этом интересе к различиям идут поиски керигмы христианского учения, которая только может быть обнаружена при сравнительном религиоведческом и философском анализе. Однако, анализ требует нейтральности, которая в дефиците у религиозных людей, осо-

бенно тех, кто мыслит мир через призму своей чужой. Концепции Другого-как-чужого и Чужого-как-врага породили массу влиятельных сужавших философское сознание концептов – Восток-Запад, русский народ-богоносец, латинская ересь и т. п. Проблема узости мышления сторонников концепции «чужой как враг» стала центральной для философов Серебряного века. Они старались преодолеть эту узость за счет расширения кругозора своих читателей, что требовало образованности и глубины мысли. Этим требованием в полной мере отвечал родоначальник русской религиозной философии Серебряного века Владимир Соловьев. В 80-х гг. XIX в. он пишет книгу «Великий спор и христианская политика», где говорит о том, что «Через всю жизнь человечества проходит великий спор Востока и Запада» [Соловьев 2015, 1]. Запад и Восток несут в себе два типа лжи. Спор Востока и Запада пустой, это – спор о приоритете одной лжи над другой. На Востоке – человек ничто, Бог все. Бесчеловечный Бог. А на Западе – безбожный человек. Истину, синтез Востока и Запада несет христианство, и прежде всего – Евангелие. Однако Евангелие, как и Ветхий Завет, вовсе не прозрачная понятная всем книга. Интерпретация Евангелия несет в себе и опасность ересей, но и одновременно ереси – это симптом свободного духа.

Размышляя о путях Духа, он ставит вопрос: почему, когда христианство соединило Восток с Западом, они потом опять распались на христианский Восток и христианский Запад. Соловьев призывал преодолеть крайний материализм и национальный эгоизм, заявляя о необходимости объединения восточных и

западных христиан на основе общих вероучительных истин для выработки общих ценностей. Однако он не был понят мыслящей публикой, кроме плеяды тех мыслителей, которых теперь называют русскими религиозными философами Серебряного века, среди которых – Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Лев Карсавин, – все они исследовали и тему ересей. Эта статья освещает их идеи о роле и функциях ересей в европейской истории после принятия христианства.

Тему метафизики свободы духа подхватывает Николай Бердяев, делая ее основой своей персоналистической философии. «О духе нельзя выработать понятия, но можно уловить признаки духа. Можно сказать, что такими признаками являются – свобода, мысль, творческая активность, целостность, любовь, обращение к высшему божественному миру и единение с ним» [Бердяев 1994, 379].

Так как для Бердяева наиболее существенным признаком духа является свобода, то духовное, прежде всего, противоположено детерминизму. Принцип причинности не применим к духу и его жизни: «Дух дышит где хочет». «Но дух объективируется <...> В объективации исчезает субъективный дух» [Бердяев 1994, 387]. Остывая дух оставляет за собой мир объектов, то есть неких природных данностей, фактов и артефактов. Учения, включая христианское учение, несмотря на свои боговдохновенные источники, – откровения, также есть объективация духа. Поэтому необходимо обновление, но оно же несет опасность.

Н. Бердяеву вторит Лев Платонович Карсавин историк, философ истории, идеолог евразийства. Последователь Владимира Соловьева, он завершает своим творчеством его философию всеединства, дополняя ее идеями Николая Кузанского. Философия Карсавина это метафизика всеединства. Понятие всеединства призвано было фундировать собой идею нерасторжимого союза Творца и твари в теологическом аспекте и гармонии между индивидуальным и коллективным в социологическом аспекте. Но если Владимир Соловьев или Павел Флоренский при построении своих систем всеединого мироздания опирались на платоновскую статическую метафизику, то Карсавину важно было обосновать

божественность исторической динамики мира. Этот динамический аспект не нашел своей систематической разработки в философии всеединства его предшественников в связи с тем, что они были платониками, то есть противопоставляли материальное и идеальное. Карсавин, также не отказывается от такого противопоставления, но усматривает в нем лишь эпизод Священной истории мира. Развивая онтологические идеи Соловьева, полагает, что в основание исторического процесса лежит принцип триединства: генезис сущностей проходит три стадии: первоединство – разъединение – воссоединение. В отношении истории человечества Карсавина предпринимает попытку представить мировую историю как процесс развития человечества в качестве всеединого, всепространственного и всевременного субъекта. Все уровни истории тесно переплетены между собой. Поэтому необходимо введение принципов, начал, с помощью которых может быть описана эта стройная иерархическая система мира. Такие принципы не могут выведены эмпирически, а должны быть введены догматически. Карсавин убежден в том, что историк не может ничего понять в своем предмете без обращения к богословской традиции, и в свою очередь богослов, не владеющий философским понятийным аппаратом, будет настолько архаичен, что потеряет связь с читателями. Так он от истории переходит к философии истории и от нее к теологии Абсолюта как источника первопринципа истории.

В свете заявленной темы нас будет интересовать философия истории Карсавина, куда он вписывает историю духовных поисков. Его идея состоит в том, что ереси свидетельствуют о развитии христианского учения: о его болезнях и тупиках, оттеняющих идеал христианства. Карсавин делает такой вывод на широком эмпирическом материале истории монашества Италии и Франции в XII–XIII веках. В эту тему вошла и подтема «ереси как интерпретации христианского учения». Историк и философ Карсавин рассматривает ереси как смелые духовные поиски христиан, обусловленные сложностями понимания Абсолюта в христианской теологии. Именно жажда по абсолютному толкает христиан размышлять теологически, не довольствуясь

официальной точкой зрения. Карсавин в работе «Глубины сатанинские (Офиты и Василиды)» замечает, что и признанных богословов, и еретиков волнуют одни и те же вопросы: «откуда зло и почему? откуда человек и как? откуда Бог?» [Карсавин 1994]. Здесь видится скрытая критика Л. Карсавином бюрократизации, юридизации церковной духовной жизни. И, видимо, отнюдь не только католицизма, но и современного ему православия. Нужно сказать, что практически все русские религиозные философы Серебряного века не жаловали официального православия российской империи, усматривая в нем много от языческого имперского духа, с одной стороны, и от иудейского фарисейского духа, с другой стороны. Особенно это касается Н. Бердяева и Л. Шестова, которые много писали о удушающей функции религиозного законничества и ритуализма.

Ереси для Карсавина являются свидетельством духовных поисков. Всплеск ересей совпадал с подъемом христианского теологического творчества [Карсавин 2012]. История имеющая субъектность – это мистическая идея, и поэтому ему необходимо было обратиться к исследованию истории духа. Именно духа, а не какой-то безликой «духовности», – мода на это понятие возникла у светских богоискателей и продолжается до сих пор. «Духовность» – крайне невнятный термин. В этом отношении понятие «дух» (от которого видимо и произвели эту самую «духовность» современные авторы) более внятное, так как оно производит понятия «добрый» и «злой дух», – более соответствует амбивалентной природе реальности. Так именно «дух» – категория религиозной философии Н. Бердяева и Л. Карсавина. Через призму этого понятия Карсавин рассматривает и историю еретических учений.

По мнению Л. Карсавина ереси возникают в результате того процесса, который он называет становлением Абсолютного. Понимание теологами и философами Абсолюта упирается в противопоставление Бога и человека, которое преодолевается в христианстве. Христианское учение об Абсолюте устраняет пропасть между Творцом и творением в идее Боговочеловечения и искупления. Это значит, что тварь также есть Бог, но Бог в его

несовершенстве. несовершенный бог, тварь стремиться восстановить свое совершенство, тем самым созидая Бога в себе. Здесь угадывается общая для Карсавина и Соловьева диалектическая схема триединства: первоединство-саморазъединение-самовоссоединение Абсолюта. В основе этой метафизической схемы лежит онтологический принцип всеединства.

Карсавин конституирует всеединство как бесконечную иерархию всеединств, где каждый последующий уровень стяженно включает в себя предыдущий. Понятие «стяженно» он заимствует у Кузанца. Через это понятие Карсавин вводит представление о некоем умаленном присутствии целого в своей части, и всякой части – во всякой другой части. В работе «Глубины сатанинские» он обосновывает божественность многообразия целостного Вселенского и человеческого бытия. В эту плюралистичность вписывается и многообразие духовных поисков, иногда заходящих в тупики еретических учений.

Как идеолог евразийства Карсавин размышлял над так называемой «русской идеей», местом и ролью России в истории христианства. После революции все религиозные философы XX в. не могли не размышлять над эпохальным событием – резкой и неожиданной атеизацией русского народа в Советской России. Закрытие церквей, расстрелы священников, практически полное молчание богословов, – стало философским вызовом для сторонников «теории народа-богоносца».

Что такое исторический народ или нация – это так называемый «еврейский вопрос», он же – «русский вопрос» или «немецкий вопрос» (для Гегеля). С. Булгаков и Н. Бердяев, предложили оригинальный подход к рассмотрению проблемы «исторических» и «неисторических» народов. Суть подхода Булгакова к решению проблемы исторической нации в следующем: нация – это огромная многонациональная религиозно-культурная целостность, в основе которой лежат не только политические, экономические потребности элит, но и некий мистический момент. Мистическим принципом объединения, «социальным клеем» в этом случае является историческая миссия, замышленная Богом. Нация призвана сыграть свою партию в симфоническом

всеединстве мира, разворачивающегося во времени истории от Начала творения до Страшного Суда. Таким образом, получается, что разнорациональную группу делает единым народом, с одной стороны, установка на *национализм*, на обособление от других наций. А с другой стороны, нацию отличает установка, на универсализм, то есть стремление к единению со всем человечеством.

Впервые универсалистская идея была осознана в древнееврейской религии. Но окончательное доктринальное завершение она получила в католическом и православном учении. Тогда как националистическая идея – это отличительная черта любого язычества. Здесь следует вспомнить как Бердяев и Булгаков трактуют сущность Богооткровения: свет откровения изливается стадиями: сначала на язычников, далее, на евреев и, наконец – на христиан. Поэтому до Боговоплощения Христа, родовое язычество призвано исчерпать возможности одностороннего национализма, радикальный монотеизм евреев – возможности одностороннего универсализма. Евангелие закладывает основы противоречивого единства этих принципов. Непринятие евреями догмата о Боговоплощении ставит их в сложное положение соблазна этими двумя принципами: поэтому для еврейской мысли и религии после Христа характерно шатание – то в национализм (сионизм), то в универсализм (космополитизм). В прочем та же опасность характерна и для исторического христианства, принимавшего то крайне националистические формы (протестантские течения), то крайне универсалистские формы (светский гуманизм).

Эти концепции истории откровения через иудаизм развиваются Н. Бердяевым и С. Булгаковым применительно к истории мысли Европы и России. Они осмысливают разные идейные светские течения как ереси религиозного плана в своих знаменитых работах «Карл Маркс как религиозный тип: из этюдов о религии человекобожества» (1907) и «Мирозерцание Достоевского» (1923), «Смысл русского коммунизма» (1937). Так, Н. Бердяев вскрывает злой аспект идеального – правильных идей, соединяющихся с ересью, которой он считал коммунистическое учение (см., например: [Бердяев 1990, 129–146]). Так Достоевский, по мнению Бердяева, был первым, кто

«глубже видел, чем Владимир Соловьев, который острит о русских нигилистах, приписывая им формулу: человек произошел от обезьяны, поэтому будем любить друг друга. Нет, уж если человек не образ и подобие Божие, а образ и подобие обезьяны, то любить друг друга не будут, то будут истреблять друг друга, то разрешат себе всякое убийство и всякую жестокость. Тогда все дозволено. Достоевский показал перерождение и вырождение самой «идеи», самой конечной цели, которая вначале представлялась возвышенной и соблазнительной. Сама «идея» безобразна, бессмысленна и бесчеловечна, в ней свобода переходит в безграничный деспотизм, равенство – в страшное неравенство, обоготворение человека – в истребление человеческой природы» [Бердяев 1993, 155].

Такую же концепцию ересей как у Карсавина, излагает С. Булгаков, который исследовал марксизма. Он считает, что истоки концепции истории и общества Карла Маркса религиозные. Атеистический социализм Маркса – это сектантский хилиазм рационалистического толка. Еврейский хилиазм и марксизм – это тупики религиозного авантюризма, попытки «вымогательства чуда». Поэтому социалисты-атеисты так ненавидят религию вообще, но в особенности – христианство и иудаизм как наиболее близкие, а значит наиболее опасные, источники некоторых социалистических идей. Маркс не знает своих религиозных корней, но смутно их ощущает. Поэтому социалисты-атеисты так ненавидят религию вообще, но в особенности – христианство и иудаизм как наиболее близкие, а значит наиболее опасные, источники некоторых социалистических идей [Булгаков 2008, 4–12].

При этом основные социалистические идеи Булгаков не считает ложными по сути. Практический социализм есть «лишь средство для осуществления требований христианской этики», – писал он [Булгаков 1997, 199]. Но и не более того, ведь социализм не способен разрешить трагизм жизни, страшный смысл истории. Смысл истории, по Булгакову, – в окончательном обособлении духовного добра и зла; итог истории – трагедия определенности этих двух духовных начал. Религиозный сектантский еретический соблазн атеистического социализма, – это соблазн страши-

ного и умного духа, соблазнявшего в пустыне Христа устройством в мире человека без Бога, то есть без поисков способов обожения (особенно это было характерно для философии Павла Флоренского).

Русские религиозные философы Серебряного века создали оригинальную концепцию ересей. В ней ереси трактуются амбивалентно. С одной стороны, ереси – это симптомы духовных поисков христиан и самопознание свободного духа, – здесь, конечно же, не обошлось без влияния философии Гегеля. С другой стороны, ереси XX в. – это последствие секуляризации философской и богословской мысли, развившееся прежде всего в всевозможных учениях о Новых и Новейших временах, уходящие корнями в хилиазм и народный нигилизм. Эта концепция была своеобразным ответом на вызов истории, который Фридрих Ницше назвал «смертью Бога». Русских философов интересовал этот феномен омертвления христианского духа прежде всего в официальном православии. Понятно, что эти их взгляды вызвали в церковных кругах осуждение практически всего круга религиозных философов, что, впрочем, не мешает их включать в сегодня программу духовных семинарий (подробнее об этом см.: [Кравченко 2006; Коган 1959]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О русских классиках. М.: Высшая шк., 1993.
- Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
- Булгаков 1997 – *Булгаков С.Н.* Первохристианство и новейший социализм // Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
- Булгаков 2008 – *Булгаков С.Н.* Родословная Христа. Карл Маркс как религиозный тип. Русская трагедия: сб. ст. М.: Директ-Медиа, 2008.
- Карсавин 1994 – *Карсавин Л.П.* Глубины сатанинские (Офиты и Василиды) // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 73–94.
- Карсавин 2012 – *Карсавин Л.П.* Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012.
- Коган 1959 – *Коган Л.А.* К критике философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 102–113.

- Кравченко 2006 – *Кравченко В.В.* Владимир Соловьев и София. М.: Аграф, 2006.
- Соловьев 2015 – *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика. М.: Проспект, 2015.
- Тимошина 1993 – *Тимошина Е.В.* Хилиастические аспекты теократического идеала В.С. Соловьева // Правоведение. 1993. № 6. С. 66–74.
- Dahm 1975 – *Dahm H.* Vladimir Solovyev and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1975.
- David 1962 – *David Z.V.* The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21, № 1. P. 43–64.
- Mueller 1951 – *Mueller L.* Solovjev und der Protestantismus. Freiburg: Verlag Herder, 1951.

REFERENCES

- Berdyayev N.A., 1990. *The Origins and Meaning of Russian Communism.* Moscow, Nauka Publ.
- Berdyayev N.A., 1993. *About Russian Classics.* Moscow, Higher school Publ.
- Berdyayev N.A., 1994. *Philosophy of the Free Spirit.* Moscow, Respublika Publ.
- Bulgakov S.N., 1997. Early Christianity and the Latest Socialism. *Two Cities. Research on the Nature of Social Ideals.* Saint Petersburg, Publishing House of the RKhGI.
- Bulgakov S.N., 2008. Genealogy of Christ. Karl Marx as a Religious Type. *Russian Tragedy. Collection of Articles.* Moscow, Direct-Media Publ.
- Karsavin L.P., 1994. Satanic Depths (Ophites and Basilides). *Small Works.* Saint Petersburg, Aleteyya Publ., pp. 73-94.
- Karsavin L.P., 2012. *Monasticism in the Middle Ages.* Moscow, Lomonosov Publ.
- Kogan L.A., 1959. To the Criticism of the Philosophy of V.I. Solovyov. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 102-113.
- Kravchenko V.V., 2006. *Vladimir Solovyov and Sofia.* Moscow, Agraf Publ.
- Solovyev V.S., 2015. *Great Debates and Christian Politics.* Moscow, Prospekt Publ.
- Timoshina E.V., 1993. Chiliastic Aspects of the Theocratic Ideal of V.S. Solovyov. *Pravovedenie*, no. 6, pp. 66-74.
- Dahm H., 1975. *Vladimir Solovyev and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation.* Dordrecht, D. Reidel Publishing Company.
- David Z.V., 1962. The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought. *Slavic Review*, vol. 21, no. 1, pp. 43-64.
- Mueller L., 1951. *Solovjev und der Protestantismus.* Freiburg, Verlag Herder.

Information About the Author

Andrey I. Makarov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andre_mak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Информация об авторе

Андрей Иванович Макаров, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andre_mak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

www.volsu.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.5>

UDC 101.1:316«312»

LBC 87.6

Submitted: 02.07.2023

Accepted: 16.11.2023

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF SOCIAL ENGINEERING

Svetlana E. Kryuchkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Khrapov

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Elena V. Kryuchkova

Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the methodological problems of innovation, a new branch of knowledge that has both a scientific and applied character, and also explores such a variety of technical and technological innovations as information and digital technologies, which today determine social dynamics and permeate all spheres of human life, putting forward new requirements for their knowledge and skills. The term "digital society" is analyzed in the conceptual grid of such concepts as "post-industrial society" and "information society". In the course of analyzing the features of the digital society and the socio-cultural effects of the development of digital technologies, the authors focus on the analysis of social, cognitive, psychological, and anthropological risks, including the threat of the loss of attributive personality traits. It is substantiated that in the context of increasing trends in the total mediatization of society, the importance of social and humanitarian expertise, which allows assessing the risks posed by information and digital technologies, is of particular importance. The author substantiates the conclusion that it is necessary to institutionalize the mandatory ethical and humanitarian expertise of large innovative projects and the participation of public organizations and civil society in it. The article raises the question of the need to predict undesirable consequences from the introduction of certain technical and technological innovations and the role of the humanities in this process. Particular attention is paid to the little-developed interdisciplinary and transdisciplinary research area called "social assessment of technology", a new area of such a branch of philosophy as the philosophy of technology, which has an institutional character in the West but has not yet received sufficient distribution in our country, as well as the "precautionary principle" and various interpretations of its status in those countries where it is included in legislative documents.

Key words: technical and technological innovations, information society, digitalization, virtualization, risks, technology assessment, social and humanitarian expertise, "precautionary principle".

Citation. Kryuchkova S.E., Khrapov S.A., Kryuchkova E.V. Digital Technologies as a Means of Social Engineering. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 42-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.5>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Светлана Евгеньевна Крючкова

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Александрович Храпов

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Елена Вячеславовна Крючкова

Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы инноватики – новой отрасли знания, имеющей как научный, так и прикладной характер, а также исследуется такая разновидность технико-технологических инноваций как информационно-цифровые технологии, определяющие сегодня социальную динамику и пронизывающие все сферы жизнедеятельности человека, выдвигая новые требования к его знаниям и навыкам. Проводится анализ термина «цифровое общество» в концептуальной сетке таких понятий, как «постиндустриальное общество» и «информационное общество». В ходе анализа особенностей цифрового общества и социокультурных эффектов развития цифровых технологий авторы фокусируются на анализе социальных, когнитивных, психологических и антропологических рисков, включающих угрозу потери атрибутивных признаков личности. Отмечается, что особую значимость в условиях усиления тенденций тотальной медиатизации общества приобретает социально-гуманитарная экспертиза, позволяющая осуществлять оценки тех рисков, которые несут информационно-цифровые технологии. Обосновывается вывод о необходимости институционального оформления обязательной этико-гуманитарной экспертизы крупных инновационных проектов и участие в ней общественных организаций и гражданского общества. В статье ставится вопрос о необходимости прогнозирования нежелательных последствий от внедрения тех или иных технико-технологических инноваций и роли в этом процессе гуманитарных наук. Особое внимание уделено недостаточно разработанному в нашей стране междисциплинарному и трансдисциплинарному направлению исследований под названием «социальная оценка техники» – новой области такого раздела философии, как философия техники, имеющая на Западе институциональный характер, но пока еще не получившая достаточного распространения в нашей стране, а также «принципу предосторожности» и различным трактовкам его статуса в тех странах, где он внесен в законодательные документы.

Ключевые слова: технико-технологические инновации, информационное общество, цифровизация, виртуализация, риски, оценка техники, социально-гуманитарная экспертиза, «принцип предосторожности».

Цитирование. Крючкова С. Е., Храпов С. А., Крючкова Е. В. Цифровые технологии как средство социальной инженерии // Logos et Praxis. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 42–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.5>

Введение

Современность порождает множество проблем, требующих философского осмысления. Одной из них является проблема инноваций и их роли в современном мире. Масштаб инноваций и скорость их появления сегодня идут по экспоненте, весьма напоминая распространение недавней пандемии COVID-19. Особенно это касается наиболее современной разновидности технико-технологических инноваций под названием «цифровые техно-

логии». Трансформации, вызванные ими, настолько радикальны, что затрагивают не только экономический уклад, но и все социальные отношения, культурные и этические нормы, индивидуальные и коллективные идентичности. Влияя на духовные процессы, они виртуализируют образ жизни, а зачастую и весь «жизненный мир» отдельного человека. Эти «метаморфозы современного мира» [Бекк 2016], связанные с трансформацией смыслов в поле цифровой коммуникации, когда социальное воспроизводится и конструируется посред-

ством медиа, чрезвычайно актуализируют необходимость научных обсуждений, позволяющих исследовать их социальные последствия, а также артикулировать альтернативные подходы к будущему человека и общества [Грунвальд 2013, 99].

Стимулируя появление новых социальных практик и связей [Magres 2017, 41], инновации сегодня по сути дела приобретают аксиологический статус, превратившись из формы социальной динамики и способа обновления общества в ценность культуры в широком смысле этого слова [Крючкова С.Е., Крючкова Е.В. 2016].

Больше всего настораживает тот факт, что в формирующемся на наших глазах VI технологическом укладе, приходящем на смену V [Асеева 2017, 128–129], появились внедряемые повсеместно сложные социотехнические системы и инновационные практики, позволяющие проникать во внутреннюю природу человека, и тем самым, претендовать на модификацию его сущности. Речь идет, в первую очередь, о так называемых НБИК-технологиях, имеющих социогуманитарное измерение, а также о гибридации онлайн- и офлайн-пространств [Алексеева, Аршинов 2016]. В ситуации виртуализации коммуникации, образования, искусства, труда и досуга многократно возрастают риски радикального (и управляемого извне) изменения смысловых и дискурсивных горизонтов сознания и миропонимания индивидов.

Поиск ответа на вопрос, насколько побочные эффекты технико-технологических инноваций могут быть спрогнозированы, носят ли неизбежно некоторые из этих инноваций катастрофический характер и каким образом необходимо проводить оценку технико-технологических инноваций, чтобы можно было избежать их нежелательных последствий, будет предметом анализа данной статьи.

Логика изложения материала требует рассмотрения вопроса об общей природе инноваций, выявления специфики их технико-технологической разновидности, ярко проявившейся на современном этапе в феномене информатизации / цифровизации, исследования условий и рисков так называемого «цифрового общества». Последнее представляется особенно важным, так как решения об использовании или отказе от определенных технологий и инновационных

программ имеют далеко идущие последствия для дальнейшего развития общества.

Методологической основой статьи является системный подход, позволяющий осуществить комплексное философско-методологическое исследование технико-технологических инноваций. Кроме того, работа предполагает опору на такие философские подходы как аналитико-дескриптивный, аксиологический, экзистенциальный и другие, широко используемые в научно-гуманитарном познании.

Сегодня цифровые технологии с их фантастическими возможностями являются важнейшим фактором трансформации социального бытия. Настоящий шок вызвал тот факт, что, интегрируя коммуникационные и информационные инфраструктуры в единую цифровую среду (Сеть), они оказались способными не просто влиять на социальную реальность, но в силу нарастающей медиатизации общества фабриковать знания о ней, и этим, как оказалось, менять саму реальность, конструируя в медиапространстве желаемый вариант. Возникает новая социальная технология: виртуальный образ реальности (картина мира) определяет социальное поведение человека. Как следствие, феномен, когда социальное воспроизводится посредством медиа, сегодня все чаще становится предметом философской рефлексии [Нерр 2019].

Описание изменений, на наших глазах радикально меняющих социальную среду и создающих новые практики в медиапространстве, сегодня все чаще ведется с использованием термина «цифровое общество» [Чернавин 2021]. Данный термин вполне вписывается в претендующую на универсальность традиционную линейную модель: аграрное – индустриальное – постиндустриальное (информационное / цифровое) общество, в том или ином виде получившую разработку первоначально в трудах А. Сен-Симона, О. Конта и продолженную Ж. Фурастье, Р. Ароном, Д. Беллом, И. Масудой, У. Ростом, А. Туреном, Э. Тоффлером, П. Дракером, М. Маклюэном, М. Кастельсом и др.

Важно отметить, что термин «цифровизация», как «квинтэссенция информационно-технологической революции» [Чумаков 2021, 40], начавший использоваться в конце прошлого века применительно к цифровой эко-

номике, а затем и к сфере социальных коммуникаций, стал сегодня не просто широко распространенным в познавательных-исследовательских практиках, а превратился в своего рода маркер актуальности работ социогуманитарной направленности, магическим образом наделяющий их неким приоритетным статусом. Выделившись из «единого символически-семантического дискурсивного комплекса» – информатизация / цифровизация [Соколов 2020, 23], он значительно потеснил традиционные для научного социогуманитарного дискурса концепты «компьютеризация» и «информатизация». Например, вместо «информационное общество» мы все чаще встречаем «цифровое общество», описываемое в поле таких производных понятий, как «цифровая культура / образование», «цифровой суверенитет» [Гуров, Петрунина 2020, 6], «цифровая утопия» [Халуторных, Егорова 2022], «цифровая революция» (*digital revolution*) и т. п., что делает необходимым рассмотрение смыслов и реального использования концепта «цифровизация», на наших глазах превращающегося в своего рода бренд, часто используемый, например, в политико-идеологической риторике.

Однако, несмотря на такое широкое словоупотребление и прозрачность этимологии, термин «цифровизация» страдает неточностью формулировок, он все еще не концептуализировался в научном дискурсе, что соответствует этапу эмпирического описания цифровых трансформаций. Данный концепт недостаточно развернут, его содержание остается размытым, в том числе и в силу неразличения его узкого и широкого понимания.

В узком смысле под ним имеют в виду «преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д.» [Халин, Чернова 2018, 47]. Ее основа – цифровые технологии как совокупность методов для достижения целей с помощью информации, представленной в оцифрованном виде. Во втором (более широком) смысле под ним понимают сложную технико-технологическую среду, истоки которой в идеологии массового и безостановочного потребления информа-

ции (как товара), возникшую в результате интеграции цифровых технологий в важнейшие сферы общественной жизни: производство, науку, образование, культуру, социальную сферу, повседневность [Кастельс 2000, 21]. Современные исследователи цифровизации, опираясь на социокогнитивный подход к интерпретации радикальных инноваций, выделяют четыре базовые технологии, кардинально трансформирующие социальную реальность. Ими выступают процессы сетевизации, датификации, алгоритмизации и платформизации [Selwyn 2019], складывающиеся в целостность цифрового общества. «Сетификацией» обозначают сетевые коммуникации, создающие инфраструктуру глобального общества и дающие доступ к большим объемам информации, «дативизацией» – технологии больших данных (*Big Data*), при которых числовой показатель выступает как средство социальной оценки, «алгоритмизацией» – автоматизированную обработку и аккумуляцию больших объемов данных, а «платформизацией» – программную инфраструктуру, соединяющую людей, информацию и товары (например, социальные медиаплатформы Яндекс, Telegram и др.) [Добринская 2021, 114–118].

Исходя из этого, понятием «цифровое общество» обозначают такую общественную систему, в которой «информация, выраженная в цифре, является основой современных технологий, а также стратегическим ресурсом и способом воздействия на общественные и природные процессы» [Чумаков 2021, 41]. Инфраструктура этого общества функционирует посредством цифровых технологий, а «базовой формой организации и социального взаимодействия являются сетевые структуры и платформы» [Добринская 2021, 113]. Значимость последних как главных участников открытого (но с уже предустановленными правилами работы) цифрового пространства нашла отражение в концепции «общества платформ», в котором платформы выступают не только в функции бизнес-структур («добытчики» и «продавцы» данных, превратившихся в ценность, в товар интернет-компаний типа Яндекс, Google, Facebook * и т. п.), но и контролеров и цензоров.

* Подразделение, принадлежащее компании Meta Platforms, Inc. – террористической и экстремистской организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Вместе с тем феномен цифрового общества, когда под ним понимают «форму социального порядка» [Тихонова, Фролова 2019, 287], также остается пока не раскрытым в достаточной степени, что объясняется продолжающимся процессом его становления. Именно потому, что предмет исследования оказался таким сложным, необходимо перманентное уточнение понятия с учетом ракурса рассмотрения, например, методологии социологического или социально-философского подходов, а также в соотношении с такими понятиями как «постиндустриальное» и «информационное» общество. Например, для Д. Белла они однопорядковые, второе понятие – иное название первого, так как информация – лишь новая основа определения социальной структуры, а все основные характеристики совпадают [Белл 1988].

«Цифровое общество» одними исследователями рассматривается как принадлежащее к постиндустриальному этапу социальной эволюции, а другими, наделяющими цифровую сферу общества (знания и коммуникации) статусом самостоятельного структурного элемента общества (информационное пространство и цифровые социальные институты со своей идеологией и субъектами, наряду с экономикой, политикой, культурой, социальной сферой) – *новым этапом* техногенной цивилизации [Храпов 2019, 6]. Такая оценка во многом связана с тем, что цифровые системы оказались способными решать уже более серьезные задачи, связанные с умением анализировать информацию, находить наиболее эффективные пути решения проблем и даже делать прогнозы на будущее на основе проведенной оценки текущего состояния дел.

Дискуссии о глубинной сущности цифрового общества и его места в исторической эволюции показывают, что эта проблематика нуждается в философском анализе, так как «цифровое общество есть намного большее, чем общество, погруженное в цифровые технологии» [Хазиева 2018, 8]. Его следует рассматривать как «сложный познавательный-ориентировочный комплекс, включающий знания и данные из разных наук и сфер деятельности, разнородные концептуальные построения и проекты» [Алексеева, Аршинов 2016, 10], и именно философия, с ее онтологической традицией

числа, берущей начало еще в древних культурах, способна выявить социокультурные предпосылки и причины появления необходимости «цифрой измерить мир», а значит, понять сущность современного «метрического общества» (Ш. Мау). Тем более, что в философской мысли существует традиция анализа влияния технологического прогресса на природу человека (Н. Бердяев, О. Шпенглер, М. Хайдеггер и др.). Вместе с тем на сегодняшний день такая широта объективной предметности, находящейся в стадии активного развития, и порождаемая ею разногласия дефиниций, затрудняет понимание того, какой же все-таки род данности стоит за термином «цифровое общество», а следовательно, и выработку методологической платформы исследования цифрового общества, которая оказалась бы способной «интегрировать социальную философию, социальную эпистемологию и цифровую антропологию в единый трансдисциплинарный проект» [Тихонова, Фролова 2019, 287]. Основой такой платформы может выступить системный подход, позволяющий провести комплексное философско-методологическое исследование феномена цифрового общества, выявить механизмы взаимосвязи технико-технологических, когнитивных и социокультурных составляющих его развития.

Новые мифы и риски цифровых технологий

Можно утверждать, что по вопросу о необходимости цифровизации и ее плюсах в научном дискурсе сегодня достигнут определенный консенсус: ее идеи находят поддержку у многих социальных субъектов, начиная с правительств, заинтересованных в безопасности и контроле происходящих общественных процессов, представителей бизнеса, сфокусированных на максимизации прибыли за счет оптимизации расходов, и заканчивая отдельными членами общества, для которых цифровые технологии открывают новые возможности для реализации личности, расширяя поле социально-культурных практик, социализации и индивидуализации. Вместе с тем произошедший на наших глазах социально-цифровой поворот, меняющий профессии, навыки, компетенции, а также

опосредованно влияющий на систему ценностей и представления людей, все чаще становится предметом острых споров в научном и общественном дискурсе.

Первоначальные представления об Интернете, связанные с идеей открытого «пространства свободы и равенства» (М. Кастельс) с общими социальными смыслами, выступающими гарантиями взаимопонимания и общественного контроля, ожиданием реализации тех или иных идеалов, сменились негативными оценками современного «информационного ландшафта». Технологический оптимизм сменился гуманитарным пессимизмом [Петрова 2021, 25], отказом от прежних иллюзий, пониманием того, что «цифровое пространство уже давно не безнадзорно, а регулируемо полностью или частично» [Скрипченко, Колесникова, Мейпин 2020, 222], а владение и управление информацией стало средством изощренного манипулятивного воздействия на человека и важным инструментом получения и удержания власти. Новые свободы оказались источником новых зависимостей. Пришло осознание того, что возможности Сети, облегчая межличностные коммуникации, одновременно содержат в себе целый ряд *социально-психологических рисков*. Так, появление невероятных по сравнению с прошлым технических возможностей передачи колоссальных объемов данных не только затрудняет задачу восприятия и критической оценки информации, но и порождают целый ряд *когнитивных рисков*, таких как информационное перенасыщение, ограничение возможностей памяти и рефлексии, рассеивание внимания и т. п., ставя на повестку дня поиск путей их нивелирования [Храпов, Баева 2021].

Также в условиях медиатизированного конструирования реальности, когда «Сеть, как условие свободного высказывания, становится инструментом учреждения действительности», а в пространстве постправды «факт и фейк свободно переходят в друг друга, создавая *фейкт* – единицу цифрового опыта» [Очеретяный 2020, 316, 319], становится весьма трудно *отличать истину от лжи, действительную информацию от «информационного шума»*, создаваемого всевозможными медиа [Маклюэн 2014].

Произошедший в Сети «персоналистический сдвиг» ведет к изменению смысловой картины реальности за счет лавинообразного нарастания объема персональных нарративов и «личностного» контента. И часто это – шок-контент, агрессивные выбросы по отношению к Чужому, находящемуся вне «кокона» виртуального жизненного мира пользователя Сети. Скандал, эпатаж, оскорбление, троллинг, ажиотаж по поводу девиаций, становятся не просто привычным явлением, а источником узнаваемости и популярности, часто конвертируемых в доходы. При этом значительная часть информационного потока – это пересылаемые сообщения, когда пользователи, не добавляя нового содержания к полученной информации, ограничиваются ее быстрой трансляцией Другому в желании получить эмоциональную поддержку от виртуальных партнеров и/или уйти от ответственности выбора [Dolev-Cohen, Barak 2013]. В этих условиях задача ограничения и фильтрации потока информации становится неотложной.

Нарушение конфиденциальности. Анонимность и свобода коммуникаций уже в прошлом, публичным становится самое приватное. «Цифровые следы» (поисковые запросы, письма, звонки, покупки, финансовые операции и т. п.) пользователей собираются на платформах и обрабатываются алгоритмами, способными обрабатывать большие данные, а затем они становятся доступными третьим лицам. Пользователи, тем самым, превращают самих себя в объект «глобальной бюрократии надзора» (М. Кастельс). Цифровизация создает новые возможности для тотальной «слежки» за гражданами в общественном пространстве. Ярким примером является осуществляемый в Китае с 2014 г. проект внедрения системы индивидуального рейтинга, составляемого на основе обобщения данных, полученных с помощью новейших информационных технологий. Он предусматривает создание цифрового досье с социальным рейтингом, в котором оцениваются поступки и поведение граждан. В соответствии с персональным рейтингом надежным гражданам предоставляются те или иные преимущества и общественные блага, а в случае отрицательных показателей ненадежные граждане огра-

ничиваются в правах. И это уже не вопрос технологий, а политики и этики. Также ограничивают свободу и самостоятельность человека слияние коммерции (персонализированные предложения) и контроля над информацией (через модерацию контента), манипулирование общественным мнением и внешнее воздействие на принятие решений, например, со стороны владельцев платформ, обычно декларирующих нейтральность и приверженность идее общественного блага.

Переход социальной коммуникации в виртуальные формы оказывает серьезное воздействие и на *систему ценностей* «сетевого индивида», сопровождаясь появлением новых форм социализации, выражающихся, например, в стремлении к постоянному присутствию в Сети и/или потребности активного взаимодействия с виртуальными партнерами. Так, личные профили в соцсетях, особенно в виде рассказов о своих успехах, стали сегодня не просто «нарративной практикой самопозиционирования», но и одним из способов конструирования идентичности [Тульчинский 2021, 324]. Это нашло концептуальное отражение в виде появления термина «E-Homo Sapiens», которым стали обозначать новый тип личности – «человека информационного» [Чернавин 2021]. Им обозначают феномен виртуализации сознания, замещения реальной жизни симулякрами, ведущий к *потере личностной идентичности либо ее подмене внешней идентификацией другими* (принадлежность к сообществу).

Также приобщение к информационным благам Сети, где «все связаны со всеми», сопровождается *размыванием границ частного и публичного* (У. Эко), выводя на первый план персональный социальный опыт, полученный в цифровой среде, что, в свою очередь, стимулирует в условиях комфортности потребления *возрастание гедонистических установок и нарциссизма*, а также порождают «специфические экзистенциальные проблемы («одиночества в сети», утрату идентичности с реальными социальными группами, стремление к бегству от реальности и др.)» [Баева, Алексеева 2014, 96]. В условиях, когда сетевые платформы дают возможность для конструирования идеального образа («проектной», перформативной «сетевой» идентич-

ности») и технических возможностей идентификации себя различными способами, возникает риск перехода виртуальных самопрезентаций в реальность, что чрезвычайно актуализирует задачу сохранения традиционных характеристик человека и жизненных ценностей личности.

Ведущаяся оцифровка всех областей бытия человека и ощущение опасности «культуры числа», когда даже оценка исследований ученого ведется с помощью индексов цитирования и других библиометрических показателей, вызывает к жизни различного рода конспирологические теории, основанные на интуитивном подозрении, что ведущийся информационный надзор – это не только форма проявления власти, но и реализация некоего существующего *плана глобальной трансформации*, когда с помощью смены технологического уклада различные социо-культурные ареалы планеты будут превращены в единое «цифровое человечество». Метафизические амбиции «цифровой онтологии» [Саригто 2006] ставят проблему цивилизационного самоопределения и вызывают вполне закономерные ассоциации с трансгуманистическими и техно-алармическими проектами [Назаретян 2013]. Одновременно наблюдается и возрождение идей эсхатологической метафизики, обращенной против прогресса [Шестакова 2021, 65].

Социогуманитарная экспертиза и ее формы

Система «человек – машина» должна обладать таким свойством, как надежность функционирования. Однако, предсказуемость и безотказность не могут быть гарантированы полностью. Любая инновационная технология содержит осознаваемые или неосознаваемые потенциальные риски и вопрос, который часто обсуждается в дискуссиях по этике и «неравной защищенности от рисков», состоит не только в том, чтобы их разграничить, но и в том, чтобы решить, какие из них можно считать приемлемыми [К обществам знания, 2005, 141–147]. Вместе с тем, несмотря на все риски, цифровизация идет и неизбежно будет продолжать свою социальную экспансию, поэтому перед обществом, чьи гуманистичес-

кие интересы (при разработке и реализации технико-технологических инноваций) традиционно менее значимы, чем потребительские, стоит неотложная задача выработки социальных механизмов контроля в виде нормативной системы новых критериев, включающей не только традиционную оценку экономической эффективности, в основе которой лежит логика повышения производительности труда и оптимизации расходов с помощью рационализации, но имеющих целью общее благо [Асеева, Пирожкова 2021].

Обсуждение актуальных проблем социальной ответственности профессионалов, создающих технику, и обычно не уделяющих особого внимания ее влиянию на человеческие ценности, а также вопросы «компьютерной этики» (Дж. Вейценбаум, Дж. Мур) предполагают необходимость участия гуманитариев в этом процессе. Из этого следует, что необходимо институционально утвердить обязательную исследовательскую этико-гуманитарную экспертизу, способную оценивать воздействие глобальных технико-технологических инновационных проектов. Для этого нужны эффективные совместные усилия, с одной стороны, представителей академической и профессиональной среды, чья научная и техническая компетентность признается государственными органами, принимающими решения, а с другой, общественными организациями, представляющими гражданское общество в целом, что предполагает опору на социальные и гуманитарные науки, в рамках которых должна быть разработана концепция безопасности во всех сферах жизни человека.

Гуманитарные составляющие проектной деятельности заслуживают особого внимания уже на стадии разработки. Но можно ли минимизировать или даже предотвратить риски, если они предварительно аналитически не установлены? Последнее весьма непросто, так как делать прогноз, руководствуясь лишь предположениями перспектив будущего развития какой-то научной идеи сложно. Более того, это часто не удается даже при определении ее коммерческого потенциала, что уж тут говорить о новшестве до тех пор, пока оно, как продукт, не создано и не получило распространение. Значимая трудность на этом пути –

поиск тех, кто компетентен – создание сообщества специализированных (и автономных) научных экспертов, так как без этого мы верим расхожим аргументам заинтересованных институций.

Очевидно, что на сегодня созрели предпосылки для формирования трансдисциплинарных научных исследований, парадигмой которых может выступить, по мнению исследователя И.А. Герасимовой, «ноо-эко-геосистемный подход, позволяющий не только выявлять “катастрофические риски стратегий цифровой экономики и общества”, но на основе конвергенции философского, естественнонаучного и инженерного знания, осуществлять «учет методологических аспектов возможностей и ограничений технологий» [Герасимова 2021, 65].

Решению этой задачи посвящена деятельность ряда современных организаций, таких как RRI («Ответственные исследования и инноваций») [EU Global Approach... web], цель которых оценка социальных последствий от введения технико-технологических инноваций, а также «Оценка техники» (далее – ОТ) – направление исследований философии техники, появившееся и получившее институционализацию на Западе. Возникшее в результате осознания значимости общественного влияния на процессы принятия решений политиками и обществом, социальная ОТ представляет собой особый тип междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, касающихся производства знаний и их оценки из социальной перспективы, с целью «раннего предупреждения» техногенных последствий [Грунвальд 2013, 89]. Это предполагает внедрение так называемого «*принципа предосторожности*» (R. Schomburg), применяемого в случаях возникновения рисков и угроз, представляющих опасность для человека и окружающей среды, и неприемлемых с точки зрения этики. Для реализации данного принципа необходимо разработать систему превентивных процедур и форм мониторинга, позволяющих осуществлять социальное управление рисками путем выявления на ранних стадиях создания технико-технологических инноваций нежелательных последствий, особенно тех, которые способны привести к соци-

альным конфликтам [Горохов, Грунвальд 2011, 135, 137]. Вместе с тем нельзя не отметить, что несмотря на то, что принцип предосторожности закреплен в законодательных актах целого ряда стран, вокруг него сегодня идут острые споры: в развитых странах эксперты часто ставят на первое место внедрение инноваций, апеллируя к принципу свободы рынка и предпринимательства, в менее развитых – рассматривают его как препону на пути развития, противопоставляя ему принцип необходимости. Во многом это связано с тем, что его «нередко ошибочно рассматривают как призыв к введению полного контроля в сфере науки и технологий» [К обществам знания 2005, 144].

ОТ как феномен, порожденный осознанием значимости общественного влияния на принятие решений, фокусируется на знании, которое в «обществе знания» необходимо превращать в контролируемое в его прикладных аспектах. Например, ОТ может подготовить почву для прикладной этики (этические ограничения сфер применения технологий ИИ и даже этических кодексов работы интеллектуальных систем и алгоритмов практического поведения) и гуманитарного контроля [Разин 2020]. И такой контроль должен осуществляться не с внутринаучной точки зрения, а с позиции социальных ожиданий. И здесь важным становится вопрос о формировании «новых порядков ценностей», проверка на соответствие которым должна осуществляться новыми механизмами контроля. Кроме того, с учетом взаимосвязи технико-технологических инноваций с экономическими структурами, обеспечивающими их распространение, ОТ должна учитывать не только те социальные, политические (политические решения, формирование общественного мнения), культурные и этические контексты, «в которых техника используется и применяется, а также и те, с помощью которых она элиминируется из сферы потребления (ликвидация, депонирование, переработка и т. д.)» [Горохов, Грунвальд 2011, 140].

Таким образом, к ОТ в той или иной дисциплинарной форме должны привлекаться не только участники того или иного технического проекта или особое научное сообщество, но и профессионально независимые субъек-

ты, а в идеале все те, кого затрагивают данные инновации. Кроме того, и это представляется принципиальным и глобальным вопросом: «нельзя допустить, чтобы революция в сфере информационных технологий и коммуникации привела к тому, что, исходя из логики узкотехнологического детерминизма и фатализма, рассматривалась бы как возможная лишь одна-единственная форма общества» [К обществам знания 2005, 18–19]. Таковой модели, безусловно, не существует, и в данном случае, выбирая направление будущего развития, надо исходить из того, что ключ к решению рассмотренных проблем следует искать не в технологиях и иных инновациях, а в социальной организации общества в целом, его ценностных ориентирах и морали, а также в самом человеке, в конструировании им новых жизненных смыслов и расширении его человеческих возможностей в стратегической перспективе.

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что исследование роли цифровых технологий в трансформации социальной реальности и технологизации человека требует серьезных «эпистемологических» усилий по преодолению комплекса методологических сложностей, и в первую очередь парадигмальных границ социально-гуманитарного и технического знания, подбора методического инструментария. Тем не менее современный опыт философского осмысления (социальная философия – философия техники – философская антропология) дает надежду на конструктивную концептуализацию не только в контексте определения рисков цифровизации (социальных, когнитивных, витальных, правовых), но и выработки мер, по минимизации их деструктивных последствий, в частности, создание моделей безопасных цифровых сред и развитие практических оснований цифровой этики и цифровой психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Аршинов 2016 – Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016.
 Асеева 2017 – Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпис-

- темология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 124–137.
- Асеева, Пирожкова 2021 – *Асеева И., Пирожкова С.* Прогностические подходы и этические основания техно-социальной экспертизы // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 65–76.
- Баева, Алексеева 2014 – *Баева Л.В., Алексеева И.Ю.* Е-НОМО SAPIENS: виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1. С. 86–97.
- Белл 1988 – *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 330–342.
- Герасимова 2021 – *Герасимова И.А.* Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 65–76.
- Горохов, Грунвальд 2011 – *Горохов В.Г., Грунвальд А.* Каждая инновация имеет социальный характер! (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135–145.
- Грунвальд 2013 – *Грунвальд А.* Оценка техники и ее отношение к философии // Степанянц М.Т. (ред.). Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Наука: Вост. лит., 2013. С. 87–99.
- Гуров, Петрунина 2020 – *Гуров А.М., Петрунина М.А.* Цифровая трансформация: человеческое измерение // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2020. № 2 (82). С. 2–8.
- Добринская 2021 – *Добринская Д.Е.* Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 2. С. 112–129.
- К обществам знания 2005 – К обществам знания: Всемир. докл. ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005.
- Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Крючкова С.Е., Крючкова Е.В. 2016 – *Крючкова С.Е., Крючкова Е.В.* Инноватика. М.: Янус-К, 2016.
- Маклюэн 2014 – *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014.
- Назаретян 2013 – *Назаретян А.П.* Мировоззренческая перспектива планетарной цивилизации // Дубровский Д.И. (ред.). Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 26–48.
- Очеретяный 2020 – *Очеретяный К.А.* Фейкт – единица цифрового опыта // Шаповалова Л.В., Дудник С.И. (ред.). Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020. С. 309–324.
- Петрова 2021 – *Петрова Е.В.* Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом? // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 25–35.
- Разин 2020 – *Разин А.В.* Этические проблемы искусственного интеллекта и цифровых технологий // Шаповалова Л.В., Дудник С.И. (ред.). Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020. С. 154–163.
- Скрипченко, Колесникова, Мейпин 2020 – *Скрипченко Д.В., Колесникова Е.И., Янь Мейпин.* Общественные коммуникации в эпоху цифровых диктатур // Шаповалова Л.В., Дудник С.И. (ред.). Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020. С. 221–233.
- Соколов 2020 – *Соколов Е.Г.* Информационная/цифровая эпоха. Предварительная разметка. К постановке проблемы // Шаповалова Л.В., Дудник С.И. (ред.). Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020. С. 7–37.
- Тихонова, Фролова 2019 – *Тихонова С.В., Фролова С.М.* Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>
- Тульчинский 2021 – *Тульчинский Г.Л.* Идентичность и самопрезентация личности в цифровых медиа. О кн.: Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: Монография. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021 // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 320–326.
- Хазиева 2018 – *Хазиева Н.О.* Цифровое общество: опыт философского осмысления проблемы // Философия и культура. 2018. № 4. С. 8–13.
- Халин, Чернова 2018 – *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
- Халугорных, Егорова 2022 – *Халугорных О.Н., Егорова И.А.* Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2022. № 2 (94). С. 2–14.
- Храпов 2019 – *Храпов С.А.* «Человек техногенный» в социокультурном пространстве техногенной цивилизации. Астрахань: Изд. дом «Астрах. ун-т», 2019.
- Храпов, Баева 2021 – *Храпов С.А., Баева Л.В.* Философия рисков цифровизации образования:

- когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26.
- Чернавин 2021 – Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 2. С. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
- Чумаков 2021 – Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.
- Шестакова 2021 – Шестакова И.Г. Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 61–71.
- Beck 2016 – Beck, U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge, Malden: Polity, 2016.
- Capurro 2006 – Capurro R. Towards an Ontological Foundation of Information Ethics // Ethics and Information Technology. 2006. Vol. 8, № 4. P. 175–186.
- Dolev-Cohen, Barak 2013 – Dolev-Cohen M., Barak A. Adolescents' Use of Instant Messaging as a Means of Emotional Relief // Computers in Human Behavior. 2013. № 29 (1). P. 58–63.
- EU Global Approach to Research and Innovation // <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eu-global-approach-to-research-and-innovation.html>
- Hepp 2019 – Hepp A. Deep Mediatization. L.: Routledge, 2019.
- Marres 2017 – Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Selwyn 2019 – Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge: Polity Press, 2019.
- Bell D., 1988. Social Framework of the Information Society. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow, Progress Publ., pp. 330-342.
- Gerasimova I.A., 2021. Digital Technologies: Realities and Centaurs of the Imagination. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 65-76.
- Gorokhov V.G., Grunvald A., 2011. Every Innovation Has a Social Character! (Social Assessment of Technology as an Applied Philosophy of Technology). *Vyssee obrazovanie v Rossii*, no. 5, pp. 135-145.
- Grunwald A., 2013. Evaluation of Technology and Its Relation to Philosophy. Stepanyants M.T. (ed.). *Philosophy and Science in the Cultures of the East and West*. Moscow, Nauka Publ., Vost. lit. Publ., pp. 87-99.
- Gurov A.M., Petrunina M.A., 2020. Digital Transformation: The Human Dimension. *Gumanitarnyj vestnik MGTU im. N.E. Baumana*, no. 2 (82), pp. 2-8.
- Dobrinskaya D.E., 2021. What is a Digital Society? *Sociologiya nauki i tekhnologii*, vol. 12, no. 2, pp. 112-129.
- Towards Knowledge Societies. UNESCO World Report*, 2005. Paris, UNESCO.
- Castells M., 2000. *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Moscow, State University Higher School of Economics.
- Kryuchkova S.E., Kryuchkova E.V., 2016. *Innovation*. Moscow, Janus-K Publ.
- McLuhan M., 2014. *Understanding Media: Human External Extensions*. Moscow, Kuchkovo pole Publ.
- Nazaretyan A.P., 2013. Worldview Perspective of Planetary Civilization. Dubrovsky D.I. (ed.). *Globalnoe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBKS) i transgumanisticheskaya evolyuciya*. Moscow, Izd-vo MBA, pp. 26-48.
- Ocheretyany K.A., 2020. Fake – A Unit of Digital Experience. Shapovalova L.V., Dudnik S.I. (ed.). *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi: sb. nauch. st.* Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg. un-ty, pp. 309-324.
- Petrova E.V., 2021. The Image of the Information Society in Culture: Is Optimism Replaced by Pessimism? *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 25-35.
- Razin A.V., 2020. Ethical Problems of Artificial Intelligence and Digital Technologies. Shapovalova L.V., Dudnik S.I. (ed.). *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi: sb. nauch. st.* Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg. un-ty, pp. 154-163.
- Skipchenko D.V., Kolesnikova E.I., Yan Meiping, 2020. Public Communications in the Era of Digital Dictatorships. Shapovalova L.V., Dudnik S.I. (eds.). *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi:*

REFERENCES

- Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., 2016. *Information Society and NBICS-Revolution*. Moscow, IF RAN.
- Aseeva I.A., 2017. Axiological Priorities of the VI Technological Mode. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 51, no. 1, pp. 124-137.
- Aseeva I., Pirozhkova S., 2021. Prognostic Approaches and Ethical Foundations of Techno-Social Expertise. *Voprosy filosofii*, vol. 12, pp. 65-76.
- Baeva L.V., Alekseeva I.Yu., 2014. E-HOMO SAPIENS: Virtual Microcosm and Global Habitat. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*, no. 1, pp. 86-97.

- sb. nauch. st.* Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg. un-ty, pp. 221-233.
- Sokolov E.G., 2020. Information/Digital Age. Pre-Marking. On the Formulation of the Problem. Shapovalova L.V., Dudnik S.I. (ed.). *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi: sb. nauch. st.* Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg. un-ty, pp.7-37.
- Tikhonova S.V., Frolova S.M., 2019. Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Socio-Epistemological Research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, vol.19, iss. 3, pp. 287-290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>
- Tulchinsky G.L., 2021. Identity and Self-Presentation of Personality in Digital Media. About the Book: Lisenkova A.A. Transformation of Socio-Cultural Identity in the Digital Space: Monograph. Perm, Perm State Institute of Culture, 2021. *Vestnik antropologii*, no. 3, pp. 320-326.
- Khazieva N.O., 2018. Digital Society: The Experience of Philosophical Understanding of the Problem. *Filosofiya i kultura*, no. 4, pp. 8-13.
- Khalin V.G., Chernova G.V., 2018. Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, no. 10, pp. 46-63.
- Khalutornykh O.N., Egorova I.A., 2022. Digital Utopia in Modern Society: Socio-Philosophical Aspect. *Gumanitarnyj vestnik MGTU im. N.E.Baumana*, no. 2 (94), pp. 2-14.
- Khrapov S.A., 2019. "Technogenic Human" in the Socio-Cultural Space of Technogenic Civilization. Astrakhan, Astrakhan University Publishing House.
- Khrapov S.A., Baeva L.V., 2021. Philosophy of the Risks of Digitalization of Education: Cognitive Risks and Ways to Create a Safe Communicative and Educational Environment. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 17-26.
- Chernavin Yu.A., 2021. Digital Society: Theoretical Outlines of the Emerging Paradigm. *Cifrovaya sociologiya*, vol. 4, no. 2, pp. 4-12. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
- Chumakov A.N., 2021. Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 36-46.
- Shestakova I.G., 2021. Progressophobia in the New Temporality of the Digital World. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 61-71.
- Beck U., 2016. *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge, Malden, Polity.
- Capurro R., 2006. Towards an Ontological Foundation of Information Ethics. *Ethics and Information Technology*, vol. 8, no. 4, pp. 175-186.
- Dolev-Cohen M., Barak A., 2013. Adolescents' Use of Instant Messaging as a Means of Emotional Relief. *Computers in Human Behavior*, no. 29 (1), pp. 58-63.
- EU Global Approach to Research and Innovation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eu-global-approach-to-research-and-innovation.html>
- Hepp A., 2019. *Deep Mediatization*. London, Routledge.
- Marres N., 2017. *Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Cambridge, Polity Press.
- Selwyn N., 2019. *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK, Polity Press.

Information About the Authors

Svetlana E. Kryuchkova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125165 Moscow, Russian Federation, svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9213-8503>

Sergey A. Khrapov, Doctor of Sciences (Philosophy), Acting Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

Elena V. Kryuchkova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Enterprise Management, Moscow State Technological University "STANKIN", Vadkovsky Lane, 1, 127055 Moscow, Russian Federation, kryuchkova_e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5988-7326>

Информация об авторах

Светлана Евгеньевна Крючкова, доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, просп. Ленинградский, 49, 125165 г. Москва, Российская Федерация, svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9213-8503>

Сергей Александрович Храпов, доктор философских наук, и. о. заведующего кафедрой философии, культурологии и социологии, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, khrapov.s.a.aspu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

Елена Вячеславовна Крючкова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятием, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», пер. Вадковский, 1, 127055 г. Москва, Российская Федерация, kryuchkova_e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5988-7326>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.6>

UDC 172.1
LBC 87.66

Submitted: 18.06.2023
Accepted: 16.11.2023

MEDIA MANIPULATION: A CRITICAL APPROACH

Andrey M. Druzhinin

Academy of Media Industry, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article provides a critical analysis of the phenomenon of media manipulation in the context of the philosophy of Herbert Marcuse. The works of the philosopher reveal in detail the essence of manipulation as a way of introducing imposed standards of consumption into the minds of individuals. This way of managing society in a market economy is aimed at the hidden enslavement of citizens as well as increasing the profits of the ruling class. According to H. Marcuse, the main task of the media in bourgeois society is the formation of false needs, prerequisites for the purchase of goods. As practice shows, in the conditions of the information society and the increasing influence of new media, this interpretation of manipulation remains relevant. New forms of destructive audience control (consumers, voters) are currently being used on social networks. They mimic various community initiatives that are identified through critiques of reports and fact-checking. Based on modern material, the article shows some of the characteristic features of manipulative influence. New forms of employment – freelancing and play work – are considered manipulative constructs aimed at increasing the exploitation of individuals. Such forms of employment are widespread in the modern media industry. The penetration of the phenomenon under consideration into all spheres of human life allows us to speak about the total nature of the manipulative world order. Based on the analysis performed in the article, we can conclude that H. Marcuse's conceptual apparatus still applies. Some modern followers of his philosophical views successfully use critical theory as a way to explain various events and social processes. A critical assessment of the various manifestations of a one-dimensional society in the future serves as the basis for overcoming various destructive practices. The article emphasizes that a critical analysis of manipulative influence is connected with the ethical side of the work of mass media. The idea of morally acceptable forms and practices of mass communications today is one of the most common topics in scientific, scientific-practical, and industry literature on the ethics of journalistic creativity.

Key words: manipulation, media, mass communications, Marcuse, one-dimensional society, power, exploitation.

Citation. Druzhinin A.M. Media Manipulation: A Critical Approach. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 55-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.6>

УДК 172.1
ББК 87.66

Дата поступления статьи: 18.06.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

МЕДИАМАНИПУЛЯЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Андрей Михайлович Дружинин

Академия медиаиндустрии, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье проведен критический анализ явления медиаманипуляции в контексте философии Герберта Маркузе. Работы философа подробно раскрывают сущность манипуляции как способа внедрения в сознание индивидуумов навязанных стандартов потребления. Этот способ управления обществом в условиях рыночной экономики направлен на скрытое порабощение граждан, а также на увеличение прибыли господствующего класса. По мнению Г. Маркузе, основная задача СМИ в буржуазном обществе – формирование ложных потребностей, предпосылок для покупки товара. Как показывает практика, в условиях информационного общества и усиления влияния новых медиа данная трактовка манипуляции сохраняет свою актуальность. Новые формы деструктивного управления аудиторией (потребителями, избирателями) в настоящее время применяются в социальных сетях. Они имитируют различные общественные инициативы, которые выявляются в ходе критического анализа сообщений и проверки фактов. На современном материале в статье показаны некоторые характерные черты манипулятивного воздействия. Новые формы трудовой

занятости: фриланс, игровой труд рассмотрены как манипулятивные конструкты, направленные на усиление эксплуатации индивидов. Такие формы занятости широко распространены в современной медиаиндустрии. Проникновение рассматриваемого явления во все сферы жизнедеятельности человека позволяет говорить о тотальном характере манипулятивного мироустройства. Проведенный в статье анализ позволяет говорить, что понятийный аппарат, разработанный Г. Маркузе, не потерял своей актуальности. Некоторые современные последователи его философских взглядов успешно применяют критическую теорию в качестве способа объяснения различных событий и социальных процессов. Критическая оценка различных проявлений одномерного общества в перспективе служит основой для преодоления различных деструктивных практик. В статье подчеркивается, что критический анализ манипулятивного воздействия связан с этической стороной работы средств массовой коммуникации. Идея нравственно приемлемых форм и практик массовых коммуникаций сегодня – одна из весьма распространенных тем в научной, научно-практической и отраслевой литературе об этике журналистского творчества.

Ключевые слова: манипуляция, медиа, массовые коммуникации, Маркузе, одномерное общество, власть, эксплуатация.

Цитирование. Дружинин А. М. Медиа манипуляции: критический подход // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 55–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.6>

В настоящее время медиаисследования концентрируются по большей части в рамках эмпирических методологий, инструменты которых предоставляют обширный материал для реализации различных прикладных маркетинговых и/или политтехнологических задач. Однако критические подходы и в настоящее время остаются значимым сегментом в изучении массовых коммуникаций. Ценностное измерение социальных процессов и, в частности, динамика изменения медиа во всех их проявлениях как новых, так и традиционных может быть проведено на базе философского осмысления данных феноменов в текстах Герберта Маркузе. В ряде своих работ он провел скрупулезный анализ происхождения явления манипуляции, ее экономического смысла. Если формулировать максимально лаконично, то, с точки зрения неомарксистского подхода, медиа манипуляции – это тщательно скрывающаяся, невидимая темная сторона рыночной экономики. К этой мысли приводит вся логика рассуждений по поводу явления манипуляции в книгах Г. Маркузе «Эрос и цивилизация», «Одномерный человек», «Критическая теория общества» и других.

В своем анализе Маркузе обращает внимание на иррациональность индустриальной цивилизации, которая, как это ни парадоксально, достигается рациональными способами. Неумеренное потребление, лишенное всякого разумного обоснования, совершенствуется рациональными, продуманными до мелочей маркетинговыми стратегиями, но в своей сути несет стремление к разрушению, трансформируя окружающий мир. Ненасильственные формы кон-

троля над обществом путем навязанных, ложных потребностей в индустриальном мире, который наблюдал Г. Маркузе, представляются господствующим классом как всеобщее благо, а противостояние таким практикам как иррациональные, маргинальные явления. Социальная система современности в результате построена на постоянном обновлении производимых товаров и услуг, становится набором предписаний, до мелочей регламентирующих жизнь человека. Главным обещанием одномерного общества, по его мнению, «является еще более комфортабельная жизнь для все большего числа людей, которые, строго говоря, и не способны вообразить себе иной универсум дискурса и поступка, поскольку сдерживание и манипулирование подрывными усилиями и элементами воображения стали составной частью данного общества» [Маркузе 1994, 32]. Последовательной критике автор «Одномерного человека» подвергает и политическую систему современной демократии, так как свободные выборы по его мнению, не только не исключают противоположности в интересах господ и рабов, но и усиливают этот антагонизм, фиксируя подчиненное положение большинства, используя товары и услуги в качестве инструмента порабощения: «Продукты обладают внушающей и манипулирующей силой; они распространяют ложное сознание, снабженное иммунитетом против собственной ложности» [Маркузе 1994, 16]. Стремясь следовать образцам, навязанным рекламой, индивид погружается в жизнь, наполненную страхами потерять обретенные тяжелым трудом вещи и свя-

занный с ними статус. Большая часть товаров и услуг, таким образом, становятся конкретизированной формой социального контроля.

С точки зрения современных последователей Г. Маркузе – авторов сборника статей «Великий отказ: Г. Маркузе и современные социальные движения», главная задача творчества Маркузе – это борьба за свободу [Davis et al. 2017]. Помимо ярких конфликтных ситуаций авторы книги подробно анализируют и современное состояние западного социума, находящегося в ситуации «удобной демократической несвободы», буржуазную культуру, практики принуждения к толерантности. В работе ведется поиск альтернативы одномерному капиталистическому обществу, обсуждается многомерное диалектическое мышление как продолжение философской традиции Гегеля, ведется дискуссия с «ортодоксальным марксизмом». Современное состояние западных обществ, с позиции авторов работы, это затянувшаяся Великая депрессия, лишь внешне похожая на общество благоденствия, что в конечном счете и объясняет, по их мнению, электоральный успех левых политических партий в начале 2010-х годов. Таким образом, интеллектуальный поиск в рамках философии Маркузе в настоящее время – это живой исследовательский процесс, основанный на предложенной им критической теории, репрезентирующий новые явления в контексте критического подхода.

Современная медиаиндустрия и сейчас во многом соответствует тем формам нематериального производства, которые Г. Маркузе называл паразитическими и отчужденными. Приспосабливаясь к жестким условиям рыночной экономики, производители медиаконтента ориентированы, прежде всего, на извлечение прибыли. Одновременно задачи по поддержанию социально-демократических ценностей и достижения общественного блага уходят на второй план перед необходимостью быстро адаптироваться под условия активно трансформирующейся ситуации в сфере массовых коммуникаций.

Критика новых медиа: идеи и смыслы в товарообороте

Возможно и сегодня следует задать вопрос, освобождается ли человек в постиндуст-

риальном обществе от рабского положения? Становится ли существование индивида в информационном обществе более «многомерным»? Как и полвека назад попытка ответа на эти вопросы в русле критической теории Г. Маркузе дает не так много поводов для оптимизма. Появляются новые способы усиления давления на пользователя Интернета и возникших на его основе социальных сетей. Так, например, в результате манипулирования различными группами давления, преследующих собственные узкокорыстные интересы, создаются условия, при которых основная часть общества уже не способна вообразить другие формы достижения удовлетворенного состояния, будучи закапсулированным в искусственно созданном информационном пузыре [Быков 2020; Володенков 2021].

Многочисленные дискуссии по общезначимым темам дают богатый материал для анализа современных медиаманипуляций. Так, например, идеи Г. Маркузе о неумеренном потреблении в наши дни типологически близки скептикам, которые в публичном информационном пространстве все чаще обращают внимание на разрушительность так называемой зеленой энергетики, когда в ходе изготовления высокотехнологичных источников электричества требуется производство также приносящее значительный экологический ущерб. Действительно, «экологизм» – весьма привлекательная «упаковка» для возникновения новых видов товаров и услуг, которые прежде не были характерны в качестве объекта массового потребления. Мрачные прогнозы Г. Маркузе о том, что любые высокие идеи в обществе потребления и навязанных индивидам потребностей становятся товаром, подкрепляются все новыми практиками.

В современных исследованиях деструктивный экологизм получил название «зеленый камуфляж» или «гринвошинг». В экологической этике гринвошинг является злоупотреблением служебным положением частного или государственного субъекта, стремящегося казаться более зеленым, более устойчивым или экологически безопасным, чем он есть на самом деле [Громова 2022; Силиник 2023; Куц 2017]. Получили широкое распространение и цифровые формы гринвошинга.

Следует отметить, что этические нормы медиатехнологий не связаны напрямую со

смыслами транслируемых сообщений. Ширмой для решения маркетинговых или политехнологических задач, получения прибыли помимо экологической проблематики может стать любая социально значимая тема: борьба с бедностью, вопросы здравоохранения, благотворительность, гендерное равенство, искоренение расовых предрассудков. Субъекты, использующие гринвошинг или любую другую социально значимую проблематику, распространяют необоснованные заявления или демонстрируют поверхностные и неэффективные действия, направленные исключительно на повышение собственной узнаваемости в обществе, цитируемости сообщений. Это одна из разновидностей популизма, то есть весьма разрушительное коммуникативное явление, отдаляющее общество от достижения социальных благ или общественного согласия.

Неэтичный «зеленый» контент – это одна из форм манипуляции и дезинформации. Она реализуется за счет того, что тратится лишь часть ресурсов, которые потребуются для решения социально-экономических проблем, которые они якобы решают. Субъекты гринвошинга концентрируются исключительно на маркетинге, рекламе или других видах деятельности по связям с общественностью (например, на спонсорстве), включая создание консультативных групп, которые могут быть бессильны или недостаточно критичны. Незначительные инновации, поданные под видом зеленого или зоозащитного активизма, могут быть использованы и в качестве инструмента в предвыборной борьбе.

Гринвошинг как форма популизма отвлекает получателя сообщения, то есть общественность, от любой негативной информации. Конечный бенефициар – владельцы определенного бизнеса, акционеры или заинтересованные стороны. Он может скрывать, камуфлировать любой факт или ситуацию, которую заказчик сообщения желает оставить без изменений, или направлен на получение конкурентных преимуществ в существующей социально-экономической среде.

Анализ различных коммуникативных событий при помощи алгоритмов искусственного интеллекта в будущем позволил бы гражданам проводить проверку товаров, услуг, а возможно предвыборных программ с целью выявления различных форм обмана. Искус-

ственный интеллект мог бы работать на повышение прозрачности в понимании истинных характеристик всего, что появляется в информационном пространстве. Появление таких инструментов может быть связано с системной сертификации, а также с институтом личной и организационной репутации. Впрочем, на сегодняшний момент реальные кейсы лишь подтверждают правоту Г. Маркузе. Так, например, в 2023 г. студент РГГУ, публично признавшийся в фальсификации дипломной работы при помощи нейросети, вместо общественного порицания получил должность в крупнейшей российской торговой сети, что лишний раз в довольно символической форме подтверждает самые худшие опасения в отношении рыночных механизмов регулирования социальных отношений.

Стратегии манипуляции ради достижения скрытых иррациональных задач становятся все более продуманными и технологически выверенными. В современных условиях они реализуются с применением технологий искусственного интеллекта и больших данных. В результате наиболее массовыми становятся манипуляции, основанные на информации, собранной в социальных сетях, что уже неоднократно становилось предметом публичных обвинений в адрес владельцев подобных интернет-ресурсов [Srinivasan 2019; Lipschultz 2019].

Один из самых ходовых товаров постиндустриального общества – это подспудное стремление обрести душевный комфорт и в результате упаковкой для продаж становится идея отшельничества, бегства от цивилизации, на этой идее успешно зарабатывают многочисленные блогеры в социальных сетях, собирая многомиллионные просмотры и донаты. Таким образом, индивидуальный бунт против навязанных капиталистическим обществом ценностей становится весьма ходовым товаром и нередко поглощается маркетинговыми стратегиями, предлагающими, к примеру, наборы для выживания в дикой природе, курсы по правильному поведению в условиях техногенной катастрофы и пр.

Подтверждение этой идеи можно увидеть в распространенности различных форм фриланса и настойчивого формирования привлекательности временной, «проектной» занятости в сфере медиа, рекламы, PR, IT-индус-

трии и в других смежных творческих отраслях. Помимо явных свобод такая форма занятости в условиях постиндустриального общества несет в себе комплекс проблем, на которые указывают исследователи прекариата: удлинение трудового дня, отсутствие социальных гарантий, высокие риски прекария потерять возможность к заработку, самозэксплуатация, отсутствие социальных лифтов и пр. [Анисимов 2021; Гаршин 2019]. В таких условиях объективно отчужденный труд получает новую «обертку» свободного творчества. Прямое внешнее насилие со стороны господствующего класса в отношении прекариев уже не применяется, границы между рабочим и свободным временем размываются.

Новые медиа сформировали специфическую форму занятости – игровой труд, который происходит в виртуальном пространстве посредством мобильных гаджетов. Игровой труд нерегулярен, однако создает новые объекты, при этом усилия пользователя постоянно накапливаются, создается впечатляющий массив данных, который отчуждается в пользу владельца того или иного «социального» сервиса. Создание условий, при которых пользователь без видимого давления, принуждения или насилия будет выполнять определенную работу бесплатно, полагая, что это лишь игра, добровольное творчество, составляет значительную часть цифровизированного рынка, а отдельные PR-проекты, вовлекающие пользователей в такую игру, становятся востребованной услугой на рынке. Онлайн-марафоны, конкурсы, всевозможные розыгрыши призов и подарков от «спонсоров», – все это в контексте критической теории Г.Маркузе является элементами капиталистического Интернета, где цель всех усилий – извлечение прибыли, а не коммуникация между индивидами.

Диалектический подход Маркузе хорошо подходит для того, чтобы стать одной из методологических основ критической теории Интернета, цифровых технологий и социальных сетей. По мнению К.Фукса, несмотря на то что Web 2.0 является средством обмена, общения, сообщества и сотрудничества, в то же время новые медиа погружены в товарную логику капитализма и, следовательно, отражают индивидуальную частную собственность, индивидуализм, способы эксплу-

атации и господства. Капиталистические классовые отношения ограничивают общественную значимость социальных медиа как средства информационного производства. К. Фукс подробно анализирует ряд факторов обновленных способов коммуникации в социуме: компьютерные технологии, труд, новые виды идеологии и завершает свой анализ разбором противоречивой сущности социальных сетей.

Характерно, что, базирясь на философии Г. Маркузе, К. Фукс выстраивает последовательный критический анализ современных средств коммуникации – соцсетей [Fuchs 2016]. Производство персонализированной рекламы в форме рекомендаций каждому конкретному пользователю социальной сети можно рассматривать как труд, направленный на извлечение прибыли, а функционирование социальной сети становится одной из форм эксплуатации в системе классовых отношений. Исследователь подчеркивает, что антиавторитарные ценности левых движений эпохи позднего модерна (автономия, спонтанность, мобильность, творчество, сетевая работа, открытость, множественность, неформальность, аутентичность, эмансипация) интернет-капитализму или «сетевому» капитализму удалось переподчинить своим задачам. Игровой труд – это новая идеология капитализма: объективно отчужденный труд представляется как творчество, свобода и автономия, доставляющая удовольствие рабочим. Идея о том, что рабочие должны развлекаться и любить свое объективное отчуждение, стала новой идеологической стратегией теории капитала и управления. В результате с использованием Интернета, социальных сетей и новых медиа эксплуатация пользователей трансформировалась в новые технологические формы. «Добровольные» медиаактивисты производят прибавочную стоимость для господствующего класса, находясь в неведении по поводу результата своей работы.

Разбирая особенности диалектического подхода Маркузе, Фукс обращает внимание на некоторые аспекты, которые отличают его философию от объективно детерминистского подхода К. Маркса. Противоречия капитализма неизбежно порождают кризисы и основаны на классовых отношениях, убежден автор, однако преодоление (снятие) этих противоре-

чий и последующая реализация субъекта связана с необходимостью и возможностью, создаваемой свободной деятельностью людей, которые реализуют возможности в конкретную реальность. То есть в центре внимания Маркузе субъект, который способен проявлять волю к освобождению, кооперироваться в общественные и политические движения для достижения этой цели. Деятельный субъект Маркузе, обретая многомерность, способен использовать социальные сети, новые медиа и современные способы горизонтальной коммуникации, способен прообразовывать общество. Поэтому в системе критического подхода Маркузе социальные медиа вполне можно рассматривать в качестве одного из инструментов снятия некоторых противоречий капиталистического общества.

**Инструментарий манипуляции:
язык, политика, наука, искусство**

В современных работах, исследующих манипулятивные коммуникации, очень подробно изучены языковые приемы, взятые на вооружение субъектами манипуляции. Обращает на эти характеристики внимание и Г. Маркузе. По его наблюдениям, частые повторения тех или иных клише способствуют возникновению устойчивых ассоциаций. Жертвами шаблонных образов становится публика, а современные СМИ определяют скорость внедрения в массовое сознание готовых оценок и мнений. Подобные суждения несут в себе высокий суггестивный потенциал, принимают форму приказов и предписаний, вводят аудиторию в сомнамбулическое состояние. Г. Маркузе выделяет особую роль аббревиатур в тоталитарном языке. Закодированное в сокращении значение уже не обладает познавательной ценностью, лишь обозначая неоспоримый факт, утвержденный в официальном дискурсе.

Язык, выполняющий манипулятивные задачи, отсекает аудиторию от понятийного мышления и препятствует разделению в сознании индивида вещи и ее функции. Печальную судьбу политических терминов в таком языке показывает Маркузе на примерах из западного мира, где определения социализм или коммунизм более похожи на ярлыки, чем на понятия. «Язык изъясняется посредством

конструкций, навязывающих реципиенту искаженный и урезанный смысл, и преграждает путь развитию смысла, заставляя принять только предложенное и именно в предложенной форме» [Маркузе 1994, 118]. Манипулятивный язык не оставляет места для дискурса и скорее похож на приговор; это даже в демократическом мире лишает его первоначальных оснований. Такой язык – это закрытая система, его используют власти предрешающие в любых странах с любым политическим устройством и формами собственности на средства производства. Язык манипуляций формируется средствами массовой информации, он выполняет предписывающую задачу, обеспечивает идеологическую целостность одномерного общества. Ложь повсеместно выдается за истину, купированы всякие попытки показать многомерность того или иного явления. Как и в случае с навязанными потребностями тоталитарный язык использует рационально выведенные специалистами способы обеспечения иррациональных задач подавления и контроля.

Сегодня рассматривая идеи Маркузе о языковой манипуляции, следует критически оценивать попытки некоторых исследователей легитимизировать манипулятивные технологии, т.к. сфера массовых коммуникаций в настоящее время практически неотделима от манипулятивных приемов [Арефьева 2013; Нуриджанов 2013; Фролова 2018]. Отдельные исследователи допускают использование манипулятивных коммуникаций в управлении общественными процессами. В противовес критическому, философско-гуманитарному подходу «инженерный» подход к управлению социальными процессами рассматривают человека как механистический объект управляющих сигналов, для получения желаемой реакции которого допустимо применение «приемлемой» манипуляции.

К сожалению, технологии подмены и нарушения логики проникли и в социальные, и гуманитарные науки. Четкая демаркация между коммуникацией и манипуляцией стирается под давлением эмпирического подхода к рассмотрению социального факта. Исключение ценностного подхода, критического анализа эмпирических данных создает условия к принятию их как данности. Лингвистические исследования,

как и прежде, изучают речевые инструменты манипулирования и отчасти способствуют распространению специфического манипулятивного знания [Диманте 2015]. Создаются и учебные пособия по речевому манипулированию [Иссерс 2009; Копина 2008], что следует признать, следуя философии Г. Маркузе, рациональным обоснованием иррациональных и деструктивных побуждений отдельных акторов в процессе межличностных и массовых коммуникаций. Представляется, что подобный подход актуализирует проблему моральной ответственности ученого.

Многие исследователи, тем не менее, поддерживают критическую традицию в отношении манипулятивных коммуникаций, признавая это явление как злонамеренное нарушение фундаментальных прав и свобод человека. Данный феномен определяется как форма анонимного, ненасильственного господства [Князева 2010], психологическое воздействие, направленное на «побуждение нужного манипулятору действия» [Пую 2008], связанное с «отсутствием свободного волеизъявления индивида» [Черникова 2015].

Следует подчеркнуть, что упоминая общественную функцию рекламы и различных информационных служб, Г. Маркузе называет их паразитическими и отчужденными формами производства: «Для эффективности такого производства, обеспечивающего социально необходимое избыточное потребление, требуется непрерывная рационализация, то есть безжалостная эксплуатация развитой науки и техники. Вот почему с преодолением определенного уровня отсталости повышение жизненного стандарта становится побочным продуктом политических манипуляций над индустриальным обществом» [Маркузе 1994, 64].

Результат этого процесса – мягкое и незаметное усиление власти господствующего класса над людьми. СМИ создают ложные потребности и предпосылки для покупки товара. Уже в индустриальном обществе доля этих расходов в конечной стоимости товара уже достигала значительной доли, а с усилением трендов информационного общества и вовсе становится основным элементом добавленной стоимости.

Такая ситуация возможна, согласно Маркузе лишь в условиях избыточного потребле-

ния, которое достигается рациональными способами путем эксплуатации достижений научно-технического прогресса. Производительность труда возрастает, а прибавочный продукт создает условия для роста потребления. Индивид-потребитель в результате легко отказывается от свобод самостоятельно, так как его несвобода комфортна и окружена вещами, необходимыми ему для соответствия навязанным образцам поведения.

Внешнеполитические коллизии автор «Одномерного человека» также рассматривает в контексте идеи отказа от личностной автономии в пользу социально одобряемых образцов интерпретации тех или иных событий. Во времена Маркузе государства жили в двухполярной ситуации жесткого соперничества «коммунистической» (плановой) и «демократической» (рыночной) форм общественного устройства. Каждая из них формировала образ врага. Внутри систем образ врага становился сильнейшим способом стимуляции производительных сил. Обороняющееся общество, по мнению Г. Маркузе, еще больше подвержено ложным потребностям, так как конфликт между рабами и хозяевами внутри системы переносится на внешний раздражитель: «Одураченные нацией, одураченные классом, страдающие массы повсеместно вовлекаются в обостряющийся конфликт, в котором их единственными врагами являются хозяева, со знанием дела использующие мистификации промышленности и власти» [Маркузе 1994, 71].

Независимо от формы политического устройства, по мысли Г. Маркузе, в обществе уже не стоит так остро вопрос антагонизма культуры, ее самых лучших образцов, и социальной действительности. Высокое искусство и ширпотреб успешно встраиваются в систему производства новых товаров и услуг [Маркузе 2011]. Автор пишет об угасании, а затем и полном исчезновении двухмерной культуры, где уже нет высокого и низкого. И то и другое является элементами товаропроизводства, включая свободный творческий поиск, который впоследствии хорошо продается, так как обладает одной из ключевых характеристик востребованного товара – новизной. Одновременно реклама, не претендуя на правдивость, так или иначе оказывает влияние на покупательский спрос. Люди увлека-

ются и прислушиваются к тому, что им предлагают СМИ, сообщения которых становятся их мировоззренческой составляющей. Авторы публикаций в СМИ зачастую мастерски смешивают в одном информационном продукте рекламу, политику, искусство, философию и просвещение. Они делают такой товар еще более востребованным в той мере, в какой соответствует одномерности потребителя. В результате востребованными становятся те произведения искусства, которые успешно вписываются в актуальную повестку дня, а искусство как явление потеряло, согласно Маркузе, свою силу и существует лишь в той части, в какой способно быть элементом повседневности. Высокая культура, искусство, делает печальный вывод автор, уже неспособны вызвать и даже поддержать бунт против существующего порядка вещей, оно создает лишь иллюзию плюрализма, скрывая новые формы тоталитарного контроля над обществом.

Технический прогресс, по Г. Маркузе, создал предпосылки для отчуждения высокой художественной культуры, как только самые лучшие произведения человеческого духа стали доступны при включении радиоприемника или телевизора. «Новизна сегодняшней ситуации, – полагает Г. Маркузе, – заключается в сглаживании антагонизма между культурой и социальной действительностью путем отторжения оппозиционных, чуждых и трансцендентных элементов в высокой культуре, благодаря которым она создавала иное измерение реальности. Ликвидация двухмерной культуры происходит не посредством отрицания и отбрасывания “культурных ценностей”, но посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и массового воспроизводства и демонстрации» [Маркузе 1994, 73].

С момента возникновения «глобальной деревни» культура стала элементом тотального товарооборота, инструментом управления обществом. Восприняв и переработав культурные формы, средства массовой информации далеки от способности передавать трансцендентное содержание, в сообщениях медиа язык приобретает овеществленные выражения. Маркузе пишет о ликвидации высокого искусства, как о свершившемся факте, который был подготовлен индустриальным

прорывом и выходом значительной части общества из нищеты. В результате приближения культуры к обывателю, она поглощается одномерным обществом, как и любой другой доступный товар или услуга.

Как полагает автор, сублимация, непримиримость с устоявшимся порядком вещей, характерные для искусства в доиндустриальную эпоху, уже в прошлом. Воспринимая культурные образы, сегодня общество находит им утилитарное применение и обесценивает, подобно тому, как любой хорошо смонтированный рекламный ролик может быть построен в форме предельно сжатого по времени драматического произведения, имея своей целью не нравственное развитие аудитории, а только лишь увеличение продаж. Происходит десублимация высокого под напором общества, стремящегося к удовлетворению потребностей по заранее подготовленным образцам, действующего сплоченно, в соответствии с навязанными извне и ставшими внутренними побуждениями.

Индустриальная цивилизация также создала и условия для эксплуатации человеческой сексуальности [Маркузе 2003]. Независимо от качества выполняемой работы более высокой рыночной стоимостью в индустриальном обществе обладают люди с приятной внешностью, и этот товар стал распространенным лишь после того, как средства гигиены и возможность избавиться от изнурительного физического труда стали доступными для многих. Приводя свою внешность в соответствие с готовыми лекалами, транслируемыми средствами массовой информации, люди становятся все более зависимыми от внешних требований одномерного общества. По мнению Г. Маркузе, такое общество делает источником эксплуатации все к чему прикасается.

Если придерживаться критического подхода к явлению манипуляции, то следует помнить, что в ходе практической реализации манипулятивная коммуникация заменяет субъект-субъектное взаимодействие на субъект-объектное. Один или несколько индивидов в результате манипулятивного воздействия становятся пассивным объектом управления, подобно тому, как в римском праве определялся раб – говорящее орудие. Такой вид управленческих коммуникаций следу-

ет признать деструктивной формой социального взаимодействия.

Идеи критического анализа медиа и стремление к признанию личностной автономии, возможно, выступают как один из источников возникновения идеи гражданской журналистики и независимого блогинга как более прогрессивного и ценностно ориентированного подхода к массовым коммуникациям по сравнению с рекламой или пропагандой.

Сегодня мир вступил в тяжелейший период гибридных войн, использования мягкой силы как инструмента внешнеполитического давления и внутривнутриполитического искоренения инакомыслия. В ход идут все наработанные десятилетиями методики уничтожения внешнего и внутреннего противника путем воздействия на его сознание. В этих условиях не лишне будет помнить, что у массовых коммуникаций есть и светлая сторона.

В современных условиях поиск ресурсов для освобождения от манипулятивной власти при помощи цифровых технологий находится в столкновении с жесткими технологиями скрытого, деструктивного управления, которые нередко называют макиавеллизмом, расширяя данный политологический термин до любых аморальных способов коммуникации с широкой аудиторией. Идея поиска «нетоксичных», нравственно приемлемых форм и практик массовых коммуникаций сегодня – одна из весьма распространенных новелл в научной, научно-практической и отраслевой литературе об этике журналистского творчества, PR, медиакоммуникаций в целом. Идет постоянная работа по уточнению и разработке этических кодексов для профессионалов медиаотрасли, что, несомненно, дает основания для сдержанного оптимизма по поводу будущего индустрии медиа в контексте снижения уровня эксплуатации в обществе.

Заключение

Тексты Г. Маркузе в отношении манипулятивных коммуникаций раскрывают идеи столь популярные в современном исследовательском дискурсе. Многие лингвистические направления сконцентрированы на выявлении технологий построения манипулятивного общения. Критический анализ манипулятив-

ного воздействия на сегодняшний день связан с этической стороной работы средств массовой коммуникации. Однако характеристики манипулятивного одномерного общества, критикуемые Г. Маркузе, оказали существенное влияние на интеллектуальные основы многих общественно-политических движений, а также на специфику их продвижения в информационном пространстве.

Критическая теория Г. Маркузе предлагает для осмысления весьма любопытную трактовку сущности манипулятивных коммуникаций, которая, несомненно, отражает ключевые характеристики данного явления в контексте неомарксистского подхода. По его мнению, это явление неразрывно связано с экономическими интересами господствующего класса и основной части обывателей. В индустриальном обществе манипулятивные коммуникации являются проводником навязываемых обществу форм потребления товаров и услуг. Рыночная экономика, чтобы поддерживать уровень индустриального развития, вынуждена формировать у индивидуумов новые потребности для поддержки доходов элит. Манипулируемый индивид (одномерный человек) воспринимает навязанные ему нормы, модели комфортной жизни, отказываясь от собственной свободы. Материалистическое истолкование явления манипуляции вызывает к жизни социальные практики «отказа» от общепринятых норм и правил, избавления от ложных потребностей и, тем самым, предлагает выход за пределы зоны «поражения» деструктивного воздействия. Некоторые практики социального протеста основаны на подобном понимании современного общества, ряд субкультур пытаются на практике продемонстрировать альтернативные модели развития общества.

Как полагает Маркузе, инструментами манипуляции в результате отчуждения становятся и различные сферы духовной деятельности человека: искусство, культура, язык, образование. Последователи его критической теории анализируют различные медиа явления, обнаруживают, что понятийный аппарат, разработанный автором, адекватен многим современным сферам социальной жизни, включая виртуальное взаимодействие между пользователями Интернет. Основной урок

Г. Маркузе – это попытка выхода в практическую плоскость, поиск вариантов преодоления сложившейся системы одномерного социума, что существенно обогащает спектр социально-политического применения мягких, этически приемлемых разновидностей коммуникативной индустрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов 2021 – *Анисимов Р.И.* Прекариат – как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 1. С. 10–27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842

Арефьева 2013 – *Арефьева Н.С.* Манипулятивные стратегии в профессиональной деятельности менеджеров // Инновации и инвестиции. 2013. № 8. С. 99–101.

Быков 2020 – *Быков И.А.* Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33

Володенков 2021 – *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Проспект, 2021.

Гаршин 2019 – *Гаршин Н.А.* Проблема феномена прекариата: методологический и социальный аспекты // Философия и культура. 2019. № 7. С. 17–22. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.7.30253

Громова 2022 – *Громова Е.Б.* Гринвошинг как современный манипулятивный подход в медиатекстах // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: ст. участников ежегод. апр. науч. форума, Санкт-Петербург, 21–22 апр. 2022 года. Т. 1. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 15–16.

Диманте 2015 – *Диманте И.В.* Инструментарий профессионального коммуникатора (приемы речевого воздействия) // Коммуникативные исследования. 2015 № 4 (6). С. 52–64.

Иссерс 2009 – *Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009.

Копнина 2008 – *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008.

Князева 2010 – *Князева И.В.* Историческая эволюция форм манипуляции общественным сознанием // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 14. С. 220–225.

Куц 2017 – *Куц Ю.А.* Эко-маркетинг: гринвошинг как негативный фактор развития современ-

ной экономики или растущая опухоль современного рынка // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2017. № 2 (15). С. 35–37.

Маркузе 1994 – *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

Маркузе 2003 – *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2003.

Маркузе 2011 – *Маркузе Г.* Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ, 2011.

Нуриджанов 2013 – *Нуриджанов А.Э.* Технологии манипуляции в системе управления персоналом современных бизнес-организаций России (на примере республики Башкортостан) // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324), вып. 30. С. 108–111.

Пую 2008 – *Пую Ю.В.* Истоки и генезис феномена манипулирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 72. С. 15–25.

Силиник 2023 – *Силиник Е.С.* Гринвошинг в РФ: благие намерения или скрытая манипуляция // Финансы и реальный сектор экономики в современных условиях: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 30 января 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИПГ Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 24–26.

Фролова 2018 – *Фролова В.И.* Манипуляция как эффективная форма управления организацией // Аллея науки. 2018. Т. 3, № 5(21). С. 657–661.

Черникова 2015 – *Черникова В.Е.* Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141–144.

Davis et al. 2017 – *Davis A. Y., Funke P. N., Wolfson T., Lamaset A.* The Great Refusal: Herbert Marcuse and Contemporary Social Movements. Philadelphia: Temple University Press, 2017 // <https://muse.jhu.edu/pub/183/monograph/book/71221>

Fuchs 2016 – *Fuchs C.* Herbert Marcuse and Social Media // Critical Theory of Communication: New Readings of Lukacs, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. L. : University of Westminster Press, 2016. С. 111–152.

Lipschultz 2019 – *Lipschultz J.H.* Social Media Ethics 2.0 // Next-Generation Ethics: Engineering a Better Society. 2019. С. 426–436.

Srinivasan 2019 – *Srinivasan D.* The Antitrust Case Against Facebook: A Monopolist’s Journey Towards Pervasive Surveillance in Spite of Consumers’ Preference for Privacy // Berkeley Bus. LJ. 2019. Т. 16. С. 39–98.

REFERENCES

- Anisimov R.I., 2021. Precariat as a New Social Class in the Context of Marxist Theory. *Sociologicheskij zhurnal*, vol. 27, no. 1, pp. 10-27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842
- Arefyeva N.S., 2013. Manipulative Strategies in the Professional Activity of Managers. *Innovacii i investicii*, no. 8, pp. 99-101.
- Bykov I.A., 2020. Artificial Intelligence as a Source of Political Judgments. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, vol. 4., no. 2, pp. 23-33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33
- Volodenkov S.V., 2021. *Internet Communications in the Global Space of Modern Political Management: Towards the Digital Society*. Moscow, Prospekt Publ.
- Garshin N.A., 2019. The Problem of the Precariat Phenomenon: Methodological and Social Aspects. *Filosofiya i kultura*, no. 7, pp. 17-22. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.7.30253
- Gromova E.B., Kondratskaya V.L., 2022. Greenwashing as a Modern Manipulative Approach in Media Texts. *61-e Peterburgskie chteniya: statyi uchastnikov ezhegodnogo aprelynskogo nauchnogo foruma, Sankt-Peterburg, 21–22 aprelya 2022 goda. Tom 1*. Saint Petersburg, Mediapapir, pp. 15-16.
- Dimante I.V., 2015. Tools of a Professional Communicator (Techniques of Speech Influence). *Kommunikativnye issledovaniya*, no. 4 (6), pp. 52-64.
- Issers O.S., 2009. *Speech Impact: A Textbook for Students Studying in the Specialty "Public Relations"*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ.
- Kopnina G.A., 2008. *Speech Manipulation: A Tutorial*. Moscow, Flinta Publ.
- Knyazeva I.V., 2010. Historical Evolution of Forms of Public Consciousness Manipulation. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, no. 14, pp. 220-225.
- Kucz Yu.A., 2017. Eco-Marketing: Greenwashing as a Negative Factor in the Development of the Modern Economy or a Growing Tumor of the Modern Market. *Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, no. 2 (15), pp. 35-37.
- Markuze H., 1994. *One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society*. Moscow.
- Marcuse H., 2003. *Eros and Civilization*. Moscow, AST Publ.
- Marcuse H., 2011. *Critical Theory of Society: Selected Works on Philosophy and Social Criticism*. Moscow, AST Publ.
- Nuridzhanov A.E., 2013. Manipulation Technologies in the Personnel Management System of Modern Business Organizations in Russia (On the Example of the Republic of Bashkortostan). *Filosofiya. Sociologiya. Kulturologiya*, no. 33 (324), iss. 30, pp. 108-111.
- Puyu Yu.V., 2008. Origins and Genesis of the Phenomenon of Manipulation. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena*, no. 72, pp. 15-25.
- Silinik E.S., 2023. Greenwashing in the Russian Federation: Good Intentions or Hidden Manipulation. *Finansy i realnyj sektor ekonomiki v sovremennykh usloviyakh: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Penza, 30 yanvarya 2023 goda*. Penza, Nauka i Prosveshhenie Publ., pp. 24-26.
- Frolova V.I., 2018. Manipulation as an Effective form of Organization Management. *Alleya nauki*, vol. 3, no. 5 (21), pp. 657-661.
- Chernikova V.E., 2015. Manipulation of Mass Consciousness as a Phenomenon of the Information Society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 3, pp. 141-144.
- Davis A.Y., Funke P.N., Wolfson T., Lamaset A., 2017. *The Great Refusal: Herbert Marcuse and Contemporary Social Movements*. Philadelphia, Temple University Press. URL: <https://muse.jhu.edu/pub/183/monograph/book/71221>
- Fuchs C., 2016. Herbert Marcuse and Social Media. *Critical Theory of Communication: New Readings of Lukacs, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. London, University of Westminster Press, pp. 111-152.
- Lipschultz J.H., 2019. Social Media Ethics 2.0. *Next-Generation Ethics: Engineering a Better Society*, pp. 426-436.
- Srinivasan D., 2019. The Antitrust Case Against Facebook: A Monopolist's Journey Towards Pervasive Surveillance in Spite of Consumers' Preference for Privacy. *Berkeley Bus. LJ*, vol. 16, pp. 39-98.

Information About the Author

Andrey M. Druzhinin, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Academy of Media Industry, Oktyabrskaya St, 105, Bld. 2, 127521 Moscow, Russian Federation, www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

Информация об авторе

Андрей Михайлович Дружинин, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Академия медиаиндустрии, ул. Октябрьская, 105, корп. 2, 127521 г. Москва, Российская Федерация, www-222@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0976-822X>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.7>

UDC 1(091)
LBC 87.3

Submitted: 03.07.2023
Accepted: 16.11.2023

**THE GENESIS OF THE CONCEPT OF SALVATION
IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF CYRIL OF TUROV:
BYZANTINE INFLUENCE AND ORIGINALITY OF IDEAS**

Anastasiia A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the development of the soteriological concept in the religious and philosophical work of Cyril of Turov. The continuity of the ideas of the Turov author with Byzantine patristic thought is analyzed, and the originality of the views of the Old Russian theologian is also revealed. Cyril of Turov, borrowing a number of Byzantine soteriological ideas, perceives them as already-solved problems that have clear answers and are not intended to continue theological reasoning. In his work, the Old Russian author solves the tasks set in accordance with the realities of his time and the surrounding reality. Thus, the main goal of the bishop of Turov after taking the dignity is to attract the Russian masses to the adoption of baptism and a new faith. Cyril of Turov sees the essence of the spiritual activity of Christian priests and monks in faithful service to ordinary people. In this regard, the idea of *individual, personal salvation*, presented in the early "monastic" creativity, is transformed into the concept of *universal salvation*, primarily associated with the dominant nature of God's grace granted to all mankind. The perfection of the incarnation of the Son of God for Cyril of Turov is equal to the perfection of the deification of all mankind. Reverend Cyril does not express to his flock strict requirements regarding morals and moral existence, realizing the weakness of human nature. His soteriological concept is based on the optimistic idea of divine forgiveness and love; therefore, the main principles of Christian virtue leading people to salvation, in accordance with the views of the ancient Russian theologian, are baptism and repentance as opportunities for renewal and the beginning of a new earthly life. Baptism, according to Cyril, regenerates people; repentance gives them the possibility of eternal existence by transforming evil into good.

Key words: eastern patristics, philosophy of Old Russia, Cyril of Turov, soteriology, salvation.

Citation. Volkova A.A. The Genesis of the Concept of Salvation in the Religious and Philosophical Heritage of Cyril of Turov: Byzantine Influence and Originality of Ideas. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 67-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.7>

УДК 1(091)
ББК 87.3

Дата поступления статьи: 03.07.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

**ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ СПАСЕНИЯ
В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО:
ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ И ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ**

Анастасия Алексеевна Волкова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития сoterиологической концепции в религиозно-философском творчестве Кирилла Туровского. Проанализирована преемственность идей туровского автора

с византийской святоотеческой мыслью, а также выявлено своеобразие взглядов древнерусского богослова. Кирилл Туровский, заимствуя ряд византийских сотериологических идей, воспринимает их как уже решенные проблемы, имеющие четкие ответы и не призванные продолжать богословские рассуждения. В своем творчестве древнерусский автор решает задачи, поставленные в соответствии с реалиями своего времени и окружающей действительности. Так, основной целью туровского епископа после принятия сана становится привлечение русских народных масс к принятию крещения и новой веры. В верном служении простым людям видит Кирилл Туровский суть духовной деятельности христианских священников и монахов. В связи с этим, идея *индивидуального, личностного спасения*, представленная в раннем «монашеском» творчестве, трансформируется в концепцию *универсального спасения*, в первую очередь сопряженного с доминантой Божьей благодати, дарованной всему человечеству. Совершенство вочеловечивания Сына Божия для Кирилла Туровского равно совершенству обожения всего человечества. Преподобный Кирилл не предъявляет к своей пастве жестких требований относительно морально-нравственного бытия, осознавая слабость человеческого естества. В основе его сотериологической концепции лежит оптимистическое представление о *божественном всепрощении и любви*, поэтому основными принципами христианской добродетели, ведущей человека к спасению, в соответствии с взглядами древнерусского богослова, выступают *крещение и раскаяние* как возможности обновления и начала новой земной жизни. Крещение, по мнению Кирилла, возрождает человека, покаяние перерождает в нем зло в добро, даря возможность вечного бытия.

Ключевые слова: восточная патристика, философия Древней Руси, Кирилл Туровский, сотериология, спасение.

Цитирование. Волкова А. А. Генезис концепции спасения в религиозно-философском наследии Кирилла Туровского: византийское влияние и оригинальность идей // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 67–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.7>

Кирилл Туровский – выдающийся древнерусский мыслитель и популяризатор христианского вероучения, обладающий живым умом и широкой эрудицией, искусно владеющий словом, отличающийся любовью к просвещению и заботой о его развитии. Недаром он снискал себе славу «русского Златоуста»: во многих трудах автора можно найти отпечатки византийского влияния, отраженные как в многообразии литературных приемов, так и во внутреннем содержании его работ [Колесов 2016, 12; Левшун 1992, 6]. Форма и стиль произведений Кирилла явно соотносились с пышностью и благолепием византийского церковного ритуала и его словесным выражением. Философия автора, уникальная по своей сути, не имеет аналогов и далека от схоластического рационализма европейской философии эпохи Средневековья. Богословский и художественный талант Кирилла Туровского проявился в способности доступной передачи наследия византийской Церкви и своих философских размышлений, синтезируемых с яркими поэтическими образами [Виноградов 1915, 115; Баранкова 2017, 81].

Жизнь и развитие творчества Кирилла Туровского пришлось на сложный в политическом и социальном плане период истории Киевской Руси. В эпоху «двоеверия» XII в.

языческие воззрения оставались господствующими среди населения, что подтверждают многие исследователи [Романов 2022, 152; Рыбаков 2021, 334; Новосельцев и др. 1965, 278; Мильков 1989]. Церковь еще не завоевала абсолютное большинство своих приверженцев, при этом аскетическая христианская традиция как элитарная религия монашествующих отрицательно влияла на общий процесс христианизации Руси, что приводило к серьезному кризису христианского учения на древнерусской почве в XII столетии. Нарочитый мистицизм преподнесения религиозных постулатов, проповедование спасения только для монашествующих, церковное стяжание (включая земле- и холоповладение), внутрицерковная борьба за власть и активное участие церкви в политической жизни (включая княжеские усобицы) [Греков 2012, 255; Рыбаков 2021, 376] – по понятным причинам не внушали простому народу ни доверия, ни симпатии к новой религии. Так сам Кирилл Туровский описывает реальное отношение к монахам даже белого духовенства в древнерусском обществе своего времени: «А послѣдняя нищеты житѣ – сирѣчь от бѣлоризецъ осуженье, досады и укоризны, хулы и посмѣси, опытанія, не бо тако мнѣять, яко Богу работающа мнихы, но акы

прелестники и свою погублеша душу» [Повесть Кирилла 1956, 350].

Сохраняя и поддерживая пропасть между мирским и божественным, церковники сужали общечеловеческое значение Христа до иноческого божества [Замалеев 1987, 151]. Однако княжеская и церковная власть в условиях жесточайшей феодальной раздробленности и постоянной внешней военной угрозы осознавала необходимый политический шаг, предпринятый Владимиром Святославичем, по введению монотеизма на Руси для обоснования и поддержки централизации русских земель – идеей единобожия и самодержавия проникнуты все произведения той эпохи. В связи с вышесказанным основной идеологической задачей в середине XII в. становится распространение и популяризаторство христианства как общечеловеческого вероучения, привлечение паствы за счет понятного толкования его канонов [Романов 2022, 150–158; Мильков 2016; Замалеев 1987, 152]. Именно поэтому особенно актуальной становится задача трансляции сотериологической христианской концепции, которая в противоположность языческим воззрениям и реальной действительности, дарит человеку надежду на спасение и воскресение.

В противовес мистико-аскетической пещерской традиции возникают произведения, унаследовавшие и развивающие идеи и методы митрополита Илариона. Как отмечает Н.К. Никольский, раннее русское христианство, в отличие от преобладающего в Византии мрачно-аскетического настроения, имело возвышенный и оптимистический характер [Никольский 1913]. Для Илариона и его преемников Господь всемогущ и всемогущ настолько, что прощает возможные человеческие слабости доверившимся и полюбившим его [Мильков 2019]. Оттого восприятие и мира небесного, и мира земного у Илариона радостно и полно оптимизма. Одним из ярчайших мыслителей, унаследовавших идеи первого русского митрополита, выступает Кирилл Туровский.

Одной из основных концепций Илариона, детерминированных преподобных Кириллом, является идея богоизбранности русского народа. В работах туровского книжника мы находим классическое для древнерусской лите-

ратуры противопоставление христианства язычеству², однако идолопоклонческое прошлое русских с точки зрения развития признается положительным обстоятельством, позволяющим обрести новую правильную веру, а через нее и вечную жизнь³: «Прекрасно свидетельство народное, которому поверили язычники и признали во Христе Сына Божия; ибо среди иудеев Христос сотворил чудеса, а язычникам даровал благодать спасения: иудеи явили Христа, а язычники приняли Его; Израиль отсекся от Того, Кто призывал Его в вечную жизнь, и Христос ввел в Царство Небесное уверовавших язычников; – и был иудеям на падение и соблазн, а чужестранцам на восстание чрез веру» (здесь и далее в цитатах курсив авт. – А. В.) [Слово в неделю Цветочную 1821, 1-2].

Генезис идейных воззрений Кирилла Туровского

Творчество преподобного Кирилла условно можно разделить на два периода: «столпнический» и «епископский» [Замалеев 1987, 152; Златоструй 1990, 190–213], первый из которых характеризуется преобладанием аскетических воззрений. Здесь прослеживается влияние афоно-пещерской традиции, основной «элитарной» идеей которой выступает представление о том, что единственным путем спасения является аскеза и монашество. На этом этапе Кирилл транслирует жесткую мысль о том, что живущие в миру не наследуют божьего царства, ведь все «мирское» становится синонимом греха, отягощения страстями и пороками. Единственным способом обожения выступает смиренная жизнь в монастыре и суровый аскетизм. В «Повести о бельцах и монашестве» древнерусский автор отмечает, что житейские мысли, сопровождающие человека в мирской жизни, препятствуют спасению, так как сбивают ум с толку, не дают познать ему мудрость и смысл жизни, отвлекают от размышлений о вечном. Уму человеческому необходима опора – вера и духовная жертва, единственным же спасением является уход от мира в монастырь. Таков, по мнению Кирилла Туровского, представленному в ранних произведениях, смысл человеческой жизни и путь к Богу – «освяще-

ние души и очищение телеси» [Повесть Кирилла 1956, 348], принесение себя в жертву Богу как «онѣх агньць» [Кюрила епископа Туровьскаго сказание 1956, 355], праведное существование, отвержение мирских искушений, распинание себя «въльнымъ терпѣниемъ» [Кюрила епископа Туровьскаго сказание 1956, 356], сосредоточенные мысли о душе, молитва, труд, воздержание, смирение, все то, что автор подразумевает под «монашеской добродетелью». Мировоззренческой спецификой понимания древнерусскими иноками идеи обожения выступает отсутствие интереса к теоретическим поискам пути к Богу и сосредоточенность на практической стороне вопроса – возможности быть угодными Богу, всеми возможными способами достичь в себе образа и подобия [Бондарь 2014, 252].

В целом можно охарактеризовать этот этап творчества Кирилла Туровского как период популяризации *индивидуального, личностного спасения* («свое сдеающе спасение») [Повесть Кирилла 1956, 353]), как сложного пути самосовершенствования. Отметим, что для византийского богословия характерно понимание спасения не просто как дара Господа, но скорее как «заслуги», которую необходимо заработать в процессе всей своей духовной, морально-нравственной жизни, направленной на сложнейшее религиозное восхождение к Богу, обожение [Чистякова 2018, 9].

Однако будучи поставлен в епископы города Турова и включившись в политическую и идеологическую борьбу, Кирилл Туровский меняет свои взгляды. На новом этапе творчества усложняется не только стиль повествования, но углубляется и идейная проблематика произведений преподобного Кирилла. Уже в «Слове о расслабленном», используя аллегорический метод александрийского богословия, Кирилл толкует известную евангельскую притчу о человеке, тридцать восемь лет пролежавшем в болезни, в совершенно новом ключе. Автор помещает в уста Иисуса Христа важнейшую мысль о великом божественном человеколюбии и *служении Бога всему человечеству и каждому человеку*, раз мир и природа сотворены для людей, а сам Он вочеловечился ради исцеления человеческих душ: «Тебе ради, горняго царства ски-

петры оставль, нижнимъ служа объхожю, – не приход бо, да ми послужать, нъ да послужию. Тебе ради, бесплътн сы, плътю обложихъся, да всѣхъ душевныя и телесныя недугы ищѣлю. <...> И кто ин мене вѣрнѣй служай тобѣ? Тобѣ всю тваъ, на работу створи; небо и земля тобѣ служита...» [Того же грѣшнаго мниха слово 1959, 333]. Кирилл очень подробно описывает служение Бога обычному мирскому человеку, популяризируя христианство, но в этом ощутим и необыкновенный гуманизм автора, стремящегося «приземлить» божество, приблизить его к человеку, показать его причастность и любовь. Такое понимание вочеловечивания Сына Божия, его жертвы и страданий как акта глубочайшей любви Бога сходно с евангелистской мыслью. Евангелист Иоанн пишет: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин 3:16-17). Апостол Павел также отмечает, что «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим 5:8). Любовь Творца к Сыну и ко всем людям, любовь людей друг к другу – великое чувство, способное спасти от рабства, унижения, ненависти и вражды. Именно любовь способна приблизить человека к Богу. Как справедливо отмечает В.В. Бычков: «Так высоко человеческая мысль еще никогда не ставила ни человека, ни его, пожалуй, самое сложное и противоречивое чувство – любовь» [Бычков 1995, 168].

Идея служения человеку не только Сына Божия, но и всех церковных деятелей, звучит в «Притче о человеческой душе и теле», которая имеет широкий круг адресатов: это и церковные сановники, и князья, простой русский народ. Отметим, что выбирая для своего произведения апокрифический сюжет, формой для своих мыслей – народный жанр притчи, традиционные художественные средства, понятные многим, автор хочет быть понятым и услышанным. Важно также отметить, что для понимания его богословских построений необходимы элементарные церковные знания. Объединяя в философско-художественной форме христианское мировоззрение с народ-

ным, Туровский не занимается теоретизированием и богословием, его рассуждения обращены к простому русскому человеку. Главной миссией ученого, «размышляющего» человека, по мнению автора, становится распространение своих знаний, попытка поделиться ими с другими людьми, а значит, спасение человеческих душ [Волкова 2022, 85]: «Тако обрѣтый божественныхъ книгъ скровище, пророческихъ же и псаломскихъ и апостольскихъ и самого спаса Христа спасенныхъ словес истинный с расужениемъ разум, – *уже не собѣ единому бысть на спасение, но и инѣмъ многимъ послушающимъ его*» [Кирилла мниха притча 1956, 340]. Таким образом, постижение веры через Божественное откровение ведет не к индивидуальному спасению, за которое радело замкнутое на себе монашество. Самосовершенствуясь, духовный деятель должен транслировать познанное вовне, он должен делиться с окружающими людьми, ведь при условии правильного преподнесения это «удвоить чѣловечьскыя душа» [Кирилла мниха притча 1956, 340], приведет к привлечению большего количества мирян к пониманию и принятию христианства, а следовательно, к вере и спасению. Для восточного христианства характерна идея спасения, осуществляемого действием Божьей благодати, но зависящего от проявления веры человека, которому изначально дарована свобода воли и выбора. Именно поэтому преподобный Кирилл распространением своих идей пытается привести русских людей именно к осознанному обретению свободы выбора Бога. Как отмечает В.Н. Лосский, «божественная воля будет всегда покоряться блужданиям, уклонениям, даже бунтам воли человеческой, чтобы привести ее к свободному согласию» [Лосский 1991, 244].

Резюмируя вышесказанное, отметим идейный генезис древнерусского автора: фокус направленного вглубь себя взгляда аскета и столпника перенаправляется в сторону других людей – им служит Господь, им же должен служить священник и монах. В этом, по мнению Кирилла, суть христианского вероучения – в верном служении людям и терпеливой любви, что, в свою очередь, отражает глубокий антропологизм и гуманизм авторского мировосприятия.

Развитие идеи спасения в творчестве Кирилла Туровского

В «Слове о расслабленном» мы обнаруживаем отражение ведущей византийской идеи о создании человека по образу именно Сына Божия: «Тебе ради, невидим сы ангельским силам всѣм, челоѣкомъ явихъся, не хощю бо моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нѣ хощю и спасти и в разум истинный привести. И глаголеши: “Челоѣка не имам!” Аз бых челоѣк, да Богомъ челоѣка съворю! Рех бо: “Бози будутъ и сынове Вышняго вси”» [Того же грѣшнаго мниха слово 1959, 333]. Последние слова в этом отрывке почти дословно⁴ повторяют идею Григория Богослова⁵ о том, что «Христос, будучи совершенным Богом, для того и стал совершенным человеком, чтобы мы, оставаясь совершенными людьми, *точно в такой же степени* совершенно стали Богом. Совершенство вочеловечения оказывается равно совершенству нашего обожения» [Лурье 2006, 77]. Как отмечает В.М. Лурье, эти мысли Григорий высказывает в проповедях, которые, как и в случае Кирилла Туровского, обращены к простым прихожанам и людям, только готовящимся принять крещение. В более ранней «Повести о бельцах и монашестве» автор использует иную, более обтекаемую, формулу, обещающую абстрактное, возможно, малопонятное для простых людей «обожение», а не конкретное становление человека богом⁶: «Сын сый Божий, съшедый с небесе, и воплотися нашего ради спасения и бысть челоѣк, да челоѣка обожитъ» [Повесть Кирилла 1956, 351]. Непревзойденный мастер слова преподобный Кирилл меняет всего лишь оттенок фразы, но для прихожан причина, по которой Сын Божий вочеловечился, превращается из процессуального «обожения» (нелегким путем которого монахи идут всю жизнь) в единовременный (уже совершившийся!) акт с четкой единственной целью – сделать людей не сынами Бога, но богами. А людям остается лишь самая малость – креститься, раскаяться и больше не грешить: «По крещении не велить нам Господь съгрѣшати, да не паки и истылим обновленаго Богомъ челоѣка» [Того же грѣшнаго мниха слово 1959, 335].

Сотериологическая концепция, соответствующая детерминированным взглядам Кирилла Туровского на миссию церковнослужителей и поставленным целям расширения христианизированной аудитории, зиждется «на трех китах»: концептах крещения, покаяния и избегания сознательного греха. Рассмотрим их подробнее.

Положение о спасении в творчестве преподобного Кирилла тесно связано с оптимистической идеей крещения⁷, как возможности обновиться и начать новую земную жизнь с «чистого листа». В восточнохристианской святоотеческой традиции путем таинства Крещения возможно снятие только первородного греха, то есть очищение человеческой природы от греховности, возникшей вследствие грехопадения Адама. История о первом человеке, тесно переплетенная с древним Вавилонским талмудическим сюжетом о слепце и хромце, представлена в «Притче о Душе и Телѣ». По оригинальной трактовке Кирилла Адам жил в Эдеме и охранял святое место (рай), в которое ему было запрещено входить раньше времени⁸. Кирилл Туровский вслед за Иоанном Дамаскиным⁹ разделяет Эдем – место преступления Божьего закона, и рай – место абсолютной святости, предуготовленное в будущем для очистившихся от грехов. Вся вселенная была дарована Адаму и покорено все живое на земле, однако, ослепленный гордыней, он посягнул на святое, преступив Божий закон, – и вошел из Эдема в рай, где вкусил от Древа познания добра и зла. Важно отметить, что в этической парадигме Кирилла Туровского гордыня является самым страшным грехом человека – грехом «в разумѣ», то есть осознанным [Кирилла мниха притча 1956, 344], воссоздающим грех первородный и способным безвозвратно погубить человеческую душу. Гордыня в понимании Кирилла – это воровство у Бога его «труда», сторожем которого поставлен человек, – «дивная божия твари устройство» [Кирилла мниха притча 1956, 342], то есть способа мироздания. Первый человек пошел на осознанную кражу того, что было создано для него и должно было быть ему даровано, и оказался не готов ни сердцем, ни сознанием к тому, что познал. Грехопадение разрушило благодатное существование первого человека, и он без дол-

жного, по мнению Кирилла, смирения и раскаяния в своем грехе был изгнан из Эдема.

Сын же Божий, вочеловечившись, освятил человеческую плоть и искупил первородный грех человечества. Своим подвигом и великой жертвой Иисус обновил человека и снял с него вину перед Богом: «Се в тобѣ Адама мозоли исцѣлих, и падьша преступлениемъ възведох, и всеродную того клятву ныня отях, *омых сквърну всякого прѣгрѣшения крещениемъ*» [Того же грѣшнаго мниха слово 1959, 335]. Крещение же согласно воззрениям Кирилла Туровского «обнуляет» в каждом новообращенном христианине¹⁰ и грех Адама, и все предыдущие земные грехи, являясь основой предопределения к спасению. Однако, предупреждает Кирилл, есть условие – нельзя снова грешить и, Туровский здесь делает акцент, нельзя грешить сознательно («в разумѣ»), а согрешив, необходимо немедленно раскаяться. Иначе вся тяжесть грехопадения снова обрушится на плечи согрешившего и тогда никогда не войти ему в вечную жизнь. Концепт разумного, сознательного греха – частый мотив произведений туровского епископа, выражающий идею о возможности свободного выбора между добром и злом. Сознательные грехи, по мысли автора, из которых можно выделить тщеславие, высокомерие, лицемерие, жажду чинов и славы и пр., неизбежно влекут личность в пропасть первородного греха – гордыни, тем самым закрывая перед человеком двери заветного спасения.

Концепт раскаяния является важнейшим аспектом сотериологической концепции преподобного Кирилла Туровского. Автор уверен, что покаянием мог искупить свой грех Адам, раскаяния ждет домовитый человек во время судебного опроса слепца в «Притче о душе и теле». Кирилл Туровский «древом жизни» называет благодатное покаяние (букв. др.-греч. μετανοια – «изменение мыслей»), которое отверг первый человек, не сменив «надмение высокомысля» на смирение, за что и был осужден вместе со всеми своими потомками на неминуемую смерть. Раскаяние есть очищение души и тела от всех прегрешений, которое дарует человеколюбивый Господь. Бог, по мнению Туровского, не любит угождающих: страшным пороком является «волное богоугодья дѣлатель» [Кирилла мниха притча 1956, 343]. Однако Господь особенно любит соглас-

но воззрениям автора раскаявшихся грешников: «Оле многое Владычне человеклоубие! И казнить ны и милуеть, грѣха ради озлобляеть ны – и паки покаянья ради приемлеть; не хоцеть бо смерти грѣшника, но обратитися велить и живу ему быти¹¹. <...> Нѣсть бо грѣха, иже сдолѣеть Божии милости» [Кирилла мниха притча 1956, 344]. Крещение, по мнению Кирилла, возрождает человека, а покаяние перерождает, трансформирует в нем зло в добро: «Так весна красная – это вера Христова, которая крещением возрождает человеческую природу: бурные ветры – это греховные помыслы, которые, чрез покаяние превратившись в добрые, умножают душеполезные плоды» [Слово на антипасху 1880, 17].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что на этапе зрелого религиозно-философского творчества Кирилл Туровский уже не проповедует жесткий аскетизм. Для его сотериологической системы характерна идея незлитарного, универсального спасения¹², то есть равноправия всех людей перед Господом и наличия у каждого человека возможности достичь Царствия Небесного.

Отметим, что идея спасения, для достижения которого не нужны чрезвычайные усилия, характерна для многих древнерусских произведений XII века. Церковные деятели, работая над основной задачей привлечения и сохранения паствы, проповедуют концепцию спасения, самостоятельно приходящего к тем христианам, которые выполняют общие предписания церкви. Так, например, Моисей Новгородский в «Поучении о чрезмерном пьянстве» проповедует мысль о том, что плотские радости не греховны равно до тех пор, пока им есть мера и надлежащее время: «А делал бы в нужное время и в меру, и был бы спасен. Пусть каждый, веры достойный, обычая держится так: желанию – время, а на избыток желанья узду налагать воздержанья; если же будет желание в пору, то делай что хочешь – но в меру, а не безмерно» [Поучение Моисея 1990, 214]. Григорий Белгородский в своем «Поучении философа» также выступает против чрезмерности, объявляя ее грехом. Спасение же в раскаянии: «Раскайтесь! Откажитесь от такого веселья, что велит напиваться по праздникам, и восплачьте, каясь в ваших излише-

ствах, иначе закроется царство небесное» [Поучение философа 1990, 217].

При условии праведной жизни или совершенного вовремя раскаяния, каждому человеку предстоит воскреснуть и пребывать в вечности. После второго пришествия Христа произойдет всеобщее воскрешение душ в своих собственных телах: «Тогда бо души наши в тела внидутъ и примутъ въздание кождо по своим дѣломъ – праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку» [Кирилла мниха притча 1956, 347]. Отличными от принятых ортодоксальных воззрений выступают воззрения Кирилла на посмертные «мытарства» души. Согласно им, до второго пришествия Христа человеческие души сохраняются «Бог знает, где», не зная ни мучений, ни суда [Кирилла мниха притча 1956, 347]. Суд же Божий будет происходить уже после воскрешения душ в собственных телах, и только тогда каждый человек получит воздаяние по делам своим: праведники – жизнь вечную в своих телах, грешники – бесконечные душевные муки и разрушение плоти [Кирилла мниха притча 1956, 347].

Спасение для Кирилла Туровского в первую очередь связано с Божьей благодатью, дарованной «обильно человекъскому роду¹³» [Кирилла мниха слово о слѣпецъ 1959, 336], так как моральному и религиозному самосовершенствованию, как мы видим по идейному содержанию произведений зрелого этапа творчества, автор не уделяет уже должного внимания и не высказывает жестких «неимоверных» требований [Аверинцев 1974, 184]. Индивидуально нравственный путь к Абсолюту из сложной многоуровневой траектории движения к возвращению утерянного богоподобия путем духовного гнозиса и бесконечного самосовершенствования, характерной для византийского богословия и древнерусской монашеской среды, превратился в мировоззрении Кирилла Туровского в достаточно простой, понятный мирскому человеку принцип праведности. Кирилл Туровский, в отличие от восточных святых отцов, не отрицает тленности природы человека, возможности греха и несовершенства людей и земного мира. Напротив, преподобный Кирилл как добрый пастырь понимает слабость человеческого естества окружающих его людей и проповедует всеоб-

шее спасение для них через великое божественное прощение и любовь. На этом зиждется сотериологическая концепция туровского епископа. Не признавая византийской идеи, касающейся подобия Господа¹⁴, к которому необходимо стремиться ради спасения, Кирилл Туровский проповедует идею об образе Бога, изначально заключенному в человеке. Благодаря ему спасение вследствие принятия святого крещения (равного свободному выбору веры) и нравственной земной жизни даровано Господом каждому человеку. Преподобный Кирилл транслирует идею о возможности освобождения от греха, очищения и обновления человека путем покаяния, тем самым даря своей пастве надежду на возможность ее будущего – нетленного бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00050 «Византийская философия как феномен взаимовлияния западной и восточной культур и источник формирования философии в Древней и Средневековой Руси», <https://rscf.ru/project/22-18-00050/>

The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 22-18-00050) «Byzantine Philosophy as a Phenomenon of Mutual Influence of Western and Eastern Cultures and the Source of the Formation of Philosophy in Ancient and Medieval Rus», <https://rscf.ru/en/project/22-18-00050/>

² Ср.: «Обновилась тварь; уже не будут называть богами стихий, ни солнца, ни огня, ни источников, ни деревьев. Отселе ад уже не принимает в жертву младенцев, закалаемых отцами, и смерть уже не чествуется; ибо прекратилось идолослужение, погублено насилие бесовское таинством креста, и человеческий род не только спасен, но и освящен Христовою кровию» [Слово на антипасху 1880, 14].

³ Ср.: «Так и совершилось. Ибо вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. <...> И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами, не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную. И уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, <закалаем> и раздробляем в жертву Богу и Отцу. И уже не <как прежде>, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую кровь Христову вкушая, спасаемся. <...> И хотя прежде пребывали мы в подобии зверином и скотском, не различали мы десницы и шуйцы и, прилежа земному, не заботились нисколько о небесном, ниспослал Гос-

подь и нам заповеди, ведущие в жизнь вечную... <...> Итак, быв чуждыми, наречены мы народом Божиим, быв врагами, названы сынами его» [Слово о законе и благодати 1990, 113–114].

⁴ Ср.: «Господь воплотился, и стал человеком Бог дольний [т.е. снисшедший на землю], чтобы соединиться и стать с ним единым, но и более того, – чтобы и я стал настолько же Богом, насколько Он – человеком (ἵνα γένωμαι τοσοῦτον θεός, ὅσον ἐκτός ἀνθρώπος)» (Слово 29, богословское III, О Сыне); «Веруй: <...> насколько Бог стал ради тебя человеком, настолько и ты станешь через Него Богом» (Слово 40, На святое крещение) (цит. по: [Лурье 2006, 77]). Однако эта идея не нова для византийского богословия, чуть менее однозначно она звучит у Иринея Лионского («...Иисусу Христу, Господу нашему, Который по неизмеримой благодати Своей сделался Тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он» [Иринея Лионский 2008, 487] и Афанасия Великого («Оно [Слово Божие] вочеловечилось, чтобы мы обожились» [Афанасий Великий 1903, 217].

⁵ О мистериальном настроении проповедей Кирилла Туровского, роднящих его творчество с идеями Григория Богослова подробно см.: [Еремин 1966].

⁶ Также в более «мягкой форме» эта идея звучит у митрополита Илариона в «Слове о законе и благодати», ср.: «И столь помиловал преблагой Бог человеческий род, что и чада плоти чрез крещение и добрые дела становятся сынами Божиими и причастниками Христу. Ибо, как говорит евангелист, «тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились», действием Духа Святого в святой купели» [Слово о законе и благодати 1990, 110].

⁷ Таинство крещение как один из путей обожения проповедовал в своих религиозно-философских трудах Григорий Богослов. Подробно см.: [Еп. Иларион (Алфеев) 2007, 376].

⁸ Ср.: «А после того как Бог вознамерился по образу и по подобию Своему сотворить человека... то прежде поставил для него как бы некоторый царский дворец, живя в котором он имел бы блаженную и вполне счастливую жизнь. И этим является Божественный рай, руками Бога насажденный в Эдеме, хранилище веселия и всякой радости. Ибо Эдем переводится: наслаждение. Лежа на востоке – выше всей земли... он – истинно Божественное место и жилище, достойное того, кто создан по образу Божию; в нем не пребывало ни одно из бессловесных существ, а один только человек – создание Божественных рук» [Иоанн Дамаскин 2002, 236]. Однако у византийского Отца Церкви отсутствует запрет на вход в рай для первого человека.

⁹ То есть не будучи посвящен, не будучи достаточно к этому готов – «прежде освящения»,

«не свершен дар священства» [Кирилла мниха притча 1956, 344]. Как отмечает Григорий Богослов: «Напротив того, оно [древо познания] было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо сие, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно приступать могут только опытно усовершенствовавшиеся)» [Григорий Богослов 1912, 665].

¹⁰ Кирилл Туровский в своих произведениях призывает к крещению уже взрослых людей.

¹¹ Ср.: «Скажи им: «Жив я, – говорит Владыка Господь Иегова, – я нахожу удовольствие не в смерти нечестивого, а в том, чтобы нечестивый отступил от своего пути и жил»» (Иезекииль 33:11).

¹² Мы используем термин «универсальное спасение», чтобы разграничить взгляды Кирилла Туровского и идеи оригенизма касательно всеобщего спасения (апокатастасиса), которые были осуждены на V Вселенском соборе как еретические. Отметим, что эсхатологическая часть сотериологических концепций Оригена и Кирилла Туровского полностью не совпадают, так как преподобный Кирилл не отрицает идеи о вечных муках для грешников.

¹³ Иоанн Златоуст вслед за апостолом Павлом называет это «избытком благодати» [Иоанн Златоуст 1903, 507].

¹⁴ Ср.: «Аще бо и нарицается Христос человекомъ, то не образом, но притчею, ни единого бо подобья имѣеть человекъ Божья. Не сумнѣть бо ся писание и ангелы человекъ нарицати, – но словомъ, а не подобиемъ. Аще бо блзнятъся етери, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече Бог: створим человека по образу нашему и подобию», – и прилагають к бесплотному тѣло, не имущее строения разума, и есть си ересь и донинѣ человекобразно глаголющим Бога, иже никако не описается, ни мѣры качеству имать» [Кирилла мниха притча 1956, 342].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев 1974 – *Аверинцев С.С.* Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья // Типология и взаимосвязь средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 152–191.
- Афанасий Великий 1903 – *Афанасий Великий.* Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийскаго. Ч. 1. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собств. тип, 1903. С. 191–263.
- Бондарь 2014 – *Бондарь С.В.* Антропологические воззрения святого Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiowrsia: en cronw, en proswrw, en eidei. Вып. 4. СПб.; Казань: [б. и.], 2014. С. 242–347.
- Бычков 1995 – *Бычков В.В.* Эстетика Отцов Церкви. М.: Ладомир, 1995.
- Баранкова 2017 – *Баранкова Г.С.* Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского // Русская речь. 2017. № 5. С. 79–89.
- Виноградов 1915 – *Виноградов В.П.* Уставные чтения. III // Очерки истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. С. 115–120.
- Волкова 2022 – *Волкова А.А.* Опыт осмысления понятий веры, разума и познания мыслителями Киевской Руси в контексте гносеологической традиции ранневизантийской патристики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19, вып. 3. С. 82–88.
- Греков 2012 – *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Алгоритм, 2012.
- Григорий Богослов 1912 – *Григорий Богослов.* Слово 45. На Святую Пасху // Творения. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. С. 661–680.
- Еп. Иларион (Алфеев) 2007 – *Еп. Иларион (Алфеев).* Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2007.
- Еремин 1966 – *Еремин И.П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л.: Наука, 1966. С. 132–144.
- Замалеев 1987 – *Замалеев А.Ф.* Философская мысль средневековой Руси. Л.: Наука, 1987.
- Златоструй 1990 – *Златоструй.* Древняя Русь. XII–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Иоанн Дамаскин 2002 – *Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры // Творения преподобного Иоанна Дамаскина. М.: Индик, 2002.
- Иоанн Златоуст 1903 – *Иоанн Златоуст.* Беседы на Послание к римлянам // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольскаго. Т. 9. Ч. 2. СПб.: Изд. С.-Петербург. духов. акад., 1903. С. 483–859.
- Иринеи Лионский 2008 – *Иринеи Лионский.* Обличение и опровержение лжеименного знания: (Против ересей). СПб.: Изд. Олега Абышко, 2008.
- Кирилла мниха притча 1956 – *Кирилла мниха притча о человекъчстѣи души и о телеси, и о преступлении божия заповѣди, и о воскресении телесе человекъча, и о будущемъ судѣ, и о муцѣ* // Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 340–347. (ТОДРЛ; т. 12).

- Колесов, 2016 – *Колесов В.В.* Стилистика и поэтика Кирилла Туровского // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiologwsiā: en stonw, en proswrw, en eidei. Вып. 6. СПб.; Казань: [б. и.], 2016. С. 10–35.
- Кюрила епископа Туровьскаго сказание 1956 – Кюрила епископа Туровьскаго сказание о черноризьчѣмъ чину, от вѣтхаго закона и новаго; онога образ носяща, а сего дѣлы съвършающа // Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 354–361. (ТОДРЛ; т. 12).
- Кюрила мниха слово о слѣпецъ 1959 – Кюрила мниха слово о слѣпецъ и о зависти жидов, от сказания евангельскаго, в недѣлю 6-ю по пасцъ // Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 336–340. (ТОДРЛ; т. 15).
- Левшун 1992 – *Левшун Л.В.* Проповедь как жанр средневековой литературы (на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Лосский 1991 – *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991.
- Лурье 2006 – *Лурье В.М.* История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiōta, 2006.
- Мильков 1989 – *Мильков В.В.* Древнерусское еретичество в идейно-политической борьбе XII столетия // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 5–27.
- Мильков 2016 – *Мильков В.В.* Своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiologwsiā: en stonw, en proswrw, en eidei. Вып. 6. СПб.; Казань: [б. и.], 2016. С. 35–65.
- Мильков 2019 – *Мильков В.В.* Иларион // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 106–107.
- Никольский 1913 – *Никольский Н.К.* О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. 6. С. 1–23.
- Новосельцев и др. 1965 – *Новосельцев А.П., Пащутто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
- Повесть Кирилла, 1956 – Повесть Кирилла многогрѣшнаго мниха к Василию игумену Печерьскому о бѣлоризцѣ человекѣцѣ, и о мнишьствѣ, и о души, и о покаянии // Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 348–354. (ТОДРЛ; т. 12).
- Поучение Моисея 1990 – Поучение Моисея о чрезмерном пьянстве // Златоструй. Древняя Русь. XII–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 214.
- Поучение философа 1990 – Поучение философа, епископа Белгородского // Златоструй. Древняя Русь. XII–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 215–217.
- Романов 2022 – *Романов Б.* Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2022.
- Рыбаков 2021 – *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М.: Акад. проект, 2021.
- Слово в неделю Цветоносную 1821 – Слово в неделю Цветоносную (Ваий), от сказания Евангельского // Калайдович К. Памятники Российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского. М.: Тип. С. Селивановского, 1821. С. 1–9.
- Слово на антипасху 1880 – Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе // Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго с предварительным очерком истории Турова и туровской иерархии до XIII века. Издание Преосвященнаго Евгения, епископа Минскаго и Туровскаго. К.: В Тип. Киево-Печерской Лавры, 1880. С. 14–22.
- Слово о законе и благодати 1990 – Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Златоструй. Древняя Русь. XII–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 106–125.
- Того же грѣшнаго мниха слово 1959 – Того же грѣшнаго мниха слово о ослабленѣмъ, от бытия и от сказания евангелскаго, в неделю 4 по пасцѣ // Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 331–335. (ТОДРЛ; т. 15).
- Чистякова 2018 – *Чистякова О.В.* Свобода воли и божественное предопределение в восточной и западной патристике в контексте ортодоксальных (сотериологических) и философских различий // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.1>

REFERENCES

- Averintsev S.S., 1974. The Western-Eastern Genesis of the Literary Canons of the Byzantine Middle Age. *Tipologiya i vzaimosvyaz srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada*. Moscow, Nauka Publ., pp. 152-191.
- Athanasius the Great, 1903. The Word About the Incarnation of God-the Word, and About His Coming to Us in the Flesh. *Tvoreniya izhe vo*

- svyatyh otca nashego Afanasiya Velikago, arhiepiskopa Aleksandrijskago. Ch. 1.* Sergiev Posad, Svyato-Troickaya Sergieva Lavra sobstvennaya tipografiya, pp. 191-263.
- Bondar S.V., 2014. Anthropological Views of St. Cyril of Turov in the Context of the Christian Teaching About Man. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Palaiorwsia: en crois, en proswpw, en einai. Vyp. 4.* Saint Petersburg; Kazan, s.n., pp. 242-347.
- Bychkov V.V., 1995 *Aesthetics of the Fathers of the Church.* Moscow, Lodomir Publ.
- Barankova G.S., 2017. Original and Borrowed in the Work of Cyril of Turov. *Russkaya rech*, no. 5, pp. 79-89.
- Vinogradov V.P., 1915. Statutory Readings. III. *Ocherki istorii greko-slavyanskoj cerkovno-uchitelnoj literatury.* Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry, pp. 115-120.
- Volkova A.A., 2022. Experience of Understanding the Concepts of Faith, Reason and Cognition by the Thinkers of Kievan Rus in the Context of the Epistemological Tradition of Early Byzantine Patristics. *Socialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 19, iss. 3, pp. 82-88.
- Grekov B.D., 2012. *Kievan Rus.* Moscow, Algoritm Publ.
- Gregory the Theologian, 1912. Word 45. On Holy Easter. *Tvoreniya. V 2 t. T. 1.* Saint Petersburg, Izd-vo P.P. Sojkina, pp. 661-680.
- Ep. Hilarion (Alfeev), 2007. *The Life and Teachings of St. Gregory the Theologian.* Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrja.
- Eremin I.P., 1966. Oratorical Art of Cyril of Turov. *Literatura Drevnej Rusi (etyudy i harakteristiki).* Moscow; Leningrad, Nauka Publ., pp. 132-144.
- Zamaleev A.F., 1987. *Philosophical Thought of Medieval Russia.* Leningrad, Nauka Publ.
- Zlatostroi, 1990. *Ancient Russia. XII–III Centuries.* Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- John of Damascus, 2002. The Exact Exposition of the Orthodox Faith. *Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina.* Moscow, Indrik Publ.
- John Chrysostom, 1903. Conversations on the Epistle to the Romans. *Tvoreniya svyatogo otca nashego Ioanna Zlatousto arhiepiskopa Konstantinopolskogo. T. 9. Ch. 2.* Saint Petersburg, Edition of the St. Petersburg Theological Academy, pp. 483-859.
- Irenaeus of Lyon, 2008. *Denunciation and Refutation of False Knowledge (Against Heresies).* Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko.
- Cyril the Monk's Parable of the Human Soul and the Body, and the Transgression of God's Commandment, and the Resurrection of the Human Body, and the Future Judgment, and Torment, 1956. Eremin I.P. *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo.* Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 340-347. (TODRL; vol. 12).
- Kolesov V.V., 2016. Stylistics and Poetics of Cyril of Turov. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. Vyp. 6.* Saint Petersburg; Kazan, s.n., pp. 10-35.
- Cyril Bishop of Turov Legend of the Chernorizsky Rank, from the Old Law and the New; It Is the Image of the Bearer, and This Deed Is Accomplished, 1956. Eremin I.P. *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo.* Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 354-361. (TODRL; vol. 12).
- Cyril the Monk's Word About the Blind Man and the Envy of the Jews, from the Gospel Legend, in the Week 6 on Easter, 1959. Eremin I.P. *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo.* Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 336-340. (TODRL; vol. 15).
- Levshun L.V., 1992. *Preaching as a Genre of Medieval Literature (Based on the Material Sermons in Old Russian Handwritten and Old Printed Collections).* *Cand. philol. sci. abs. diss.*
- Lossky V.N., 1991. *An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology.* Moscow, Centr «SEL».
- Lurie V.M., 2006. *History of Byzantine Philosophy. Formative Period.* Saint Petersburg, Axioma Publ.
- Milkov V.V., 1989. Ancient Russian Hereticism in the Ideological and Political Struggle of the 12th Century. *Obshchestvennaya mysl: issledovaniya i publikacii. Vyp. 1.* Moscow, Nauka Publ., pp. 5-27.
- Milkov V.V., 2016. The Originality of the Religious and Moral Views of Cyril of Turov. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Palaiorwsia: en crois, en proswpw, en einai. Vyp. 6.* Saint Petersburg; Kazan, pp. 35-65.
- Milkov V.V., 2019. Hilarion. *Filosofskaya antropologiya*, vol. 5, no. 1, pp. 106-107.
- Nikolsky N.K., 1913. About Old Russian Christianity. *Russkaya mysl*, book 6, pp. 1-23.
- Novoseltsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ya.N., 1965. *The Ancient Russian State and Its International Significance.* Moscow, Nauka Publ.
- The Tale of St. Cyril the Great to Basil, Hegumen of Pechersk, Concerning Belorizets the Man, Monasticism, and the Soul, and Repentance, 1956. Eremin I.P. *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo.* Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 348-354. (TODRL; vol. 12).

- The Teaching of Moses About Excessive, 1990. *Zlatostroy. Ancient Russia. 12th – 13th Centuries*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., p. 214.
- The Teaching of the Philosopher, Bishop of Belgorod, 1990. *Zlatostroy. Ancient Russia. 12th – 13th Centuries*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., pp. 215-217.
- Romanov B., 2022. *People and Customs of Ancient Russia*. Moscow, Lomonosov Publ.
- Rybakov B.A., 2021. *Kievan Rus and the Russian Principalities of the 12th – 13th Centuries. The Origin of Russia and the Formation of Its Statehood*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.
- Word per Week Flower-Bearing (Waii), from the Gospel Legend, 1821. Kalaidovich K. (ed.). *Pamyatniki Rossijskoj slovesnosti XII veka. Tvoreniya Kirilla, episkopa Turovskogo*. Moscow, Printing House of S. Selivanovsky, pp. 1-9.
- The Word for Antipascha or in the New Week After Easter, 1880. *Tvoreniya svyatago otca nashego Kirilla, episkopa Turovskago s predvaritelnyum ocherkom istorii Turova i turovskoj ierarhii do XIII veka. Izdanie Preosvyashchennago Evgeniya, episkopa Minskago i Turovskago*. Kiev, Printing House of the Kiev Pechersk Lavra, pp. 14-22.
- The Word About the Law and Grace of Metropolitan Hilarion, 1990. *Zlatostroy. Ancient Russia. 12th – 13th Centuries*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., pp. 106-125.
- The Same Sinful Monk's Word About the Relaxed, from Genesis and from the Gospel Legend, in the Week 4 on Easter, 1959. Eremin I.P. *Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo*. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 331-335. (TODRL; vol. 15).
- Chistyakova O.V., 2018. The Issue of Free Will and Divine Predestination in Western and Eastern Patristics in the Context of Orthodox (Soteriological) and Philosophical Differences. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.1>

Information About the Author

Anastasiia A. Volkova, Candidate of Sciences (Philosophy), PhD, Researcher, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, dead-ligeya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3283-4603>

Информация об авторе

Анастасия Алексеевна Волкова, кандидат философских наук, PhD, научный сотрудник кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, dead-ligeya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3283-4603>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.8>

UDC 141.201
LBC 87.3(2)522-685

Submitted: 11.07.2023
Accepted: 16.11.2023

ESCHATOLOGICAL DILEMMA OF V.S. SOLOVIEV: HUMAN FREEDOM OR DIVINE NEED?

Anastasia A. Romanenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the eschatological ideas of V.S. Solovyov, which are the most important part of his historiosophy. The author notes that in the works of the philosopher, two largely disparate eschatologies stand out in relief. Despite the presence of many high-quality studies devoted to his work, the question of the ideological metamorphosis that caused this remains uncompletely clarified. "A special change in mental mood," in the words of V.S. Solovyov, which happened to him, has become a mystery both for the successors of his work and for modern researchers. In fact, they were faced with a dilemma: either, when comprehending history, to focus on human freedom and develop constructions of a socio-evolutionary type, or to focus on divine necessity, thereby falling under the influence of deterministic mindsets. The purpose of this article is to analyze the eschatological ideas of the Russian thinker and identify differences in the ideas characteristic of him in the early and late periods of his creative activity. To achieve it, the author resorts to comparative analysis, considering two landmark works by V.S. Solovyov: "Readings on God-Manhood", in which the evolutionary eschatology of the thinker was most adequately stated, and "Three Conversations...", which give a visual representation of the change in the thinker's worldview in the direction of transcendent Christian eschatology. As a result of the study, it is concluded that the dilemma posed by V.S. Solovyov requires not a choice between two different statements but their combination, which is what the thinker tried to do in his life of philosophizing. The most accurate way to the "spiritual testament" of V.S. Solovyov was followed by Russian metaphysicians, who further developed the history of philosophy and eschatology of the transcendental type, accepting the concept of Providence without detracting from the significance of the activity of free individuals capable of creativity.

Key words: V.S. Solovyov, Russian metaphysics, eschatology, transcendentalism, pantheism, social utopianism, God-Manhood.

Citation. Romanenko A.A. Eschatological Dilemma of V.S. Soloviev: Human Freedom or Divine Need? *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 79-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.8>

УДК 141.201
ББК 87.3(2)522-685

Дата поступления статьи: 11.07.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА В.С. СОЛОВЬЕВА: ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СВОБОДА ИЛИ БОЖЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Анастасия Андреевна Романенко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются эсхатологические представления В.С. Соловьева, являющиеся важнейшей частью его историософии. Автор отмечает, что в работах философа рельефно выделяются две во многом несопоставимые эсхатологии и, несмотря на наличие множества качественных исследований, посвященных его творчеству, остается не вполне проясненным вопрос о той мировоззренческой метаморфозе, которая это обусловила. «Особая перемена в душевном настроении», по словам самого В.С. Соловьева случившаяся с ним, стала загадкой как для продолжателей его дела, так и для современных исследователей, по сути, поставив перед ними дилемму: или при осмыслении истории делать акцент на человеческой свободе и развивать построения социально-эволюционного типа, или сосредоточивать свое внимание на божественной необходимости, тем самым подпадая под влияние детерминистических умонастроений. Целью данной статьи является анализ эсхатологических идей русского мыслителя и выявление расхождений в представле-

ниях, свойственных ему в ранний и поздний периоды творческой деятельности; для ее достижения автор прибегает к компаративному анализу, рассматривая две знаковые работы В.С. Соловьева: «Чтения о Богочеловечестве», в которых наиболее адекватным образом была изложена эволюционная эсхатология мыслителя, и «Три разговора...», дающие наглядное представление об изменении мировоззрения мыслителя в сторону трансцендентной христианской эсхатологии. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что дилемма, поставленная В.С. Соловьевым, требует не выбора между двумя разными утверждениями, а их совмещения, что и пытался сделать мыслитель в своем жизненном философствовании. Наиболее точным образом «духовному завещанию» В.С. Соловьева последовали русские метафизики, развивавшие далее историю философии и эсхатологию трансцендентного типа, принимая концепт Промысла и не умаляя при этом значимости деятельности свободных, способных к творчеству личностей.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, русская метафизика, эсхатология, трансцендентизм, пантеизм, социальный утопизм, Богочеловечество.

Цитирование. Романенко А. А. Эсхатологическая дилемма В.С. Соловьева: человеческая свобода или божественная необходимость? // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 79–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.8>

Творчество В.С. Соловьева не теряет своей актуальности с течением времени, философские идеи, высказанные им, вдохновляли многих талантливых представителей русской метафизики, не остаются они без внимания и со стороны современных исследователей. Издано немало монографий, посвященных анализу наследия великого мыслителя, среди авторов которых, внесших значительный вклад в осмысление различных аспектов творчества В.С. Соловьева, нельзя не отметить В.Ф. Асмуса [Асмус 1994], П.П. Гайденко [Гайденко 2001], А.Ф. Лосева [Лосев 2009], М.В. Максимова [Максимов 1998], В.В. Сербиненко [Сербиненко 2000]. В своих концептуальных исследованиях не обошли вниманием творчество В.С. Соловьева и такие зарубежные авторы, как Лудольф Мюллер [Muller 1956], Жан Рапп [Rupp 1975], Джонатан Саттон [Sutton 1988], Людвиг Венцлер [Wenzler 1978] и др. Неугасающий интерес к работам В.С. Соловьева не случаен, ведь он по праву считается создателем первой русской философской системы. «Соловьев создал свою собственную независимую систему философии, – констатировал Л.М. Лопатин. – Это случилось в России в первый раз. <...> Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому, как Пушкин был первый русский народный поэт» [Лопатин 2000, 153–154]. Такая высокая оценка творчества В.С. Соловьева его современником и единомышленником не является преувеличенной, действительно, им было сделано очень многое для становления русской метафизики как самостоятельного и плодотворного философского направления, более того, он задал направленность философской работы и для наших современников.

В истории философии В.С. Соловьев видел «живой и непрерывный диалог идей» [Сербиненко, Гребешев 2016, 289], способствующий постепенному формированию целостного представления о мире. В течение жизни мыслителя его взгляды порой менялись, что вообще свойственно живому процессу философствования, как это было подмечено еще Сократом. В творчестве В.С. Соловьева правомерно выделение трех периодов – раннего, посвященного критике западноевропейских философских концепций и систематической разработке «философии положительного всеединства»; среднего, в основном связанного с философско-политологической, религиозной и публицистической деятельностью, имеющей своей целью практическую реализацию некоторых его идей, и позднего, в котором претерпели критическую переработку многие воззрения философа. В данной статье мы сосредоточим внимание только на небольшой части наследия великого философа, небольшой, но очень важной для его философской системы, а именно – на эсхатологических представлениях В.С. Соловьева, которые претерпели у него со временем наиболее значительные и наглядные изменения, причем эти изменения, по сути, поставили последователей перед неразрешимой дилеммой: или при осмыслении истории делать акцент на человеческой свободе и развивать построения социально-эволюционного типа, или сосредоточивать свое внимание на божественной необходимости,

творного философского направления, более того, он задал направленность философской работы и для наших современников.

тем самым подпадая под влияние детерминистических умонастроений. Для выяснения принципиальных расхождений в эсхатологических представлениях раннего и позднего периодов творчества философа уместно, на наш взгляд, осуществление сравнительного анализа двух знаковых для этих периодов работ: «Чтений о Богочеловечестве» и «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории». В первой весьма значима человеческая свобода, однако «духовный процесс оказывается подчиненным природной закономерности, а эсхатологическая грань, разделяющая этот и последующий эпохи, – практически стертой» [Антонов 2020, 198], что дает повод характеризовать содержащуюся в ней эсхатологию как эволюционную; во второй же работе происходит явный переход симпатий мыслителя к трансцендентной эсхатологии, утверждающей преобразование бытия, прежде всего, посредством «неотмирных» сил, и отдающей приоритет божественной необходимости.

Цикл лекций по философии религии, опубликованный с названием «Чтения о Богочеловечестве», В.С. Соловьев прочитал в начале 1878 г., в нем он предпринял попытку проведения грандиозного синтеза исторических событий не только в мировых, но и в космических масштабах. Началом и постоянным двигателем развития мыслитель полагал абсолютное и единое в самом себе Божество, с которым тварный мир вступает в отношение противоречия. «Божественное начало», по его мысли, стремится к единению всего мира, при этом философ усложняет свою метафизическую конструкцию введением в нее двух необходимых единств, производящего и производенного: «...с одной стороны, единство действующего начала, сводящего множественность элементов к себе как единому»; с другой стороны, эта множественность как сведенная к единству, «как определенный образ этого начала» [Соловьев 2004, 157]. Первое единство, безусловно-сущее, есть Слово (Логос), второе как «осуществленная идея» – София, «мировая душа». Божественное начало и мировая душа имеют одинаковое стремление к теозису, обожению всего существующего посредством введения его в форму абсолютного организма, однако разница в их стремлениях состоит в том, что мировая душа

не знает, к чему стремится, она – начало пассивное, а божественный Логос имеет в себе идею всеединства и передает ее Софии, определяя тем самым форму, целеполагающую мировые процессы. В.В. Зеньковский вполне обоснованно отмечал, что тема софийности мира, идущая еще от Платона, плохо осмыслена на христианском Западе, где «не хватает правильного учения о мире, недостает раскрытия его софийности, при котором обнажилась бы неправда и акосмизма, и натурализма» [Зеньковский 2008, 396]. Понятие тварной, «земной» Софии, полагал он, вполне разрешило бы все встающие перед нами гносеологические проблемы, при этом приятие тварности софийной основы мира означает, что «в понимание нами мира не привносится ни одного грана абсолютного начала» [Зеньковский 2008, 417]. Если же мы станем утверждать о соприсущности тварного мира Абсолюту, сфере нетварного бытия, пусть даже и через посредство «небесной», нетварной Софии, то неумолимая логика приведет нас к пантеизму, который, подчеркивал мыслитель, отрицается им не по богословским, а по философским основаниям, как «незаконное сочетание начал, которые не могут быть соединены, – начала Абсолюта и начала тварности» [Зеньковский 2008, 405].

Избежать такого сочетания В.С. Соловьеву полностью не удалось, он пишет о внутреннем соединении Логоса и Софии: «София есть тело Божие... Осуществляющий в себе или носящий это единство Христос, как цельный божественный организм – универсальный и индивидуальный вместе, – есть и Логос и София» [Соловьев 2004, 158]. Философ задается вопросами: «...почему это соединение божественного начала с мировой душой и происходящее отсюда рождение вселенского организма как воплощенной божественной идеи (Софии), – отчего это соединение и это рождение не происходят разом в одном акте божественного творчества?» [Соловьев 2004, 200]. Для чего в жизни природы и общества прилагается столько усилий, сопровождающихся порождением не выдерживающих борьбы безобразных форм? Отчего природный мир так долго и порой дурными средствами, хотя при этом и неуклонно, идет к своей цели? На эти вопросы мыслитель отвечает

одним словом – «свобода»: «Свободным актом мировой души объединяемый ею мир отпал от Божества и распался... на множество враждующих элементов; длинным рядом свободных актов все это восставшее множество должно примириться с собою и с Богом и возродиться в форме абсолютного организма» [Соловьев 2004, 201]. Именно свобода, можно сказать, онтологическая свобода, а не свойство психики человека, делает возможной историю, причем для мира природного и мира социального – историю единую. Вначале, на самых ранних ее этапах происходит длительный «космогонический процесс», завершающийся созданием человеческого организма, являющегося совершенным и не требующим дальнейших биологических трансформаций; затем начинается новый процесс, в котором божественная идея развивается уже как «начала внутреннего всеединства в форме *сознания* и свободной деятельности» [Соловьев 2004, 204]. Человек принципиально отличается от других живых созданий тем, что способен мыслить, он – «второе всеединое», или, в христианских терминах – образ и подобие Божие; его сознание воспринимает вечную божественную идею, реализуя которую во внешнем природном мире он становится «естественным проводником» между последним и Богом. В.С. Соловьев отмечает, что такая же роль изначально принадлежала мировой душе, которая поэтому есть «вечное человечество», но именно человек может фактически осуществить эту роль в природе. Нужно сказать, что, излагая принципы сотрудничества человека и Бога, философ не выходит за рамки традиционных христианских представлений, расхождения начинаются тогда, когда он говорит о желании человека и по существу стать как Бог. Имея первоначально богоподобную сущность, «он (или мировая душа в нем) в силу своей беспредельности не довольствуется этим пассивным единством. Он хочет иметь божественную сущность от себя, хочет сам овладеть ею, усвоить ее» [Соловьев 2004, 206]. Известно, что христианские мыслители всецело принимают идею о возможности «обожения» человека, но допускают его только по благодати, или по воле Бога, но категорически не согласны с тезисом о какой-либо вероятности обо-

жения по существу, подчеркивая всякий раз, что сущность Бога навсегда закрыта для нас даже в ее познании, тем более в «у-своении», именно в этом состоит один из важнейших постулатов христианского трансцендентизма, как гносеологического, так и онтологического. Философ, отказываясь от общепринятого понимания, склоняется к пантеизму: повторение божественной сущности в Богочеловечестве означает то, что «пропасть» между Богом и миром преодолевается, божественная сущность в человеке становится достоянием природы и активно действует в ней, причем уже непосредственно.

Подчеркнем, что состояние обожения, по В.С. Соловьеву, было присуще человеку еще в незапамятной древности, однако философ видит его и как будущее состояние, как цель следующего за космогоническим исторического процесса, в котором будет осилено начало зла как «исключительного самоутверждения»: «...этот новый процесс есть прежде всего процесс теогонический» [Соловьев 2004, 209], осуществляющийся уже не в природе, а в сознании человека, создающего представления о богах. Он имеет явные аналогии с процессом космогоническим, уже завершившимся в мире; так как В.С. Соловьев выделяет в космогоническом процессе три эпохи (астральную, солярную и теллурическую), то и в процессе теогоническом он различает соответствующие им периоды: эпоху «звездопоклонства», в которой формируются астральные религии с высокими, далекими и недоступными для человека богами; эпоху солярных религий, в ней господствуют образы солнечных богов, борющихся, побеждаемых и воскресающих, и эпоху богов земной органической жизни, характеризующуюся постепенным принятием идеи «родового единства органической жизни» [Соловьев 2004, 211]. Происходит освобождение человеческого самосознания, «одухотворение человека чрез внутреннее усвоение и развитие божественного начала» [Соловьев 2004, 213], что является уже началом собственно исторического процесса, развитие которого дифференцируется по регионам мира. Вначале в Индии человеческая душа полностью освобождается от власти космических сил, отрекается от материального содержания, затем в греко-римском мире

ищет своего идеального содержания. Но созерцание идеального космоса не может полностью удовлетворить личности, ищущей оправдание своей деятельности в мире материального бытия, объявляемого ложным; для действительного преодоления «злой воли и жизни человека» необходимо, считает В.С. Соловьев, «чтобы божественный Логос не влиял только на душу извне, а родился в самой душе, не ограничивая и не просвещая, а *перерождая* ее» [Соловьев 2004, 218].

Рассматривая мировые события, происходившие уже после воплощения Иисуса Христа, философ строит известную схему, которой будет долгое время привержен, он снова выделяет три этапа, в качестве критерия используя известное представление о трехсоставности человека, имеющего дух, ум и чувственную душу. В.С. Соловьев обращается к евангельскому сюжету, описывающему искушения Христа в пустыне и утверждает, что это были последовательные искушения Его чувственной души, ума и духа. Человечество в своей позднейшей истории также испытывает эти же искушения, но только в обратном порядке: первым был «грех духа», проявившийся в ложности католического пути; вторым – «гордость ума», реализовавшаяся в протестантизме, логически переходящем в рационализм; третьим – искушение чувственной души вследствие бессилия человеческого разума перед материальным началом. Однако Византия и Россия, воспринявшая ее культуру, остались в стороне от происходящих процессов, не подпав трем искушениям, Восток: «...сохранил истину Христову; но, храня ее в *душе* своих народов, Восточная церковь не осуществила ее в внешней действительности, не дала ей реального выражения, не создала *христианской культуры*, как Запад создал культуру антихристианскую» [Соловьев 2004, 245]. Следовательно, требуется, чтобы православное общество «со всюю полнотою развило начало человеческой самодеятельности» [Соловьев 2004, 246], тогда оно достигнет «полноты возраста Христова», опираясь, в том числе, и на опыт западного развития человеческого начала.

Итак, кратко рассмотрев историософские аспекты «Чтений...» В.С. Соловьева, мы можем уверенно констатировать, что во мно-

гом они вполне укладываются в рамки социально-утопических представлений, свойственных в то время западноевропейской философско-исторической традиции. Ясно прослеживается и вера «в *осуществимость* земного града, в эмпирическую достижимость “совершенства” в социальном строительстве», и мысль о возможности совпадения «должного» и «действительного» в социальной реальности [Флоровский 2005, 203]. Перемену в образе мыслей философа мы видим в его произведении, изданном под пространным названием: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе». Композиционно оно состоит из трех частей, или «разговоров», посвященных, как это следует из общего заголовка, темам допустимости войны, возможности прогресса и завершения истории мира, причем автор старается излагать собственные взгляды, опираясь на традиционное их понимание в христианстве, – в работе эти взгляды озвучиваются от имени «г[-на] Z». Лейтмотив всего произведения ярко выражается его фразой: «Ну, еще много будет болтовни и суетни на сцене, но драма-то уже давно написана вся до конца и ни зрителям, ни актерам ничего в ней переменять не позволено» [Соловьев 1990, 761]. Казалось бы, уже только исходя из нее можно сделать поспешный вывод о влиянии на философа религиозного учения о предопределении, однако для более правильного понимания умонастроений В.С. Соловьева, на наш взгляд, следует ввести различие между детерминизмом «трансцендентным» и детерминизмом «имманентным». Если второй, наглядно обнаруживаемый в марксизме, гегельянстве и других социально-утопических философских системах, предполагает наличие необратимых и не зависящих от человеческого разума объективных законов природного и социально-исторического развития, то первый, не отказывая во вполне объективном существовании сверхразумным метафизическим силам, влияющим на земную историю и даже предопределяющим ее, тем не менее не отрицает и возможности человека, обладающего внутренней свободой, исходя из собственных побуждений соучаствовать в грандиозных процессах изменения действительности. В христианстве трансценден-

тно-детерминистические воззрения обуславливаются антиномией, согласно которой, с одной стороны, «неотмирный» Бог всецело определяет судьбы мира и человека, с другой же – свободная творческая личность способна через изменение своего сознания влиять на внеположенную ей реальность. Афористично парадоксальность подобной позиции снимается в изречении К.С. Льюиса: Бог «не предвидит, как люди будут свободно содействовать будущему, а видит, как они действуют в Его безбрежном настоящем» [Льюис web]. К слову, известное изречение В.С. Соловьева о том, что «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев 1991, 42], – имеет ту же смысловую основу. Иначе, для метафизического личностного Абсолюта неприменимы наши временные категории, как то прошлое, настоящее, будущее, Он мыслит и действует в вечности, а если и предвидит, с человеческой точки зрения, будущее, то такое, каким оно станет для нас в результате нашей же свободной деятельности. Поэтому трансцендентный детерминизм, приверженность которому выражает В.С. Соловьев словами г[-на] Z, явно не похож на имманентный детерминизм, лежащий в основаниях многих социально-утопических концепций.

В Предисловии к своему сочинению В.С. Соловьев с самых первых строк четко формулирует вопрос, ответ на который пытаются далее найти: «Есть ли *зло* только естественный *недостаток*, или оно есть действительная *сила*, посредством соблазнов *владеющая* нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» Философ делится с читателем сокровенными мыслями о том, что при напряженном поиске ответа на поставленный «жизненный вопрос» с ним два года назад произошла «особая перемена в душевном настроении», а весной 1899 г. нашлась и форма для словесной передачи этого настроения, форма случайного светского разговора, в котором «не нужно искать ни научно-философского исследования, ни религиозной проповеди», его задача – апологетическая и полемическая; «Три разговора...» призваны «ярко выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины, на которые с разных

сторон напускается туман, особенно в последнее время» [Соловьев 1990, 636]. Помимо сугубо полемической задачи, как отмечает В.С. Соловьев, его сочинение имеет и задачу положительную, а именно – с трех различных точек зрения, выражаемых генералом, политиком и г[-ном] Z, представить «вопрос о борьбе против зла и о смысле истории». Эти точки зрения – «религиозно-бытовая», «культурно-прогрессивная» и «безусловно-религиозная», которой только предстоит «проявить свое решающее значение в будущем» [Соловьев 1990, 640], при этом философ подчеркивает, что сам окончательно стоит на последней точке зрения, но признает относительную правду и за первой, и за второй.

Для нас важно определить, можно ли считать выражаемую мыслителем в «Трех разговорах...» позицию итогом кардинального переосмотра его прежних взглядов? В поисках же решения следует опираться на изречения г[-на] Z, по прямому указанию В.С. Соловьева на свои идейные симпатии. Возражая политику на то, что прогресс постепенно приводит к осуществлению мира на земле, г[-н] Z спрашивает его: если мирная политика есть «симптом прогресса», а сам прогресс, по выражению «одной особы в тургеневском *Дыме*», тоже есть симптом, то не является ли столь ожидаемый всеобщий мир «симптомом симптома», «тенью тени» [Соловьев 1990, 704]? Прогресс, заявляет он, в особенности ускоренный прогресс, действительно есть симптом, но «*симптом конца*». Культурный прогресс не следует высоко ставить, поскольку он совсем не решает такой задачи, как уничтожение смерти, а «если последний результат вашего прогресса и вашей культуры есть все-таки смерть каждого и всех, то ясно, что всякая прогрессивная культурная деятельность – ни к чему, что она бесцельна и бессмысленна» [Соловьев 1990, 717–718]. Здесь заостряется проблема эсхатона, и основной тезис В.С. Соловьева можно выразить следующим образом: если идея социального прогресса с необходимостью должна поддерживаться представлениями о предельных целях развития, то какими бы они ни были добрыми и светлыми, в них нет смысла, поскольку они – для будущего человечества, которое в общем и не существует в каждый конкретный момент истори-

ческого времени, а не для живых личностей современников. Следовательно, теряется и сам смысл прогресса, если только не допустить, что христианская мысль о всеобщем воскресении верна. Мы видим, что в понимании прогресса у В.С. Соловьева произошли разительные метаморфозы, он уже не воспринимается им в качестве основного принципа развития общества в направлении воображаемой цели, что характерно для социально-утопических мироощущений и настроений; в лучшем случае прогресс для философа – только подготовка к важнейшему действию, знаменующему завершение человеческой истории и трансформацию всего мира. «Наша опора одна: действительное воскресение..., – говорит г[-н] Z. – А все остальное – только условие, путь, шаг!» [Соловьев 1990, 728].

Интересным представляется пассаж г[-на] Z о неудовлетворительности множественных изображений Иисуса Христа, даже гениальных, и это происходит «по той причине, что Христос есть индивидуальное, единственное в своем роде и, следовательно, ни на что другое не похожее воплощение своей сущности – добра». Но то же можно сказать и об антихристе, представляющем собой «индивидуальное, единственное по законченности и полноте воплощение зла». Поэтому портрета его показать нельзя, но в церковной литературе имеется «его паспорт с общими и особыми приметам» [Соловьев 1990, 734]. И далее г[-н] Z читает слушателям рукопись своего товарища по духовной академии, постриженного в монахи отца Пансофия. «Краткая повесть об антихристе» – небольшое самостоятельное произведение внутри «Трех разговоров...», и оно является их кульминацией. В этой повести, достойной отдельного исследования, мы встречаем множество ярких «пророчеств» В.С. Соловьева, которые свидетельствуют, на наш взгляд, не столько о его пророческих способностях, сколько о том, что мыслителем достаточно хорошо были прочувствованы общие тенденции мировой истории. Важно, что авторское видение истории здесь полностью совпадает с традиционными христианскими представлениями, встречающимися в «Апокалипсисе» от Иоанна, кардинально расходясь с предшествующими историософскими взглядами философа.

А.Ф. Лосев справедливо констатировал, что в «Трех разговорах...» В.С. Соловьевым «уже не рисуется никакой христианской теократии в порядке естественного исторического развития, а вместо этого дается ужасающая картина пришествия антихриста и конца мировой истории вообще» [Лосев 2009, 520]. Великий русский философ кардинально пересмотрел свое видение истории и, надо полагать, разочаровался во многих прежних социально-утопических воззрениях, навеянных западноевропейской философией истории, с ним действительно произошла «особая перемена в душевном настроении». Однако если расценивать «Три разговора...» как специфическое духовное завещание мыслителя, нужно признать, что оно было очень плохо услышано его современниками. Многие последователи, зачарованные логической стройностью ранней «эволюционно-эсхатологической» историософской системы В.С. Соловьева, согласно которой богочеловеческое будущее есть кульминация природно-исторического развития, остались ей верны.

Так, по оценке В.В. Зеньковского, «под знаком» метафизики всеединства проходила творческая работа таких крупных мыслителей, как С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, о. П. Флоренский и о. С. Булгаков; эта метафизика влияла на всю группу, возглавляемую Д.С. Мережковским, и «с известными оговорками» на Н.А. Бердяева. Историк русской философии полагает «любопытным», что «эти крупнейшие мыслители нашей эпохи берут у Вл. Соловьева преимущественно его учение о «всеединстве» [Зеньковский 1999, 435]. Они почти совсем не обращают внимание на то, что весьма почитаемый ими родоначальник русской метафизики во многом пересмотрел свою позицию, вернувшись к традиционному, трансцендентному пониманию эсхатологии и отказавшись от утопической идеи социального прогресса. Сам же В.В. Зеньковский, как представляется, осознал завещание великого мыслителя очень хорошо и продолжил кропотливую работу по теоретико-философскому оформлению эсхатологии трансцендентного типа [Зеньковский 1997]. К его единомышленникам в этом аспекте можно отнести также таких известных представителей «православно-философского» [Нижников, Гребешев 2016, 443] направления

отечественной мысли как Г.В. Флоровский, В.Н. Лосский, о. А. Шмеман, о. И. Мейендорф. Поставленная В.С. Соловьевым дилемма не разрешалась указанными мыслителями, что по отношению к строгой дилемме, видимо, и невозможно, – она ими преодолевалась, и это вполне осуществимо, если рассматривать дилемму как антиномию. В дилемме взаимоисключающие посылки требуют неперемного однозначного выбора между ними, в антиномии же они, являясь одинаково истинными, предполагают их совмещение. Поскольку с христианской точки зрения в мире обнаруживается «обилие противоречивых черт, которые превращают жизнь человека в постоянный внутренний антиномизм» [Зеньковский 1997, 199], неудивительно, что приятие в историческом процессе как человеческой свободной деятельности, так и божественной необходимости не вызвало больших затруднений именно у представителей этого вероисповедания, стремившихся философски развивать традиционные богословско-догматические концепты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов 2020 – Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX – XX веков. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
- Асмус 1994 – Асмус В.Ф. Владимир Соловьев. М.: Прогресс, 1994.
- Гайдено 2001 – Гайдено П.П. Владимир Соловьев и философия серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Зеньковский 1997 – Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997.
- Зеньковский 1999 – Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 2. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Зеньковский 2008 – Зеньковский В.В. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2008.
- Лопатин 2000 – Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
- Лосев 2009 – Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Льюис web – Льюис К.С. Письма Баламута. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-balamuta>
- Максимов 1998 – Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998.

- Нижников, Гребешев 2016 – Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России: монография. М.: Руниверс, 2016.
- Сербиненко 2000 – Сербиненко В.В. Вл.С. Соловьев. М.: НИМП, 2000.
- Сербиненко, Гребешев 2016 – Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX – XX веков. М.: Руниверс, 2016.
- Соловьев 1990 – Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 634–762.
- Соловьев 1991 – Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991.
- Соловьев 2004 – Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. М.: АСТ, 2004.
- Флоровский 2005 – Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб.: РХГА, 2005.
- Muller 1956 – Muller L. Das religionphilosophische System Vladimir Solovjevs. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1956.
- Rupp 1975 – Rupp J. Message ecclesial de Soloviev. Paris; Bruxelles: Vie avec Dieu, 1975.
- Sutton 1988 – Sutton J. The Religious Philosophy of Vladimir Soloviev. N. Y.: St. Martins Press, 1988.
- Wenzler 1978 – Wenzler L. Die Freiheit und das Bese nach Vladimir Solovev. Freiburg; Munchen: Verlag Karl Alber, 1978.

REFERENCES

- Antonov K.M., 2020. "How is Religion Possible?": *Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th – 20th Centuries*. In 2 Pt. Pt. 1. Moscow, PSTGU Publ.
- Asmus V.F., 1994. *Vladimir Solovyov*. Moscow, Progress Publ.
- Gaydenko P.P., 2001. *Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ.
- Zenkovskiy V.V., 1997. *Fundamentals of Christian Philosophy*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Zenkovskiy V.V., 1999. *History of Russian Philosophy*. In 2 Vols. Vol. 2. Rostov-on-Don, Feniks Publ.
- Zenkovskiy V.V., 2008. *Collected Works*. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow, Russkiy put Publ.
- Lopatin L.M., 2000. *Philosophical Characteristics and Speeches*. Minsk, Kharvest Publ. Moscow, AST Publ.
- Losev A.F., 2009. *Vladimir Solovyov and His Time*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- Lyuys K.S. *Troublemaker's Letters*. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-balamuta>

- Maksimov M.V., 1998. *Vladimir Solovyov and the West: The Invisible Continent*. Moscow, Prometei Publ.
- Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V., 2016. *Genesis and Development of Metaphysical Thought in Russia*. Moscow, Runivers Publ.
- Serbinnenko V.V., 2000. *Vl.S. Solovyov*. Moscow, NIMP Publ.
- Serbinnenko V.V., Grebeshev I.V., 2016. *Russian Metaphysics of the 19th – 20th Centuries*. Moscow, Runivers Publ.
- Solovyev V.S., 1990. Three Conversations on War, Progress and the End of World History, Including a Short Story About the Antichrist. *Solovyev V.S. Works. In 2 Vols. Vol. 2*. Moscow, Mysl Publ., pp. 634-762.
- Solovyev V.S., 1991. *The Meaning of Love: Selected Works*. Moscow, Sovremennik Publ.
- Solovyev V.S., 2004. *Readings on Godmanhood*. Moscow, AST Publ.
- Florovskiy G.V., 2005. *Christianity and Civilization. Selected Writings in Theology and Philosophy*. Saint Petersburg, RKhGA Publ.
- Muller L., 1956. *Das religionphilosophische System Vladimir Solovjevs*. Berlin, Evangelische Verlagsanstalt.
- Rupp J., 1975. *Message ecclesial de Soloviev*. Paris, Bruxelles, Vie avec Dieu.
- Sutton J., 1988. *The Religious Philosophy of Vladimir Soloviev*. New York, St. Martins Press.
- Wenzler L., 1978. *Die Freiheit und das Bose nach Vladimir Solovev*. Freiburg, Munchen, Verlag Karl Alber.

Information About the Author

Anastasia A. Romanenko, Candidate for a Degree, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, dior11111@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7589-6116>

Информация об авторе

Анастасия Андреевна Романенко, соискатель кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, dior11111@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7589-6116>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.9>

UDC 1:316.334.56
LBC 87.524.1

Submitted: 18.10.2023
Accepted: 16.11.2023

THE CITY AS A CULTURAL PHENOMENON UNDER CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATION

Viktoriya A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valentina A. Komova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the experience of studying the city as a cultural phenomenon under the conditions of modern social dynamics. As an artificially created space in which the achievements of civilization are concentrated, the city creates special conditions for a person, the development and improvement of which occur together with the change of the urban environment. The phenomenological approach makes it possible to identify the features of the interaction between a person and the environment and establish factors that allow optimizing social processes during the transformation period. P. Bourdieu's theory of symbolic capital made it possible to substantiate the increasing role of culture in the conditions of the formation of an information society. Modern urban culture is formed in the sphere of "between" disappearing and emerging forms. Its role is to clarify the meaning; its function is to coordinate, synchronize, balance, establish rational consensus, and justify changes that meet the goals of self-preservation for man and society. The values and meanings developed in the process of the formation of the city and defining the features of the lives of citizens determine the status of the city and its role in resolving the contradictions of the modern world. In the human mind, the city lives as an image – a uniquely formed set of identification values characterizing the urban space, or a symbol with a deep meaning referring to the historical and cultural context associated with a particular territory. As a cultural phenomenon, the city has internal and external dimensions. The internal dimension is determined by the development of identification strategies, an important part of which is the development of unique practices in which life-preserving meanings are encoded, proceeding from the presupposed knowledge of the organic connection of man, society, and the environment – their interdependence. The external dimension is connected with the role of the city in the surrounding space; it is a response to its symbolic sound in the programs on a larger scale.

Key words: city, culture, social transformation, person, society, cultural strategies, optimization.

Citation. Khrapova V.A., Komova V.A. The City as a Cultural Phenomenon Under Conditions of Social Transformation. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 88-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.9>

УДК 1:316.334.56
ББК 87.524.1

Дата поступления статьи: 18.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валентина Александровна Комова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой опыт исследования города как культурного феномена в условиях современной социальной динамики. Как искусственно созданное пространство, в котором сконцентрированы

достижения цивилизации, город создает особые условия для человека, развитие и совершенствование которого происходит вместе с изменением городской среды. Феноменологический подход позволяет выявить особенности взаимодействия человека и среды, установить факторы, способствующие оптимизации социальных процессов в период трансформации. Обращение к теории символического капитала П. Бурдьё сделало возможным обоснование возрастающей роли культуры в информационном обществе. Современная городская культура формируется в сфере «между» исчезающих и появляющихся форм. Ее роль – прояснение смысла, ее функция – согласование, синхронизация, установление баланса, рационального консенсуса, обоснование изменений, отвечающее целям самосохранения человека и общества. Ценности, значения и смыслы, выработанные в процессе становления города и определяющие особенности жизнедеятельности горожан, определяют статусную состоятельность города, его роль в разрешении противоречий современного мира. В сознании человека город живет в качестве образа – уникально сложившейся совокупности идентификационных значений, характеризующих городское пространство, или символа, обладающего глубинным смыслом, отсылающим к историко-культурному контексту, связанному с конкретной территорией. Как феномен культуры город имеет внутреннее и внешнее измерения. Внутреннее измерение определяется развитием идентификационных стратегий, важной частью которых является выработка уникальных практик, в которых закодированы жизнесохраняющие смыслы, исходящие из предпосылочного знания об органичной связи человека, общества и среды обитания, их взаимозависимости. Внешнее измерение связано с ролью города в окружающем пространстве, это отклик на его символическое звучание в программах большего масштаба.

Ключевые слова: город, культура, социальная трансформация, человек, общество, культурные стратегии, оптимизация.

Цитирование. Храпова В. А., Комова В. А. Город как культурный феномен в условиях социальной трансформации // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 88–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.9>

Исторически город зарождается как ограниченное, выделенное людьми из естественной, природной среды пространство. «Город – это искусственная форма поселения людей, устойчивая и развивающаяся на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации. Как “вторая природа” он представляет собой антропогенный ландшафт, измененную специфически человеческой активностью природную среду. В городе даже первоэлементы материи: земля, вода, огонь и воздух претерпевают определенные метаморфозы и приобретают дополнительные смыслы и значения» [Горнова 2013, 21]. Город представляет собой сложное комплексное образование, сформированное взаимодействиями и взаимовлияниями природной, техногенной и социальной среды [Горнова 2014].

Как известно, Ф. Бродель выделял три типа городского пространства: открытый город Древнего мира, все еще являющийся органической частью окружающей среды, закрытый город Средневековья, в котором главную роль играют стены, и современный город, встроенный в структуру государства [Бродель 2007, 479]. Каждому типу свойственны свои формы жизнедеятельности, социальной организации и специфическое мировосприятие горожан. Вместе с тем существует общая специфика горо-

да как среды обитания. Став оппозицией адаптированным к естественной среде обитания деревенским селениям, где существование человека напрямую зависело от использования природных ресурсов, город оказывается центром выработки принципиально иных ресурсов и их концентрации [Новикова 2021].

Существенным признаком городской среды является антиномичность. Географически ограниченное городское пространство принципиально открыто: притоку новых людей, событий, технологий. Многочисленные транспортные магистрали, с одной стороны, позволяют преодолевать пространство и сокращать время, с другой – общая динамика жизни, интенсификация всех процессов ведет к дефициту времени, экзистенциальной усталости, способствует появлению неухоженных, заброшенных, лишенных заботы фрагментов жизненного и городского пространства. Большая концентрация людей в городе «компенсируется» преимущественно формальными контактами, официально деловыми отношениями, анонимными связями. Испытывая дефицит межличностного общения человек вынужден вырабатывать нормы и законы социального взаимодействия, формировать ценности, способствующие достижению социального успеха и внутреннего комфорта. Поведение ста-

новится более рациональным и прагматичным, мышление более абстрактным, масштабным. При этом способность мыслить абстрактно коррелирует с необходимостью конкретизировать свои знания для решения локальных задач, требует сосредоточения, четкой фокусировки, концентрации внимания и усилий. Разветвленная специализация создает вариативность форм жизнедеятельности. Многовариантность условий сочетается с высокой конкуренцией: на социально значимые роли претендуют хорошо образованные, психологически подготовленные люди. Город предоставляет большие возможности, но за существование в нем нужно бороться. В условиях острой социальной конкуренции актуализируется проблема личностной самореализации и самоутверждения, необходимой становится самопрезентация, стирается грань между естественным и искусственным, подлинностью и игрой.

Антиномичность городской среды предполагает свободу, которая состоит в возможности выбора жизни и рефлексии над ней, поиске скрытого единства, взаимосвязи противоположностей, диалога между ними. Внутреннее напряжение личности, вызываемое особенностями городской среды, способствует формированию определенного типа сознания, системы ценностей. В повседневной жизни, в процессах социальной коммуникации происходит интеграция видимого, осознаваемого, осуществляющегося. Материально-предметное и идеально-виртуальное складывается в специфическую организацию и обретает когнитивный стиль, отражающий особенности отношения человека к окружающему пространству, его ценностные предпочтения. Так, в процессе адаптации формируется городская культура. «Город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени. Он впитал в себя всю историю связанной с ним страны... Былое просвечивает в нем всюду: в направлении его улиц, в формах его площадей, в силуэтах его куполов и башен, в говоре его граждан. Все накопленное веками слито в нем в едином, целостном облике», – писал он в книге «Пути изучения города как социального организма» [Анциферов 1926, 13].

Истоки городской культуры заложены в исторической памяти – значимых ценностях и смыслах, актуализируемых властной элитой, кристаллизованных в материально-предметном пространстве. Отражением городской культуры является визуальная среда, концентрирующая в себе информацию о технологиях, идеологии, мировоззренческих установках и выступающая в качестве фона, на котором разворачиваются события настоящего. Городская культура ярко выражена в языке – ключевые концепты с локальной семантикой, обладающие объясняющей и интеграционной силой, фиксируют важные для территориальной общности знания и ценности. Содержание городской культуры составляют культурные практики, ставшие важной частью образа жизни горожан. В процессе их осуществления происходит утверждение определенных значений и смыслов: «Модернисты инвестируют в небоскребы и шоссе, левые – в доступное жилье и общественный транспорт, хипстеры – в велодорожки, парки и пешеходные зоны» [Вахштайн * 2014, 14]. Изменяющиеся условия создают предпосылки для новых практик, критическая совокупность которых позволяет по-другому структурировать реальность, в результате чего прежняя жизнь с ее ценностями осмысливается и реализуется по-другому.

В условиях глобализирующегося мира крупные города-мегаполисы обретают общие черты, обусловленные развитием и распространением высоких технологий и рыночной экономики. Это приводит к стиранию культурных различий, утрате идентификации. Небольшие города пытаются восстановить свою идентичность и социально-экономический потенциал за счет актуализации локального своеобразия. Традиционно локальность рассматривалась как способ преодоления разрыва между соразмерным человеку пространством его жизни и глобальными цивилизационными процессами, которые эту жизнь определяют. Но сегодня, как пишет Н.А. Смирнов, глокальное заполняет описанный разрыв путем создания рыночной ниши: «Локальное, желающее, чтобы его услышали, словно обречено стать товаром, персонажем, этикеткой и тем самым

* Включен в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

зацементировать себя в этой локальности» [Смирнов 2016, 51]. Чем сильнее вовлеченность городов в мировые процессы, тем ярче проявляются означенные тенденции. Современного человека определяют как неокочевника с транзитивной идентичностью, вынужденного балансировать в пространстве, лишенном целостности и единой линии описания, фиксирующей ключевые жизнесохраняющие культурные коды.

Человеку нужен дом как источник дарующих силы воспоминаний, место творческой заботы и обретения ресурсных состояний, пространство вдохновения и мечты. Он всегда нуждается в смыслах, привносящих ценность в его жизнь, в поддержке и признании, базирующихся на общем понимании ценностей, причастности к великому или обыденному опыту, дарующему ясность и перспективы. «Всякое обитаемое пространство несет в себе сущность дома. Воображение возводит стены из теней утешая себя иллюзией защищенности» [Башляр 2004, 26]. В мире высоких технологий и реальной виртуальности возрастает ценность всего живого, усиливается ностальгия по всему настоящему. Материальный, физический, чувственно ощущаемый мир возвращается в освобожденном от семиотически-идеологических наслоений качестве: его видимая рельефность, цветовая гамма, композиции становятся предметом внимательного наблюдения и осмысления. Многие исследователи обосновывают необходимость «настроиться на интенциональность природы, на жизнь и цели объектов, их активную роль в утонченностях опыта, на эффект присутствия» [Мохеу 2008, 133].

Во внутреннем мире человека «город предстает как целостный феномен во всем своем многообразии» [Горнова 2014, 5] Повседневная жизнь людей – процесс непрерывного перехода от одной формы жизнедеятельности к другой, перетекания образов восприятия, смыслов, значений, ценностей. В повторяющемся фоновом режиме переживаний обстоятельств бытия образуется особое «чувствующее поле»; проявляются экзистенциально значимые состояния заботы, веры, участия, надежды; активизируется интуиция и возникает очевидность, не требующая рефлексии и анализа. Интуитивно принятая действительность,

способная выразиться в различной языковой пластике благодаря конструирующим механизмам сознания, воссоздающим утраченную естественность связей, обретает образную форму. Так формируется образ города.

Как образующая смыслы действительность повседневность порождает общее ментальное поле. Образ города заключает в себе ключевую идею, определяющую значение городского пространства для жителей и гостей города, предсказывает состояния, которые могут быть пережиты в нем. В образе города сконцентрирована суть городской культуры. Но, несмотря на то, что образ города, формирующийся в процессе восприятия городской среды, существует как общая ментальная матрица, удерживаемая в подсознании горожан и является важной составляющей их идентичности, обладая интеграционной силой, он, как всякий образ, изменчив и многослоен, зависит от множества факторов (социальное положение, уровень доходов, семейный статус, образование), отражающих различные типы опыта.

Современная городская среда подобна постмодернистскому тексту – напоминает коллаж из многоцветных цитат, увлекающих, разыгрывающих, вызывающих постоянную смену впечатлений. По мнению С.В. Соловьевой, для описания городской среды больше всего подходит тема прогулки. Прогулка – событие-миниатюра, происходящее по воле гуляющего недалеко от его дома, легкий отдых, наполненный радостью от движения и созерцания. Прогулка не обременена определенным смыслом, но требует сосредоточенности и внимания к окружающему пространству. В этой практике проявляется легкое эстетическое отношение к присутствию в мире и обретается экзистенциальный опыт близости, чуждость города трансформируется в шум бытия [Соловьева 2012]. Многие исследователи города используют образ фланера – гуляющего эксперта, одновременно отчужденного и вовлеченного: отчужденного из-за неактуальности больших нарративов, навязываемых властными структурами, вовлеченного как стоящего перед необходимостью создавать свое пространство в условиях неустойчивости, отсутствия правил – ориентиров.

Как отметил С.В. Пирогов, в настоящее время социо-гуманитарные исследования го-

рода формируют разноплановую картину фрагментов городской жизни. Это свидетельствует о том, что «город – полифункциональное образование, имеющее важное значение в современной социальной реальности, а концептуализация его как феномена зависит от происходящих в обществе процессов и определяемых ими исследовательских целей» [Пирогов 2011, 31]. В условиях современной социальной трансформации «на смену биполярному противостоянию Системы и Индивида приходят более тонкие сетевые модели со множеством игроков и сложными связями... Современный город – это пространство тотальной множественности, эквивалентных описаний и альтернативных онтологий» [Смирнов, 2016, 44]. В городском пространстве формируется благоприятная среда для сосуществования различных дискурсивных практик, происходит стыковка социальных, культурных, профессиональных, стилевых кодов. Их перекодировка и сочетания превращают город в генератор культурной информации, включающей формирование новых целей, соответствующих новым условиям.

Представленность города в феноменологических фрагментах, – пишет С.В. Пирогов, – позволяет многое понять: «В феноменологическом горизонте артикулируется особая процедура конструирования реальности – освоение среды обитания. В этом случае можно говорить не об истории пространств, а об антропологии» [Пирогов, 2013, 60]. Современный мир, расширивший свои границы, постоянно представляющей новое содержание, ставит задачи, решение которых влечет за собой существенные изменения, переход в новое качество для общества и человека. В больших городах формируется новое поколение – индивидуалистов, культивирующих свою самобытность. Эти люди креативны и прагматичны, у них нет четких идеологических ориентиров: переосмысливая то, что было до них, они выбирают ценности, отвечающие их целям и интересам. Увлеченные жизнью и процессом познания, они ведут здоровый образ жизни, стремятся к гармонии с природой и миром, ценят комфорт, большое значение придают эстетике и дизайну. Умело создавая свой стиль, стараются органично встраиваться окружающее пространство.

Важным фактором, определяющим особенности этих людей, является изменение характера социальной коммуникации. Преимущественно визуальный контент, активизируя до-логические формы мышления, наполняет информационное пространство новыми смыслами и образами, способствует преодолению культурных и языковых различий. Виртуальная реальность, развивающая воображение и креативные навыки, влияет на психофизиологическую перестройку, «тренирует» сознание, помогая обрести качества, необходимые для самореализации в условиях неопределенности, риска, динамики. Технологичность – рациональное деление процессов на допустимые и доступные действия, приводящие к запрограммированному результату – свойство эпохи, определяющее специфику жизнедеятельности современного молодого поколения. Интерактивный характер социальной коммуникации делает людей активными участниками происходящих процессов. В коммуникативном опыте, в повседневных практиках формируется умение находить экологичные решения, способность устанавливать новые связи и обосновывать возможность существования новых форм жизнедеятельности.

Замечательная особенность нашего времени в том, что сегодня не только представители власти и профессионалы: художники, архитекторы, дизайнеры, но и горожане-активисты участвуют в создании городского пространства. «Хипстерский урбанизм раскрашивает в яркие цвета заборы и устанавливает на каждом углу контейнеры для сортировки мусора. Зброшенные промзоны становятся очагами общественной жизни. Постиндустриальные трущобы оккупируются представителями креативного класса и образуют новый творческий кластер. Несмотря на тщательно культивируемую идеологию *livability*, это история не про жилье, но и не про рабочие места – это, скорее, про те пространства, где люди могут встречаться и общаться друг с другом (от дворов до центральных парков)» [Вахштайн 2014, 14].

Н.А. Смирнов указал на очень важную для понимания современной социальной реальности тенденцию: способом деятельности для творческих людей становится не репрезентация, а создание пространств для движения новых образов, искусство действия и процесс,

а не результат [Смирнов, 2016, 39]. Логика репрезентации заменяется логикой производства и множественного сосуществования. Мир расширяется, наполняется и обогащается прямо пропорционально количеству созерцающих его творцов. Образ города существует как генерирующая смысловая структура.

Социальные представления, к которым может быть отнесен образ города, – пишет С.В. Пирогов, «в отличие от сциентистских объяснительных схем не столько обобщают знания о реальности, сколько конструируют схему ситуации, выделяя, прежде всего, релевантные для данного сообщества в данной ситуации предметы как фрагменты реальности и соединяют их в определенную когнитивную систему – картину мира. В свою очередь, та или иная когнитивная модель города, то есть форма его представленности в сознании, задает форму его восприятия, видения, а значит, и способ “работы” с ним, то есть систему решений по организации и управлению городской жизнью» [Пирогов 2011, 36].

«Образ увлекает и вовлекает, но восприятие гибко и многогранно. Среда предлагает различия и отношения, а наблюдатель – выбирает, организует и наделяет значением то, что видит. Он способен играть активную роль в восприятии и созидательную в создании образа» [Храпова, Латышева 2020, 103]. Механизм этого процесса очень тонко и глубоко описал Г.А. Орлов: «Мир, такой, каким его видят и в котором живут носители данной культуры, не прячет свои сокровенные тайны в непостижимых трансцендентных сущностях, но постоянно открывает перед человеком возможность непосредственного приобщения к этим тайнам и их постижению. В этом мире идеи не существуют отдельно от феноменов, а субъект неотделим от объекта, потому что все заключенное в великом Единстве может быть постигнуто посредством бесконечно утончаемой чуткости и восприимчивости чувств. Чувства обращены как наружу, так и внутрь, и их совершенствование ведет человека по пути самопознания, неотличимого от познания окружающего мира. Знание и могущество такого человека могут стать необъятными, потому что он постепенно отождествляется с живыми предметами вокруг себя. Это отождествление с предметом рождает

всепроницающую симпатию, которая единственная делает естественный порядок жизни доступным восприятию и дает знание естественных законов» [Орлов 1992, 23].

Городская среда формируется в результате коллективных усилий. Она соединяет прошлое и настоящее, становится контекстом, в котором протекает жизнь многих поколений, делаются выборы и принимаются судьбоносные решения. Возрастающая сложность жизни города сопровождается совершенствованием планировочных, технических, управленческих решений. В соответствии с изменяющимися задачами меняются социальные отношения, коммуникация. Новые поколения людей создают свои языки описания реальности. Городские метафоры становятся стимулом для изменения города. При этом «единственным источником причинности» полагается само пространство (вся совокупность объектов и территорий) города.

В феноменологической парадигме акцентируется внимание на активности и образа, и субъекта восприятия. Целью феноменологического изучения образа города является обнаружение семантических средств, значимых для различных субъектов с целью прогнозирования характера и направленности их активности [Пирогов 2013].

Несмотря на то что образ каждого города уникален (как уникален он и для каждого человека), его структура формируется определенными составляющими:

1. Климатические условия и ландшафт, обуславливающие специфику форм жизнедеятельности и базовые компоненты картины мира.
2. Основные формы жизнедеятельности, которые создают функциональную уникальность города в общегосударственной системе.
3. Административный аппарат с характерными для него формами управления.
4. Условия проживания, предполагающие степень комфорта и развитость инфраструктуры.
5. Социокультурный контекст, включающий в себя историческое сознание как механизм выбора, отношения, поведения; событийный план настоящего; архитектурное пространство города.
6. Люди, осознано формирующие городскую среду или бессознательно поддерживающие тенденции ее развития.

Из этих факторов рождается территориальная специализация и атмосфера – «дух города» – то есть все то, что определяет его уникальность и значение в жизни современников. Все эти факторы создают символический капитал, который не формируется спонтанно, независимо от человека, он доступен управлению, его можно поддерживать, развивать, увеличивать.

В самом общем плане капитал – это ресурс, который приносит прибыль, увеличивает возможности. Сущность капитала – функционирование, главная функция – преобразование. Теория символического капитала впервые была обоснована в трудах П. Бурдьё, который определил его как особую форму, существующую в сознании – как «капитал представляемый (то есть воспринимаемый) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием» [Бурдьё 2002, 60]. Символический капитал – особое состояние любого вида капитала, когда он функционирует и приносит доход, обусловленный представлением о ценности того или иного объекта. Понятие «символический капитал» связано с образом жизни, опытом конкретной социальной общности, включающим в себя устойчивые формы восприятия и объяснения действительности. Он представляет собой содержание, знание, которое является ценным как для его носителя, так и для окружающих. Символический капитал участвует в производстве смыслов и номинировании событий, формирующих картину мира в сознании человека. Это знание о том, что дает преимущество в решении вопросов в социальной сфере.

В теоретической системе Бурдьё способ существования социальной действительности рассматривается как непрерывный обмен ресурсами между агентами социального действия, ключевой характеристикой которых является совокупность присущих им в настоящий момент форм капитала. Поэтому социальная сфера – пространство борьбы символических капиталов. В концептуальной системе исследователя символическим капиталом является капитал доверия, репутация, доброе имя, честь. Бурдьё подчеркивал, что символический капитал по своей природе связан с авторитетом, он одновременно служит и оружием в переговорах, и гарантией заключенного соглашения

[Бурдьё 2002]. Поскольку в современном обществе уважение и авторитет являются результатом оценки актуальных действий и не могут передаваться по наследству, символический капитал имеет индивидуализированный и даже личностный характер.

Все формы капитала не могут быть статичной совокупностью накопленных ресурсов. Непрерывно перемещаясь от одного актора к другому, они открыты, могут конвертироваться друг в друга иногда с утратой части своей ликвидности, подвергаются интериоризации и периодической проверке на соответствие изменяющимся социальным условиям [Аникин 2013]. Особенность символического капитала – мобильность, обусловленная его информационной природой. Немаловажным фактором увеличения символического капитала, одним из его источников, способных притягивать людей и ресурсы, является воображение. Как показала М.В. Демидова, в информационном обществе происходит слияние символического и материального капиталов [Демидова 2014, 32]. В качестве перспективы развития символического капитала выступает информационное накопление, ведущее к повышению значимости определенной общности для мирового сообщества, других государств [Демидова 2014].

Н.Г. Федотова определяет символический капитал города как «совокупность значений (смыслов), которые обеспечивают ему узнаваемость, известность, престиж, доверие со стороны различных социальных групп» [Федотова 2018а, 143]. «Накопление символического капитала, – пишет Д. Аникин, – может обеспечить получение территорией официального статуса, который не только даст обладателям этого капитала ряд прав и полномочий, но и обеспечит привлечение на данную территорию социальных, финансовых, креативных и прочих ресурсов» [Аникин 2013, 285].

Символический капитал города сконцентрирован в конкретных составляющих: уникальное производство, бренд, известные личности, природные особенности, история и культура. Однако «символический капитал города – это не сам городской миф или памятник, а его известность или значимость, формирующая представления людей о наличии в городе благоприятных условий для жизни и рабо-

ты или гарантирующая яркие впечатления после его посещения» [Федотова, 2018а, 144]. Н.Г. Федотова обращает внимание на то, что город существует в нашем воображении. Причем этот «гиперкосм с сетями и коммуникациями обретает все большую власть над реальной территорией» [Федотова, 2018б]. С одной стороны, «коллективное воображаемое города» стихийно, «живет» в многочисленных городских текстах. С другой стороны, детерминировано культурными практиками, деятельностью политиков, формирующих символический менеджмент, медиадискурсом, в котором аккумулируется символическая информация о городе и закрепляются значения. Символический капитал определяется избирательностью и длительностью процессов коммеморации [Вандышев, Веселкова, Прямякова 2013]. Не все становится капиталом, а то, что отвечает задачам времени и условиям среды. Залогом развитого «коллективного воображаемого» является аутентичность города, отличие его территории от других мест, ее привлекательность, яркие образы, воздействующие на эмоциональную сферу, позитивный опыт, сопряженный с сильными переживаниями, устойчивые нарративы, способные вызывать чувство сопричастности, рост самосознания, патриотизм.

Город содержит в себе многочисленные варианты порядка. Поиск интегративных смыслов и общезначимых ценностей может осуществляться по-разному. Для рискогенного, перенасыщенного социальными катаклизмами социума наиболее естественным представляется путь, связанный с обретением безопасности, комфорта, стабильности, необходимой для получения ресурсных состояний. Вместе с тем человеку и обществу необходим не окончательный, а открытый порядок, предполагающий непрерывное развитие. Человеку нужна среда, которая не только хорошо организована, но также поэтична и символична. Она должна напоминать ему об истории и традициях, вызывать радость, удивление и гордость, подсказывать лучшие выборы, помогать сохранять ясное видение пути. Все это делает необходимым исследование роли городской среды в формировании ощущений, эмоций, состояний сознания людей и учете полученных знаний при решении прак-

тических градостроительных задач. Вдумчивое и осознанное отношение к созданию городского ландшафта может стать основой общественной интеграции, важным условием формирования идентичности в условиях динамично развивающегося мира. «Осознанный подход к организации городской среды может стать “мягкой силой” управления, технологией гармонизации и оптимизации социального пространства» [Храпова, Латышева 2020, 103].

Культура города создается в процессе жизнедеятельности, оттачивается в языке. Как показал П. Бурдьё, городские повествования появляются в результате пересечения интересов разных субъектов и групп [Бурдьё 2007]. Языки, символы, ценности, нормы становятся культурным капиталом в контексте определенных отношений, когда приносят прибыль, когда усиливают личную силу владельца, когда за символами стоят реальные предметы и процессы.

Город аккумулирует ценности, выработанные в процессе его становления и развития, создает состояния сознания, определяющие особенности жизнедеятельности людей, их приоритеты, отражающиеся в повседневных практиках. Так формируется культурный капитал в виде знаний, идей, убеждений, который определяет статусную состоятельность и позволяет преодолевать сложности, которые встают перед человеком и обществом.

Современная городская культура формируется в динамике, процессах трансформации в сфере «между» исчезающих и появляющихся форм. Ее роль – прояснение смысла, ее функция – транснадежность – согласование, синхронизация, баланс, рациональный и разумный консенсус, обоснование изменений, отвечающих целям самосохранения человека и общества. Создание такой культуры – задача нового поколения.

Город как культурный феномен – это пространство, концентрирующее в себе условия развития и совершенствования. В этом его ценность для человека и общества. В сознании человека город живет не только в качестве образа – уникально сложившейся совокупности идентификационных значений, отражающих конкретное пространство, он может стать символом – сложным знаком, обладающим глубинным смыслом, отсылающим к

историко-культурному контексту, связанному с данной территорией, превосходящим утилитарность повседневности, преодолевающим разобщенность локальных образов.

Город как символ, присутствующий в сознании человека, выполняет ряд функций:

1) коммуникативную – концентрируя в себе ключевые значения, связанные с городской средой, он создает общее семантическое поле, которое в свою очередь выполняет идентификационную и интегративную роль для представителей городского сообщества;

2) социализирующую – поскольку усваиваемые с детства социальные нормы – это нормы ближайшего окружения, а образ города обязательно включает в себя представления о нормах поведения;

3) мировоззренческую – символ города является важной составляющей картины мира человека, его «малой родины», неразрывно связан с чувством патриотизма;

4) способствующую самореализации – аккумулируя в себе знания о формах городской жизнедеятельности, являясь территориальным маркером, символ города ориентирует и в пространстве социальных отношений, подсказывает пути выбора, модели конструирования собственной жизни.

Как феномен культуры город имеет внутреннее и внешнее измерения. Внутреннее измерение определяется развитием идентификационных стратегий, важной частью которых является выработка уникальных практик, в которых «закодированы жизнесохраняющие смыслы, исходящие из предпосылочного знания об органичной связи человека, общества и среды обитания, их взаимозависимости» [Храпова, Комова 2022, 98]. Внешнее измерение связано с ролью города в окружающем пространстве, это отклик на его символическое звучание в программах большего масштаба. Наверное, это имел в виду В.С. Вахштайн, когда писал, что «Шереметьево, Домодедово и Внуково (центры связи с глобальным мировым пространством. – В. Х.) делают Москву Москвой больше, чем многие объекты, географически расположенные на ее территории» [Вахштайн, 2014, 28]. Об этом думал Д.С. Лихачев, когда говорил о Петербурге как интеллектуальной и культурной столице миро-

вого масштаба, самом русском среди русских и самом европейском среди европейских городов [Лихачев 2015].

В условиях трансформации человек получает больше возможностей для того, чтобы влиять на городскую среду, создавая культурный статус города. Этот статус тем выше, чем сильнее представлены ценности переходного периода, обеспечивающие самосохранение, развитие и оптимизацию. Культура общих ценностей самоценна, если имеет возможность реализовываться в пределах разных типов отношений [Пелипенко 2012]. Можно согласиться с утверждением, что идеальным типом современного города является город, «человекомерность которого проявляется во внимании к своей истории и коренным жителям, и в открытости для экспатов и иммигрантов, и в готовности к взаимодействию и обмену с иными культурами» [Новикова 2021, 19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин 2013 – *Аникин Д.А.* Социальная память как символический капитал // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152), вып. 24. С. 282–287.
- Анциферов 1991 – *Анциферов Н.П.* Непостижимый город. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Л.: Лениздат, 1991.
- Башляр 2004 – *Башляр Г.* Поэтика пространства // Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–212.
- Бродель 2007 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007.
- Бурдые 2002 – *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- Вандышев, Веселкова, Прямикова 2013 – *Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.* Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 101–110.
- Вахштайн 2014 – *Вахштайн В.С.* Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

- Горнова 2013 – Горнова Г.В. Понятие «Город» в аспекте философии культуры // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 21–24.
- Горнова 2014 – Горнова Г.В. Философия города. М.: ФОРУМ, ИНФРА-М, 2014.
- Демидова 2014 – Демидова М.В. «Символический капитал» Бурдье и «Капитал» Маркса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 27–32.
- Лихачев 2015 – Лихачев Д.С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга в первой четверти двадцатого века // Избранные работы по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 208–215.
- Новикова 2021 – Новикова О.В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 2. С. 12–20.
- Орлов 1992 – Орлов Г.А. Древо музыки. Вашингтон: Н.А. Frager & Co; СПб.: Сов. композитор, 1992.
- Пелипенко 2012 – Пелипенко А.А. Постигание культуры Ч. И. Культура и смысл. М.: РОССПЭН, 2012.
- Пирогов 2011 – Пирогов С.В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 31–36.
- Пирогов 2013 – Пирогов С.В. Контуры визуальных исследований города // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 59–63.
- Смирнов 2016 – Смирнов Н.А. Искусство действия в городской среде // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 1. С. 39–54.
- Соловьева 2012 – Соловьева С.В. Прогулка как феномен легкости бытия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: «Философия. Филология». 2012. № 9 (12). С. 85–93.
- Федотова 2018а – Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.
- Федотова 2018б – Федотова Н.Г. Urban imaginary как символический капитал города // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 228–233.
- Храпова, Комова 2022 – Храпова В.А., Комова В.А. Бренд как способ формирования культурного статуса города // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2022. № 3. С. 98–103.
- Храпова, Латышева 2020 – Храпова В.А., Латышева М.А. Архитектурное пространство города как фактор формирования идентичности (на примере города Волгограда) // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 2. С. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.10>
- Moxey 2008 – Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn // Journal of Visual Culture. 2008. № 7. P. 131–146.

REFERENCES

- Anikin D.A., 2013. Social Memory as Symbolic Capital. *Nauchnye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, no. 9 (152), iss. 24, pp. 282-287.
- Anciferov N.P., 1991. *An Incomprehensible City. The Soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg*. Leningrad, Lenizdat.
- Bashlyar G., 2004. Poetics of Space. *Favorites: Poetics of Space*. Moscow, ROSSPEN, pp. 7-212.
- Brodell F., 2007. *Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 18th Centuries. Vol. 1. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible*. Moscow, Ves mir Publ.
- Burdye P., 2002. Forms of Capital. *Ekonomicheskaya sociologiya: elektronnyj zhurnal*, vol. 3, no. 5, pp. 60-74.
- Burdye P., 2007. *Sociology of Social Space*. Moscow, In-tekspertimentalnoj sociologii, Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Vandyshev M.N., Veselkova N.V., Pryamikova E.V., 2013. Places of Memory and Symbolic Capital of Territories in the Mental Maps of Citizens. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2013, vol. 16, no. 3 (68), pp. 101-110.
- Vahshhtajn V.S., 2014. Reassembling the City: Between Language and Space. *Sociologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9-38.
- Gornova G.V., 2013. The Concept of “City” in the Aspect of the Philosophy of Culture. *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 1, pp. 21-24.
- Gornova G.V., 2014. *Philosophy of the City*. Moscow, FORUM Publ., INFRA-M Publ.
- Demidova M.V., 2014. “Symbolic Capital” by Burdye and “Capital” by Marx. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 11, pp. 27-32.
- Lihachev D.S., 2006. Notes on the Intellectual Topography of St. Petersburg in the First Quarter of the Twentieth Century. *Selected Works on Russian and World Culture*. Saint Petersburg, SPbGUP, pp. 208-215.
- Novikova O.V., 2021. Philosophy of the City: On the Problem of Human Dimension of Urban Space. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya*, no. 2, pp. 12-20.
- Orlov G.A., 1992. *Music Tree*. Washington, N. A. Frager & Co; Saint Petersburg, Sov. kompozitor Publ.

- Pelipenko A.A., 2012. *Comprehension of Culture Part 1. Culture and Meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ.
- Pirogov S.V., 2011. The City as a Cultural Phenomenon: A Cognitive Approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 31-36.
- Pirogov S.V., 2013. Contours of Visual Studies of the City. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 376, pp. 59-63.
- Smirnov N.A., 2016. The Art of Action in an Urban Environment. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*, vol. 1, no. 1, pp. 39-54.
- Solovyeva S.V., 2012. Walking as a Phenomenon of Lightness of Being. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: «Filosofiya. Filologiya»*, no. 9 (12), pp. 85-93.
- Fedotova N.G., 2018a. Symbolic Capital of a Place: Concept, Features of Accumulation, Research Methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*, no. 29, pp. 141-155.
- Fedotova N.G., 2018b. Urban Imaginary as a Symbolic Capital of the City. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, no. 2, pp. 228-233.
- Hrapova V.A., Komova V.A., 2022. Brand as a Way of Forming the Cultural Status of the City. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya*, no. 3, pp. 98-103.
- Hrapova V.A., Latysheva M.A., 2020. The Architectural Space of the City as a Factor of Identity Formation (On the Example of the City of Volgograd). *Logos et Praxis*, vol. 19, no. 2, pp. 99-105. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.10>
- Moxey K., 2008. Visual Studies and the Iconic Turn. *Journal of Visual Culture*, no. 7, pp. 131-146.

Information About the Authors

Viktoriya A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, hrapova-v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Valentina A. Komova, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vakomova2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-2596>

Информация об авторах

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, hrapova-v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Валентина Александровна Комова, соискатель кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vakomova2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-2596>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.10>

UDC 167.7
LBC 87.6

Submitted: 20.10.2023
Accepted: 16.11.2023

**ABOUT INTERNAL SOURCES OF REFORMING
THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM:
SYSTEM-THOUGHT-ACTIVITY METHODOLOGY OF G.P. SHCHEDROVITSKY**

Dmitry V. Garbuzov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Alexandr V. Mlechko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the internal sources of reform in the Russian higher education system in the post-Soviet period. The ideological design of the reforms is in line with the popular concept of University 3.0. But behind the *facade* of this Western model, internal sources of reform are also quite clearly revealed. The main topic of discussion is the ideas of G.P. Shchedrovitsky, which are now shaping ongoing reforms. Different followers have embraced their impact on the transformation of pedagogical science. Among the reforms is the emphasis in teaching on the method (competence) rather than the subject (knowledge). G.P. Shchedrovitsky especially emphasizes the popular and relevant idea of “continuous (conjunctural) education” today, suggesting that in conditions of high social mobility, a modern person is forced to regularly change the scope of his professional activity and constantly receive additional education. Therefore, the educational process should move not from the subject but from the method. Subject knowledge has become too broad; it is impossible to teach it to everyone in a reasonable time. At the same time, reference databases exist and are easily accessible, so they can always be consulted. Therefore, from the point of view of G.P. Shchedrovitsky, a real alternative is the methodological rationalization of the learning process, a transfer to the so-called active methods of teaching and education. But for this to happen, pedagogical science itself must be purposefully designed and constructed in the same way that a design engineer builds a machine. The basis of the new pedagogy should be the study of the psychological characteristics of the learning process and the acquisition of new knowledge and skills. Understanding the psychology of the learning process should be embodied in the instrumental technology of the educational process. Thus, we can talk, at a minimum, about the coincidence and synergy of internal sources of reforming education and science with attempts to integrate Russia into the Western cultural space in the post-Soviet period.

Key words: University 3.0, mass university, lifelong education, active methods of teaching and upbringing, engineering pedagogical work, pedagogical production, designing a person of the future, trajectory of personality formation.

Citation. Garbuzov D.V., Mlechko A.V. About Internal Sources of Reforming the Russian Higher Education System: System-Thought-Activity Methodology of G.P. Shchedrovitsky. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 99-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.10>

© Гарбузов Д.В., Млечко А.В., 2023
УДК 167.7
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 20.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

**О ВНУТРЕННИХ ИСТОЧНИКАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
СИСТЕМОМЫСЛЕДЕТЕЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО**

Дмитрий Викторович Гарбузов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Александр Владимирович Млечко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются внутренние источники реформирования системы высшего образования России в постсоветский период. Идеологическое оформление реформ находится в русле популярной концепции Университета 3.0, но за фасадом этой западной модели достаточно четко обнаруживаются и внутренние источники реформ. В частности, речь идет об идеях Г.П. Щедровицкого по преобразованию педагогической науки, которые, очевидным образом, были восприняты многочисленными учениками и последователями и проявили себя в содержании проводимых реформ. Среди них можно назвать акцент в обучении на метод (компетенцию), а не предмет (знание). Г.П. Щедровицкий особенно подчеркивает популярную и актуальную сегодня идею «непрерывного (конъюнктурного) образования», предполагающую, что в условиях высокой социальной мобильности современный человек вынужден регулярно менять сферу своей профессиональной деятельности и постоянно получать дополнительное образование. Поэтому процесс образования должен двигаться не от предмета, а от метода. Предметное знание стало слишком широким, ему невозможно обучить всех и в разумные сроки. При этом существуют и легко доступны справочные базы данных, к которым всегда можно обратиться. В связи с этим, с точки зрения Г.П. Щедровицкого, реальной альтернативой является методическая рационализация процесса обучения, трансфер к так называемым активным методам обучения и воспитания. Однако для этого сама педагогическая наука должна быть целенаправленно спроектирована и сконструирована таким же образом, каким инженер-конструктор строит машину. В основании новой педагогики должно находиться исследование психологических особенностей процесса обучения, усвоения новых знаний и умений. Понимание психологии процесса обучения должно найти воплощение в инструментальной технологии образовательного процесса. Таким образом, можно говорить как минимум, о совпадении синергии внутренних источников реформирования образования и науки с попытками интеграции России в западное культурное пространство в постсоветский период.

Ключевые слова: Университет 3.0, массовый университет, непрерывное образование, активные методы обучения и воспитания, инженерная педагогическая работа, педагогическое производство, проектирование человека будущего, траектория формирования личности.

Цитирование. Гарбузов Д. В., Млечко А. В. О внутренних источниках реформирования российской системы высшего образования: системноисследовательская методология Г.П. Щедровицкого // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 99–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.10>

Концепция Университета 3.0

Реформирование постсоветской системы высшего образования в целом происходило в рамках популярной концепции Университета 3.0, подробно описанной голландским ученым и предпринимателем Йоханом Виссема и подробно проанализированной в многочисленных публикациях [Виссема 2016; Карпов 2017; 2018; Марахина 2020; Нариманова 2019; Щелкунов 2017; Etkowitz, Zhou 2018; Lane 2013]. Согласно данному подходу, современные университеты находятся в состоянии «второго переходного периода» (аналогичного переходу от средневекового к «гумбольдтскому» поколению университетов). Университеты, созданные по «гумбольдтской» модели соответствовали просветительской идеологии и типу общества классической эпохи модерна. Они были ориентированы на подготовку будущих профессиональных ученых, а также специалистов-практиков, обладающих фундаментальной научной подготовкой. Соответственно, это были принципиально элитарные учреждения поскольку обучение в них предполага-

ло весьма высокий уровень начальной и очень высокий уровень основной подготовки, доступный в основном студентам из обеспеченных семей, хотя, конечно, существовали и способы поддержки талантливых студентов из бедных слоев общества.

Научные исследования в гумбольдтском университете носили в основном монодисциплинарный характер, что соответствовало классическому этапу развития науки. Это было отражено в организационной факультетской и кафедральной структуре университета. В рамках данной институции ученые воспринимают себя как единую академическую корпорацию, поэтому конкуренция между университетами практически отсутствует. Университеты этой эпохи можно называть национальными поскольку они очень тесно связаны с государством, которое обеспечивает им практически полный объем финансирования и академическую свободу, то есть право самостоятельно определять предметы и методы исследования. Согласно идеологии Просвещения, результаты научных исследований считаются достоянием всех людей, поэтому извле-

чение коммерческой выгоды из научных открытий и их прикладное использование не рассматривается как элемент научной деятельности.

Однако в 1960-е гг. на Западе и в 1990-е гг. в России реальность, в которой существует университет, радикальным образом изменяется. Эта новая реальность связана с изменениями в социально-экономической структуре, общественном сознании, специфике научных исследований и организации педагогической деятельности. Важнейшим изменением является формирование массового университетского образования. Обучение в университете становится обычным массовым способом социализации молодых людей. Уровень подготовки студентов резко понизился. Изначальная идея гумбольдтского университета как образования на основе научных исследований утратила свое значение, уступив место интересам личной карьеры и трудоустройства, не связанных с научной деятельностью. Взрывной рост количества студентов неизбежным образом изменил педагогическую практику. Университеты были вынуждены перейти к программам массового высшего образования, в которых ограничен контакт студентов с преподавателем и основной акцент делается не на глубокое освоение знаний, а на обучение навыкам социальной коммуникации и способность студентов самостоятельно находить необходимую для их деятельности информацию.

Процесс глобализации, открытие границ, международные программы унификации образования (Болонская система и др.) создали конкурентную среду. Академическая солидарность уступила место конкурентной борьбе за лучших студентов, преподавателей и новые источники финансирования. Чтобы не оказаться среди проигравших в этой борьбе университеты были вынуждены заняться коммерциализацией продуктов своей интеллектуальной деятельности. Предпринимательство и извлечение коммерческой выгоды становится обычной и официальной практикой университетов, серьезно расширяя их круг коммуникации взаимодействием с инвесторами, фондами, разнообразными негосударственными научно-исследовательскими учреждениями и т. п. Важную роль в трансформации университетов играет также трансдисциплинарный характер большинства современных научных

исследований, поскольку классическая факультетская и кафедральная структура оказывается недостаточно гибкой для такого рода исследований. Это приводит к появлению дополнительных структурных образований, называемых институтами, центрами, лабораториями, с очевидной тенденцией вытеснения ими традиционных университетских факультетов. Соответственно изменяются и модели управления университетом.

Сторонники данного подхода считают, что в России происходят аналогичные процессы, что и на Западе, но с некоторым временным лагом, задержкой по отношению к западной системе высшего образования. Противники данного подхода склонны считать его некритическим восприятием внешних культурных институтов, чужеродных по отношению к отечественной традиции образования. Соответственно, бесконечные реформы российской системы образования сильно нервнируют отечественное профессиональное научно-образовательное сообщество и делают популярными различные конспирологические версии происходящего. Сторонников модели Университета 3.0 раздражает то, что она реализуется слишком медленно и имеет весьма скромные результаты. Противники этой модели связывают проводимые реформы с бессмысленным, некритическим копированием западных образцов, с очередной исторической эпохой унижительного культурного подражательства. Однако нужно отметить, что существуют весьма веские основания, позволяющие утверждать, что у проводимых реформ в области образования и науки обнаруживаются и весьма серьезные внутренние источники. И поэтому нужно говорить как минимум о совпадении, синергии внутренних источников реформирования образования и науки с попытками интеграции России в западное культурное пространство в постсоветский период. В частности, здесь обращают на себя внимание исследования Г.П. Щедровицкого, создателя так называемого Московского методологического кружка и его многочисленных последователей и учеников, которые с конца 50-х гг. прошлого века весьма активно продвигают свои идеи по реформированию образования и науки на различные уровни системы управления вплоть до самых верхних, правительственных.

**Необходимость непрерывного
(конъюнктурного) образования
и система педагогики**

Еще в середине 60-х гг. прошлого века, в период триумфального становления и расцвета советской системы образования и науки Г.П. Щедровицкий утверждает, что «неудовлетворительной стала вся программа обучения и воспитания снизу доверху, все содержание современного школьного и вузовского обучения. Причина этого лежит прежде всего в бурном развитии производства, науки и всей социальной жизни, осуществившемся за последние 60 лет. Люди создали себе такие условия жизни, к которым традиционная система обучения и воспитания уже не может подготовить» [Щедровицкий 1992, 18]. Интересно, что уже в то время он особенно подчеркивает популярную и актуальную сегодня идею «непрерывного (конъюнктурного) образования», предполагающую, что в условиях высокой социальной мобильности современный человек вынужден регулярно менять сферу своей профессиональной деятельности и постоянно получать дополнительное образование. Причем это требует от людей больших временных, энергетических и финансовых затрат. Следовательно, «люди уже заранее должны быть максимально подготовлены к возможным сменам профессии; они должны иметь общее научное и техническое образование, которое бы обеспечило им необходимую основу для широкой группы профессий и свело бы процесс переучивания к минимуму» [Щедровицкий 1992, 19]. Но каким образом можно преодолеть эту проблему? Попытка расширения узкопрофильного образования неизбежно приведет к резкому увеличению его продолжительности. Кроме того, расширение учебных материалов по предметам еще более обострит проблему перегрузки учащихся. При этом сокращение предметной программы неизбежно приводит к «резкому ухудшению качества обучения и лавинообразному нарастанию все новых и новых трудностей» [Щедровицкий 1992, 20]. Поэтому, с точки зрения Г.П. Щедровицкого, реальной альтернативой является методическая рационализация процесса обучения, трансфер «к так называемым активным методам обучения и воспитания, к методам, которые позволяли бы учащимся в более короткие сроки и с меньшими усилиями ов-

ладеть необходимыми знаниями и умениями» [Щедровицкий 1992, 25].

Однако, по мнению Г.П. Щедровицкого, советская педагогика (как, впрочем, и современная ей западная) пока не готова решить эти задачи. Более того, педагогика как таковая еще не является наукой в собственном смысле, она представляет собой лишь особую отрасль прикладного инженерного искусства. Это так поскольку «до самого последнего времени не была выработана онтологическая картина, изображающая процессы обучения и воспитания в виде особой идеальной действительности, и не было ни средств, ни метода для научного анализа, соответствующих ей эмпирических проявлений. Таким образом, наука педагогика находится в самом начале того долгого и трудного пути, который обычно проходят все естественно формирующиеся науки» [Щедровицкий 1992, 65]. Однако спонтанный, естественный генезис наук занимает большое количество времени, которого у современного общества нет. Поэтому педагогическая наука, согласно Г.П. Щедровицкому, должна быть целенаправленно спроектирована и сконструирована за два-три десятилетия таким же образом, каким инженер-конструктор строит машину. Причем, по его мнению, «перестройка педагогической науки, соответствующая запросам практики обучения и воспитания, должна быть связана с кардинальным изменением всей ее структуры, сменой исходных понятий, включением в нее принципиально новых средств и методов» [Щедровицкий 1992, 70].

Направления перестройки педагогики

Г.П. Щедровицкий выделяет три подхода, которые можно использовать для перестройки педагогической науки. Важно отметить, что все они действительно в большей или меньшей степени использовались в процессе реформирования российской постсоветской системы образования. Во-первых, это линия на психологизацию педагогики, во-вторых, на математизацию и кибернетизацию педагогики и, наконец, в-третьих, это предлагаемый школой «методологов» подход «синтетической перестройки всей системы педагогических исследований, одновременного и связанного между собой введения в нее по-

нятий и методов социологии, логики (соответственно, этики и эстетики) и психологии» [Щедровицкий 1992, 71].

Для реализации этих идей Г.П. Щедровицкий предполагал проведение в течение некоторого экспериментального периода эмпирических исследований в специально сформированной широкой сети лабораторий. По его мнению, необходимо «затратить некоторое разумное количество сил и средств на перспективную разработку педагогической науки, чтобы через 15 лет дать такое новое содержание обучения и воспитания, которое обеспечило широкое и прогрессивное развитие наших людей на сотни лет вперед» [Щедровицкий 1992, 196]. Стоит отметить, что отчасти, но не в предполагаемых объемах и сроках и с неочевидными результатами, это было реализовано в ходе полевых экспериментов в ряде специально отобранных школ.

Перестройка системы образования, согласно Г.П. Щедровицкому, должна следовать определенному управляющему алгоритму, состоящему из трех исходных компонентов, он называет их «три пояса педагогических исследований» [Щедровицкий 1992, 90]. Важно, что все эти три компонента действительно очевидно просматриваются в процессе реального реформирования постсоветской системы образования. В частности, «первый пояс педагогических исследований» – это научное определение целей образования. Причем этот телеологический компонент образования он определяет максимально широко как деятельность по изготовлению человека или, говоря иначе, как создание проекта и проектов того человека, которого мы хотим увидеть в финале процесса инженерной педагогической работы. Соответственно, согласно Г.П. Щедровицкому, в педагогической деятельности должна появиться отдельная специальность «педагога-проектировщика», то есть особого специалиста, целенаправленно занимающегося проектированием человека. Стоит отметить, что в современной России эта идея нашла свое организационное воплощение в целой сети, финансируемых государством, молодежных форумов и движений, ориентированных на воспитание нового поколения лидеров.

Говоря о проектировании человека будущего, Г.П. Щедровицкий специально подчер-

кивает, что «проект в отличие от идеала должен изображать и задавать только то, что реально возможно» [Щедровицкий 1992, 135]. Это означает, что часть проектируемых характеристик учащегося как объекта инженерной педагогической работы должна быть доступна непосредственному инструментальному воздействию, а теми свойствами, которые не поддаются такому воздействию необходимо управлять опосредованно. Обращает на себя внимание, что идеологи реформирования постсоветской системы образования пошли именно по этому пути. В частности, широко известно высказывание бывшего министра образования Андрея Фурсенко на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2007», что ошибкой советской системы было стремление готовить человека-творца, в то время как на самом деле важнее и реалистичнее готовить «квалифицированного потребителя», способного адекватно пользоваться преимуществами общества знания, то есть воспринимать информацию и правильно использовать уже существующие достижения и технологии. Очевидно, что именно данный «проект человека» положен в основу реформирования российского образования и науки.

Второй и третий компоненты управляющего алгоритма перестройки системы образования теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. В частности, «второй пояс педагогических исследований» – это анализ когнитивных механизмов осуществления и формирования деятельности. Здесь имеется в виду прежде всего исследование психологических особенностей процесса обучения, усвоения новых знаний и умений. Понимание психологии процесса обучения должно найти воплощение в инструментальной технологии образовательного процесса. Г.П. Щедровицкий называет это решением инженерной задачи – «определением последовательности задания средств и способов деятельности в процессе систематического обучения и воспитания детей» [Щедровицкий 1992, 156]. Нужно отметить, что именно на этом компоненте он акцентирует свое внимание. Это стратегический выбор. Процесс образования должен двигаться не от предмета, а от метода. Предметное знание стало слишком широким, ему невозможно обучить всех и в разум-

ные сроки. При этом существуют и легко доступны справочные базы данных, к которым всегда можно обратиться. Метод – это та самая удочка, с помощью которой можно поймать любую рыбу. Поэтому же результатом процесса обучения объявляются не знания, а компетенции, не *знаю что, а знаю как*. Этот вывод выглядит вполне логичным и нужно отметить именно в этом направлении, прежде всего, пошло реформирование постсоветской системы образования.

Г.П. Щедровицкий достаточно подробно анализирует методологические аспекты такой модели образования. Он пишет, что «первым и основным элементом в знаниях, необходимых для организации обучения и воспитания, являются знания о тех способностях, которыми должны обладать полностью подготовленные индивиды, легко включающиеся в процесс производства». Вторым элементом являются «знания о той “траектории” формирования, по которой надо вести детей от нулевого состояния полной неподготовленности к заданному уровню развития» [Щедровицкий 1992, 182–183]. Любопытно, что метафорическое понятие «траектории» личностного развития вошло даже в некоторые нормативные акты, регулирующие образовательный процесс. Вообще, педагогический процесс Г.П. Щедровицкий рассматривает как типовую инженерную работу. Педагог подобно инженеру участвует в создании некоторой сложной «конструкции». Для этого он, «во-первых, преобразует одно материальное образование в другое, во-вторых, придает этому материалу определенную “форму” и структуру, соответствующие заранее данному “техническому заданию” и созданной им “идее” конструкции, и в-третьих, применяет определенные орудия-средства и осуществляет определенные действия» [Щедровицкий 1992, 187–188]. Такого рода гипертрофированно технократическое мировоззрение является еще одной яркой особенностью образовательных реформ.

Образовательный процесс он рассматривает как «педагогическое производство». На ведущие роли в нем должен выйти технолог-методист, целенаправленно проектирующий приемы, инструменты и способы обучения. Его деятельность создает «иные продук-

ты, нежели деятельность учителя, и направлена на иные объекты; она начинает обслуживать деятельность учителей и вместе с тем управлять ею» [Щедровицкий 1992, 43]. Важнейшей задачей технолога-методиста является разработка алгоритмических программ обучения, которые будут управлять исполнительным комплексом учебных средств. Все это осуществляется в рамках проектного подхода: «Конкретный проект, выражающий цели образования, нужно сформулировать, чтобы потом можно было построить программу обучения и воспитания; программа нужна, чтобы определить число, вид и связь тех учебных предметов, которые должны быть включены в систему образования; в зависимости от характера учебных средств строятся те приемы и способы обучения, которые обеспечивают передачу средств учащимся» [Щедровицкий 1992, 45]. Именно такого рода гипертрофированная методичность стала едва ли не самой главной и часто критикуемой особенностью проводимых в Российской Федерации реформ системы образования. Труд преподавателя оброс огромным количеством учебно-методической документации и процедур. Они стали настолько трудоемкими и масштабными, что даже преподаватели, превосходно знающие свой учебный предмет, без специальной подготовки не смогут его преподавать в рамках этих методических процедур. Особенно нужно отметить, что выглядящие рационально в рамках программных документов методические рекомендации на практике часто приобретают элемент абсурда. Кроме того, излишняя детализированность учебных методик на самом деле слабо соответствует психологии и когнитивной логике образовательного процесса, который до сих пор исследован очень поверхностно.

Несмотря на безостановочную критику проводимых реформ как со стороны профессионального образовательного сообщества, так и широкого общественного мнения, российское правительство достаточно упорно следует однажды выбранной модели. Причины этого вполне понятны – российское государство желало бы иметь компактную, технологичную, прагматически ориентированную систему образования. Это стратегически важно, поскольку система образования формирует исполни-

тельные механизмы и алгоритмы психической динамики индивидов, и, следовательно, образование имеет кибернетический смысл управления. Это хорошо выразил Г.П. Щедровицкий: «В современном обществе деятельность индивидов никогда не вырастает, не развивается из другой, подобной ей деятельности. Она всегда складывается, формируется, как управляемая деятельность, а это значит, проходит через “каналы” познания, т. е. создания предписаний и усвоения, т. е. превращения их в субъективные средства деятельности» [Щедровицкий, Юдин web].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виссема 2016 – Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Олимп-Бизнес, 2016.
- Карпов 2017 – Карпов А.О. Университет 3.0 – социальные миссии и реальность // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 114–124.
- Карпов 2018 – Карпов А.О. Возможен ли университет 3.0 в России? // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 59–70.
- Марахина 2020 – Марахина И.В. Развитие инновационной инфраструктуры вуза при переходе к модели «Университет 3.0» // Наука и инновации. 2020. № 12. С. 64–69.
- Нариманова 2019 – Нариманова О.В. Концепция Университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. 2019. Т. 7, № 2 (25). С. 350–363.
- Щедровицкий, Юдин web – Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. О применении понятия «управление» в психологических и педагогических исследованиях // <https://www.fondgp.ru/old/gp/biblio/rus/16.html>
- Щедровицкий 1992 – Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований: (Методологический анализ) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1992.
- Щелкунов 2017 – Щелкунов М.Д. Университеты нового поколения // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 187–192.
- Etzkowitz, Zhou 2018 – *Etzkowitz H., Zhou Ch. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation and Entrepreneurship*. L.: Routledge, 2018.
- Lane 2013 – *Lane J.E. Higher Education System 3.0: Adding Value to States and Institutions // Higher Education System 3.0: Harnessing Systemness, Delivering Performance*. N.Y.: State University of New York Press, 2013. P. 3–26.

REFERENCES

- Vissema J.G., 2016. *Third Generation University: University Management in a Transition Period*. Moscow, Olimp-Business Publ.
- Karpov A.O., 2017. University 3.0 – Social Missions and Reality. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 114-124.
- Karpov A.O., 2018. Is University 3.0 Possible in Russia? *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 59-70.
- Marakhina I.V., 2020. Development of Innovative Infrastructure at Transition to the Model “University 3.0”. *Nauka i innovatsii*, no. 12, pp. 64-69.
- Narimanova O.V., 2019. Concept University 3.0: Prospects for Implementation in Russia in the Context of the New Technological Revolution. *Lichnost v menyayushchemsya mire: zdorovyе, adaptaciya, razvitie: setevoy zhurn.*, vol. 7, no. 2 (25), pp. 350-363.
- Shchedrovitsky G.P., Yudin E.G. *On the Application of the Concept of “Management” in Psychological and Pedagogical Research*. URL: <http://www.fondgp.ru/old/gp/biblio/rus/16.html>
- Shchedrovitsky G.P., 1992. *System of Pedagogical Research: (Methodological Analysis)*. *Pedagogika i logika*. Moscow, Kastal Publ.
- Shchelkunov M.D., 2017. New Generation of Universities. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 1, pp. 187-192.
- Etzkowitz H., Zhou Ch., 2018. *The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation and Entrepreneurship*. London, Routledge Publ.
- Lane J.E., 2013. *Higher Education System 3.0: Adding Value to States and Institutions*. *Higher Education System 3.0: Harnessing Systemness, Delivering Performance*. New York, State University of New York Press, pp. 3-26.

Information About the Authors

Dmitry V. Garbuzov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Academica Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, buendia@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8321-8229>

Alexandr V. Mlechko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1329-8478>

Информация об авторах

Дмитрий Викторович Гарбузов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, buendia@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8321-8229>

Александр Владимирович Млечко, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1329-8478>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.11>

UDC 1:001.31
LBC 87.254.6

Submitted: 18.10.2023
Accepted: 16.11.2023

HABITUALIZATION OF SCIENTIFIC ENLIGHTENMENT

Tatyana S. Gorina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the features and results of the habitualization of scientific enlightenment. It is shown that such habitualization helps to overcome a number of obstacles that arise during the popularization of science, both on the part of scientists and on the part of the public. The application of P. Bourdieu's approach allows us to explain that, thanks to the cognitive and motivating structures formed during habitualization, members of the public can recognize high-quality popular science information and discover and use the opportunities associated with it. The habitualization of scientific enlightenment contributes to the emergence and development of a predisposition to perceive such information in various formats, which is associated with the need to change the attitude of the public both to science and to the methods of transmitting scientific knowledge to non-specialists. Based on habitus, patterns of perception, understanding, and evaluation that arise in the process of habitualization of scientific enlightenment, the scientific picture of the world is legitimized, which makes the scientific view of the world familiar and increases the access of subsequent generations to scientific resources. Habitualization leads to an increase in interest in the scientific explanation of reality on the part of ordinary people, the exchange of knowledge between scientists and the general public, and the latter's involvement in solving scientific problems. It is noted that habitualization creates a predisposition among scientists to participate in the popularization of science. Their involvement in scientific enlightenment is due to overcoming such barriers as reluctance to be distracted from scientific research, fears regarding misinterpretation or distortion of scientific ideas, difficulties in presenting scientific knowledge in a publicly accessible form, etc. It is emphasized that the habitualization of scientific enlightenment ensures integrity, stability, and orderliness of activities in the field of popularization of science, reduces the degree of conflict in the interaction of individuals with different social status, life experience, and basic training, and promotes the assimilation of the achievements of modern science through institutes of scientific enlightenment, allowing for the use of cognitive potential and the development of effective strategies for translating scientific knowledge.

Key words: habitus, P. Bourdieu, scientific enlightenment, habitualization, cognitive skills, popularization of science, interiorization, dispositions.

Citation. Gorina T.S. Habitualization of Scientific Enlightenment. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 107-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.11>

УДК 1:001.31
ББК 87.254.6

Дата поступления статьи: 18.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ХАБИТУАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Татьяна Сергеевна Горина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и результаты хабиутализации научного просвещения. Показано, что этот процесс способствует преодолению ряда препятствий, возникающих в ходе популяризации науки как со стороны ученых, так и со стороны общественности. Применение подхода П. Бурдьё позволяет объяснить, каким образом благодаря когнитивным и мотивирующим структурам, сформированным в ходе хабиутализации, представители общественности могут распознавать качественную научно-популярную информацию, обнаруживать и использовать связанные с ней возможности. Хабиутализация научного просвещения способствует появлению и развитию предрасположенности воспринимать такую информацию в различных форматах, что связано с изменением отношения широкой публики как к науке, так и к

способам трансляции научного знания неспециалистам. На основе габитуса, схем восприятия, понимания и оценивания, возникающих в процессе хабиитуализации научного просвещения, происходит легитимация научной картины мира, что делает привычным научный взгляд на мир, облегчает доступ последующих поколений к научным ресурсам. Хабиитуализация приводит к росту интереса к научному объяснению действительности со стороны обывателей, обмену знаниями между учеными и широкой публикой, приобщению последней к решению научных проблем. Отмечается, что хабиитуализация формирует у ученых предрасположенность к участию в популяризации науки. Привлечение их в научное просвещение обусловлено преодолением таких барьеров как нежелание отвлекаться от научных исследований, опасения относительно неверной интерпретации или искажения научных идей, трудности изложения научного знания в общедоступной форме и т. п. Подчеркивается, что хабиитуализация научного просвещения обеспечивает целостность, устойчивость, упорядоченность деятельности в области популяризации науки, снижает степень конфликтности при взаимодействии индивидов с разным социальным положением, жизненным опытом, базовой подготовкой; способствует усвоению достижений современной науки через институты научного просвещения, позволяет использовать его когнитивный потенциал, вырабатывать эффективные стратегии трансляции научного знания.

Ключевые слова: габитус, П. Бурдьё, научное просвещение, хабиитуализация, когнитивные навыки, популяризация науки, интериоризация, диспозиции.

Цитирование. Горина Т. С. Хабиитуализация научного просвещения // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 107–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.11>

В обществе, в котором «наука стала синонимом современности и экономической конкурентоспособности, даже престижа» [Schneegans, Straza, Lewis (eds.) web, 31], а научное знание понимается как благо, особое значение приобретает сотрудничество ученых и широкой общественности, представление результатов науки различным аудиториям; отсюда возникает потребность в хабиитуализации научного просвещения.

При изучении габитуса исследователи обращают внимание на его генезис, структуру, связь с процессами институционализации. М. Мосс, анализируя возникновение габитуса, указывает на его социальную природу: габитусы «варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [Мосс 2011, 308]. Н. Элиас, трактуя габитус как общий отпечаток в людях, принадлежащих одному обществу, основание для различий между группами, подчеркивает исторический характер его формирования: «Только осознав всю степень принудительности, с которой возникает определенное строение общества, т.е. определенная форма социального переплетения, ведущая – в силу своих внутренних противоречий – к специфическим общественным изменениям и тем самым к другим формам, мы способны увидеть и то, как происходят изменения человеческого *habitus*'а» [Элиас 2001, 239].

П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что в процессе повторения действия человека опривычиваются (хабиитуализируются), что облегчает принятие решений за счет уменьшения вариантов выбора и позволяет сохранить ресурсы для ситуаций, в которых действительно необходимы размышления и инновации. Они обращают внимание на связь хабиитуализации и институционализации: «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [Бергер, Лукман 1995, 92], а также их роли в конструировании социального мира, воспринимаемого как объективная реальность.

Трактуя хабиитуализацию как один из этапов институционализации, исследователи выделяют коммуникативную сущность социальных институтов, что «дает основания для признания того обстоятельства, что институциональные изменения в условиях информационно-коммуникационной среды обуславливаются формами социальных коммуникаций, которые получают распространение при внедрении информационно-телекоммуникационных технологий, отражением этих форм в тезаурусе и габитусе индивида» [Зотов 2014, 36].

Анализ оснований консенсуса, солидарности в обществе, социального порядка и контроля также связан с изучением габитуса. А.И. Кравченко отмечает, что «без двух процессов – хабиитуализации и институционализации – невозможно себе помыслить форми-

рование нормативной системы общества» [Кравченко 2020, 29]. Габитус исследуется в работах, посвященных свободе и принуждению в обществе, неоднородности социального пространства, социальному неравенству. Распределение ресурсов, власти, возможностей в обществе воспроизводится в габитусе, который ассимилирует элементы культурных, политических, образовательных, моральных систем и влияет на доступ к образованию, карьерные устремления, мобильность [Mu, Dooley (eds.) 2023].

Габитус различных социальных общностей (представителей возрастных когорт, спортсменов, людей с ограниченными возможностями, школьников, балетных танцоров, вахтовых работников, инвесторов и т. п.) трактуется как их атрибут, набор диспозиций, проявляющийся в социальных практиках и стилях жизни. Он отражается в ценностях членов общности, мотивации, социальном самочувствии, коммуникации, структуре досуга. Так, габитус прекарных работников связан с коротким горизонтом планирования, спонтанным принятием решений о трудовой мобильности, оценкой прекарности как нормального состояния, стремлением к автономии, ограниченным набором социальных возможностей как характеристики образа жизни [Тартаковская, Ваньке 2019].

Исследуются габитуальные аспекты отдельных социальных практик (моды, потребления, образования, насилия, семейно-брачных, коммуникации в социальных сетях, различных вариантов досуга и т. п.), их влияние на формирование идентичности человека и другие социальные последствия. Хабитуализация способствует развитию практик гражданского участия «снизу» (например, при создании комфортной городской среды), если нет конфликта интересов тех, кто задействован в определении и решении проблемы [Смолева 2021]. Она также трактуется в качестве одного из этапов становления профессиональной идентичности, академической морали в вузе и т. п.

При изучении правовых аспектов хабитуализации анализируется девиантное поведение, теневые социальные практики, условия их возникновения и воспроизводства. Особое внимание уделяется причинам устойчивости коррупционного поведения и способам борьбы с ним. Габитус влияет на генезис крими-

нального поведения молодых людей, формирующегося под влиянием среды, в которой преступность является частью повседневной жизни, рутиной, воспринимается как нормальность; он придает статус определенным видам культурного капитала, способствует получению признания при помощи противоправных действий [Costa, Murphy (eds.) 2015].

Исследователи, использующие подход П. Бурдьё, предпринимают попытки измерить габитус [Качанов, Шматко 2000; Mills et al. 2019; Cockerham, Hinote 2009], хотя французский социолог не предлагает для этого специальную методику, указывая на возможность опосредованного измерения габитуса через изучение порождаемых им практик [Bourdieu 1984].

Рассматривается возможность применения понятий «габитус» и «хабитуализация» для анализа научной деятельности [Бурдьё 2002; Бурдьё 2005; Гутнер 2008; Иванова 2016; Deslandes, Maksud 2022; Jeon 2019; Lenoir 2006]. Н.А. Иванова отмечает, что «научный габитус как совокупность диспозиций представляет собой систему, обладающую целостностью, структурностью, взаимозависимостью от внешней среды, иерархичностью и множественностью» [Иванова 2016, 14], и выделяет лингвистический и моральный габитусы науки. На формирование габитуса науки влияют агенты других полей, в том числе редакторы научных журналов при помощи используемых ими принципов отбора статей [Deslandes, Maksud 2022]. Однако хабитуализация научного просвещения редко становится предметом изучения. Так, С.Б. Токарева связывает хабитуализацию научного просвещения с изменением форм взаимодействия между учеными и массами [Токарева 2018].

Согласно П. Бурдьё, схемы восприятия, понимания, оценивания, действия, входящие в состав габитуса, формируются под влиянием продолжительного опыта, получаемого индивидом, занимающим определенную социальную позицию [Бурдьё 2001; 2005]. Место в объективной структуре социального пространства отражается в диспозициях, усваиваемых, применяемых и транслируемых людьми. Исследователи выделяют разные виды диспозиций: когнитивные, поведенческие, ценностные, эмоциональные, экологические, эколого-социальные и т. п. [Иванова 2016; Fritz et al. 2021].

На базе схожего социального опыта у людей формируются одинаковые когнитивные структуры и общие диспозиций, что позволяет им легко понимать друг друга, признавать очевидным одно и то же. Человек относится к обществу, в котором живет, как к должному, так как «ментальные структуры, через которые агенты воспринимают социальный мир, являются в основном продуктами интериоризации структур социального мира» [Бурдьё 2007, 74].

Безусловно, вряд ли возможно, чтобы в жизни людей, относящихся к одной группе, случались одинаковые события в одном и том же порядке. Индивиды проходят социализацию в сходных условиях, однако занимают в социальной структуре определенное положение, имеют свою жизненную траекторию, поэтому системы диспозиций таких людей похожи, но не абсолютно идентичны, что обеспечивает дифференциацию индивидуальных габитусов, личный стиль осуществления практик. «Понятие габитуса позволяет объяснить то, как субъект практики может быть детерминированным и в то же время действующим» [Бувресс 2001, 236].

Принципы габитуса – ключевые оппозиции, организующие восприятие, понимание, оценивание действительности. На основе габитуса индивиды классифицируют элементы социальной реальности, в том числе других людей, оценивая их практики и представления, распознавая «своих» и «чужих». Вкус человека, его выбор благ как результат классификации зависит от габитуса. Овладение диспозициями необходимо как для производства любой практики, так и для перехода из одной практики в другую. Идея габитуса позволяет понять, почему переход в иную практику – сложный и не всегда успешный процесс.

Автономизация профессиональной науки, обусловленная трудностью попадания в нее, приводит к разрыву с сообществами, не обладающими серьезными научными знаниями. Такое отдаление науки от широкой общественности сопровождается снижением мотивации к изучению научной картины мира, выбору карьеры ученого.

Габитус, состоящий из бессознательных предрасположенностей и связей, влияет на формирование предпочтений, интереса к ка-

кому-либо объекту, получение удовлетворения от осуществления действий, даже не подразумевающих достижения рационально обоснованной цели. Поэтому люди поддерживают, заставляют интенсивно работать те отношения, которые выполняют необходимые функции, удовлетворяют или могут удовлетворить их жизненные интересы. Такое поведение индивидов способствует тому, что указанные отношения налаживаются, а потом осуществляются легко [Бурдьё 2001; 2007, Bourdieu 1984]. Хабитуализация научного просвещения приводит к росту интереса к научному объяснению действительности со стороны обывателей, обмену знаниями между учеными и широкой публикой, привлечению последней к решению научных проблем (например, имеющих этический аспект; изучаемых в проектах «гражданской науки» и т. п.).

Габитус влияет на избирательное восприятие действительности, способствует непреднамеренному уклонению от ситуаций, к которым он не приспособлен. «Невыбираемый принцип всякого выбора» [Бурдьё 2001, 119] как свойство габитуса формирует стратегии избегания, выступает в качестве фильтра информации: отбрасывается та новая информация, которая противоречит прежней, создаются условия, затрудняющие ее возникновение.

Хабитуализация научного просвещения расширяет круг людей, замечающих научное знание в потоке данных, а потому получающих к нему доступ. Благодаря когнитивным и мотивирующим структурам, сформированным в ходе хабитуализации, представители общественности могут распознавать качественную научно-популярную информацию, обнаруживать и использовать связанные с ней возможности. На основе габитуса, схем мышления, восприятия и оценивания, которые возникают в процессе хабитуализации научного просвещения, происходит легитимация научной картины мира, принятие ее как должной. Такая хабитуализация делает привычным научный взгляд на мир; позволяет широкой публике познавать реальность, применяя язык и методы науки, благодаря чему возможно преодолеть безразличное или даже враждебное отношение к науке со стороны общественности, в том числе распространившееся во время пандемии COVID-19 сомнение в ее

легитимности [Федотова 2021; Dirks web; Hotez 2022; Tippins et al. 2023].

Хабитуализация научного просвещения способствует появлению и развитию предрасположенности воспринимать научную информацию в различных форматах, что связано с необходимостью изменить отношение широкой публики как к науке, так и к способам трансляции научного знания неспециалистам. Хабитуализация позволяет сформировать готовность получать, обрабатывать и применять научно-популярную информацию не только в виде коротких сообщений, в развлекательной форме, привычной для Интернета, но и в виде серьезных просветительских лекций, бесед, дискуссий, статей. Хабитуализация научного просвещения увеличит доступ последующих поколений к научным ресурсам за счет того, что научная информация станет привычной частью даже той социальной среды, которой ранее было присуще негативное, подозрительное отношение к науке, а также благодаря появлению образцов для подражания, так как габитус предполагает передачу способов мышления через имитацию практик других людей в конкретных ситуациях выбора, с которыми сталкивается индивид.

Хабитуализация формирует у ученых предрасположенность к участию в популяризации науки. Привлечение их в научное просвещение связано с преодолением таких барьеров как нежелание отвлекаться от научных исследований, в том числе из-за «эффекта Сагана» [Martinez-Conde 2016]; опасения относительно неверной интерпретации или искажения научных идей; трудности изложения научного знания в общедоступной форме и т. п. Ряд ученых негативно относится к некоторым формам популяризации науки, в том числе к публикации результатов научных исследований, о которых авторы хотят сообщить как можно быстрее, в ненаучных СМИ, рассматривая это как стремление к самопопуляризации [Reif 1961].

Габитус формируется длительное время под влиянием совокупности дозволений и запретов, свобод и необходимостей [Бурдые 2001, 104], что делает образование значимым институтом его генезиса и изменения. Позитивный эффект использования ресурсов системы образования заключается в выработке у ши-

рокой публики положительного отношения к научному знанию, нивелировании отличий между ними в представлении о роли науки в обществе. Благодаря хабитуализации формируется прочное, но порой скрытое от участников популяризации науки основание их интеграции и взаимопонимания; снижается степень конфликтности при взаимодействии индивидов с разным социальным положением, жизненным опытом, базовой подготовкой за счет уменьшения причин борьбы за правильную интерпретацию действительности.

Хабитуализация научного просвещения позволяет преодолеть ряд препятствий, возникающих в ходе популяризации науки как со стороны ученых, так и со стороны общественности; обеспечивает целостность, устойчивость, упорядоченность научно-просветительской деятельности. Она также способствует усвоению достижений современной науки через институты научного просвещения, позволяет использовать его когнитивный потенциал, вырабатывать эффективные стратегии трансляции научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бувресс 2001 – Бувресс Ж. Правила, диспозиции и габитус // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 224–449.
- Бурдые 2002 – Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: антология. В 2 ч. Ч. 2. М.: Университет, 2002. С. 373–429.
- Бурдые 2001 – Бурдые П. Практический смысл. М.: Институт эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурдые 2007 – Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 64–86.
- Бурдые 2005 – Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- Гутнер 2005 – Гутнер Г.Б. Проблема риска и ответственности субъекта научной коммуникации: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008.

- Зотов 2014 – *Зотов В.В.* Коммуникативная сущность социальных институтов // *Коммуникология*. 2014. № 1. С. 29–38.
- Иванова 2016 – *Иванова Н.А.* Наука как социальная практика и ее габитуальное основание: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2016.
- Качанов, Шматко 2000 – *Качанов Ю.Л., Шматко Н.А.* «Габитус» вместо «сознания»: теория и эксперимент // *Социология: методология, методы, математические модели*. 2000. № 12. С. 25–39.
- Кравченко 2020 – *Кравченко А.И.* Статика и динамика социального действия: варианты и альтернативы // *Социология*. 2020. № 2. С. 23–56.
- Мосс 2011 – *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
- Смолева 2021 – *Смолева Е.О.* Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиутализация или институционализация «сверху» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. № 5. С. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14
- Тартаковская, Ваньке 2019 – *Тартаковская И.Н., Ваньке А.В.* Трудовые траектории precarious работников и формирование precarious габитуса // *Социологический журнал*. 2019. № 2. С. 99–115.
- Токарева 2018 – *Токарева С.Б.* Хабиутус научного просветительства как элемент когнитивной структуры // *Практическая философия: от классики до информационного социума: сб. материалов Всерос. конф. (Астрахань, 27–28 сент. 2018 г.)*. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 223–228.
- Федотова 2021 – *Федотова В.Г.* Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия // *Знание. Понимание. Умение*. 2021. № 4. С. 111–125.
- Элиас 2001 – *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университет. кн., 2001.
- Bourdieu 1984 – *Bourdieu P.* *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1984.
- Cockerham, Hinote 2009 – *Cockerham W.C., Hinote B.P.* Quantifying Habitus: Future Directions // *Robson K., Sanders C. (eds.) Quantifying Theory: Pierre Bourdieu*. Dordrecht: Springer, 2009. P. 201–210.
- Costa, Murphy (eds.) 2015 – *Costa C., Murphy M. (eds.) Bourdieu, Habitus and Social Research: The Art of Application*. London: Palgrave Macmillan, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1057/97811137496928>
- Deslandes, Maksud 2022 – *Deslandes S., Maksud I.* *Editores de Ciências Sociais na Saúde Coletiva: práticas e limites na conformação de um habitus científico* // *Cad Saude Publica*. 2022. № 38 (9). Art. e00076922. DOI: 10.1590/0102-311XPT076922
- Dirks web – *Dirks N.B.* Rebuilding Trust in Science [Project Syndicate] // <https://www.project-syndicate.org/commentary/rebuilding-trust-in-science-by-nicholas-b-dirks-2023-02?barrier=accesspaylog>
- Fritz et al. 2021 – *Fritz M., Koch M., Johansson H., Emilsson K., Hildingsson R., Khan J.* Habitus and Climate Change: Exploring Support and Resistance to Sustainable Welfare and Social-Ecological Transformations in Sweden // *British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72, iss. 4. P. 874–890. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12887>
- Hotez 2022 – *Hotez P.J.* Will Anti-Vaccine Activism in the USA Reverse Global Goals? // *Nature Reviews Immunology*. 2022. № 22. P. 525–526. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41577-022-00770-9>
- Jeon 2019 – *Jeon J.* Rethinking Scientific Habitus: Toward a Theory of Embodiment, Institutions, and Stratification of Science // *Engaging Science, Technology, and Society*. 2019. Vol. 5. P. 160–172. DOI: <https://doi.org/10.17351/ests2019.303>
- Lenoir 2006 – *Lenoir R.* Scientific Habitus: Pierre Bourdieu and the Collective Intellectual // *Theory, Culture & Society*. 2006. Vol. 23, iss. 6. P. 25–43. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263276406069774>
- Martinez-Conde 2016 – *Martinez-Conde S.* Has Contemporary Academia Outgrown the Carl Sagan Effect? // *Journal of Neuroscience*. 2016. Vol. 36, iss. 7. P. 2077–2082. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0086-16.2016
- Mills et al. 2019 – *Mills C., Gale T., Parker S.J., Smith C., Cross R.* Activist Dispositions for Social Justice in Advantaged and Disadvantaged Contexts of Schooling // *British Journal of Sociology of Education*. 2019. Vol. 40, iss. 5. P. 614–630. DOI: <https://doi.org/10.1080/01425692.2019.1582322>
- Mu, Dooley (eds.) 2023 – *Mu G.M., Dooley K. (eds.)* *Recontextualising and Recontesting Bourdieu in Chinese Education Habitus, Mobility and Language*. London: Routledge, 2023.
- Reif 1961 – *Reif F.* The Competitive World of the Pure Scientist: The Quest for Prestige Can Cause Conflict Between the Goals of Science and the Goals of the Scientist // *Science*. 1961. Vol. 134, № 3494. P. 1957–1962. DOI: 10.1126/science.134.3494.1957
- Schneegans, Straza, Lewis (eds.) web – *Schneegans S., Straza T., Lewis J. (eds.)*. UNESCO Science Report: the Race Against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO Publishing, 2021 // <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433>
- Tippins et al. 2023 – *Tippins E., Ysseldyk R., Peneycad C., Anisman H.* Believing in Science:

Linking Religious Beliefs and Identity with Vaccination Intentions and Trust in Science During the COVID-19 Pandemic // *Public Understanding of Science*. 2023. Vol. 32, iss. 8. P. 1003–1020. DOI: <https://doi.org/10.1177/09636625231174845>

REFERENCES

- Berger P.L., Luckmann T., 1995. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium.
- Bouveresse J., 2001. Rules, Dispositions and Habitus. *Socioanaliz Pyera Burdye. Almanah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk*. Moscow, In-t eksperimentalnoj sociologii; Saint Petersburg, Aletejya Publ., pp. 224-449.
- Bourdieu P., 2002. An Invitation to Reflexive Sociology. *Teoreticheskaya sociologiya: antologiya. V 2 ch. Ch. 2*. Moscow, Universitet Publ., pp. 373-429.
- Bourdieu P., 2001. *The Logic of Practice*. Moscow, In-t eksperiment. sociologii; Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Bourdieu P., 2007. Social Space and Symbolic Power. *Bourdieu P. Sociology of Social Space*. Moscow, In-t eksperiment. sociologii; Saint Petersburg, Aletejya Publ., pp. 64-86.
- Bourdieu P., 2005. *Social Space: Fields and Practices*. Moscow, In-t eksperimentalnoj sociologii; Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Gutner G.B., 2008. *The Problem of Risk and Responsibility of the Subject of Scientific Communication. Dr. philos. sci. diss.* Moscow.
- Zotov V.V., 2014. Communicative Nature of Social Institutions. *Kommunikologiya*, no. 1, pp. 29-38.
- Ivanova N.A., 2016. *Science as Social Practice and Its Habitual Basis. Dr. philos. sci. diss.* Tomsk.
- Kachanov Yu.L., Shmatko N.A., 2000. “Habitus” Instead of “Consciousness”: Theory and Experiment. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli*, no. 12, pp. 25-39.
- Kravchenko A.I., 2020. Statics and Dynamics of Social Action: Options and Alternatives. *Sociologiya*, no. 2, pp. 23-56.
- Mauss M., 2011. *Society. Exchange. Personality. Transactions on Social Anthropology*. Moscow, KDU.
- Smoleva E.O., 2021. Forming the Practices of Citizens’ Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization from Above. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 5, pp. 244-260. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.14](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.14)
- Tartakovskaya I.N., Vanke A.V., 2019. Mobility Strategies of Precarious Employees and the Formation of Precarious Habitus. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 99-115.
- Tokareva S.B., 2018. Habitus of Scientific Enlightenment as an Element of Cognitive Structure. *Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informacionnogo sociuma: sb. materialov Vseros. konf. (Astrahan, 27–28 sentyabrya 2018 g.)*. Astrahan, Sorokin Roman Vasilyevich, pp. 223-228.
- Fedotova V.G., 2021. COVID-19 Pandemic in 2021: Trust Issues. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 111-125.
- Elias N., 2001. *About the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Research. Volume 2. Changes in Society. Civilization Theory Project*. Moscow; Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ.
- Bourdieu P., 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Cockerham W.C., Hinote B.P., 2009. Quantifying Habitus: Future Directions. Robson K., Sanders C. (eds.). *Quantifying Theory: Pierre Bourdieu*. Dordrecht, Springer, pp. 201-210.
- Costa C., Murphy M. (eds.), 2015. *Bourdieu, Habitus and Social Research: The Art of Application*. London, Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137496928>
- Deslandes S., Maksud I., 2022. Editores de Ciências Sociais na Saúde Coletiva: práticas e limites na conformação de um habitus científico. *Cad Saude Publica*, no. 38 (9), art. e00076922. DOI: [10.1590/0102-311XPT076922](https://doi.org/10.1590/0102-311XPT076922)
- Dirks N.B., 2023. Rebuilding Trust in Science. *Project Syndicate*. Feb. 9. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/rebuilding-trust-in-science-by-nicholas-b-dirks-2023-02?barrier=accesspaylog>
- Fritz M., Koch M., Johansson H., Emilsson K., Hildingsson R., Khan J., 2021. Habitus and Climate Change: Exploring Support and Resistance to Sustainable Welfare and Social-Ecological Transformations in Sweden. *British Journal of Sociology*, vol. 72, iss. 4, pp. 874-890. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12887>
- Hotez P.J., 2022. Will Anti-Vaccine Activism in the USA Reverse Global Goals? *Nature Reviews Immunology*, no. 22, pp. 525-526. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41577-022-00770-9>
- Jeon J., 2019. Rethinking Scientific Habitus: Toward a Theory of Embodiment, Institutions, and

- Stratification of Science. *Engaging Science, Technology, and Society*, vol. 5, pp. 160-172. DOI: <https://doi.org/10.17351/ests2019.303>
- Lenoir R., 2006. Scientific Habitus: Pierre Bourdieu and the Collective Intellectual. *Theory, Culture & Society*, vol. 23, iss. 6, pp. 25-43. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263276406069774>
- Martinez-Conde S., 2016. Has Contemporary Academia Outgrown the Carl Sagan Effect? *Journal of Neuroscience*, vol. 36, iss. 7, pp. 2077-2082. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0086-16.2016
- Mills C., Gale T., Parker S.J., Smith C., Cross R., 2019. Activist Dispositions for Social Justice in Advantaged and Disadvantaged Contexts of Schooling. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 40, iss. 5, pp. 614-630. DOI: <https://doi.org/10.1080/01425692.2019.1582322>
- Mu G.M., Dooley K. (eds.), 2023. *Recontextualising and Recontesting Bourdieu in Chinese Education Habitus, Mobility and Language*. London, Routledge, 2023.
- Reif F., 1961. The Competitive World of the Pure Scientist: The Quest for Prestige Can Cause Conflict Between the Goals of Science and the Goals of the Scientist. *Science*, 15 December, vol. 134, no. 3494, pp. 1957-1962. DOI: 10.1126/science.134.3494.1957
- Schneegans S., Straza T., Lewis J. (eds.), 2021. *UNESCO Science Report: The Race Against Time for Smarter Development*. Paris, UNESCO Publ. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433>
- Tippins E., Ysseldyk R., Peneycad C., Anisman H., 2023. Believing in Science: Linking Religious Beliefs and Identity with Vaccination Intentions and Trust in Science During the COVID-19 Pandemic. *Public Understanding of Science*, vol. 32, iss. 8, pp. 1003-1020. DOI: <https://doi.org/10.1177/09636625231174845>

Information About the Author

Tatyana S. Gorina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Горина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.12>

UDC 111.1+316.3:316.4+130.2
LBC 87.1

Submitted: 20.10.2023
Accepted: 16.11.2023

SOCIAL ONTOLOGY OF YOUTH SUB-CULTURE: THEORY AND PRACTICE

Dmitry N. Bukin

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Pavel P. Fantrov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vyacheslav A. Meider

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The article substantiates the applicability of socio-ontological approaches and methods of theoretical ontology to the study of social reality. A wide range of references to traditional research in this area conducted by sociologists, legal scholars, economists and cultural scientists are provided. From the standpoint of social ontology, the key principles of the flow of some social processes are considered, first of all, the features of the development of youth sub-cultures. Using the classical methodology of categorical analysis, the attributive characteristics of their existence are identified. The examples show how atypical contradictory aspects of a given social phenomenon can be explained, namely, how ideas about non-physical space and time relate to traditional ontological categories; the predominance of processes of “horizontal mobility” in the activities of the subculture was discovered. The intervals of “quantitative stability” are defined as those in which the development of socially dynamic processes of a new quality occurs. Using the categorical pair “identity-difference”, the specific features of the manifestation of social inequality in the education and functioning of the youth movement are considered. In the course of modal analysis, the role of the necessary, random and possible in explaining the current status of a social phenomenon, which has a “floating” ontological status, combining an indication of its physical and virtual existence, was revealed. The “problematic” mode of the possible as a way of manifesting the phenomenon of youth sub-culture allows us to point out the possibility of the predominance of “online culture” features in it. Based on the results obtained, prospects for further study and practical work with “complex” social phenomena are identified. It is shown that the prevention and suppression of illegal actions by representatives of youth cultures should be based not only on sociological, legal, etc. data research but also on a deep, comprehensive theoretical and philosophical analysis.

Key words: social ontology, categorical analysis, sub-culture, youth, social being.

Citation. Bukin D.N., Fantrov P.P., Meider V.A. Social Ontology of Youth Sub-Culture: Theory and Practice. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 115-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.12>

УДК 111.1+316.3:316.4+130.2
ББК 87.1

Дата поступления статьи: 20.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Дмитрий Николаевич Букин

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Павел Петрович Фантров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Вячеслав Александрович Мейдер

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье обоснована применимость социально-онтологических подходов и методов теоретической онтологии к изучению социальной реальности. Дается широкий перечень указаний на традиционные исследования в этой области, проводимые социологами, правоведами, экономистами и культурологами. С позиций социальной онтологии рассмотрены ключевые принципы протекания некоторых социальных процессов, прежде всего особенности развития молодежных субкультур. С помощью классической методологии категориального анализа выявлены атрибутивные характеристики их бытия. На примерах показано, как могут быть объяснены нетипичные противоречивые стороны данного социального явления, а именно, как представления о нефизическом пространстве и времени соотносятся с традиционными онтологическими категориями; обнаружено преобладание процессов «горизонтальной мобильности» в деятельности субкультуры. Определены интервалы «количественной стабильности», в которых протекает развитие социальных динамических процессов нового качества. С помощью категориальной пары «тождество – различие» рассмотрены специфические проявления социального неравенства в образовании и функционировании молодежного движения. В ходе проведения модального анализа выявлена роль необходимого, случайного и возможного в объяснении текущего статуса социального явления, обладающего «плавающим» онтологическим статусом, совмещающим указание на его физическое и виртуальное бытие. «Проблематический» модус возможного как способ явленности феномена молодежной субкультуры позволяет указать на возможность преобладания в ней черт «онлайн-культуры». На основании полученных результатов определены перспективы дальнейшего изучения и практической работы со «сложными» социальными явлениями. Показано, что профилактика и пресечение противоправных действий представителей молодежных культур должны опираться не только на данные социологических, юридических и других исследований, но и на глубокий, всесторонний теоретико-философский анализ.

Ключевые слова: социальная онтология, категориальный анализ, субкультура, молодежь, социальное бытие.

Цитирование. Букин Д. Н., Фантров П. П., Мейдер В. А. Социальная онтология молодежной субкультуры: теория и практика // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 115–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.12>

Необходимость социально-онтологического исследования молодежных субкультур вызвана тем, что большая часть отечественной и зарубежной литературы по рассматриваемой нами теме посвящена частно-социологическим, частно-политологическим, а также экономическим и юридическим исследованиям сторон данного явления. В социальной философии часто акцент также делается как на теории, так и на методологии частно-гуманитарных направлений, в то время как собственно фундаментальный «пласт» теоретико-философского учения о социальном бытии попросту игнорируется в силу различных причин: «кризиса» современной онтологии, ее нацеленности на охват предельно общих инвариантных оснований принципиально изменчивой, динамичной, «неустойчивой» социальной реальности и т. д. При этом философский статус молодежной субкультуры как части такой реальности требует более тщательного прояснения, поскольку данное явление может оказать значимое влияние на сознание молодежи, особенно на тех, кто желает найти свою нишу в социуме и выразить свою индивидуальность. Эти неформальные объединения молодых граждан предлагают альтернативный стиль жизни и формы са-

мывыражения, которые не всегда соответствуют принятым в обществе стандартам и ценностям. Молодежные субкультуры способны выработать у молодежи чувство принадлежности к группе, что способствует развитию у них социальных навыков и укреплению личной идентичности. Однако, одновременно, субкультуры могут также создавать барьеры между различными группами молодежи и приводить к сегрегации.

Влияние молодежных субкультур может быть как позитивным, так и негативным. Неформальные молодежные объединения способствуют развитию творческого мышления, интеллектуального развития и укреплению самооценки молодежи. С другой стороны, если молодежная субкультура пропагандирует экстремистские идеи, негативные ценности или противоправное поведение, то ее влияние может быть общественно опасным и привести к деструктивным последствиям.

Таким образом, неудивительно, что большое внимание данному феномену традиционно уделяют социологи, правоведа, ученые-экономисты [Гуляихин, Андрющенко, Фантров 2018; Дамаскин, Красинский 2020; Меркурьев и др. 2022; Смирнов 2017; Thorton

1995]. В данной статье мы будем использовать наработки в новой научной отрасли прикладной философии – социальной онтологии, к сожалению, больше представленной работами западных, а не отечественных ученых. М.Н. Эпштейн пишет: «Термин “социальная онтология” вошел в широкое употребление совсем недавно, хотя природа “социального” изучалась со времен Античности» [Эпштейн web]. В самом деле, об иерархизации взаимосвязи личности и социума рассуждали еще Платон [Платон 1994] и Аристотель [Аристотель 1975]; в Новое время на онтологическую укорененность социального в обязательности общественных соглашений указывали Т. Гоббс [Гоббс 2001] и С. Пуфендорф [Пуфендорф 2011]; Гегель предлагал вариант «онтологического холизма» в понимании роли личности в истории [Гегель 1929]; марксисты и неомарксисты рассматривали социальное как продукт капиталистических отношений [Альтюссер 2006; Маркс 1983; Adorno 1975], Милль и Ницше склонялись к субъективистской интерпретации общественного бытия и т. д. [Милль 1912; Ницше 1990].

В современной отечественной литературе по теме можно встретить самые различные приложения данного направления – от «социальной онтологии дизайна» [Дергачева 2012] до «социальной онтологии потребления» [Овруцкий 2012]. В рамках нашей статьи будет проведено социально-онтологическое исследование, методологическим базисом которого является категориальный анализ отдельных социальных сущих с опорой на систему онтологических и модальных категорий (ранее данный подход применялся нами в работе, связанной с математическим моделированием процессов социальной модернизации [Букин 2012]). Под онтологическими основаниями любого социального сущего мы понимаем категориальную структуру, детерминирующую инвариантные смысловые «матрицы» его понимания. Эту структуру определяют такие фундаментальные онтологические понятия, как пространство и время, тождество и различие, целое и часть, качество и количество и т. п.; модальные категории действительного, необходимого и возможного. Как говорилось выше, данный подход (в зависимости от специфики конкретного социального явления)

может быть дополнен рассмотрением антропологического, социально-экономического, юридического и других аспектов проблемы.

Первое, что привлекает внимание специалиста по онтологии и теории познания в работах, посвященных молодежной субкультуре, – это частое использование терминов «социальное пространство», «социокультурное пространство» и т. п. Так, И.Х. Шонус пишет о необходимости изучения молодежной культуры «в современном социокультурном пространстве, с выявлением основных вызовов и угроз транзитивного общества» [Шонус 2019, 132], очевидно выставляя хронологическую атрибутивную «метку» со-бытийности данного явления в системе социальных и культурных координат. Некоторые исследователи могут разделять пространственное и социальное обособление молодежи. Так, О.В. Власова отмечает: «Мы думаем, что наиболее значимыми качественными характеристиками молодежной субкультуры являются: ценности, установки, способы поведения и жизненные стили, взятые в системе и присущие молодежи, которая пространственно и социально обособлена» [Власова 2012, 93]. При этом очевидно, что общественное развитие с необходимостью влечет значительную трансформацию представлений о «негеометрическом» пространстве и «неастрономическом» времени. П.А. Сорокин предлагает задавать «координаты» индивида или социального явления в социальном пространстве через «его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за... точки отсчета» [Сорокин 1992, 298]. Так же как и евклидово, социальное пространство определяется своими точками отсчета, координатами, векторами. «Социальными координатами» по Сорокину являются семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессия, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, происхождение и т. д. Как писал сам ученый, «для упрощения задачи» систему таких координат можно свести к двум основным классам «при условии разделения каждого класса на несколько подклассов», а именно к вертикальному и горизонтальному параметрам социальной вселенной [Сорокин 1992, 300]. Такое понимание социального пространства хо-

рошо соотносится с принципами релятивной онтологии, отраженными в работах В.Н. Сагатовского [Сагатовский 2006] и П.М. Колычева [Колычев 2006]. В нашем случае эти принципы позволяют говорить о социальном бытии как об особом *отношении*, операциональной основой которого выступают информационные технологии. В цифровом обществе преобладает «горизонтальная» детерминация параметров социальной реальности, поскольку происходит нивелирование таких пространственных «статусных» характеристик, как рабочее место, средства передвижения и т. п.

«Социальное время» в свою очередь задает свою «координатную подсистему», точкой отсчета в которой является общественно значимое событие [Сорокин, Мертон 2004]. В информационном обществе привычное «физическое» время больше не является препятствием для синхронизации социальных активностей. Так, молодежь может быстро и беспрепятственно объединяться в группы, при этом возрастает мобильность таких групп и в физической реальности.

Ярким примером может служить деятельность скандально известного сообщества «ЧВК Редан». Данное молодежное движение стало известным широкой общественности после задержания некоторых его участников 22 февраля 2023 года. «ЧВК Редан» можно охарактеризовать как подгруппу классического «Редана». «Редан» долгое время была малочисленной молодежной субкультурой, но в конце февраля 2023 г. к ней стало присоединяться все большее количество молодых людей (преимущественно любители аниме). В конце февраля 2023 г. – начале марта 2023 г. в ряде крупных российских городов были зафиксированы нарушения общественного порядка с участием представителей «ЧВК Редан» [ЧВК «Редан» web]. Географический разброс явления показывает, что его физической локации предшествовало зарождение в виртуальном, а впоследствии и в более масштабном социокультурном пространстве.

Примечательно, что в плане вертикальной социальной мобильности, молодежная субкультура в силу своей имманентной антагонистичности не обладает достаточным системным потенциалом. Приписка «ЧВК» (как и сопутствующая нумерологическая и анима-

листическая символика), например, не предполагает создания военизированной организации со своим социальным «лифтингом», равно как и «самоцельного» стремления к коренной смене устаревших социальных норм. Возможно, во многом именно этим обстоятельством можно объяснить крайне недолгую продолжительность массовой известности явления «ЧВК Редан» (в отличие, например, от организованной уголовной преступности или деятельности политических экстремистских объединений).

Особый интерес в рамках нашей проблемы представляют собой социальные сети, где субъекты общественных отношений не только могут оставлять и комментировать посты, ставить «лайки» и «дизлайки», отправлять жалобы администрации ресурса и т. п. Здесь они обозначены как «аккаунты», могут указывать о себе любую неverified информацию (изображение, семейное положение, возраст, доход, «друзья» и т. п.). Общественно значимые события в этой среде обсуждаются «быстрее», по сути, сокращается их «жизненный» цикл (выше мы писали об этом применительно к субкультуре «Редан»).

Следующий этап нашего анализа – качественно-количественный. Современные социальные, политические, экономические, культурные процессы с необходимостью приводят к изменениям в информационной общественной составляющей, формируются ранее не существовавшие *качества*: «социальная сеть», «электронный журнал», «стрим», «культура отмены», «пост», «локдаун», новые субкультуры и т. д. Появляется принципиально новый тип рациональности: «В современных условиях научная рациональность получает широкое распространение на социум, что приводит к возникновению «социальной рациональности»... Это рождает надежду на усиление безопасности и надежности... возникает возможность исчислить степень угрозы вообще и характер угрозы при различных вариантах действия человека» [Лукиянов 2006, 28]. При этом важной задачей представителей гуманитарных и точных прикладных наук становится поиск параметров «формализованной стабильности», описывающих протекание сложных социальных процессов. Так, коллектив зарубежных исследователей на ос-

нове анализа релевантного контента сети Твиттер (были обработаны данные «разговоров» около двух миллионов человек) установила довольно точную предельную величину, описывающую стабильность социальной активности: «Данные согласуются с результатом Данбара; пользователи могут поддерживать максимум 100–200 стабильных отношений» [Gonçalves, Perra, Vespignani web]. Российские исследователи приходят к схожим выводам: «Задача социальных сетей сводится к тому, чтобы вырабатывать механизмы по сдерживанию больших потоков информации в целях доведения до пользователя такого объема сообщений, с которым он мог бы справиться» [Андриянова, Быканова 2022, 225]. В этом кроется еще одно объяснение ограниченности распространения современной молодежной субкультуры: каналы виртуальной коммуникации в результате условного информационного «перегруза» просто перестают работать, в то время как движения хиппи, панк- и рок-субкультуры могли регулярно собирать вместе десятки и сотни тысяч человек.

С другой стороны, интересен вероятностный подход к формализации субкультурных процессов. М.Н. Эпштейн отмечает: «Мера информации в современном обществе, производящем и потребляющем не столько единицы физической реальности, сколько единицы информации, определяется его непредсказуемостью, это вероятностная величина, которая увеличивается по мере уменьшения вероятности сообщения» [Эпштейн 2001, 238]. Другими словами, информации о современных общественных событиях становится тем больше, чем меньше мы можем предугадать их исход (здесь вполне уместна математическая формализация с помощью формулы Хартли, учитывающей возрастающее количество равновероятных исходов). С учетом «эффекта Данбара» мы получаем вполне формализуемую картину: множество противоречащих друг другу новостных сообщений (например, о беспорядках с участием «Редан»), образуют «кашу» в общественном сознании, в результате чего ни одно локальное интернет-сообщество не обладает не то чтобы всей полнотой картины, но и хоть сколь-нибудь связным «видением» социального события. Это также не способствует продлению жизнен-

ного цикла субкультуры, особенно с выраженной протестной составляющей: не находя отклика в социальной среде, ее идентификационный культурный код будет «стираться», и она, выражаясь фигурально, будет все больше «суб-», но все меньше собственно «культурой».

Далее мы перейдем к следующему шагу категориального анализа и привлечем еще одну категориальную оппозицию – «тождество-различие», позволяющую рассмотреть один из ключевых объектов социальной онтологии – *социальное неравенство*. Примечательно, что применительно к современной молодежной субкультуре речь не идет о детерминации интерсубъективных социальных отношений разницей в доходах, поле, а иногда и в возрасте. В случае с рассмотренной выше субкультурой «Редан» вообще трудно идентифицировать ее «идейных оппонентов» (в качестве таковых довольно несистемно упоминались футбольные фанаты, абстрактно определяемые мелкоуголовные элементы и т. п.). Их главная «претензия» была адресована тем, кто не принимает их образ жизни, манеру самовыражения и т. п. Это всегда было необходимым условием развития молодежных субкультур. Очевидно, что в отсутствие более-менее четкой самоидентификации, равно как и оппозиционной идентификации со стороны довольно размытого «противника», любая молодежная субкультура утратит свою популярность значительно раньше, чем ее представители естественным образом выйдут за рамки «возрастных ограничений».

Заключительным этапом нашего анализа социальной жизни молодежной субкультуры станет использование модальных категорий действительного, необходимого и возможного (здесь мы будем опираться, в частности, на логическую теорию «возможных миров», описанную, например, в работе С. Крипке, понимавшего под такими «мирами» «абстрактные конструкции, логические модели, со(бытийность) в которых фиксируется при помощи определенных простых суждений» [Kripke 1980]). Прежде всего, оно заключается в определении значений высказываний о социальном бытии: всегда истинных для *анодиктических* суждений, фактически истинных для *ассерторических* суждений (определение факта события – отдельная эмпирическая

проблема) и гипотетически истинных для *проблематических* суждений хотя бы в одном из «возможных миров».

В нашем случае аподиктическая модальность необходимости формализует саму основу, принцип «устройства» того или иного общественного феномена. Важно различать необходимость и случайность социального. Так, например, медицинская и биологическая необходимость профилактики COVID-19 может быть оспорена ее противниками, но возникший при этом социальный конфликт, разделение общества на «сторонников» и «противников» однозначно носит аподиктический, а не случайный характер. Уменьшение энтропии социальных процессов благодаря появлению отчасти виртуальных малых социальных групп чатов, пабликов, интернет-сообществ и т. п. – также не случайно, а с необходимостью связано с повышением социальной интересу субъективной активности (примерами могут служить многочисленные родительские, волонтерские, профессиональные чаты в мессенджерах). *Случайно* ли возникла субкультура «ЧВК Редан»? Очевидно, нет. Для спонтанных собраний в общественных местах тут слишком много унифицирующей символики, слишком ярко выраженное противостояние пусть даже плохо «смоделированному» противнику. Следовало ли с необходимостью нарушение ее участниками как минимум трех федеральных законов (№ 124 от 24.07.1998, № 114 от 25.07.2002, № 44 от 02.04.2014) [Федеральный закон от 24.07.1998... web; Федеральный закон от 25.07.2002... web; Федеральный закон от 02.04.2014... web]? Очевидно, нет – преступные цели как раз-таки образованы спонтанно, на уровне эмоционально-инстинктивного дворового принципа «наших бьют».

Ассерторическая модальность действительного в свою очередь описывает *per se* различных состояний социальных подсистем, онтологически детерминируя такие сложные явления, как, например, виртуальная межличностная и, главное, общественная коммуникация. Только ли беспорядки в торговых центрах в феврале 2023 г. могут быть признаны реальными? Разумеется, нет, поскольку этим событиям предшествовало нарушение трех вышеперечисленных законов, прежде всего, в *виртуальной* реальности.

Что касается проблематической модальности «бытия в потенции», то она позволяет глубже проникнуть в суть процессов цифровизации, информатизации, виртуализации современного общества. М.Н. Эпштейн пишет: «Период, в который мы сейчас вступаем, – это уже не период после чего-то: посткоммунизм, постмодернизм, постиндустриализм... Так вырастает новая модель будущего: не реализация возможностей, а потенциация действительности» [Эпштейн web]. В частности, такое понимание позволяет с научной точки зрения взглянуть на многие сферы современного общества (причем не только российского): финансово-кредитную, развлекательную, образовательную, правовую и т. д. Неотъемлемыми и привычными стали для нас понятия «ипотека», «онлайн-школа», «онлайн-мошенничество» и т. п. В *действительности* семья живет не в своей квартире, ребенок получает не социализирующее его образование, человек «заочно» подвергается травле по расовому признаку – потенциация действительности институционализируется, становясь ассерторической данностью общественного факта. Исключением не является и современная молодежная субкультура – во многом это «онлайн-культура», предлагающая удовлетворение потребностей молодого человека равно до того момента, когда виртуальная реальность вступит в конфликт с физической и социальной реальностью в ее широком, онтологическом смысле.

Подводя итоги, отметим, что изучение феномена молодежной субкультуры – важная государственная, общественная, научно-педагогическая задача. Без этого невозможно грамотное и эффективное развитие личностных и творческих способностей молодежи, равно как и пресечение противоправных действий молодых людей в целях обеспечения общественной безопасности. Запрет деятельности (в том числе в виртуальном пространстве-времени) любой организации может быть обоснован, если эта деятельность нарушает юридические законы и нормы общественной морали. Однако большинство молодежных субкультур не являются экстремистскими или аморальными, и всякий запрет также может повлечь за собой нарушение прав личности. Одной законодательной деятельности здесь

явно недостаточно. Просветительские программы и профилактические мероприятия, нацеленные на повышение осведомленности молодых людей о возможных деструктивных последствиях участия в противоправных действиях, пропаганда позитивных традиционных ценностей среди российской молодежи также должны опираться на глубокие, тщательные научные исследования.

Социально-онтологическое исследование позволяет шире и глубже взглянуть на истоки, специфику и перспективы разрешения проблем современных молодежных субкультур; изучить не только причины их возникновения, но и атрибутивные характеристики их жизненного цикла в условиях стремительно меняющейся социально-антропологической реальности, носящие непреходящий, инвариантный характер; выработать конкретные рекомендации для правоведов, социальных работников, образовательных учреждений и т. д. по сохранению здоровых стремлений молодежи к развитию, равно как и по противодействию экстремистским движениям и манипуляционной пропаганде анти-ценностей. На примерах, рассмотренных в статье, показано, что за внешне спонтанной, астрономически недолгой и противоречивой жизнью молодежной субкультуры скрываются хорошо известные теоретической философии проблемные контуры и механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтюссер 2006 – *Альтюссер Л.* За Маркса. М.: Праксис, 2006.
- Андрянова, Быканова 2022 – *Андрянова Т.В., Быканова Я.П.* Медиафера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–231.
- Аристотель 1975 – *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975.
- Букин 2012 – *Букин Д.Н.* Онтологические предпосылки математического моделирования процессов социальной модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 27–32.
- Власова 2012 – *Власова О.В.* Молодежная субкультура как социологическая проблема: понятие, типологии, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 90–97.
- Гегель 1929 – *Гегель Г.* Сочинения. Л.: Гос. изд-во, 1929.
- Гоббс 2001 – *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Гуляхин, Андриющенко, Фантров 2018 – *Гуляхин В.Н., Андриющенко О.Е., Фантров П.П.* Традиционные духовно-нравственные ценности в ассоциациях учащейся молодежи Волгоградской области // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 146–151.
- Дамаскин, Красинский 2020 – *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
- Дергачева 2012 – *Дергачева Е.В.* Социальная онтология дизайна // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 2 (106). С. 122–125.
- Колычев 2006 – *Колычев П.М.* Релятивная онтология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
- Лукьянов 2006 – *Лукьянов Г.И.* Риск как феномен социальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2006.
- Маркс 1983 – *Маркс К.* Капитал: Критика политической экономики. М.: Политиздат, 1983.
- Меркурьев и др. 2022 – *Меркурьев В.В., Агапов П.В., Кондратюк С.В., Тарасов В.Ю.* Преступное лидерство: опыт социологического исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. С. 18–29.
- Милль 1912 – *Милль П.* Собрание сочинений. СПб.: Освобождение, 1912.
- Ницше 1990 – *Ницше Ф.* Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990.
- Овруцкий 2012 – *Овруцкий А.В.* Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012.
- Платон 1994 – *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
- Пуфендорф 2011 – *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 года. В 2 т. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Сагатовский 2006 – *Сагатовский В.Н.* Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
- Смирнов 2017 – *Смирнов А.М.* Самосудные расправы в подростковой и молодежной среде // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 108–116.

- Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во полит. лит., 1992.
- Сорокин, Мертон 2004 – *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
- Федеральный закон от 24.07.1998... web – Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/?ysclid=lpofjyli5i22001450
- Федеральный закон от 25.07.2002... web – Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/?ysclid=lpofjdu2eb4765414409
- Федеральный закон от 02.04.2014... web – Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/?ysclid=lpofjbbcr6786326241
- ЧВК «Редан»... web – ЧВК «Редан» [Администрация муниципального образования Ефремово-Зыковский сельсовет Пономаревского района Оренбургской области] // <https://efrem-zikovskiy.ru/2023/04/14774/>
- Шонус 2019 – *Шонус И.Х.* Понятие и сущность молодежной культуры: основные подходы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. № 3. С. 123–134.
- Эпштейн 2001 – *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
- Эпштейн web – *Эпштейн М.Н.* Социальная онтология // <https://brickofknowledge.com/articles/social-ontology>
- Adorno 1975 – *Adorno T.* Gesellschaftstheorie und Kulturkritik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1975.
- Gonçalves, Perra, Vespignani web – *Gonçalves B., Perra N., Vespignani A.* Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number [PLoS ONE. 2011. Vol. 6, iss. 8] // <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0022656>
- Kripke 1980 – *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge: Harvard UP, 1980.
- Thorton 1995 – *Thorton S.* Club Cultures. Music, Media and Subcultural Media. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Networks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 12, no. 2, pp. 219-231.
- Aristotel, 1975. *Works. In 4 Vols. Vol. 2.* Moscow, Mysl Publ.
- Bukin D.N., 2012. Ontological Preconditions of Mathematical Modelling of Processes of Social Modernization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i socialnye tekhnologii*, no. 3 (18), pp. 27-32.
- Vlasova O.V., 2012. Youth Subculture as a Sociological Problem: Concept, Typologies, Functions. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 90-97.
- Hegel G., 1929. *Works.* Leningrad, State Publishing House.
- Hobbes T., 2001. *Leviathan.* Moscow, Mysl Publ.
- Gulyakhin V.N., Andrushchenko O.E., Fantrov P.P., 2018. Traditional Moral Values in the Associations of Students of the Volgograd Region. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11 (415), pp. 146-151.
- Damaskin O.V., Krasinsky V.V. On “Columbine” (School Shooting) Prevention in Educational Institutions. *Gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 84-96.
- Dergacheva E.V., 2012. Social Ontology of Design. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*, no. 2 (106), pp. 122-125.
- Kolychev P.M., 2006. *Relative Ontology.* Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Lukyanov G.I., 2006. *Risk as a Phenomenon of Social Reality. Dr. philos. sci. diss.* Stavropol.
- Marks K., 1983. *Capital: Critique of Political Economy.* Moscow, Politizdat.
- Merkuryev V.V., Agapov P.V., Kondratyuk S.V., Tarasov V.Yu., 2022. Criminal Leadership: The Experience of Sociological Research. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 18-29.
- Mill P., 1912. *Collected Works.* Saint Petersburg, Osvobozhdenie Publ.
- Nietzsche F., 1990. *Works. In 2 Vols.* Moscow, Mysl.
- Ovrutsky A.V., 2012. *Social Ontology of Consumption: Scientific Concepts, Models, Consumer Society. Dr. philos. sci. diss.* Rostov-on-Don.
- Platon, 1994. *Collected Works. In 4 Vols. Vol. 3.* Moscow, Mysl Publ.
- Pufendorf S., 2011. *On the Position of Man and Citizen According to Natural Law: Russian Translation of 1726. In 2 Vols.* Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ.
- Sagatovsky V.N., 2006. *The Triad of Being (An Introduction to Non-Metaphysical Correlative Ontology).* Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

REFERENCES

Althusser L., 2006. *For Marks.* Moscow, Praxis Publ.

Andriyanova T.V., Bykanova Y.P., 2022. Media Sphere as a Space of Interaction Between Users of Social

- Smirnov A.M., 2017. Mob Justice in Adolescence and Youth. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6 (398), pp. 108-116.
- Sorokin P.A., 1992. *Human. Civilization. Society*. Moscow, Publishing House of Political Literature.
- Sorokin P.A., Merton R.K., 2004. Social Time: Experience of Methodological and Functional Analysis. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 112-119.
- Federal Law Dated July 24, 1998 No. 124-FZ "On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/?ysclid=lpjofyli5i22001450
- Federal Law Dated July 25, 2002 No. 114-FZ "On Combating Extremist Activities". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/?ysclid=lpjodu2eb4765414409
- Federal Law April 2, 2014 No. 44-FZ "On the Participation of Citizens in the Protection of Public Order". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/?ysclid=lpjfbcr6786326241
- PMC "Redan". *Administraciya municipalnogo obrazovaniya Efremovo-Zykovskij selsovet Ponomarevskogo rajona Orenburgskoj oblasti*. URL: <https://efrem-zikovsky.ru/2023/04/14774/>
- Shonus I.H., 2019. The Concept and Essence of Youth Culture: Basic Approaches. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya*, no. 3, pp. 123-134.
- Epstein M.N., 2001. *Philosophy of Possibility*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Epstein B. *Social Ontology*. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/social-ontology>
- Adorno T., 1975. *Gesellschaftstheorie und Kulturkritik*. Frankfurt a. M., Suhrkamp.
- Gonçalves B., Perra N., Vespignani A., 2011. Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number. *PLoS ONE*, vol. 6, iss. 8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0022656>
- Kripke S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, Harvard UP.
- Thorton S., 1995. *Club Cultures. Music, Media and Subcultural Media*. Cambridge, Polity Press.

Information About the Authors

Dmitry N. Bukin, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, bukin.dn@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Pavel P. Fantrov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Vyacheslav A. Meider, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Educational and Scientific Laboratory for the Study of Regional Systems, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, v.meider@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4366-4111>

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Букин, доктор философских наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, bukin.dn@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Павел Петрович Фантров, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Вячеслав Александрович Мейдер, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории исследования региональных систем, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, v.meider@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4366-4111>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.13>

UDC 316.728
LBC 60.564.0

Submitted: 17.10.2023
Accepted: 16.11.2023

THE RATIO OF WORK AND LEISURE IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

Oksana V. Ponukalina

Stolypin Volga Region Institute of Administration, a Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to analyze current trends in work and leisure. Digital transformations are taking place today. Forms of employment are changing. The author formulates several trends. For instance, there is a penetration of the elements of labor into the sphere of leisure. The more leisure is connected with digital platforms, the more it looks like digital employment. There is also a reverse process. Elements of leisure penetrate into the work process. There is a gamification of labor. Labor is combined with recreation and communications to extract additional profit. The boundaries of space and time for work and rest are shifting. There is a synchronization of types of work and leisure, both in person and online. The values of leisure outside the system of economic relations are disappearing. A person cannot be involved in a single process. There is another trend. There is “forced” leisure or “forced” unemployment due to the growth of precariat. New professions are needed for a new technological way of life. New forms of people’s participation in production processes are needed. Part-time employment and freelancing are increasing. The number of digital platforms is increasing. This gives new opportunities but also a lot of risks, limitations, and challenges. This paper refers to the VTsIOM and Precariat 2022 studies. The author gives excerpts from the statements of the interview participants. In-depth interviews ($n = 25$) were conducted in the spring of 2023. The study “The ratio of work and leisure in the digital environment” was conducted under the guidance of the author of the article.

Key words: leisure, labor, precariat, free time, digital platforms.

Citation. Ponukalina O.V. The Ratio of Work and Leisure in the Context of Digital Transformations. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 124-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.13>

УДК 316.728
ББК 60.564.0

Дата поступления статьи: 17.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

СООТНОШЕНИЕ ТРУДА И ДОСУГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Оксана Викторовна Понукалина

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – анализ современных тенденций, характерных для сферы труда и досуга в условиях цифровых преобразований и изменения форм занятости. Автором формулируются и обосновываются некоторые тенденции, характерные для соотношения рассматриваемых феноменов. Происходит посте-

пенное проникновение элементов труда в сферу досуга; чем больше досуг становится опосредован технологиями и связан с цифровыми платформами, тем больше он преобразуется в цифровую занятость. Выявляется и обратный процесс: элементы досуга встраиваются в производственное пространство. Обнаруживаются процессы геймификации труда, наполнение его рекреационными и коммуникативными составляющими для извлечения дополнительной прибыли. Усиливается диффузия пространственно-временных границ труда и отдыха. Возможной и привлекательной оказывается синхронизация видов досуговой и трудовой активности через совмещение очных и онлайн-форматов. В связи с этим наблюдается некая девальвация ценности досуга вне системы экономических отношений. Постепенно утрачивается способность человека находиться в монопроцессе, будь то на работе, учебе или на досуге. Еще одна тенденция – появление «вынужденного» досуга или «вынужденной» незанятости в связи с ростом прекарности. Для нового технологического уклада характерны новые профессии и формы участия людей в производственных процессах. Цифровые платформы, проектные работы, частичная занятость и фриланс набирают обороты, неся с собой как новые возможности, так и множество рисков, ограничений и вызовов. Выявленные тенденции подкрепляются данными опросов ВЦИОМ и обращением к данным, полученным социологами в ходе общероссийских исследований «Прекариат-2022». В качестве иллюстративного материала автор приводит выдержки из высказываний информантов. Глубинные интервью ($n = 25$) проводились весной 2023 г. в рамках исследования «Соотношение труда и досуга в цифровой среде» под руководством автора статьи.

Ключевые слова: досуг, труд, прекариат, свободное время, цифровые платформы.

Цитирование. Понукалина О. В. Соотношение труда и досуга в условиях цифровых трансформаций // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 124–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.13>

Введение

Оптимистичные прогнозы о соотношении труда и досуга, выдвигаемые в середине XX в. многими социальными исследователями не оправдались. Возрастание производительности труда, внедрение автоматизации, роботизации, а в последующем и цифровизация, не привели к масштабной замене труда отдыхом. Однако происходят неизменные трансформации смыслового наполнения труда и досуга, усиление проницаемости их границ и изменение баланса. В трудовой сфере появляются более гибкие и гибридные формы занятости, набирает обороты тенденция к прекаризации. Это происходит вследствие и/или по причине того, что на смену индустриальным профессиям приходят профессии цифрового мира.

По мере перехода от индустриальной эпохи к эре цифровых технологий кардинально меняются представления о досуге и сами досуговые практики. Если в первом случае досуг дополняет трудовую деятельность, служит целям восстановления сил для работы, то во втором – происходит их тесное переплетение.

Процессы, происходящие на границе соотношения сфер труда и досуга, определяемые культурной логикой современного развития, становятся технически обусловленными цифровизацией повседневности. Но простая констатация данного факта недостаточна. Мно-

гие социальные исследователи этого феномена стремятся обнаружить возможности и пути преодоления зацикленности современного человека на вопросах заработка и потребления. Понимание происходящего затруднено без эмпирических исследований, социологической рефлексии и психолого-экономической экспертизы происходящего. Данные обстоятельства обуславливают актуальность исследования.

Выделим некоторые разнонаправленные тенденции, формирующиеся на границе соотношения труд – досуг:

- проникновение элементов труда в сферу досуга; преобразование цифрового досуга в цифровую занятость;

- внедрение элементов досуга в производственное пространство. Геймификация труда, наполнение его рекреационными и коммуникативными составляющими для извлечения дополнительной прибыли;

- диффузия пространственно-временных границ труда и отдыха. Синхронизация видов досуговой и трудовой активности;

- вынужденный досуг или вынужденная незанятость в связи с неполной непостоянной занятостью, ростом прекарности.

Проанализируем данные тенденции, опираясь на результаты эмпирических исследований. Далее будут представлены выдержки из высказываний участников глубинных интервью ($n = 25$). В качестве информантов вы-

ступали жители российских городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Волгограда, Пензы; их возраст от 18 до 36 лет. Интервью проводились онлайн, весной 2023 г. в рамках исследования «Соотношение труда и досуга в цифровой среде» (под руководством автора статьи).

Согласно стратегии исследования, категории анализа разрабатывались на основе понятий «труд», «досуг» и «цифровые платформы»; фокусировка исследовательского внимания – на те практики, которые попадают в область «пересечения» данных понятий. Основным критерием отбора информантов при построении выборки послужил тип занятости.

Выборка для глубинного интервью формировалась по следующим критериям: 1) имеющие постоянную занятость ($n = 9$); 2) прервано занятые ($n = 10$); 3) безработные ($n = 6$). Все информанты также идентифицировались как активные пользователи сети Интернет. Рекрутинг информантов производился онлайн (посредством личных социальных связей, а также через различные сообщества в социальных сетях). Интервью проводилось по гайду, составленному из открытых вопросов. При обработке полученных данных применялся метод «обоснованная теория».

Проникновение элементов труда в сферу досуга

К первой тенденции можно отнести мягкое подталкивание заниматься на досуге экономической активностью с тенденцией перехода от потребления к производству или его видимости. Тенденция трансформации досуга в «новую занятость» сегодня ярко проявляется именно в контексте возможностей социальных цифровых платформ. Под цифровыми платформами, резко набравшими популярность с приходом цифровизации, чаще всего подразумевают коммуникационную и транзакционную среду, в которой участники рынка имеют возможность взаимодействовать друг с другом, а также извлекать прибыль [Цифровые платформы... web].

По сути досуг, опосредованный ими, превращается в «цифровой досуг», и его граница с «цифровым трудом» не очевидна. «Я всегда много времени проводила в соцсетях.

Как сейчас говорят, у меня большая “насмотренность”. И писать, постить и релизы делать мне тоже всегда нравилось. И как-то незаметно я на этом стала зарабатывать. То, в чем я профессионал, как-то само собой стало пользоваться спросом через соцсети» (информант 12: жен., 27 лет).

«Я, конечно, постоянно в сети. Мне так интересно. И с друзьями там переписываюсь, и дела делаю. И тема там у меня есть моя, про интерьеры, ремонты. Сначала просто снимал рилсы про свой ремонт. Потом, когда подписчиков уже много стало, ко мне стали обращаться прокомментировать какой-то товар, услугу. Сначала как бартер, потом и как заработок пошел» (информант 19: муж., 29 лет).

Написание текстов и отзывов, ведение блога, занятие фотографией и монтаж видео – все это для многих является и досугом, и трудом одновременно. Свои каналы, аккаунты и сообщества в социальных сетях все чаще рассматриваются как источник доходов, удаленной работой. Ж. Бодрийяр еще в начале XXI в. говорил о тенденции переноса социальных институтов в виртуальную сферу [Бодрийяр 2009]. Согласно его идеям о трансэкономике, расширение потребительских полей индивидов возможно уже не благодаря рекламе в ее классическом смысле, а за счет блогосферы, коммуникативной включенности в разные сетевые сообщества.

Монетизация зависит от масштаба и степени вовлеченности аудитории, от размещения в аккаунте рекламы. Это становится предпосылкой для сотрудничества с крупными компаниями и брендами. Многие популярные блогеры сегодня уже обладают производственными мощностями и командами, сравнимыми с крупными медийными корпорациями по объему финансов и по организационным параметрам. Но блогеров, и тем более инфлюэнсеров, конечно, абсолютное меньшинство по сравнению с теми, кто потребляет их контент.

Не так просто уловить различия: цифровая активность – это больше труд или досуг? Приведем высказывания респондентов:

– Не просто пишу пост в соцсети, а привлекаю внимание аудитории, тем самым наращивая свой символический капитал (подписчики, просмотры, лайки).

– Не просто общаюсь и завожу новых друзей в интернете, а занимаюсь нетворкингом.

– Не просто выражаю свое мнение и делюсь опытом, а занимаюсь сторителлингом и формирую персональный бренд и миф.

Иногда только уточнение дополнительного контекста позволяет определить – к труду или досугу можно отнести ту или иную цифровую практику. В экономике нового типа создатели и пользователи цифровым контентом могут легко меняться местами, так как они пользуются одними и теми же цифровыми технологиями.

Например, конфликты родителей и детей по поводу «зависания» в интернете часто происходят на фоне недопонимания происходящего. Дети, рожденные на свет в начале XXI столетия, есть «digital natives» («цифровые аборигены» – по определению М. Пленски [Prensky 2001]). В отличие от родителей, они растут и развиваются вместе с цифровой средой, что позволяет быстрее уловить и более гибко использовать ее возможности. Из высказываний информанта: «Мама меня постоянно пилила, думала, что я ерундой в сети занимаюсь. Но, вообще-то, я уже с 13 лет там зарабатываю, и мне это интересно... возможностей много. Но ей этого не видно... я и сейчас СММ занимаюсь и обеспечиваю себя полностью, да и родителям помогаю» (информант 7: муж., 18 лет).

Однако, если говорить о соотношении затраченных ресурсов и извлечения прибыли, то здесь наблюдается значительная дифференциация и выстраиваются границы. Абсолютное большинство являются потребителями, а меньшинство (представители премиум-сегмент фриланса), выбиваясь в лидеры, привлекают суперприбыль.

Д. Дин отмечает, что поколением массы производится «кумир», и это ведет к потере возможности получения дохода и заработка для многих [Дин 2017]. И российская реальность это тоже подтверждает. Но в любом случае и те и другие являются участниками экономических отношений, экономическими агентами. Для цифровых платформ не так важно, чем человек занимается – бесконечно «серфит и скроллит», потребляет циф-

ровой контент (оставляя цифровые следы) или создает его (привлекая и удерживая других) и извлекает из этого прибыль. Любая цифровая активность поощряется самой системой. Ее стимулирование и мотивирование сегодня активно достигается через тактики подталкивания.

Наджинг (подталкивание) – современное исследовательское направление в рамках поведенческой экономики, предложенное Р. Талером, К. Санстейном. В теории подталкивания исследуются возможности непрямого недирективного психологического влияния на процессы принятия экономических решений [Талер, Санстейн 2018]. При этом сохраняется видимость возможностей выбора. Причем все чаще конструируемые модели поведения тестируются в лабораторных условиях с учетом, например, нейрофизиологических показателей активности внимания. Думается, что сегодня практически в контексте любого экономического взаимодействия можно обнаружить признаки тактики подталкивания. Где-то они реализуются через фоновый визуальный и аудиальный контекст (расположение, цвет, звуковое сопровождение), где-то через конструирование информационной подачи, где-то через политику поощрений.

Сфера досуга сегодня активно конструируется экономическими агентами, которые выступают участниками процесса производства-потребления. По сути свобода выбора досуга, включенного в пространство экономических отношений, сводится к свободе потребительского выбора. В соотношении труд – досуг нет однозначности, на что больше сегодня тратится время и внимание людей. Но вот досуг как не экономическое поведение уже и представить сложно. Он либо непосредственно включен в экономическую активность, либо опосредованно. И тактики подталкивания – соблазнения, усиления символического значения, эмоционального вовлечения – направлены именно на это.

Внедрение элементов досуга в производственное пространство

Еще одной характерной тенденцией является геймификация производственных и бизнес-процессов. Согласно А. Паяль, гейми-

фикация проявляет по-новому упакованный тренд для рабочих ландшафтов [Паяль 2015]. Простая чувствительность к благополучию сотрудников и качеству их досуга непосредственно сказывается на восстановлении сил и эффективности труда. Но это хорошо известно было и в индустриальную эпоху. Составляющие досуговой сферы оказались интересны с иной точки зрения.

Так, например, коммуникативно-игровой характер социальных медиа, задуманных изначально для общения на досуге, стал очень привлекательным для бизнес-целей. И если на момент появления и бурного распространения соцсетей для работодателей это было «зло», то сегодня их использование активно поощряется.

«Помню времена, когда у нас в офисе прям ставили ограничения для “зависания” в соцсетях, блокировали их как-то. Сейчас же нас, что называется, заставляют постоянно что-то туда постить про наши услуги, и фотки работ, и съемки из нашего офиса выкладывать в соцсети» (информант 10: жен., 32 года).

Деловое общение, контроль исполнения, привлечение клиентов и/или интереса обществу, доступность или ее видимость, объединение членов команд – это далеко не полный перечень того функционала, который может быть реализован с помощью социальных сетей.

Подобно тому как в индустриальном мире производства оснащались комнатами отдыха, в цифровую – происходит освоение сетевых цифровых пространств, через игру и развлечения «подталкивающих» к творческой работе. Стратегии геймификации труда позволяют активизировать творческий потенциал, создать нужный контекст для креатива, так необходимый в условиях инновационной экономики.

Игровые элементы, часто цифровые, используются как управленческий инструмент – для повышения мотивации, уровня лояльности и вовлеченности в команду, оценки, обучения, развития и т. д. И внешне может видаться, что идея «превращения труда в игру» – это гуманизация трудовых отношений, порой скучных и рутинных. Однако реальность может оказаться иной. М. Смолен

определяет геймификацию как конструируемую социальную систему, позволяющую осуществить определенный уровень контроля через новые формы контроля над социальным поведением [Smolen 2015].

Таким образом, контроль может осуществляться не только в управленческом контексте. Например, как в случае симуляционной игры, подсчета баллов или рейтингования по итогам какого-либо игрового соревнования. Ценным оказывается контроль над тем, куда направлено внимание человека, над его психологическим состоянием, азартом, творческой энергией, вектором интереса. И дальнейшая апроприация этого психического ресурса в интересах экономики, стимулирование через него определенного экономического поведения, подталкивания к нему. В качестве примера может выступать всплеск интереса населения к игре на бирже ценных бумаг, инвестирование туда финансов, времени и внимания.

Диффузия

пространственно-временных границ труда и отдыха

Еще одной тенденцией выступают диффузии пространственно-временных границ труда и отдыха и синхронизация видов досуговой и трудовой активности. Пространственные и темпоральные маркеры труда и досуга существенно видоизменяются. *«У меня на рабочем месте в своем офисе включены постоянно ноут и планшет, а в руках телефон. Новости в соцсетях одним глазом, поговорить с детьми, ну и, конечно, отчет составить. А недавно поставила тренажер для ног под стол, иногда пользуюсь. В общем, куча дел, ничего не успеваю. И устаю очень...»* (информант 5: жен., 32 года).

«Часто работаю удаленно из дома, совещания провожу, можно сказать, лежа на диване. Или прям из машины, за рулем еду и с сотрудниками общаюсь. Да и сотрудники у нас тоже на связи всегда, но кто где: и из кафе могут работать, ну из офиса, конечно» (информант 11: муж., 31 год). Понятие традиционного рабочего места становится диффузно. Подходят и офисы, похожие на комнаты отдыха, и домашняя обстановка для деловых коммуникаций. В основ-

ном это случается благодаря доступности сотрудников через мессенджеры.

Временное смещение труда и досуга аналогично процессу физическому: рабочее время – это все чаще «не от звонка до звонка», а 24/7, хотя и удаленно, и на расстоянии. Перманентная занятость по гибкому графику. *«Не могу сказать, что на работе я очень загружен. Но хочется уйти с работы и дома о ней не думать. Но какой там. Вечером начинают поступать сообщения в рабочий чат. И как будто бы и не уходил. И отключить его нельзя, сразу проблем не оберешься. И терпеть невозможно, отключиться не получается. Самая печаль, что и в выходные то же самое»* (информант 25: муж., 31 год).

В этой одержимости продуктивной досугово-трудовой занятостью больше всего страдает рекреационная составляющая отдыха. Восстановление физических, психоэмоциональных сил человека запаздывает по отношению к нагрузкам цифровой повседневности. Процессы пользования на цифровых платформах конкурируют со сном человека, живым непосредственным общением, простой (непоказной) физической активностью. То есть как раз тем досугом, который может осуществляться вне поля экономической активности, вне системы потребления.

И одно дело – декларируемый контент приверженности ЗОЖ и фото-видео-репрезентаций тех, чьи услуги / продукты формируются вокруг ЗОЖ в соцсетях. И другое – реальность, в которой чаще всего человек, чувствуя потерю сил и усталость, пытается расслабиться через пользование контентом соцсетей. Не получая то, за чем он приходит, продолжает проводить на платформах еще больше времени в надежде улучшить состояние. Но удовлетворения не наступает, и формируется замкнутый круг.

В ходе исследования также были обнаружены специфические маркеры прокрастинации. Бесконечное смещение пространственно-временных режимов – «то работы, то досуга» – приводит к состоянию неопределенности «то ли работа, то ли досуг». Но могут привести человека и к застреванию: «и не работаю, и не отдыхаю».

Цифровые коммуникационные технологии оказались способными не только «пере-

мешивать» досуг и работу, встраивая их друг в друга или подменяя, но сильно фрагментировать внимание человека. Одновременное использование двух или даже трех экранов, например чтение новостей, переписка с друзьями и работа с документами, вполне может сочетаться. Как это отражается на психическом состоянии человека, его здоровье, еще предстоит ответить исследователям. Однако уже сейчас статистика по многим показателям оставляет желать лучшего.

Постепенно утрачивается способность человека находиться в монопроцессе, будь то на работе, учебе или на досуге. Дефицит внимания, сложность его удержать маскируется под многозадачность. А технической подоплекой данных обстоятельств выступают цифровые платформы. И дело не в том, что люди перестали обращаться к традиционным способам проведения свободного времени. Так, по данным опросов ВЦИОМ, «дом, дача, дети», всегда и так занимавшие много времени, сейчас – еще больше (60 и 40 % в 2017 и 2005 гг. соответственно). И количество желающих отдыхать на природе – тоже растет (34 и 17 % в 2017 и 2005 гг. соответственно) [А на досуге... web]. Но «быть на связи в любом месте и любое время», не прерывать режима мониторинга экрана, – теперь уже привычка современного человека. Избыточное желание контролировать (и одновременно с этим быть подконтрольным) гаджеты периодически приводит к протестам в виде «детокс от телефона и соцсетей».

Вынужденный досуг или вынужденная незанятость

Еще одной специфической тенденцией в соотношении труда – досуга является рост вынужденного свободного времени в связи с неполной непостоянной занятостью, ростом прекарности. Две противоположные по своей сути тенденции: цифровой досуг все больше приобретает черты цифровой занятости, меняется местами с работой. И наоборот, неполная ненадежная занятость вынужденно высвобождает свободное время.

Прекариат – формирующийся, набирающий рост социально-экономический феномен, наблюдаемый как в России, так и во всем

мире. Ж.Т. Тощенко делает вывод, что занятость прекариата – чаще всего неформальная, временная, сезонная или частичная – с негарантированным, нестабильным, неустойчивым, преходящим характером [Тощенко 2022]. Как свидетельствуют данные исследования, в прекарном положении находятся от 40 до 50 % работников, занятых в разных отраслях экономики; в настоящий момент численность таких работников неизменно растет [Тощенко (ред.) 2022, 8]. Кардинальные изменения в технологическом укладе и экономике, гибкость производственных систем определяют и новые специализации, профессии, и иные формы участия людей в производственных процессах, и разные комбинации использования компетенций. И как следствие – модели занятости претерпевают существенные изменения. Цифровые платформы, проектные работы, частичная занятость и фриланс набирают обороты и, возможно, оказываются привлекательны. При этом речь все-таки идет о нестабильной занятости, произвольной оплате труда, негарантированной социальной защите и т. д. Так, по данным соцопросов, 56 % россиян симпатизируют тем, кто работает на фрилансе; этому вполне способствует идеология приставки «фри» – «свободный», на деле часто оказывающейся не идеологией, мифологией [Фриланс в России... web].

С точки зрения Г. Стэндинга, свободное время прекариата сложно отнести к «качественному времени» [Стэндинг 2014]. Отдых становится подчиненным работе – например, направленным на повышение своих компетенции. Другая крайность – прокрастинация с невротической интерактивностью, суетливостью. Как отмечают многие исследователи, прекариатам свойственно определенное социально-психологическое чувство, тревожность и беспокойство, вызванные неясностью жизненных перспектив и неопределенность будущего [Тощенко (ред.) 2022]. В силу этого чувства тревоги ценность «вынужденного досуга» субъективно существенно снижается.

«Я блогер. Веду марафоны, клиенты есть, и доходы бывают немалые. Но выматываюсь, конечно, ужасно. Постоянно снимаю и выкладываю сторис, рилсы. Я там должна быть красивая, бьюти-сфера все-таки. И расслабиться не могу, все думаю, а

вдруг покупать перестанут. Или с сетью что-нибудь, как было уже, или аккаунты взламывают» (информант 4: жен., 35 лет).

«Когда сократили на работе, стала подрабатывать копирайтингом. Заказы – то есть, то нет. Стала раскручивать себя через соцсети. Пока тоже не очень результат ясен. А времени на них очень много уходит» (информант 24: жен., 36 лет).

Конечно, прекарно занятые – это очень неоднородная социальная группа. К ней может быть отнесен и студент, желающий подрабатывать, и именитый дизайнер, самостоятельно ведущий свои дорогие проекты; и мигрант, перебивающийся случайными заработками, и создающий целую цифровую толпу последователей коуч; и «цифровой» развозчик еды и игрок на бирже ценных бумаг. Прекарно занятые – категория, включающая многих, основная их черта – некая поглощенность идеей заработка. С одной стороны, день не нормирован, но возможность заработать может появиться в любой момент и под это необходимо подстраиваться. С другой стороны, чтобы необходимо многое делать, осваивать, заниматься поиском. Особенно это относится к тем, у кого занятость непосредственно связана с цифровыми платформами или зависит от них. Соотношение «work-life balance» – работа-жизнь в этом случае сводится к тому, что работа, или мысли про работу, или подготовка к работе занимают 24/7.

Во многом этому способствуют образовательные цифровые платформы, появившиеся во время пандемии в большом количестве. Сначала на дистант и онлайн перешли образовательные учреждения, одновременно с этим нишу рынка заполнили частные краткосрочные и среднесрочные онлайн-курсы, онлайн-школы, обучающие экспертов, коучей, психологов и т. д. Логика здесь такая – покупая онлайн-курс или инфопродукт, осваивая его дистантно-самостоятельно, по аналогии планируют организовывать свою деятельность, свой «одинокый» проект.

С досугом прекарно занятых тоже сложно разобраться в силу размытости границ между свободным и рабочим временем, а также по причине внутренней психологической напряженности акторов, обусловленной неопределенностью. Приведем цитату из ин-

тервью: «Когда ни работы, ни денег – так тяжело, кажется, что мешки разгружаешь» (информант 15: муж., 35 лет). Внешняя трудовая незанятость и отсутствие либо непостоянство дохода провоцируют внутреннюю психологическую напряженность.

Выводы

Таким образом, были проанализированы актуальные тенденции, регистрируемые в области пересечения практик труда и досуга, реализация которых в той или иной степени происходит в контексте цифровых платформ. Данные тенденции зачастую носят разнонаправленный и противоречивый характер.

Для высокотехнологичной экономики становится неактуальна массовая занятость; ноу-хау в технологиях и промышленности достигаются в результате труда инновационных творческих коллективов, и их разработки только копируются большими партиями в промышленных масштабах, в основном роботизированным способом. Изменения в трудовой деятельности, в структуре занятости населения отражаются на всей жизни человека.

Растущие тренды гиг-экономики специфическим образом влияют и на баланс-соотношение труда и досуга, на их границы. Это, безусловно, не означает, что, например, работа представителей таких профессий, как врач, слесарь или пекарь, сливается с их досугом. Но все чаще наблюдается **перетекание цифрового досуга в цифровую занятость**, все незаметнее происходит **синхронизация видов цифровой досуговой и трудовой активности**, все привычнее становится присутствие в двух-трех фокусировках (например, экраны монитора, планшета и смартфона).

Когда платформы, проекты в них, фриланс становятся альтернативой традиционной занятости – когда работа становится нестабильной, – по сути, отдых оказывается таким же. В ожиданиях работы сложно организовать отдых: **вынужденная незанятость порождает вынужденный досуг**, неценный и порой бессмысленный. В состоянии прокрастинации труда и досуга человек, вероятнее всего, становится цифровым пользователем.

Когда люди стали проводить время онлайн, общаясь и развлекаясь, все большее ко-

личество социальных институтов разработали стратегии расширения присутствия в сети. Собственно, термин «цифровизация» в России появился в связи с процессами перевода социальных структур и взаимодействий на сетевые информационно-коммуникационные платформы, контролируемые государством и медиакорпорациями. Дальнейшим ускорителем этого процесса стала пандемия, режим локдауна.

Динамика времени онлайн на сегодняшний день продолжает расти. Работа, общение, учеба, новости, игры и покупки могут состояться в разных конфигурациях, чередуясь, совмещаясь, подменяя и конкурируя друг с другом в двух режимах одновременно – реального присутствия и онлайн. Участники этих процессов могут видеть разные смыслы и возможности **внедрения элементов досуга в производственное пространство**. Например: работодатели – через игру поощрять творческий потенциал сотрудников, продавцы – стимулировать коммуникации для повышения интереса к товару / услуге, пользователи – создавая интересный контент, зарабатывать себе популярность и монетизировать ее, медиаплатформы – собирать и анализировать данные по цифровым следам, монетизировать и т. д. И разграничить – к труду или досугу можно отнести ту или иную практику в этой сложной самоорганизующейся системе – сложно.

Проницаемость границы соотношения труд – досуг подкрепляется их принадлежностью к пространству экономических отношений. И если для труда это само собой разумеющееся, то вот досуг своей самооценностью и свободой (на что часто указывали философы и мыслители древности и современности) мог бы быть реализован и по-другому. Здесь можно говорить о **противоречии** самой природе досуга. Однако сегодня все чаще свобода выбора досуга сводится к свободе потребительского (пользовательского) выбора, часто нативно конструируемой самой системой цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А на досуге... web – А на досуге мы танцуем буги-вуги? [ВЦИОМ Новости] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-nadosome-my-tancuem-bugi-vugi>

- Бодрийяр 2009 – *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2009.
- Дин 2017 – *Дин Д.* Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2, № 2. С. 152–165.
- Паяль 2015 – *Паяль А.* Фабрика досуга: производство в цифровой век // ЛОГОС. 2015. Т. 25, № 3 (105). С. 88–115.
- Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Талер, Санстейн 2018 – *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора: как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Тощенко (ред.) 2022 – *Тощенко Ж.Т. (ред.)*. От прекарной занятости к прекаризации жизни: коллектив. моногр. М.: Весь Мир, 2022.
- Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1, № 1. С. 146–161.
- Фриланс в России... web – Фриланс в России – больше, чем фриланс? [ВЦИОМ Новости] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans>
- Цифровые платформы... web – Цифровые платформы // <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>
- Prensky 2001 – *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
- Smolen 2015 – *Smolen M.* Gamification as Creation of a Social System // Коpec J., Pacewicz K. (eds). *Gamification. Critical Approaches*. Warsaw: University of Warsaw, 2015. P. 99–112.

REFERENCES

- Do We Boogie-Woogie at Our Leisure? *VTSIOM Novosti*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-na-dosuge-my-tanczuem-bugi-vugi>
- Baudrillard J., 2000. *Transparency of Evil*. Moscow, Dobrosvet Publ.
- Dean D., 2017. Communicative Capitalism: From Disagreement to Separation. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, vol. 2, no. 2, pp. 152-165.
- Payal A., 2015. Leisure Factory: Production in the Digital Age. *LOGOS*, vol. 25, no. 3 (105), pp. 88-115.
- Standing G., 2014. *Precariat: A New Dangerous Class*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Thaler R., Sunstein K., 2018. *Nudge. Architecture of Choice: How to Improve Our Decisions About Health, Well-Being and Happiness*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber.
- Toshchenko J.T. (ed.), 2022. *From Precarious Employment to Precarization of Life. Collective Monograph*. Moscow, Ves mir Publ.
- Toshchenko J.T., 2022. A New Socio-Economic Phenomenon: The Precariat. *Noonomika i nooobshchestvo. Almanah trudov INIR im. S.Yu. Vitte*, vol. 1, no. 1, pp. 146-161.
- Freelancing in Russia is More Than Freelance? *VTSIOM Novosti*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans>
- Digital Platforms*. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>
- Prensky M., 2001. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1. *On the Horizon*, vol. 9, no. 5, pp. 1-6.
- Smolen M., 2015. Gamification as Creation of a Social System. Коpec J., Pacewicz K (eds.). *Gamification. Critical Approaches*. Warsaw, University of Warsaw, pp. 99-112.

Information About the Author

Oksana V. Ponukalina, Doctor of Sciences (Sociology), Head of the Department of Economic Psychology and Psychology of Public Service, Stolypin Volga Region Institute of Administration, a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moskovskaya St, 164, 410012 Saratov, Russian Federation, okspo@lis.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4348-7296>

Информация об авторе

Оксана Викторовна Понукалина, доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Московская, 164, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, okspo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4348-7296>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.14>

UDC 316.334
LBC 60.561

Submitted: 20.10.2023
Accepted: 16.11.2023

THE EMPLOYMENT'S PROBLEMS OF THE GRADUATES FROM PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE CONDITIONS OF THE MODERN ECONOMY IN RUSSIA

Elena G. Efimova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Dina M. Prostova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Irada M. Dudina

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. The article examines the problems of the modern Russian labor market: the lack of specialists, scarce specialties, and replenishment with new specialists – graduates of professional educational organizations – including the ways graduates search for work and methods that allow graduates to find employment. An important place in this study is given to the employment of young professionals. One of the main criteria (requirements of the Ministry of Education of the Russian Federation) and accreditation indicators for assessing the quality of training of specialists by professional educational organizations is the number of employed graduates. The indicators of employment in their specialty are also important, which is considered an indicator of the quality of training future specialists. To evaluate this criterion, the study analyzes employment indicators and the methods of employment used by graduates when searching for work in modern economic conditions. The analysis of statistical indicators on the graduation and employment of graduates over the past years, their dynamics, and factors of influence are revealed. The main goal of the study is to find opportunities to achieve an equilibrium between supply and demand in the labor market. As a result, the authors propose a model of interaction between the main participants in the educational process. The main participants in the proposed model are employers (enterprises, businesses, etc.), creating demand for specific labor market specialists; professional educational organizations (offering educational services); consumers of educational services (students and applicants; parents of students); and the state (as the main customer of in-demand specialists for the country's economy). The author's model structures the methods of interaction between participants in the labor market, allows us to identify the factors influencing the interaction of the main ones, and can be applicable for the national labor market and for regional markets.

Key words: employment of graduates, ways to find a job, employment problems, labor market, interaction of subjects in the labor market, scarce specialties.

Citation. Efimova E.G., Prostova D.M., Dudina I.M. The Employment's Problems of the Graduates from Professional Educational Organizations in the Conditions of the Modern Economy in Russia. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 133-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.14>

УДК 316.334
ББК 60.561

Дата поступления статьи: 20.10.2023

Дата принятия статьи: 16.11.2023

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Елена Георгиевна Ефимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Дина Михайловна Простова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Ирада Мехтиева Дудина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются проблемы современного российского рынка труда: нехватка специалистов, дефицитные специальности, пополнение новыми специалистами – выпускниками профессиональных образовательных организаций, в том числе охарактеризованы способы поиска работы выпускниками и способы, позволившие выпускникам трудоустроиться. Важное место в данном исследовании уделено вопросам трудоустройства молодых специалистов. Одним из основных критериев (требования Министерства образования РФ) и аккредитационных показателей оценки качества подготовки специалистов профессиональными образовательными организациями является количество трудоустроенных выпускников. Важны также показатели трудоустроенных по полученной ими специальности, что рассматривается в качестве индикатора качества подготовки будущих специалистов. Для оценки данного критерия в исследовании проведен анализ показателей трудоустройства, проанализированы способы трудоустройства, используемые выпускниками при поиске работы в современных экономических условиях. Проведен анализ статистических показателей по выпуску и трудоустройству выпускников за последние годы, выявлена их динамика и факторы влияния. Основной целью исследования является поиск возможностей для достижения равновесного состояния между спросом и предложением на рынке труда. В результате авторами предложена модель взаимодействия основных участников образовательного процесса. Главными участниками в предложенной модели являются работодатели (предприятия, бизнес и т. п.), формирующие спрос на конкретных специалистов рынка труда; профессиональные образовательные организации (предложение образовательных услуг); потребители образовательных услуг (студенты и абитуриенты, родители обучающихся); государство (как основной заказчик востребованных специалистов для экономики страны). Авторская модель структурирует способы взаимодействия между основными участниками рынка труда, позволяет выделить факторы влияния на их взаимодействия, является универсальной, то есть применимой для рынка труда на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: трудоустройство выпускников, способы поиска работы, проблемы трудоустройства, рынок труда, взаимодействие субъектов на рынке труда, дефицитные специальности.

Цитирование. Ефимова Е. Г., Простова Д. М., Дудина И. М. Проблемы трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций в условиях современной экономики России // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 133–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.14>

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости выработки стратегий решения проблемы трудоустройства выпускников и обеспечения соответствия выпускников требованиям современной экономики, обусловленных необходимостью развития инноваций и процессом цифровизации общества. Целевые установки на разработку инноваций и коммерциализацию изобретений сопряжены с формированием компетенций, позволяющих использовать интеллектуальные и технологические ресурсы в совокупности, а также способствующими коммерциализации внедряемых на рынке усовершенствованных продуктов и инноваций. Отсутствие и дефицит подобного кадрового ресурса, в частности, в инновационной деятельности негативно сказывается на реализации стратегии инновационного развития нашей страны. Каким образом в настоящее время кадровые пробле-

мы могут быть решены? Это важный и актуальный вопрос для научных исследований. В исследовании авторами поставлена цель – разработать модель взаимодействия ключевых субъектов – работодателей (бизнеса, предприятий, организаций) и образовательных организаций (высшие и средние (профессиональные) образовательные учреждения) – по вопросам подготовки востребованных на рынке труда специалистов как основу для принятия управленческих решений для преодоления дефицита кадров.

В рамках данной работы были проанализированы и обобщены следующие источники по теме исследования – статистические сборники, аналитические материалы для изучения трендов современного состояния рынка труда и процесса трудоустройства выпускников. Для понимания динамики полученных результатов необходимо провести обзор науч-

ных работ, предлагающих интерпретационные рамки исследования.

Среди российских научных исследований важно остановиться на следующих концепциях: А.В. Кашепова [Кашепов web] о структуре занятости в экономике; академिका С.Ю. Глазьева [Глазьев web] о значимых изменениях в условиях новых технологическом и мирохозяйственном укладах, влияющих на структуру национальных экономик и на востребованность специалистов в новых условиях.

Среди зарубежных ученых наше внимание привлекли работы С. Бенгтссона и Л. Остмана [Bengtsson, Östman 2014], С. Сайед-Абдуллы, И. Кушнир, Н.А. Абдрахим [Syed-Abdullah, Kushnir, Abdrahim 2023] о процессе глобализации и образовании в целом для устойчивого развития национальной экономики, а также исследование о корреляции между университетским и предпринимательским образованием, обучении для жизни Р. Варлениуса [Warlenius 2022].

Для обзора статистических данных нами использованы данные официальной статистики: сборники Росстата «Труд и занятость в России», Российский статистический ежегодник за разные годы, некоторые данные статистики были взяты с официального сайта в виде веб-версий.

Многие данные для анализа мы выбрали на основе аналитических материалов по структуре и динамике занятости населения по материалам исследований ИКСИ, в том числе нами выбраны и проанализированы показатели выборочные наблюдения по численности выпускников профессиональных образовательных организаций, трудоустроившихся выпускников, в том числе по полученной специальности за период с 2016 по 2021 год. Для получения выводов нами использованы экономические обзоры с официальных сайтов ИКСИ, ОЭСР и РБК.

Анализ научных работ позволяет определить, что проблемы кадрового «голода» на российском рынке труда обозначились уже с конца 1990-х годов. В настоящее время рынок труда России и региональные рынки испытывают недостаток кадров определенных специальностей. В целом на национальном уровне для решения поставленных Президентом и Правительством РФ задач не хватает инженеров, медицинских работников, обозна-

чена высокая потребность в специалистах ИТ-технологий, педагогических работниках, работниках сельского хозяйства и многих других. Недостаток кадров на рынке труда России испытывают работодатели. Дефицит высококвалифицированных специалистов наблюдается в разных сферах деятельности (реального сектора, сферы услуг, медицины и образования, в управленческом секторе). Высоки и требования в квалифицированным специалистам, они должны иметь специфические знания, навыки работы на новом и новейшем оборудовании и/или технике, в том числе требуются узкоспециализированные работники, с конкретными компетенциями.

Проблема рынка труда остается и будет актуальной, так как причиной этих проблем, кроме демографических условий, которые определяются снижением численности населения и доли молодежи в структуре российского населения, являются тенденции усложнения экономики, которые определяются такими факторами как научно-технический прогресс, расширение и углубление разделения труда (в национальных экономиках, мировой экономике) и специализация производства; возникновение новых видов производств, различия между структурами национальных экономик [Bengtsson, Östman 2014] и др. Эти и другие факторы влияют на технологический уклад, состояние структуры экономики и развитие общества, поэтому требуют постоянного внимания и учета в экономической деятельности для всех хозяйствующих субъектов.

Отметим и процесс цифровизации экономики и общества, который, без сомнений, оказывает влияние на все сферы деятельности, в том числе на рынок труда, занятость, безработицу, поиск работы и др. Какова сила влияния данного процесса на структуру экономики, труд, занятость и безработицу, на общество в целом? Для поиска ответа на этот и другие вопросы, необходимо изучение исторических предпосылок, анализ научных работ и данных статистики, применение различных методик в исследованиях.

Представленные выше вопросы имеют непосредственную актуальность и побуждают к подробным и более детальным исследованиям для выявления проблем рынка труда, занятости, функционирования экономики,

в ближайшей и отдаленной перспективе [Warlenius 2022], поиска ответа на них.

Для исследования современного российского рынка труда, занятости и безработицы необходимо учитывать влияние проблем 1990-х годов, когда исследователи отмечают процесс деградации структуры занятости по отраслям, возникновение трудностей в сопоставлении показателей разных систем отраслей (переход от системы ОКОНХ к ОКВЭД с 2003 г.) и т. п. В конце 1990-х, кроме структурной безработицы, происходило разрушение научной и промышленной высокотехнологичной сфер, данные события до настоящего времени оказывают влияние на экономику страны, на развитие и переход экономики к новым технологическим укладам.

Проанализируем показатели экономической активности населения России (табл. 1), где данные нам нужны будут для сопоставления с динамикой показателей выпуска и трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций (ПОО) за последние 5–7 лет.

Данные таблицы 1 позволяют заключить, что в общей численности населения России экономически активное население, или численность рабочей силы, составляет более половины, также видим недоиспользование рабочей силы в трудоспособном возрасте (среди занятых и безработных) в период с 2005 по 2013 г. колеблется в пределах 5–6 млн человек, а в период с 2016 по 2021 г. – от 7 до 8 млн чел, но с тенденцией снижения к 2021 году. Среди безработных имеется потен-

циальная рабочая сила, то есть незанятые, но выражающие заинтересованность в получении работы, но сложившиеся условия в определенном периоде ограничивают их поиск работы или готовность приступить к работе. Кроме того, по данным Росстата трудоспособное население стареет, поскольку средний возраст работников в трудоспособном возрасте увеличивается с 40,6 лет в 2017 г. до 41,3 – к 2020 году.

Экономически активное население, или рабочая сила, включающая занятых и безработных, – важный показатель для экономики, представляющий предложение рабочей силы на рынке труда для производства товаров и услуг, идущих на удовлетворение потребностей общества.

В исследованиях отмечают, что с конца 1990-х происходило снижение числа занятых в промышленности и снижение ее доли в экономике, в том числе снижение демонстрировали сельское хозяйство, строительство, наука и другие [Кашепов web; Структура и динамика... web; Экономика регионов... web].

Проблемам занятости и безработицы отечественные ученые уделяют внимание во второй половине XX века. Оценку структурным изменениям экономики в 1980-х гг. многие исследователи давали с позиции производительности труда, а в 1990-х гг. при оценке учитывали влияние системного кризиса.

Исследование Института комплексных стратегических исследований показало, что в начале 2000-х гг. (до и после кризиса 2008 г.) занятость в России немногим выше, чем в

Таблица 1

Экономически активное и неактивное население от 15 до 72 лет в РФ (2005–2021 гг.), тыс. чел.

Показатель	2005	2010	2013	2016	2019	2020	2021
Численность населения на конец года	143 236	142 865	143 667	146 804	146 749	146 171	145 558
Экономически активное население	73 581	75 478	75 528	76 636	75 398	74 923	75 350
В том числе в трудоспособном возрасте	68 578	69 534	68 931	69 365	75 398	74 923	74 924
Занятые в экономике	68 339	69 934	71 391	72 393	71 933	70 601	71 719
В том числе в трудоспособном возрасте	63 535	64 244	65 004	65 349	63 967	63 224	65 052
Безработные	5 242	5 544	4 137	4 243	3 465	4 321	3 631
В том числе в трудоспособном возрасте	5 044	5 289	3 927	4 016	3 264	4 112	3 453

Примечание. Составлено авторами на основе: [Труд и занятость в России 2015 web; 2019 web; 2021 web].

странах ОЭСР (69 % против 65 %), довольно стабильна, а безработица в 2009 г. увеличилась на 2,2 % при снижении ВВП России на 8 % (в странах ОЭСР снижение ВВП примерно на 4 % с ростом безработицы том же уровне), поэтому рынок труда довольно неплохо функционировал. Такое положение на рынке обеспечивалось «высокой степенью гибкости заработной платы в стране» [Экономические обзоры ОЭСР... web]. Тем не менее в исследовании отмечается, что гибкость установления зарплаты привела к росту числа работников с доходами ниже прожиточного минимума, в том числе увеличению неравенства (коэффициент Джини), где такое положение позволяло хозяйствующим субъектам с низкими производительностью и условиями труда выживать, но приводило к текучести кадров из-за отсутствия стимула держаться за рабочее место. Это так же усиливало проблему теневого сектора и теневой занятости.

Таким образом, в России с начала 2000-х гг. наблюдается снижение стимулов для инвестиций в человеческий капитал, а предприятиям найти специалистов, соответствующих их требованиям, становится очень сложно. Проблемой России начала 2000-х гг. становится массовая «утечка умов»: «80 % от общего числа эмигрировавших из России в 2010 г. были высококвалифицированными работниками, в то время как большинство иммигрантов в Россию – работники с низким уровнем квалификации или неквалифицированные кадры» [Экономические обзоры ОЭСР... web]. Подчеркнем, что система образования является элементом социально-экономической системы региона, поэтому образование в целом и в том числе профессиональное образование представляется важным ресурсом для перспективного развития регионов и национальной экономики, в том числе для обеспечения экономической безопасности [Ефимова 2022].

С 2022 г. в экономике России начали происходить значительные изменения, затронувшие большинство сфер хозяйственной деятельности и, очевидно, имеющие определенные последствия. Как изменилась ситуация на рынке труда и динамика показателей занятости среди выпускников ПОО за последние 5–7 лет?

Для ответа на поставленный вопрос проведем анализ статистических данных по числу выпускников ПОО, доли трудоустроенных из них и способы поиска работы трудоустроившимися и др.

Проанализируем данные выпускников ПОО, то есть получивших высшее и среднее профессиональное образование, представленные в таблице 2.

По годам выпуска в таблице 2 показатели имеют следующую динамику:

– в 2018 г. число выпускников составило 1 212,9 тыс. чел., что меньше выпуска 2019 г. на 12,1 тыс. чел.;

– в 2019 г. выпуск превышает 2018 и 2020 гг. и в сравнении с 2020 г. на 14, 5 тыс. больше;

– в 2020 г. число выпускников снова снижается, где их меньше, чем в 2019 и 2018 гг. (в 2018 г. на 2,4 тыс. чел.).

Анализ данных таблицы 2 и аналитический обзор данных Федеральной службы государственной статистики позволяют заключить, что по выборочным наблюдениям трудоустройства выпускников вузов и СПО за период 2016–2020 гг. от общего числа (6,3 млн) нашли работу около 5,6 млн выпускников [Выборочное наблюдение... web]. Так же по данным таблицы 2 наблюдается снижение общего числа выпускников, что в большей мере является влиянием демографической ямы 1990-х годов. Структура выпускников по уровню образования изменяется в направлении обратном выпуску: в 2016 г. больше выпускников с высшим образованием (специалитет, магистратура) почти на 10 %, но к 2020 г. выпуск специалистов среднего звена превышает 2,5 % больше. Данная тенденция обусловлена государственной поддержкой развития образования в целом и уровня подготовки специалистов по СПО в том числе.

Также нами проанализированы данные о продолжительности поиска работы выпускниками. На рисунке 1 представлен график продолжительности поиска работы, составленный на основе данных Росстата по выборочному наблюдению трудоустройства выпускников 2016–2020 годов.

За период 2016–2020 гг. видно, что большая часть выпускников трудоустроились после получения диплома в течение месяца. Отметим, что данные о трудоустройстве явля-

Численность выпускников ПОО по годам выпуска, тыс. чел.

Всего выпускников		Имеют образование (ВО – высшее образование, СПО – среднее профессиональное образование)				
		ВО по программам подготовки кадров высшей квалификации	ВО по программам специалитета, магистратуры	ВО по программам бакалавриата	СПО по программам подготовки специалистов среднего звена	СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих
В том числе по году выпуска	6 290,5	31,6	2 202,2	1 358,7	1 948,0	750,0
2016	1 351,9	5,4	522,7	259,6	390,7	173,5
2017	1 290,2	8,0	464,2	275,9	383,9	158,2
2018	1 212,9	3,8	434,2	253,8	377,8	143,2
2019	1 225,0	6,3	398,1	268,0	394,5	158,2
2020	1 210,5	8,0	383,0	301,4	401,2	116,9
Показатели, % (доля от общего числа выпускников за период 2016–2020 гг.)						
В том числе по году выпуска	100	0,5	35,0	21,6	31,0	11,9
2016	100	0,4	38,7	19,2	28,9	12,8
2017	100	0,6	36,0	21,4	29,8	12,3
2018	100	0,3	35,8	20,9	31,1	11,8
2019	100	0,5	32,5	21,9	32,2	12,9
2020	100	0,7	31,6	24,9	33,1	9,7

Примечание. Составлено авторами на основе: [Выборочное наблюдение... web].

Рис. 1. Затраты времени выпускников на поиск работы (2016–2020 гг.)

Примечание. Составлено авторами на основе: [Федеральная служба... web].

ются общими и не делятся на категории по получаемым специальностям выпускников. По данным статистики Росстата только 3,8 млн выпускников трудоустроились впервые (первая работа) по полученной специальности и, соответственно, 1,8 млн выпускников [Федеральная служба... web] нашли работу не по полученной специальности. Большая часть выпускников трудоустроились в сфере образования и здравоохранения [Выпускники... web а; Выборочное наблюдение... web].

Далее в таблице 3 для анализа представлены данные о трудоустройстве выпускников за период 2018–2021 годы.

Мы провели сравнительный анализ данных таблиц 3 и 2. Сравнение позволяет сделать следующие заключения. Данные таблицы 2 демонстрируют происходящее снижение числа выпускников от 2016 к 2020 году. Только в 2019 г. число выпускников было больше, чем в 2018 и 2020 гг. за счет выпускников по программам подготовки кадров высшей ква-

Таблица 3

Численность трудоустроенных выпускников 2018–2021 гг. по годам выпуска, тыс. чел.

	Всего	В том числе выпускники			
		2018	2019	2020	2021
Всего, в том числе по уровню образования:	2 778,5	1 079,0	1 001,9	940,3	836,3
с высшим образованием	1 498,3	632,1	548,9	499,0	450,4
специалисты среднего звена	880,6	309,8	299,6	298,2	282,9
квалифицированные рабочие (служащие)	399,6	137,1	153,4	143,2	103,0

Примечание. Составлено авторами на основе: [Численность занятых... web; Трудовые ресурсы... web].

лификации (почти в 2 раза!), по программам подготовки бакалавров и СПО по двум его уровням. Сравнение числа выпуска (табл. 2) с числом трудоустроенных (табл. 3) за период 2018–2020 гг. позволяет заключить, что трудоустроенных к 2020 г. становится меньше и в 2021 г. тенденция сохраняется (табл. 3). По годам выпуска динамика имеет следующую тенденцию:

- в 2018 г. число выпускников меньше, чем в 2017 г., на 77,3 тыс. чел.;
- в 2019 г. выпуск (1 225,0 тыс. чел.) больше, чем в 2018 г., на 12,1 тыс. чел. и на 14,5 тыс. больше, чем в 2020 году.

Таким образом, динамика числа трудоустроенных выпускников снижается в периоде с 2018 по 2021 год (табл. 3). В 2018 г. выпуск больше, чем число трудоустроенных выпускников, на 133,9 тыс. чел.; в 2019 г. число выпуска в периоде с 2016 по 2020 г. было наибольшим, а число трудоустроенных в 2019 г. меньше на 223,1 тыс. человек. В 2020 г. выпуск превышает число трудоустроенных на 270,2 тыс. человек. Полученные данные кор-

релируют с показателями численности экономически активного населения (см. данные табл. 1), где мы выделили динамику строк «занятые в экономике» и «в том числе в трудоспособном возрасте», что позволяет говорить о некоторой степени недоиспользовании рабочей силы. Но при этом можно отметить происходящие изменения в проводимой государством политике по занятости населения и выведения из теневого сектора занятых, примером чего могут служить собираемые данные по числу самозанятых и так называемых фрилансеров и т. п. В большой степени на динамику данных показателей повлиял период пандемии.

Сопоставим соотношение доли выпускников, трудоустроившихся на работу после получения диплома по специальности. На рисунке 2 видно, что только 67 % выпускников устроились на работу по полученной специальности, более трети выпускников работают не по профессии, что нарушает баланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда и усиливает имеющийся дефицит кадров.

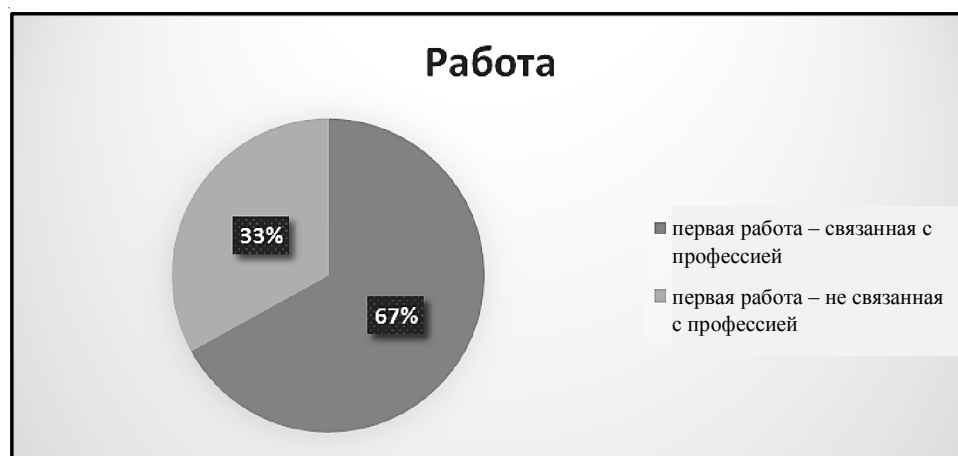

Рис. 2. Соотношение трудоустроившихся выпускников по полученной специальности
Примечание. Составлено авторами на основе: [Выпускники... web b]

Наблюдается и движение работников между видами экономической деятельности. Отметим и тот факт, что, более трети выпускников проработали на первой работе от 3 лет (1,9 млн выпускников), где в качестве основной причины для смены первой работы указывают переход на более привлекательную работу: высокооплачиваемую, интересную [Выборочное наблюдение... web]

Анализ данных о способах поиска работы выпускниками тоже формирует определенные выводы, которые работодателям следует принимать во внимание. В таблице 4 представлены данные Росстата по наблюдению за трудоустройством выпускников и способах поиска ими работы с градацией по полученному уровню образования.

По данным таблицы 4 видим, что при поиске работы наиболее используемыми способами являются непосредственное обращение к друзьям, родственникам и знакомым, обращение к работодателю, изучение рынка вакансий, подача резюме для поиска работы. Такой способ, как помощь образовательных организаций и через государственную службу занятости выпускники используют меньше в сравнение с выделенными (наиболее удобными, привлекательными, понятными) способами. По мнению авторов, для соискателей самые распространенные способы работы являются наиболее понятными и доступными в том числе привычными (традиционными). Таким образом, по вопросам трудоустройства и его организации есть над чем работать и ПОО и другим заинтересованным органам.

Таблица 4

**Трудоустроившиеся выпускники ПОО 2016–2020 гг. выпуска
(способ поиска, который помог найти работу)**

Выпускники, искавшие работу и трудоустроившиеся	Всего, тыс. чел	в том числе выпускники по уровням образования				
		кадры высшей квалификации	специалитет, магистратура	бакалавриат	специалисты среднего звена	квалифицированные рабочие, служащие
Всего	3 549,9	13,2	1 245,1	748,8	1 126,3	416,4
<i>В том числе по способу поиска работы:</i>						
просмотр информации о вакансиях	770,5	2,1	289,2	168,4	226,1	84,7
помощь образовательной организации	113,6	0,8	44,5	19,4	35,3	13,6
обращение в государственную службу занятости	129,3	0,8	43,8	32,6	34,7	17,5
обращение в коммерческую службу занятости	20,6	...	13,2	2,9	2,5	2,0
обращение к друзьям, родственникам, знакомым	1 118,0	1,1	368,1	232,3	374,3	142,1
подача объявления или резюме	385,7	1,4	160,1	100,6	96,1	27,6
непосредственное обращение к работодателю	887,5	6,2	281,6	159,8	321,8	118,1
участие в ярмарке вакансий	26,2	...	10,2	6,4	7,3	2,4
другие способы	98,5	1,0	34,4	26,5	28,2	8,5

Примечание. Составлено авторами на основе: [Выпускники... web c]

Окончание таблицы 4

Выпускники, искавшие работу и трудоустроившиеся	Всего, тыс. чел	в том числе выпускники по уровням образования				
		кадры высшей квалификации	специалитет, магистратура	бакалавриат	специалисты среднего звена	квалифицированные рабочие, служащие
Доля выпускников по уровням образования, %						
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
<i>В том числе по способу поиска работы:</i>						
просмотр информации о вакансиях	21,7	15,6	23,2	22,5	20,1	20,3
помощь образовательной организации	3,2	5,7	3,6	2,6	3,1	3,3
обращение в государственную службу занятости	3,6	6,0	3,5	4,4	3,1	4,2
обращение в коммерческую службу занятости	0,6	...	1,1	0,4	0,2	0,5
обращение к друзьям, родственникам, знакомым	31,5	8,5	29,6	31,0	33,2	34,1
подача объявления или резюме	10,9	10,4	12,9	13,4	8,5	6,6
непосредственное обращение к работодателю	25,0	46,6	22,6	21,3	28,6	28,4
участие в ярмарке вакансий	0,7	...	0,8	0,8	0,6	0,6
другие способы	2,8	7,2	2,8	3,5	2,5	2,0

Исследования аналитических обзоров и научных работ показывают, что в современной российской экономике (на I кв. 2023 г.) имеется кадровый дефицит по следующим видам деятельности «обрабатывающие производства, промышленность, водоснабжение, транспортировка и хранение, а также в отрасли добычи полезных ископаемых».

Со стороны предпринимателей для привлечения персонала используется способы повышения зарплат и обучения сотрудников за счет работодателя. Работодатели ожидают пополнения штатными сотрудниками за счет выпускников, закончивших вузы, колледжи и техникумы, но этот приток рабочей силы носит сезонный характер. Также и Министерство труда и промышленности предпринимает попытки восполнить дефицит специалистов путем проведения всероссийской ярмарки трудоустройства выпускников.

Отметим, что региональные рынки имеют отличия по структуре дефицита специалистов. Например, по данным сайта trudvsem.ru самыми востребованными на территории УрФО являются такие специалисты как: «инженеры и технические специалисты – 25 % нехватки, далее следуют медицинские работники – 20 %, специалисты по продажам и маркетингу – 15 %, рабочие в промышленности – 12 % и замыкают пятерку учителя и преподаватели – 10 % нехватки таких специалистов на рынке труда» [Работа России web]. Кадровая потребность по регионам определяется прежде всего их спецификой (промышленный, аграрный).

Ученые исследуют влияние занятости и безработицы на экономику страны. Например, А.В. Кашепов придерживается мнения «о наличии корреляционной взаимосвязи между уровнем развития экономики и структурой занятости» [Кашепов web]. Автор на основе

исследования и анализа изменения структуры занятости и структурных сдвигов выделяет в качестве причины уровень развития общества, а в качестве следствия и индикатора определяет долю сферы услуг и технологий, имеющихся в обществе. Что, очевидно, влияет на ВВП страны, на устойчивость национальной экономики [Bengtsson, Östman 2014; Syed-Abdullah, Kushnir, Abdrahim 2023].

Следует учитывать влияние процесса информатизации и цифровизации на российскую экономику. В настоящее время экстенсивный рост ВВП (быстрее, чем производительность труда) при условии медленного внедрения информационных технологий (переходящих в процесс цифровизации) в ближайшей перспективе не вызовут массовую безработицу в экономике России. Наоборот, в исследованиях эксперты выявляют обратную зависимость между компьютеризацией и числом безработных по странам [Кашепов web].

Формирование и развитие инновационной экономики является в целом стратегическим вопросом для национальной безопасности России, в том числе инновации важны для достижения устойчивого развития экономической системы, перехода к новым технологическим укладам. Не менее важно учитывать региональную специфику формирования экономической активности молодежи [Васильева 2016].

Анализируя статистику о выпускниках, важно не только сопоставлять количественные данные (вакансии и потенциальные работники), важно также учитывать, какие именно и с каким уровнем образования специалисты требуются в определенных периодах. Инновации – их разработка, внедрение и развитие – являются повесткой номер один для российской экономики. По оценкам С.Ю. Глазьева, экономический подъем шестого цикла будет происходить между 2020 и 2040 гг., поэтому проблема подготовки кадров является весьма актуальной [Глазьев web].

Проблемой реализации стратегии инновационного развития России является дефицит кадров в сфере инновационной деятельности, т.е. специалистов, способных объединить интеллектуальные и технологические ресурсы страны и обеспечить коммерциализацию новшеств на внутреннем и глобальном рынке. Мировой опыт показывает, что для инноваци-

онной деятельности требуются специалисты, обладающие особой подготовкой, владеющие специфическими знаниями, умениями и навыками, которые и обеспечивают эффективность инновационного процесса.

Таким образом, одним из наиболее важных условий, способствующих формированию инновационной экономики, является совершенствование системы образования в части подготовки инновационно-ориентированных кадров:

- подготовка специалистов изобретательской и инновационной деятельности (научные и инженерные кадры);
- подготовка кадров, специализирующихся на управлении инновациями (в областях экономики, управления, предпринимательства);
- подготовка специалистов в области охраны, защиты и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности;
- подготовка научных и педагогических кадров для вузов.

Отметим, что востребованных на рынке труда, высококвалифицированных и готовых практически сразу приступить к выполнению своих функций специалистов (выпускников) ПОО могут подготовить при условии их тесного взаимодействия с работодателями (бизнесом, организациями, предприятиями или всеми хозяйствующими субъектами). Наше авторское видение выстраивания данного взаимодействия мы представили в модели на рисунке 3, куда включены не только ПОО и работодатели, но и другие участники процесса по обеспечению кадрами рынка труда.

В предложенной модели основными взаимодействующими субъектами являются ПОО, включающие вузы и ссузы, предприятия и бизнес, абитуриенты и студенты, в том числе и их родители. В данную модель в качестве обязательного и важного субъекта взаимоотношений включено государство, но оно выступает в лице особого заказчика и определяет количество бюджетных мест по направлениям обучения и специальностям в зависимости от структурных изменений в национальной экономике. Поскольку спрос на конкретных специалистов различается по регионам, соответственно, данный спрос формируют предприятия, бизнес и основные потребители образовательных услуг, то есть студенты и абитуриенты. На выбор основных потребителей образо-

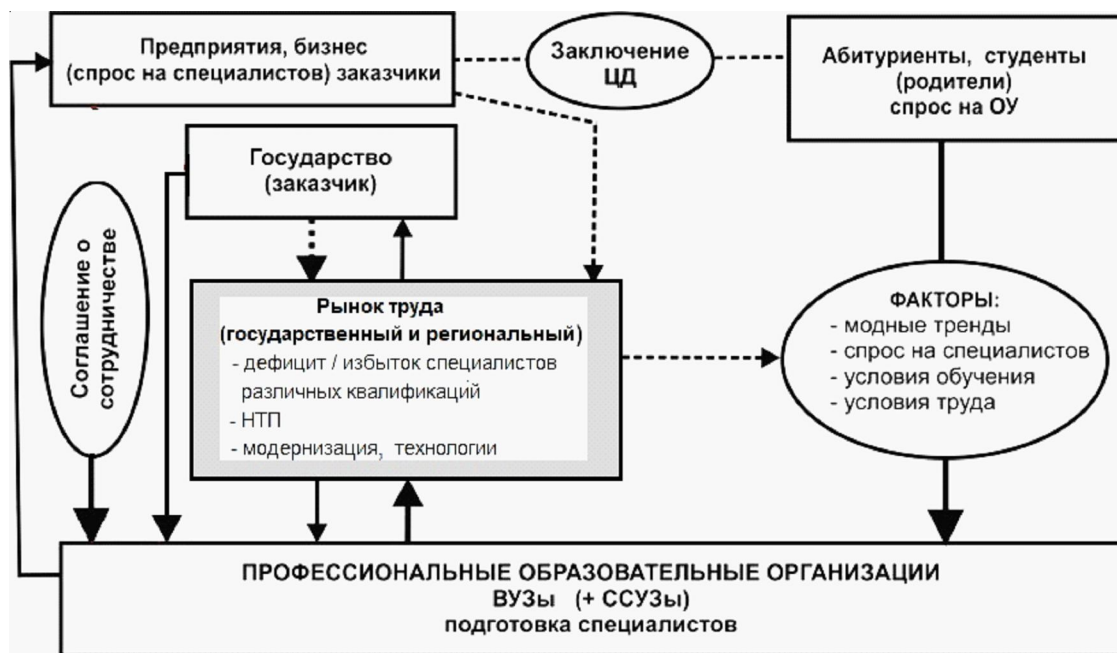

Рис. 3. Модель взаимодействия участников процесса по обеспечению кадрами рынка труда

Примечание. ЦД – целевой договор; ОУ – образовательные услуги; НТП – научно-технический прогресс; пунктирные линии – опосредованные связи; не пунктирные линии – сильные связи.

вательных услуг влияют такие факторы как модные тренды на профессии в определенных периодах, условия обучения и условия труда по будущей профессии, а также спрос на специалистов на рынке труда и стимулирующие государством условия по обучению и перспективам работы по конкретным профессиям.

Авторы модели полагают, что работодатели могут получить нужных, востребованных ими, соответствующих их запросам компетенциям специалистов через заключение целевых договоров, при условии, что они должны непосредственно участвовать в процессе их подготовки на стадии образовательного процесса (теоретическое обучение и производственная практика). Непосредственное участие работодателей в процессе обучения заключается в выборе конкретных дисциплин в учебных планах, в организации и проведении всех видов практик и в государственной аттестации выпускников. Как один из вариантов, взаимодействие работодателей с ПОО устанавливается на основе соглашений о сотрудничестве. По сути, речь идет о целевых заказах на определенные специальности. Когда работодатель обращается в ПОО с запросом на подготовку специалистов с определенными компетенциями и в реальном

времени участвует в процессе их подготовки, тогда работодатель и получит нужных ему работников.

В данной модели авторы полагают, что не только государство и спрос абитуриентов оказывают влияние на реализацию программ подготовки специалистов профессиональными образовательными организациями востребованных специальностей, но прежде всего спрос на подготовку современных высококачественных специалистов с нужными компетенциями формируется со стороны бизнеса. Поэтому между бизнесом и ПОО необходимо выстраивать тесные взаимоотношения. Кроме того, важным аспектом является качество подготовки востребованных специалистов, согласно новым запросам бизнеса, может быть обеспечено при условии соответствующей организации практической части обучения будущих специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева 2016 – *Васильева Е.Н.* Формирование экономической активности молодежи в современной России: региональный аспект: дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.03. Волгоград, 2016.

- Выборочное наблюдение... web – Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников. Статистический бюллетень и аналитический отчет // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html
- Выпускники... web a – Выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, искавшие работу после окончания образовательной организации, по продолжительности поиска работы и группам профессий (специальностей) // https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vypuskniki_2021.pdf
- Выпускники... web b – Выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, искавшие работу после окончания образовательной организации, по продолжительности поиска работы // <https://rosstat.gov.ru/>
- Выпускники... web c – Выпускники образовательных организаций 2016–2020 гг. выпуска, искавшие работу и трудоустроившиеся, по способу поиска, который помог найти работу // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html
- Глазьев web – Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах // http://ief.guu.ru/wp-content/uploads/sites/3/2019/06/Глазьев-С.Ю.-Рынок-в-будущее_2018.pdf
- Ефимова 2022 – Ефимова Е.Г. Профессиональное образование в системе обеспечения экономической безопасности // Силина Я.П., Ковалева В.Е. (ред). Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике: монография. Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 219–236.
- Кашепов web – Кашепов А.В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // <https://vcot.info/blog/struktura-zanatosti-v-ekonomike-po-vidam-deatel-nosti-i-osnovnym-professional-nym-grupпам>
- Работа России web – Работа России // <https://trudvsem.ru/>
- Структура и динамика... web – Структура и динамика занятости населения: до и после кризиса [Аналитическая серия ИКСИ. 2011. № 32 (64)] // <https://icss.ru/vokrug-statistiki/struktura-i-dinamika-zanyatosti-naseleniya-do-i-posle-krizisa>
- Труд и занятость в России 2015 web – Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. М., 2015 // https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B15_36/Main.htm
- Труд и занятость в России 2019 web – Труд и занятость в России 2019: Стат. сб. М., 2019 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
- Труд и занятость в России 2021 web – Труд и занятость в России 2021. Стат. сб. М., 2021 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf
- Федеральная служба... web – Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/>
- Трудовые ресурсы... web – Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Федеральная служба государственной статистики] // https://rosstat.gov.ru/labour_force
- Численность занятых... web – Численность занятых (трудоустроенных) выпускников 2019–2021 гг. по годам выпуска // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PhzoFnp8/vps3.xlsx>
- Экономика регионов... web – Экономика регионов: итоги I–III кварталов 2022 года [Аналитическая серия ИКСИ. 09.01.2023] // <https://icss.ru/vokrug-statistiki/ekonomika-regionov-itogi-i-iii-kvartalov-2022-goda>
- Экономические обзоры ОЭСР... web – Экономические обзоры ОЭСР: Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации [ОЭСР] // <https://www.oecd.org/economy.html>
- Bengtsson, Östman 2014 – Bengtsson S.L., Östman L.O. Globalisation and Education for Sustainable Development: Exploring the Global in Motion // Environmental Education Research. 2014. № 22. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504622.2014.989960>
- Syed-Abdullah, Kushnir, Abdrahim 2023 – Syed-Abdullah S.I.S., Kushnir I., Abdrahim N.A. Narratives on Education for Sustainable Development in Malaysian Universities // Sustainability. 2023. Vol. 15 (17). Art. 13110. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151713110>
- Warlenius 2022 – Warlenius R.H. Learning for Life: ESD, Ecopedagogy and the New Spirit of Capitalism // The Journal of Environmental Education. 2022. Vol. 53 (3). P. 141–153. DOI: [10.1080/00958964.2022.2070102](https://doi.org/10.1080/00958964.2022.2070102)

REFERENCES

- Vasilyeva E.N., 2016. *Formation of Economic Activity of Youth in Modern Russia: Regional Aspect: Dr. soc. sci. diss.* Volgograd.
- Sample Observation of Graduate Employment. Statistical Bulletin and Analytical Report, 2021.* URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html
- Graduates of Educational Organizations 2016–2020. Graduates Who Were Looking for Work After Graduating from an Educational Organization, by Duration of Job Search and Groups of Professions (Specialties).* URL: https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vypuskniki_2021.pdf

- rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vypuskniki_2021.pdf
- Graduates of Educational Organizations 2016–2020. Graduates Looking for Work After Graduating from an Educational Organization, by Duration of Job Search.* URL: <https://rosstat.gov.ru/Graduates of Educational Organizations 2016–2020. Graduates Who Were Looking for Work and Got a Job, by the Search Method That Helped Them Find a Job>. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html
- Glazyev S.Yu., 2018. *A Leap into the Future. Russia in New Technological and World Economic Structures.* URL: http://ief.guu.ru/wp-content/uploads/sites/3/2019/06/Глазьев-С.Ю.-Рывок-в-будущее_2018.pdf
- Efimova E.G., 2022. Professional Education in the System of Ensuring Economic Security. Silin Ya.P., Kovalev V.E. (eds.). *Development of Paradigmatic Ideas in the Domestic Regional Economy. Monograph.* Yekaterinburg, UrGU, pp. 219-236.
- Kashepov A.V. *Structure of Employment in the Economy by Type of Activity and Main Professional Groups.* URL: <https://vcot.info/blog/struktura-zanatosti-v-ekonomike-povidam-deatel-nosti-i-osnovnym-professionalnym-gruppam>
- Work of Russia.* URL: <https://trudvsem.ru/>
- Structure and Dynamics of Employment: Before and After the Crisis. *Analytical Series of ICSI, 2011, no. 32 (64).* URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/struktura-i-dinamika-zanyatosti-naseleniya-do-i-posle-krizisa>
- Labor and Employment in Russia. Statistical Collection, 2015.* Moscow, Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B15_36/Main.htm
- Labor and Employment in Russia. Statistical Collection, 2019.* Moscow, Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
- Labor and Employment in Russia. Statistical Collection, 2021.* Moscow, Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf
- Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
- Labor Resources, Employment and Unemployment. *Federal State Statistics Service.* URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
- Number of Employed Graduates in 2019–2021 by Year of Graduation.* URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PhzoFnp8/vps3.xlsx>
- Regional Economics: Results of the First and Third Quarters of 2022, 2023. *Analytical Series ICSI.* January 9. URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/ekonomika-regionov-itogi-i-iii-kvartalov-2022-goda>
- OECD Economic Reviews: Russian Federation. Main Conclusions and Recommendations. *OECD.* URL: <https://www.oecd.org/economy.html>
- Bengtsson S.L., Östman L.O., 2014. Globalisation and Education for Sustainable Development: Exploring the Global in Motion. *Environmental Education Research*, no. 22, pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504622.2014.989960>
- Syed-Abdullah S.I.S., Kushnir I., Abdrahim N.A., 2023. Narratives on Education for Sustainable Development in Malaysian Universities. *Sustainability*, vol. 15 (17), art. 13110. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151713110>
- Warlenius R.H., 2022. Learning for Life: ESD, Ecopedagogy and the New Spirit of Capitalism. *The Journal of Environmental Education*, vol. 53 (3), pp. 141-153. DOI: 10.1080/00958964.2022.2070102

Information About the Authors

Elena G. Efimova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, 8 Marta / Narodnoi Voli St, 62/45, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, levstrelkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-7063>

Dina M. Prostova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy and Foreign Economic Activity, Ural State University of Economics, 8 Marta / Narodnoi Voli St, 62/45, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, prostova.dina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-194X>

Irada M. Dudina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 14, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, irada.dudina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1536-5099>

Информация об авторах

Елена Георгиевна Ефимова, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, levstrelkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-7063>

Дина Михайловна Простова, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и внешнеэкономической деятельности, Уральский государственный экономический университет, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, prostova.dina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-194X>

Ирада Мехтиевна Дудина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, irada.dudina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1536-5099>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

UDC 316.73
LBC 60.56

Submitted: 24.07.2023
Accepted: 16.11.2023

INDUSTRIAL AREAS OF THE CITY: STRATEGIES FOR WORKING WITH THE PAST

Larisa G. Ilivitskaya

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation

Abstract. The search for ways and mechanisms to optimize the state of industrial areas requires an appeal to their historical past. World and domestic experience shows that the past, including the industrial one, can become one of the main “growth points” of the city, actualizing its new functions and meanings. The latter can be considered from the standpoint of the “symbolic economy”, which implies their transformation into material results. This article is an attempt to assess the historical potential of industrial areas in the symbolic and image aspects. The industrial area of Samara, Bezmyanka, was taken as the object of study. The paper identifies and substantiates four basic strategies for working with the past in relation to urban loci. On the ways of connecting the subjective and the objective, the real and the “imaginary”, the degree of their implementation in relation to the territory under consideration is shown. The empirical base of the study was the results of a survey of residents of Samara (sample – 225 people), as well as secondary data obtained in the course of a study dedicated to Bezmyanka (performers: E.S. Baeva, O.N. Zaporozhets, sample – 360 people, 2007). The analysis showed that at the moment, due to the predominance of strategies for forgetting history and / or its narrowing, the historical potential of this area from the point of view of the townspeople can be assessed as low. That small layer of “historical”, which is declared in the practices of commemoration and which the residents of the city point to, has a military-industrial coloring. And it is clearly not enough to overcome the negative imagery of the area. A strategy based on the principle of inheritance and associated with the implementation of initiatives of various urban communities at the level of urban mentality has not yet received a proper response.

Key words: city, meaning, history, past, strategy, industrial area, Bezmyanka.

Citation. Ilivitskaya L.G. Industrial Areas of the City: Strategies for Working with the Past. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 147-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

УДК 316.73
ББК 60.56

Дата поступления статьи: 24.07.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ГОРОДА: СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ

Лариса Геннадьевна Иливичкая

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Поиск путей и механизмов оптимизации состояния промышленных районов требует обращения к их историческому прошлому. Мировой и отечественный опыт свидетельствует, что прошлое, в том числе и индустриальное, способно стать одной из главных «точек роста» города, актуализируя его новые функции и смыслы. Последние могут быть рассмотрены с позиций «символической экономики», предполагающей их трансформацию в материальные результаты. Данная статья представляет собой попытку оценить исторический потенциал индустриальных районов с точки зрения символических и образных возможностей. В качестве объекта исследования взят промышленный район г. Самары – Безымянка. В работе выделены и обоснованы четыре базовые стратегии работы с прошлым применительно к городским локусам. На путях соединения субъективного и объективного, реального и «воображаемого» показана степень их реализации в отношении рассматриваемой территории. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса жителей Самары (выборочная совокупность – 225 чел.), а также вторичные данные, полученные в ходе

исследования, посвященного Безымянке (исполнители: Е.С. Баева, О.Н. Запорожец, выборочная совокупность – 360 чел., 2007 г.). Анализ показал, что в настоящий момент в связи с преобладанием стратегий забвения истории и/или ее сужения исторический потенциал данного района с точки зрения горожан можно оценить как низкий. Тот небольшой пласт «исторического», который заявлен в практиках коммеморации и на который указывают жители города, имеет военно-промышленную окраску. И его явно недостаточно для преодоления негативной образности района. Стратегия, основанная на принципе наследования и связанная с реализацией инициатив различных городских сообществ на уровне городской ментальности, пока еще не получила должного отклика.

Ключевые слова: город, смысл, история, прошлое, стратегия, индустриальный район, Безымянка.

Цитирование. Иливицкая Л. Г. Индустриальные районы города: стратегии работы с прошлым // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 147–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

Введение

Современная постиндустриальная реальность ставит перед российскими промышленными районами задачу поиска новых путей и способов их включения в общее городское пространство. Оговоримся сразу, что такая задача стояла перед ними всегда. С самого начала своего появления на карте города им было отказано в получении «равных прав» и отведена роль городских «изгоев»¹. И это не смотря на то, что их реальное значение было крайне велико. Данные районы, будучи связанными с процессами индустриализации, по сути, являлись «точками роста» городского развития. В настоящее время, в связи с уходом из города индустриальной экономики, положение промышленных районов лишь усугубилось. Их промышленный потенциал, который хотя и воспринимался неоднозначно, но все же являлся, пожалуй, единственным основанием для формирования их положительного имиджа, утратил свое значение. Новые же основания не были сформированы. Причем необходимость их поиска в настоящее время обусловлена не только вопросом выживаемости самих индустриальных районов. Проблема значительно шире. По мнению ряда исследователей, будущее всего города во многом зависит от успешности оптимизации состояния именно данных городских территорий [Ревзин 2019].

Современные исследователи сходятся во мнении, что возможные варианты развития индустриальных районов (и городов) связаны с двумя магистральными направлениями. Первое – экономико-технологическое. Оно требует модернизации их промышленной базы, путем адаптации сложившейся промышленной структуры к новым экономическим условиям.

Второе акцентирует внимание на таких мерах по развитию города, которые определяются как гуманитарные [Стародубровская (ред.) 2011]. Как отмечает Ш. Зукин, к ним прибегают в тех случаях, когда действия по промышленной реабилитации не дали положительного результата [Зукин 2015]. Одним из вариантов реализации гуманитарного подхода как раз и является обращение к историческому наследию, способствующему возрастанию ценности промышленных районов, формированию их новой смысловой наполненности и облегчающее их вхождение в пространство города. В специальной брошюре ЮНЕСКО 2011 г. говорится, что «городское наследие является ключевым ресурсом для улучшения удобства городских районов и способствует экономическому развитию и социальной сплоченности в меняющейся глобальной обстановке» [Новая жизнь... web].

Обращаясь к российским реалиям, следует отметить, что историческому наследию индустриальных городов посвящено значительное число исследований. В тоже самое время, несмотря на наличествующий запрос, касающийся создания новых позитивных репрезентаций промышленных территорий, их история на настоящий момент не стала активным ресурсом для данного процесса. По мнению Е.Г. Трубиной, индустриальное наследие можно охарактеризовать как «бросовое приданое». Включение его в процессы «положительного», «продуктивного» смыслообразования не происходит. Оно либо игнорируется, либо работает на негативный образ [Трубина web]. Справедливости ради отметим, что все же отдельные российские города начинают привлекать индустриальное прошлое для городского развития. Например, в этом направлении активно работает Екатеринбург, реали-

зую различные проекты, в отношении такого промышленного городского района как Уралмаш [Проект... 2017]. На то, будет ли успешен подобный опыт, и насколько будет, влияет целый ряд факторов. Ведь в создании образов прошлого принимают участие различные акторы городской жизни. В терминологии М. де Серто они определяются как «создатели» – специалисты и «потребители» – жители [Серто 2013]. В нашем исследовании акцент сделан, прежде всего, на жителях города. Представленность истории промышленного района в ментальности горожан на сегодняшний день достаточно малоизученная область. Так, например, представлениям горожан о местах памяти посвящена работа Н.В. Веселковой, Е.В. Прямиковой, М.Н. Вандышева «Места памяти в молодых городах» [Веселкова 2017]. В центре внимания авторов находятся четыре моногорода уральского региона, возникшие в середине XX в.: Заречный, Лесной, Красноуральск и Качканар. К территориальной идентичности жителей индустриальных районов обращаются А.В. Ваньке, Е.В. Полухина [Ваньке 2018]. Данную проблему они рассматривают на примере двух кейсов: территорий вокруг завода имени И.А. Лихачева и Уралмашзавода. Целью же нашего исследования является определение исторического потенциала индустриального района с точки зрения горожан, выявление их готовности увидеть данную территорию в качестве места, имеющее свою историю.

Методология и методы исследования

Любой город с неизбежностью сохраняет в своем бытии собственное прошлое, запечатлевает и хранит историю. В этом видится одна из его сущностных характеристик. Констатируя этот факт, следует в то же время отметить, что городское пространство это не просто результат напластования времен и форма их сохранения. Оно одновременно выступает способом их упорядочивания и воспроизводства. «Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое» [Лотман 2002, 31]. Прошлое в данном случае являет собой не некую «объективную реальность» (хотя такой его статус крайне сомнителен и в отношении любого иного социокультурного феномена). Оно – ре-

зультат интерпретации, конструирования. Прошлое – это образ самого себя. И каждое «настоящее» порождает свое «прошлое». В этом плане история города представляет собой лишь наличие большого количества возможностей для актуализации того или иного его образа. Город в своем актуальном бытии осуществляет процесс выборочного отражения собственного исторического пути, выхватывая, извлекая из многослойной реальности прошлого те или иные его составляющие с целью их актуализации в качестве наиболее значимых. Ситуация постоянного переосмысления означает, что происходит вытеснение реального движения истории, и замена его иной, более подходящей для данного момента разбивкой времени. История, представленная в настоящем города, никогда не совпадает с настоящей историей.

Работа города со своим прошлым – это очень сложный процесс, который ставит перед исследователем широкий круг вопросов. Мы остановимся лишь на одном из них, обусловленном целью нашего исследования. Речь идет о стратегиях, которые могут быть реализованы по отношению к городскому пространству с целью удержания и формирования прошлого и его смыслов. На наш взгляд, можно говорить, по крайней мере, в четырех стратегиях подобного рода.

Первая стратегия предполагает, что прошлое должно быть полностью забыто, вычеркнуто из памяти, «обнулено». По мнению Ю.М. Лотмана, данная ориентация носит цивилизационный характер и связана, прежде всего, с таким феноменом, как «идеальный город». Он пишет: «Идеальный искусственный город, создаваемый как реализация рационалистической утопии, должен был быть лишен истории, поскольку разумность “регулярного государства” означала отрицание исторически сложившихся структур. Это подразумевало строительство города на новом месте и, соответственно, разрушение всего “старого”, если оно здесь находилось» [Лотман 2002, 33]. Подчеркнем (в связи с дальнейшим направлением исследования), что отказ от прошлого, начало истории «с чистого листа» – это подход, который активно использовался в ходе советской индустриализации в отношении так называемых «соцгородов».

Вторая стратегия не предполагает отказ от прошлого, но его актуализируемый объем представлен ограниченным спектром событий и смыслов, заданных историей. Такая ситуация может быть обусловлена различными факторами и обстоятельствами. Однако, какими они бы не были, жизнеспособность города именно как города в этом случае ставится под сомнение. «Наличие истории является неперенным условием работающей семиотической системы <...> Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий» [Лотман 2002, 36]. По сути, ограниченность прошлого и связанных с ним смыслообразующих проекций, создающих идентичность города, может быть оценена как деградация. Обращаясь к понятию деградация, мы используем ту ее трактовку, которая представлена в работах Т.Ю. Быстровой. Не замыкаясь на физических смыслах данного понятия, она применительно к историко-культурному наследию, прежде всего архитектурному, определяет его как «утрату функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванную недооценкой его ценности и социально-экономического и культурного потенциала» [Быстрова 2019, 27].

Согласно третьей стратегии настоящее предстает как результат исторической динамики. Оно мыслится в аспекте «большого времени», благодаря чему городское пространство получает возможность быть соотношенным со значительным «историческим объемом», задающим широкий спектр смысловых проекций. Однако, данная стратегия предполагает, что в основе отношения к истории лежит принцип преэминентности: прошлое подлежит сохранению в неизменном виде. Негативные последствия реализации данного принципа связаны с его абсолютизацией. В этом случае, город оказывается жестко зафиксированным в своем прошлом. Он утрачивает связь с живой историей: прошлое начинает подчинять себе настоящее, лишая органичности и динамичности их отношения. В результате город уподобляется «открыточному набору исторических объектов». Он оказывается как бы вне истории, так как его достопримечательности «воспринимаются как исконные, вечные, неизмен-

ные репрезентанты (и доминанты)» [Запорожец, Лавринец 2006, 18] данной территории.

Четвертая стратегия, являясь в начальных своих установках продолжением предыдущей, ориентирована не просто на сохранение прошлого в неизменном виде. Она предполагает его постоянную актуализацию исходя и принципа наследования. История здесь утрачивает статичность и неизменность. Она «предстает не только как актуальная, но и как открытая в будущее» [Аванесов 2018, 24]. Прошлое становится источником и катализатором инновационной активности, направленной на трансформацию городского пространства, перереформирование его маркировок. Переоценка историко-культурного прошлого выступает основанием для нахождения и реализации новых смыслов, задающих актуальную идентификацию конкретному городскому локусу, формирующих его символический капитал.

Следует отметить, что выделенные стратегии в чистом и/или единичном виде фактически себя не обнаруживают. В любом городе представлено скорее их сочетание, характер которого может носить вариативный характер: паритетности, приоритетности, исключения и т. п.

Обращаясь к проблеме индустриальных районов города, мы, на примере Самары и его первого промышленного района – Безымянки, попытались проследить, какие стратегии задействованы горожанами по отношению к ее прошлому и какой облик они формируют. Акцентирование внимания на Безымянке позволяет, как говорить о локальном опыте, об «эффекте места», так и апеллировать к сравнению с другими городами в поисках наиболее эффективных способов решения общих проблем. А сопоставлять есть с чем. Районы, подобные Безымянке, наличествуют в Екатеринбурге, Ижевске, Казани, Нижнем Новгороде, Челябинске и многих иных российских городах.

Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-анкетирования жителей Самары на основе комбинированной выборки, включающую квотную и целевую. Квотная выборка строилась на основе распределения жителей города по таким признакам как пол, возраст, место проживания (район города). В исследовании было опрошено 225 человек, из них 56,3 % женщин и 43,7 % муж-

чин. По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 24 лет – 11,7 %, 25–34 года – 22,3 %, 35–44 года – 21,5 %, 45–54 года – 15,3 %, 55–65 лет – 18,3 %, старше 65 лет – 10,9 %. Среди опрошенных 21,8 % – жители Промышленного района, 19,7 % – Кировского, 13,5 % – Советского, 12,3 % – Октябрьского, 7,9 % – Красноглинского, 7,5 % – Куйбышевского, 8,8 % – Железнодорожного, 5,4 % – Ленинского, 3,1 % – Самарского. Следует отметить, специфика Безымянки как городской территории такова, что она не имеет административного статуса. К ней относятся часть территорий Промышленного, Советского и Кировского районов города. Причем, даже на ментальном уровне ее границы крайне подвижны. Поэтому вопрос о том, является ли опрашиваемый жителем Безымянки решался путем самоидентификации. Количество тех, кто считает, что он проживает на Безымянке, составило 47,6 %. На этом основании в исследовании использовалась целевая выборка, позволяющая определить общие и специфические тенденции в ее восприятии как со стороны тех, кто проживает на ее территории, так и тех, кто указал местом жительства другие районы города. Сразу оговорился, что на данном разграничении акцент в работе не сделан, но на наиболее выраженные несовпадения указано. Также в работе были привлечены результаты социологического исследования 2007 г., посвященного проблемам Безымянки. Исполнители – Е.С. Баева, О.Н. Запорожец. Выборочная совокупность – 360 человек.

Результаты исследования

Безымянка – это часть Самары, которую относится к сильным вернакулярным районам города [Безымянка web]. Как уже было сказано выше, она не имеет административного статуса, ее территория задана только на ментальном уровне. А само название присутствует лишь в повседневном дискурсе горожан. Тем не менее именно Безымянка ассоциируется у самарцев с индустриальным прошлым (и настоящим) города.

Рождение Безымянки в качестве первого района города с неизбежностью предполагало стирание всей предшествующей истории. Связано это с тем, что она должна была стать не

только площадкой для индустриального развития Самары, но и воплотить идеи популярной в то время концепции соцгорода. План строительства нового района города был утвержден в 1934 г. и сразу начал реализовываться. Парадоксально, но возникновение Безымянки в качестве соцгорода не стало датой ее основания. В советский период официальное рождение Безымянки было связано с Великой Отечественной войной, со временем, когда в Куйбышев (в то время так называлась Самара) были эвакуированы заводы из западных регионов страны. Таким образом, Безымянка – это территория, которая неоднократно обнуляла свое прошлое. Сначала попытка построения соцгорода отменила всю ее предыдущую историю, берущую свое начало с 1903 г., а потом и сам проект реализации данной градостроительной концепции был забыт. В настоящее время, несмотря на то, что ее историческое прошлое восстановлено (и продолжает восстанавливаться) для значительной части жителей города Безымянки – это район, возникший в начале войны. По результатам проведенного исследования так считают 39,6 % опрошенных (см. табл. 1).

Таблица 1

Время возникновения Безымянки (в % к общему числу опрошенных)

Время основания Безымянки	%
В начале XX в.	14,1
В 30-е гг. XX в.	22,2
В годы Великой Отечественной войны	39,6
Другое	21,8
Не знаю	2,3

Однако стратегия обнуления прошлого обнаруживает себя не только в отношении начального периода существования Безымянки. Другой ее аспект связан с тем, что она не воспринимается большинством жителей как место, обладающее, наделенное историей. Так, в ходе исследования респондентам было предложено назвать три прилагательных (открытый вопрос), которые в наибольшей степени применимы к данному району. Большинство указывали на его промышленную ориентацию, оценивали его как место жительства. Но при этом фактически отсутствовали ответы, которые можно было бы трактовать как отсылку к ее историческому прошлому. Речь идет, например, об ис-

пользовании таких прилагательных как «советский», «исторический», «соцгородской» и т. п. Ответы на вопрос об информированности жителей о прошлом Безымянки также подтверждает ее неисторичность. Только каждый четвертый опрошенный (24,1 %) посчитал, что он знаком с историей района. Около половины же затруднилось ответить на этот вопрос (48,9 %). Остальные признались, что они не знают о прошлом данной территории.

Таким образом, несмотря на реконструирование исторической наукой, краеведением «биографии» района, «легализацию» событий прошлого, имеющих место на протяжении более чем 100 лет его существования, забвенные истории до сих пор является одним из значимых моментов в восприятии Безымянки.

Однако, было бы опрометчиво и несправедливо утверждать, что только стратегия обнуления применима к Безымянке. «Историческое» все же в ней тоже обнаруживается. По содержанию оно может быть охарактеризовано как военно-промышленное, а по форме существования – как точечное. Индустриальный характер прошлого определяется тем, что оно замкнуто в основном на истории заводов и предприятий. Точечность же проистекает из того, что история стыкуются с Безымянкой только в момент основания последней, причем основания, предложенного советским краеведением.

Нагляднее всего о таком положении дел свидетельствуют архитектурные памятники, являющиеся одним из популярных видов материальных трансляторов культурной памяти, значимыми объектами сохранения прошлого. Как отмечает Я. Ассман, существование культурной памяти обеспечивается не только благодаря воспоминаниям людей. Внешние символы для нее не менее важны, обуславливая «контакт между помнящим разумом и напоминающим объектом» [Assmann 2011, 17].

Следует отметить, что подавляющее большинство немногочисленных памятников, которые отражают исторический путь Безымянки, были созданы во второй половине XX века. Статус объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального и регионального значения имеют четыре и них. Причем, только один непосредственно связан с историей района. Речь идет о самолете-штурмовике ИЛ-2, являющимся

данью памяти труду и боевой славе куйбышевцев в годы Великой Отечественной войны. Однако, хотелось бы обратить особое внимание на его местоположение. Памятник находится за ментальными границами района, однако, он ассоциируется не с городом в целом, а именно с Безымянкой. Если обратиться к другим объектам коммеморации, созданным в это время, то они продолжают заданную военно-промышленную тематику. Речь, например, идет о памятнике шоферам, погибшим в годы Великой Отечественной войны – автомобиль «ЗИС»; Аллее трудовой славы, монументы которой отражают вклад куйбышевских заводов в победу и ряде других.

В восприятии горожан, как показало исследование, историческое прошлое Безымянки, возникает только в случае заданного респондентам выбора. Так вопрос, об информированности респондентов относительно истории района, показал, что о ней можно говорить только в связи с событиями Великой Отечественной войны. «Эвакуация заводов» (11,6 %) «строительство заводов» (6,2 %) «подвиг заводчан» (3,6 %), «выпуск Ил-2» (1,3 %) – вот те значимые в прошлом события, которые были названы респондентами. Другие временные периоды не имеют никаких знаковых исторических маркеров.

Несмотря на всю важность событий данного периода и для Безымянки, и для Самары в целом, такая – фактически монополярная его представленность в исторической памяти, вызывала и продолжает вызывать очень неоднозначные последствия. С одной стороны, именно с промышленным потенциалом связано значение Безымянки. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос о роли района в жизни города (см. табл. 2).

Таблица 2

**Роль Безымянки в жизни города
(средний балл
по пятибалльной системе оценок)**

Направление	Балл
Культурная жизнь города	2,59
Развитие промышленного потенциала города	4,22
Образовательная сфера города	2,78
Обеспечение досуга жителей	2,62
Жизнь города в целом	3,45

Аналогичные выводы были сделаны в ходе исследования 2007 г. (исполнители: Е.С. Баева, О.Н. Запорожец). Его результаты показали, что каждый третий респондент на вопрос о том, что составляет гордость Безымянки, отметил, что это – «ее предприятия, заводы» [Баева, Запорожец 2007, 25].

С другой стороны, сосредоточение на территории района большого количества заводов дополненное такими факторами как: «сокращенная» история, непонимание роли Безымянки в создании ряда учреждений высшего и среднего профессионального образования, непризнание культурного и образовательного уровня ее жителей способствовало тому, что сформировалась негативная образность, носящая весьма устойчивый характер. И свидетельств тому много. Так, например, в серии интервью, проведенных самарским интернет-журналом «Другой город», представлены воспоминания о Безымянке 60–70-х гг. XX века. Директор Самарского филиала МТС А. Меламед, чье детство прошло на Безымянке, отмечает: «Какой мы видели Безымянку каждый день? Хороший, спокойный район. Ту легендарную часть Безымянки, которой пугали детей из центра, мы не знали, не знали даже, где она находится» [Кнорр... web б]. Заместитель председателя Правительства Самарской области А. Фетисов вспоминает: «Я до сих пор помню, как Марья Михайловна выстраивает нас и говорит: “И приходит он, с лицом типичного безымянского дэбила!”» [Кнорр... web а]. Представленное в этих цитатах указание на негативную образность района у значительной части самарцев в той или иной форме встречается и в других интервью.

В уже упомянутом нами исследовании Безымянки 2007 года был задан вопрос: «Когда говорят “Безымянка”, все имеют в виду...». Ответы респондентов воспроизвели ее негативные характеристики: «рабочий район, промзона» (16,9 %), «окраина города» (9,2 %), «отсталый район», «дно Самары» (5,3 %), «района рабочего класса» (4,4 %). Только одно из определений, данных респондентами, носило нейтральный характер. Безымянка виделась как «один из районов города» (11,8 %) [Баева, Запорожец 2007, 25].

В нашем исследовании также предлагалось охарактеризовать Безымянку (закрытый вопрос: «Какое определение Безымянки ка-

жется Вам наиболее верным?»). И опять лидировали негативные мнения: «рабочий район» (33,4 %), «промзона» (14,0 %), «спальный район» (10,7 %), «городская окраина» (7,9 %). Однако, следует отметить, что к нейтральным оценкам – «обычный район города» (14,3 %), были добавлены и положительные: «второй исторический центр» (12,9 %), «удобный для проживания район» (6,8 %).

Можно сделать вывод о том, что для горожан Безымянка по-прежнему остается промышленной частью Самары, концентрирующей в себе негативные составляющие образа. В то же время следует отметить тенденцию, связанную с тем, что ее возрастной аспект постепенно приобретает историческую окраску, которая позволяет увидеть в ней еще один центр города, отсылающий к советскому периоду существования Самары. Мы не станем утверждать, что это уже устоявшееся мнение, тем более его выраженность напрямую связана с местом проживания респондентов. Более склоны оценивать свой район с исторической точки зрения жители Безымянки. Она ассоциируется со вторым историческим центром города для каждого пятого (20,0 %). В то время как жители других районов не столь оптимистичны. Только 6,8 % из них разделяют эту точку зрения.

Говорить о том, что новые смысловые акценты в восприятии района связаны со стратегиями, в основе которых лежат принципы преемственности и наследования, было бы преждевременно. Но и отвергать их наличие по отношению к Безымянке тоже нельзя. Представленность данных стратегий имеет разную степень выраженности, и обусловлена активностью как официальных, так и неофициальных субъектов городского пространства.

На официальном уровне признание исторического прошлого за данными городским локусом нашло отражение том, что в начале XXI в. на Безымянке был оставлен ряд архитектурных памятниках, в которых нашло отражение все та же военно-промышленная тематика: Триумфальная арка на Аллее трудовой славы (2015 г.); скульптура «Женщина-мать» в сквере «Родина» (2015 г.) и ряд других. В то же самое время была предпринята попытка задать новую смысловую линию в восприятии данного района. На рубеже XX–XXI вв. более 50 жилых домов получили ста-

тус выявленных объектов культурного наследия. Тем самым признавался факт того, что Безымянка обладает уникальным архитектурным обликом, соотносимым с ведущими стилями 40–60-х гг. XX века. Однако, как справедливо пишет М.С. Ильченко, имиджевые проблемы промышленных районов не решаются путем внесения их зданий в «списки охраны». Это только позволяет сформулировать проблему [Ильченко 2017, 217]. По результатам проведенного исследования архитектурное своеобразие Безымянки на сегодняшний день никак не актуализировано в ментальности горожан. Ответов, в которых бы указывалось на ее интересные градостроительные решения, красоту домов и улиц, стилевые особенности и т. п., респонденты не дали. А вот новые памятники, связанные с привычной безымянской тематикой уже получили небольшую, но все-таки известность. Они пусть и редко, но указываются в качестве достопримечательностей района, которые известны опрошенным (чуть более 3 % опрошенных).

Активизация интереса к прошлому Безымянки можно зафиксировать через наличие достаточно большого числа инициатив городского сообщества. Это и публикации различного рода (статьи, воспоминания, личные впечатления, интервью); и экскурсионные программы; и литературные произведения, специализированные сайты, посвященные району; и фотовыставки о его прошлом; и инициирование вопросов, связанных с формированием позитивного имиджа Безымянки общественностью района.

Образ прошлого, формируемый в ходе подобного рода активностей, по своему смысловому содержанию значительно шире. Он строится скорее исходя из стратегии наследования. Военная, промышленная тематика хоть и присутствует, но она не столь явно и ярко выражена. Безымянка предстает благодаря им, в частности, как мир советской повседневности (без политики и идеологии, но с нотками ностальгических переживаний). Или в истории района обнаруживаются новые персонажи. Например, «король» всех местных попрошайек Алямс или знаменитые безымянские фураги. Да, новые герои не столь однозначны, как директора заводов и предприятий. Но они тоже часть истории, связанной с Безымянкой, составляющие ее многогранного облика. Свое место в городской па-

мяти получает и одна из самых трагичных страниц прошлого района. Речь идет о печально известном Безымянлаге. Это далеко не полный перечень тем, благодаря которым различные инициативные городские сообщества пытаются трансформировать привычный облик района, наполнить его позитивным смысловым звучанием, придавать историческую ценность.

Однако, следует признать, что на сегодняшний день существующие проекты и инициативы носят крайне разрозненный характер, а их количество и масштаб все же недостаточны для того, чтобы прошлое Безымянки получило новый язык для своего описания, а она сама преодолела свою промышленную стигматизацию в восприятии горожан.

Выводы

Таким образом, в отношении Безымянки можно говорить о присутствии всех выделенных стратегий. Но степень их выраженности различна. На сегодняшний день, базовой стратегией, формирующей облик ее прошлого, являются обнуления. Забвение истории, которое было положено в основание данного района стало общей тенденцией на протяжении как советского, так и постсоветского периодов его существования. В городской ментальности сложился образ городской территории лишенной историчности. И это не смотря на то, что путь пройденной Безымянкой насчитывает уже более 100 лет. Ее видение горожанами, прежде всего, обусловлено ее изначальной функциональной заданностью. В представлениях горожан Безымянка – это, в первую очередь, рабочий район с негативной образностью, не обладающий историческим статусом.

Второй по значимости стратегией выступает стратегия, связанная с признанием истории района в очень ограниченном объеме. Для того небольшого числа жителей, которые способны увидеть Безымянку с точки зрения ее прошлого, история концентрируется в очень коротком промежутке времени, а именно, в моменте ее рождения, заданного советским краеведением. И связана она с военно-промышленной тематикой. По сути, никакие другие периоды существования Безымянки не рассматриваются жителями города в аспекте историчности. Как следствие история Безымян-

ки – это история появления ее заводов в годы Великой отечественной войны.

Эксплуатация военно-промышленной темы в практиках коммеморации в настоящее время (реализация стратегии преемственности) хотя и получает отклик (пусть и незначительный) в ментальности горожан, однако не меняет общей негативной образности района, а также не расширяет пространство ее историчности.

Попытки же как с официальной стороны, так и со стороны городских сообществ актуализировать новые смыслы, связанные с прошлым района (стратегия наследования) и лежащие за границами привычного его прочтения, не нашли отражения в ментальности горожан. Устоявшийся имидж Безымянки не позволяет горожанам увидеть, например, ее оригинальный архитектурный облик, новых «гениев места», соотнести с актуальными для своего времени градостроительными поисками и т. п.

Если новые смыслы прошлого оказались пока не востребованными горожанами, то тенденция осознания горожанами Безымянки как значимого исторического феномена все же обнаруживается. Правда, эта тенденция пока не имеет масштабного характера и напрямую связана с местом жительства. Так, в границах самой Безымянки происходит постепенное признание ее прошлого, находящее свое выражение в стремлении увидеть в ней не просто один из районов города, а второй исторический центр.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Справедливости ради следует отметить, что неприятие промышленных районов – это не российский феномен, негативное маркирование носит глобальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 2018 – *Аванесов С.С.* Городское пространство как антропологический феномен // *Праксема*. 2018. № 2. С. 10–31.
- Баева, Запорожец 2007 – *Баева Е.С., Запорожец О.Н.* Результаты опроса жителей Промышленного, Кировского, Советского, Красноглинского районов: анализ. записка [Рукопись]. Самара, 2007.
- Безымянка web – Безымянка [Естественная география и качество жизни в Самаре] // <http://opensamara.com/node/12>
- Быстрова 2019 – *Быстрова Т.Ю.* Деградация и реабилитация историко-архитектурного наследия: функционально-типологический подход // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2019. № 3 (42). С. 26–30.
- Ваньке 2018 – *Ваньке А.В., Полухина Е.В.* Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2018. № 10 (3). С. 4–34.
- Веселкова 2017 – *Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В.* Молодые города: масштабы мест памяти // *Социологическое обозрение*. 2017. Т. 16, № 3. С. 36–65.
- Запорожец, Лавринцев 2006 – *Запорожец О., Лавринцев Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–19.
- Зукин 2015 – *Зукин Ш.* Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Ильченко 2017 – *Ильченко М.С.* Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 4. С. 215–235.
- Кнорр web а – *Кнорр А.* «Безымянка – второй город». Александр Фетисов о Безымянке своего детства: воронежское землячество, ресторан «Восток» и брутально-рафинированная школа // <https://drugoigorod.ru/fetisov-about-bezymynka>
- Кнорр web б – *Кнорр А.* Ту Безымянку, которой пугали детей из центра, мы не знали // <https://drugoigorod.ru/melamed-bezymynka>
- Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М. История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 30–45.
- Новая жизнь... web – Новая жизнь исторических городов: изложение подхода, ориентированного на исторические городские ландшафты. ЮНЕСКО, 2013 // <https://whc.unesco.org/document/128592>
- Проект... 2017 – Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов: материалы Междунар. симпозиума (Екатеринбург, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017.
- Ревзин 2019 – *Ревзин Г.И.* Что можно сделать из старого города? // *Коммерсантъ Weekend*. 2019. № 42. С. 18.
- Серто 2013 – *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубровская (ред.) 2011 – *Стародубровская И. (ред.)*. Стратегии развития старопромышлен-

ных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Трубина web – Трубина Е.Т. Примираясь с упадком: руины 2.0 [Неприкосновенный запас. 2013. № 3] // <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/primiryayas-s-upadkom-ruiny-2-0.html>

Assmann 2011 – Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. (Eds.). *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. Dordrecht: Springer. P. 15–28.

REFERENCES

- Avanesov S.S., 2018. Urban Space as an Anthropological Phenomenon. *Praksema*, no. 2, pp. 10-31.
- Baeva E.S., Zaporozhec O.N., 2007. *Results of a Survey of Residents of Promyshlenny, Kirovsky, Sovetsky, Krasnoglinsky Districts: Analytical Note [Manuscript]*. Samara.
- Bezmyanka. *Estestvennaya geografiya i kachestvo zhizni v Samare*. URL: <http://opensamara.com/node/12>
- Bystrova T.Yu., 2019. Degradation and Rehabilitation of Historical and Architectural Heritage: Functional and Typological Approach. *Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN*, no. 3 (42), pp. 26-30.
- Vanke A.V., Polukhina E.V., 2018. Territorial Identity in Industrial Areas: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Art Workers. *Laboratorium: Journal of Social Research*, no. 10 (3), pp. 4-34.
- Veselkova N.V., Vandyshv M.N., Pryamikova E.V., 2017. Young Cities: The Scale of Places of Memory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 16, no. 3, pp. 36-65.
- Zaporozhec O., Lavrinec E., 2006. Hide and Seek, Towns and Other Exploratory Games (Urban Studies: In Search of a Foothold). *Communitas*, no. 1, pp. 5-19.
- Zukin Sh., 2015. *Cultures of Cities*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ.
- Ichenko M.S., 2017. Uralmash Between “Heritage” and “Utopia”: Avant-Garde Architecture in Search of Description Languages. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 4, pp. 215-235.
- Knorr A. “Bezmyanka – The Second City”. *Alexander Fetisov About the Bezmyanka of His Childhood: The Voronezh Community, the Vostok Restaurant and the Brutally Refined School*. URL: <https://drugoigorod.ru/fetisov-about-bezimyanka>
- Knorr A. *That Bezmyanka, Who Scared the Children from the Center, We Did Not Know*. URL: <https://drugoigorod.ru/melamed-bezimyanka>
- Lotman Yu.M., 2002. The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City. *Istoriya i tipologiya russkoj kultury*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., pp. 30-45.
- New Life for Historic Cities: An Exposition of an Approach Focused on Historic Urban Landscapes, 2013. UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/document/128592>
- Project “Uralmash”: *The Cultural Future of [Post]Industrial Cities. Materialy mezhdunar. simpoziuma (Yekaterinburg, May 31 – June 3, 2017)*, 2017. Yekaterinburg, Yekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva.
- Revzin G.I., 2019. What Can Be Done from the Old City? *Kommersant Weekend*, no. 42, p. 18.
- Serto M. de., 2013. *The Invention of Everyday Life. 1. Art of Making*. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Starodubrovskaya I. (ed.), 2011. *Strategies for the Development of Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara.
- Trubina E.T., 2013. Coming to Terms with Decline: Ruins 2.0. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/primiryayas-s-upadkom-ruiny-2-0.html>
- Assmann J., 2011. Communicative and Cultural Memory. Meusburger P., Heffernan M., Wunder E (eds.). *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. Dordrecht, Springer, pp. 15-28.

Information About the Author

Larisa G. Ilivitskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University, Chapaevskaya St, 89, 443099 Samara, Russian Federation, l.g.ilivitskaya@samsmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

Информация об авторе

Лариса Геннадьевна Иливицкая, доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет, ул. Чапаевская, 89, 443099 г. Самара, Российская Федерация, l.g.ilivitskaya@samsmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.16>

UDC 316.346+316.334+330.341
LBC 60.524

Submitted: 16.10.2023
Accepted: 16.11.2023

FORMATION OF A MODEL OF DEMOGRAPHICALLY SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF RUSSIA

Elena V. Loginova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Mikhail M. Guzev

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Natalya V. Gorshkova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Demographic problems in Russia and around the world continue to worsen, which necessitates the study and design of a model of demographically sustainable socio-economic development that is exclusive to each country and has a general inclusive trend. The model of demographic indicators of socio-economic development combines signs of not only exclusivity and inclusivity but also universality, that is, compliance of this model with the imperatives and values characteristics of development. Studying the main processes characterizing the demographic situation in the region, describing the degree of achievement of sustainable development goals, and analyzing the dynamics of economic performance and indicators reflecting the human development of the region – these steps formed the logical basis for creating a demographically sustainable model of socio-economic development at the regional level. Data from sociological surveys was used in the study to find out the preferences and attitudes of citizens towards reproductive behavior and migration as factors that have the greatest impact on the population. The definition of a demographically sustainable model of socio-economic development is given based on a synthesis of the theory of human development and the theory of sustainable development. Qualitative criteria for demographically sustainable socio-economic development were determined (expanded social reproduction, qualitative and quantitative reproduction of the population, reduction of inequality and poverty, formation of a healthy lifestyle, accessibility of the entire population to modern Internet technologies), and quantitative indicators have been determined. The analysis of indicators of socio-economic development in Russian regions and the comparison of data from sociological surveys of the population allowed us to conclude that in modern Russia, the model of demographically decaying natural development prevails. Using the example of the Southern Federal District regions, we assessed the compliance of their socio-economic development with the criteria of demographic sustainability. We also identified the factors that ensure the formation of a demographically sustainable model of socio-economic development in modern Russian regions. The article reveals that in exclusive models of sustainable development, the emphasis can be placed on its economic, environmental or social component, depending on the existing institutional conditions, which does not deny the dominant feature of the model: its demographic sustainability. The functioning mechanism of Russia's demographically sustainable development model requires a combination of state regulation, market self-regulation and regulation through the mechanisms of civil society.

Key words: demographically sustainable socio-economic development, criteria and indicators of demographic sustainability, regional differentiation, exclusivity and inclusivity, sustainable development.

Citation. Loginova E. V., Guzev M. M., Gorshkova N. V. Formation of a Model of Demographically Sustainable Socio-Economic Development in the Regions of Russia. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 157-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.16>

**ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ****Елена Викторовна Логинова**

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Михаил Михайлович Гузев

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Наталья Валерьевна Горшкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Демографические проблемы в России и в мире продолжают обостряться, что вызывает необходимость их изучения и разработки модели демографически устойчивого социально-экономического развития, которая для каждой страны эксклюзивна при общем инклюзивном тренде. Модель демографически устойчивого социально-экономического развития сочетает в себе признаки не только эксклюзивности и инклюзивности, но и всеобщности, то есть соответствия этой модели императивам и ценностям устойчивого развития. Изучение основных процессов, характеризующих демографическую ситуацию в регионе, описание степени достижения целей устойчивого развития, анализ динамики экономических показателей и индикаторов, отражающих человеческое развитие региона, – эти шаги составили логическую основу для создания демографически устойчивой модели социально-экономического развития на региональном уровне. Использованы данные социологических опросов, позволившие выяснить предпочтения и установки граждан по вопросам репродуктивного поведения и миграции как факторов, оказывающих наибольшее влияние на популяцию населения. На основе синтеза теории человеческого развития и теории устойчивого развития дано определение демографически устойчивой модели социально-экономического развития, выявлены качественные критерии демографически устойчивого социально-экономического развития (расширенное общественное воспроизводство, качественное и количественное воспроизводство населения, сокращение неравенства и бедности, формирование здорового образа жизни, доступность всего населения к современным интернет-технологиям), определены показатели, дающие их количественную характеристику. Анализ показателей социально-экономического развития российских регионов и сравнение данных социологических опросов населения позволили сделать вывод о том, что в современной России преобладает модель демографически затухающего естественного развития. На примере регионов Южного федерального округа проведена оценка соответствия их социально-экономического развития критериям демографической устойчивости и определены факторы, обеспечивающие формирование в современных российских регионах демографически устойчивой модели социально-экономического развития. Выявлено, что в эксклюзивных моделях устойчивого развития акцент может быть сделан на его экономическую, экологическую или социальную составляющую, в зависимости от существующих институциональных условий, что не отрицает доминанту модели – ее демографическую устойчивость. В механизме функционирования модели демографически устойчивого развития России необходимо сочетание государственного регулирования, рыночного саморегулирования и регулирования с помощью механизмов гражданского общества.

Ключевые слова: демографически устойчивое социально-экономическое развитие, критерии и показатели демографической устойчивости, региональная дифференциация, эксклюзивность и инклюзивность, устойчивое развитие.

Цитирование. Логинова Е. В., Гузев М. М., Горшкова Н. В. Формирование модели демографически устойчивого социально-экономического развития в регионах России // Logos et Praxis. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 157–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.16>

Введение

Проблемы демографии являются предметом пристального внимания самых различных наук, поскольку имеют экономический, геополитический, исторический, географический, этно-национальный, социальный, духовно-нравственный аспекты исследования, тем самым затрагивая практически все сферы жизнедеятельности общества и во многом определяя вектор развития современного государства. В этой связи сложность разработки модели демографически устойчивого социально-экономического развития состоит в ее многоаспектности, но, одновременно с этим, и в ее эксклюзивности. Эксклюзивность обусловлена тем, что при всей многоаспектности демографические проблемы можно сгруппировать в три блока (перенаселение, депопуляция и миграция, которая для одних стран и регионов усиливает проблему перенаселения, а для других – проблему депопуляции), проявляются эти проблемы в разных странах и в разных регионах по-разному, причем с течением времени актуальность и приоритетность этих проблем претерпевают существенные изменения. Например, проблема перенаселения, которая антинатуралистами, начиная с Платона, Аристотеля и Т. Мальтуса, а также современными учеными, Т. Хедбергом, Д. Гудоллом и многими другими, считалась основным ограничительным фактором экономического развития, в настоящее время, по мнению Ю. Крупнова (председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития), на фоне общемировой тенденции сокращения рождаемости к середине XXI в. снизит степень своей актуальности, поскольку «рост населения Земли прекратится и выйдет на плато, а возможно, и начнет снижаться» [Бричкалевич web 2021]. Именно поэтому большинство национальных правительств (за исключением правительств 69 стран, которые по-прежнему стремятся ограничить рождаемость), формируя модели демографической политики, перешло от их антинатуралистской к пронатуралистской направленности, что говорит о смене приоритетов между проблемами перенаселения и депопуляции.

Следующий блок проблем связан с миграцией, влияние которой на демографическую

ситуацию тоже достаточно эксклюзивно. Внешняя миграция, например, для стран Европы и Северной Америки чревата угрозой потери национальной идентичности, а для большинства стран Африки и Азии – угрозой потери возможностей для экономического роста вследствие оттока квалифицированной рабочей силы. Внутренняя миграция, помимо перераспределения рабочей силы в сторону экономически более развитых регионов страны, создает проблему перенаселения в крупных городах и усиливает депопуляцию сельских территорий.

Не менее актуальны демографические проблемы и для современной России. Последние десятилетия смертность в России значительно превышает рождаемость, а миграция, хотя и поддерживает демографический баланс, но ведет к снижению качества человеческого капитала. В то же время, сокращение рождаемости при относительно высокой смертности ведет не только к сокращению населения и потенциала трудовых ресурсов, но и, вместе с расширением миграции, к изменению этнической структуры российского общества, а значит и к геополитическим эффектам, что существенным образом затрагивает коренные интересы народов России. Принимаемые на настоящий момент меры по прекращению депопуляции России, к сожалению, недостаточны. В этой связи необходима разработка такой модели демографически устойчивого социально-экономического развития России, которая, включая разработку качественных критериев и основных социально-экономических показателей оценки уровня устойчивости и механизмов ее реализации, учитывала бы российские демографические особенности.

Методология

Эксклюзивность демографических проблем тем не менее не отрицает необходимость разработки единого подхода к их концептуальному решению, суть которого, по нашему мнению, заключается в обосновании модели демографически устойчивого социально-экономического развития. Формирование подобной модели возможно за счет дополнения практик реализации демографической политики,

направленной на поддержание всего «демоса», практиками инклюзивности, которые обеспечат создание условий для развития каждого человека, объединенного в народонаселение той или иной территории. Решение данной задачи, на наш взгляд, базируется на синтезе интеллектуальных потенциалов, заложенных прежде всего в теории устойчивого развития и в теории человеческого развития, что подтверждается сформулированным еще в XVIII в. положением о зависимости богатства и благополучия государства от благополучия населяющего его народа: «В коем царстве люди богаты, то и царство богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому» [Посошков 1951, 105].

Однако, при практической реализации модели демографически устойчивого социально-экономического развития как на страновом, так и на региональном уровнях, как уже говорилось выше, не следует забывать о специфике территориального развития. А это значит, что логика формирования модели демографически устойчивого социально-экономического развития должна подчиняться диалектике движения «от частного к общему – от общего к частному». В рамках данного исследования на основании анализа «экссклюзивных» проблем социального и экономического развития отдельной страны и отдельных ее регионов (Российская Федерация, регионы Южного федерального округа) ставится задача выявления сущности модели демографически устойчивого социально-экономического развития и определения критериев, по наличию или отсутствию которых можно будет судить о степени ее сформированности, и которые в дальнейшем можно будет использовать при разработке стратегических направлений социально-экономического развития. Движение же «от общего к частному» авторы предполагают осуществить в своих последующих исследованиях, где на основе использования искусственного интеллекта будет обоснован механизм формирования эксклюзивной модели демографически устойчивого социально-экономического развития, учитывающей специфику региональных демографических процессов.

Результаты и обсуждение

Демографические проблемы имеют сложный и многоплановый характер, не только континенты, регионы, но и отдельные страны имеют свои демографические особенности, обусловленные природно-климатическими, историческими, экономическими и социальными факторами. Соответственно, существуют и сложившиеся различные модели демографического развития стран и регионов [Клупт 2008]. Даже в пределах одной страны на разных территориях могут существовать различные модели демографического развития.

В современном мире можно выделить несколько моделей демографического развития:

1) демографически затухающее естественное развитие (Россия, некоторые государства постсоветского пространства);

2) демографически затухающее развитие при государственном регулировании рождаемости (Индия, Китай);

3) демографически иммиграционное развитие (США, Израиль, страны Западной Европы);

4) демографически нарастающее естественное развитие (большинство государств Азии, Африки, Латинской Америки);

5) демографически нарастающее развитие при государственном стимулировании рождаемости.

Все эти модели можно охарактеризовать как модели, направленные на решение демографических проблем, что называется «здесь и сейчас». В этом заключается как их преимущество – временная и территориальная эксклюзивность, так и их недостаток – наличие лаговой структуры в реализации мер экономической и социальной политики обостряет проблему несовершенства информации, что может привести не только к снижению результативности предпринимаемых мер, но и в еще большей степени обострить существующую проблему (примером в данном случае может служить Китай, где реализация государственной программы «Одна семья – один ребенок», начавшаяся в 1979 г., в конечном счете привела к обострению проблем социально-экономического развития, что послужило отказом от реализации данной программы в 2015 г.).

На наш взгляд, лишена этого недостатка модель демографически устойчивого социально-экономического развития, сочетающая в себе признаки не только эксклюзивности и инклюзивности, но и, как это не парадоксально, признак всеобщности, суть которого заключается в соответствии этой модели императивам и ценностям устойчивого развития.

Особую актуальность формирование демографически устойчивой модели социально-экономического развития имеет для современной России, поскольку динамика демографических процессов, начиная с конца XX в., имеет явно выраженную отрицательную тенденцию. Если в дореформенной России в 1980 г. родилось 2202,8 тыс. чел., умерло 1525,8 тыс. чел., естественный прирост составил 667,0 тыс. чел., то в 1995 г. уже, соответственно, 1363,8 тыс., 2203,8 тыс., естественный прирост -840,0 тыс., а в 2005 г. – соответственно, 1457,4 тыс., 2303,9 тыс. и прирост -846,5 тыс. чел. [Российский статистический... 2007, 105]. В январе – июле 2023 г. эти показатели составили: родилось 726,6 тыс., умерло 1023,9 тыс., естественный прирост – -297,3 тыс. чел. [Социально-экономическое положение... 2023, 197].

Говоря о переходе на модель демографически устойчивого развития необходимо четко понимать, что означает демографически устойчивое развитие для России и ее регионов.

Под устойчивым развитием долгое время понимался непрерывный экономический рост, в 1970-е гг. устойчивость трактовалась как равновесие между экономикой и окружающей природной средой, причем акцент делался на ограничение экономического роста в целях сохранения природы. Наиболее устоявшейся формулировкой категории «устойчивое развитие» считается определение, данное Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г., согласно которому устойчивое развитие – это развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей людей в настоящее время, при этом не ограничивающее возможности будущих поколений в удовлетворении своих потребностей [Наше общее будущее... 2023]. В 2015 г. Генассамблей ООН были приняты семнадцать целей устойчивого развития (далее – ЦУР), дости-

жение которых позволит «избавить человечество от нищеты и исцелить планету» [Цели в области... web]. Следуя логике исследователей из МГИМО, ЦУР можно разделить на четыре взаимосвязанных группы: экологический кластер (ЦУР 2, 6, 13, 14, 15), экономический кластер (ЦУР 7, 8, 9, 11, 12), социальный кластер (ЦУР 3, 4, 5) и институциональный кластер (ЦУР 1, 10, 16, 17) [Отчет по проекту... web], для каждого из которых определены индикаторы и показатели измерения устойчивости.

Таким образом, представляется, что в эксклюзивных моделях устойчивого развития акцент должен быть сделан на его экономическую, экологическую или социальную составляющую, формируемые в определенных институциональных условиях, что не отрицает доминанту модели – ее демографическую устойчивость. Такой подход вписывается в общецивилизационные изменения в направлении развития инклюзивного общества, в котором в большей степени реализуются человеческие потребности и личностный потенциал человека. Так мы выходим на теорию человеческого развития, формирование и эволюционирование которой происходило по мере возрастания роли человеческого фактора в системе общественного производства. К одному из ярчайших представителей современной теории человеческого развития можно отнести А. Сена, заложившего теоретические основы для формирования системы количественной оценки человеческого развития [Сен 1989], на которых базируется современная методика расчета индекса человеческого развития [Human Development... web].

Таким образом, синтез теории устойчивого развития и теории человеческого развития позволяет дать характеристику демографически устойчивой модели социально-экономического развития, под которой мы в рамках данного исследования будем понимать такую модель развития, реализация которой на фоне устойчивых темпов экономического роста позволит обеспечить количественное и качественное воспроизводство населения (именно населения как персонифицированного в каждом отдельном человеке множества, а не человеческого капитала) за счет снижения бедности и сокращения неравенства, в том

числе и в аспекте доступа к современным цифровым технологиям, за счет формирования социальных установок на рост рождаемости при увеличении ценности практик здоровьесбережения, и все это на фоне снижения возможностей для возникновения межнациональных и межэтнических конфликтов внутри социума и бережного отношения к окружающей среде.

Исходя из данного определения, логика исследования вопросов формирования демографически устойчивой модели социально-экономического развития на региональном уровне заключается в последовательном анализе процессов, характеризующих демографическую ситуацию, степень достижения целей устойчивого развития, динамику экономических показателей и показателей, отражающих человеческое развитие, а также данных социологических опросов, позволяющих выяснить предпочтения и установки граждан, сформировавшиеся в регионах по поводу прежде всего их репродуктивного поведения и «стремления к перемене мест» как факторов, оказывающих наибольшее влияние на популяцию населения. Подобного рода анализ позволит выявить факторы, оказывающие наибольшее (позитивное и негативное) влияние на обеспечение демографически устойчивого социально-экономического развития и, как следствие, определить потенциал регионов в его достижении. В качестве эмпирической основы для анализа будем рассматривать результаты социологических опросов, проведенных как в целом по России, так и на уровне ее отдель-

ных регионов, а также показатели социально-экономического развития регионов Южного федерального округа (ЮФО).

Динамика основных демографических показателей регионов ЮФО, рассчитанных на основе метода стандартизированных коэффициентов, позволяющего анализировать выраженные в разных единицах измерения показатели, представлена в таблице 1.

Анализ абсолютных и относительных значений показателей, характеризующих динамику демографического развития регионов ЮФО, позволяет сделать следующие выводы:

– для всех регионов ЮФО на фоне роста значения коэффициента смертности происходит, к сожалению, снижение значения коэффициента рождаемости, что приводит к снижению демографической нагрузки в регионах. Исключением в данном случае являются Республика Калмыкия, Республика Крым и Астраханская область, где на фоне уменьшающейся рождаемости и увеличивающейся смертности увеличивается демографическая нагрузка;

– практически по всем показателям, за исключением коэффициента миграционного прироста, высокой дифференциации между регионами ЮФО не наблюдается;

– в 2021 г. по сравнению с 2015 г. улучшили свою «миграционную привлекательность» большинство регионов ЮФО (за исключением Республики Крым, Краснодарского края и г. Севастополь). Однако сохраняется высокая степень дифференциации регионов по значению и темпам изменения значений коэффициента миграционного прироста;

Таблица 1

Динамика стандартизированных демографических показателей регионов ЮФО

Название субъекта	КДН		КР		КС		ОПЖР		КМП		ИКДР	
	2015	2021	2015	2021	2015	2021	2015	2021	2015	2021	2015	2021
Республика Адыгея	0,93	0,92	0,86	0,91	0,75	0,86	0,996	0,986	0,13	0,57	0,73	0,85
Республика Калмыкия	1	0,93	0,94	0,92	0,75	1	0,99	0,988	-0,23	-0,16	0,69	0,735
Республика Крым	0,9	0,87	0,87	0,89	1	0,72	0,97	0,96	0,196	0,22	0,787	0,732
Краснодарский край	0,94	0,92	0,93	0,96	0,64	0,8	1	0,976	0,24	0,24	0,75	0,779
Астраханская область	0,96	0,91	1	1	0,75	0,82	0,98	0,967	-0,11	-0,09	0,716	0,72
Волгоградская область	0,95	0,94	0,79	0,73	0,8	0,71	0,99	0,968	0,005	0,03	0,707	0,676
Ростовская область	0,98	0,96	0,83	0,8	0,71	0,71	0,99	0,966	0,01	0,12	0,704	0,711
г. Севастополь	0,95	1	0,93	0,76	0,7	0,92	0,97	1	1	1	0,91	0,936
РФ, справочно	0,98	0,95	0,92	0,89	0,66	0,81	0,98	0,97	0,04	0,1	0,716	0,744

Примечание. Рассчитано авторами по: [Регионы России... 2022, 57, 65, 73, 79, 91]. В таблице использованы следующие обозначения: КДН – коэффициент демографической нагрузки, КР – коэффициент рождаемости, КС – коэффициент смертности, ОПЖР – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, КМП – коэффициент миграционного прироста, ИКДР – интегральный коэффициент демографического развития.

– на основании значений интегрального коэффициента демографического развития, рассчитанных для двух периодов – 2015 и 2021 гг., можно сделать вывод, что к числу факторов, оказывающих негативное воздействие на демографическую составляющую социально-экономического развития, относятся снижение рождаемости и рост смертности, а к факторам позитивного влияния можно отнести рост ожидаемой продолжительности жизни и миграционный прирост, данные по которому за 2021 г. представлены в таблице 2.

Следует отметить, что миграционный прирост оказывает позитивное влияние на популяцию не всех регионов ЮФО, поскольку для Астраханской области и Республики Калмыкия он имеет отрицательные значения.

Для определения относительных значений уровня достижимости целей устойчивого развития в регионах ЮФО опять воспользуемся методом стандартизированных коэффициентов, взяв за основу для расчета показателя,

полученные учеными из МГИМО [Отчет по проекту... web] (табл. 3). Следует отметить, что в таблице 3 приведены значения рассчитанных коэффициентов не только для регионов ЮФО, но и для Нижегородской области, которая является медианной для Российской Федерации по достижению ЦУР.

По достижению ЦУР, объединенных в экологический кластер, большинство регионов ЮФО, за исключением Ростовской области, Республики Крым и Республики Калмыкия, показывают результаты выше медианного по России значения. По значению показателей, объединенных в экономический кластер, к сожалению, практически все регионы, за исключением Республики Адыгея, уступают медианной Нижегородской области. Такое же сожаление хочется выразить и по отношению показателей социального кластера, в рамках которого все регионы, за исключением Краснодарского края, демонстрируют значения ниже медианного уровня. Внушает надежду

Таблица 2

Показатели миграции населения в ЮФО в 2021 г.

Название субъекта	Коэффициенты миграционного прироста на 10000 человек населения	В пределах региона		Из(в) других(е) регионов(ы) России		Из-за(за) пределов(ы) России	
		прибывшие, %	выбывшие, %	прибывшие, %	выбывшие, %	прибывшие, %	выбывшие, %
Республика Адыгея	170	16,8	25,7	59,3	61,2	23,9	13,1
Республика Калмыкия	-47	53,3	47,8	46,2	51,9	0,5	0,3
Республика Крым	65	36,1	46,9	38,1	46,0	25,8	7,1
Краснодарский край	72	27,8	36,1	56,3	56,2	15,9	7,7
Астраханская область	-28	47,0	41,1	43,9	55,7	9,1	3,2
Волгоградская область	9	45,8	47,7	37,6	46,5	16,6	5,6
Ростовская область	36	44,9	51,8	31,2	39,8	23,9	8,4
г. Севастополь	298	18,3	34,5	55,1	53,5	26,6	12,0

Примечание. Составлено авторами по: [Регионы России... 2022, 91–99].

Таблица 3

Реализация ЦУР в регионах ЮФО, 2021 г.

Название субъекта	Экологический кластер	Экономический кластер	Социальный кластер	Институциональный кластер	ИПУР
Республика Адыгея	0,912	1	0,49	0,87	0,82
Республика Калмыкия	0,795	0,573	0,68	0,95	0,75
Республика Крым	0,696	0,929	0,76	0,72	0,78
Краснодарский край	0,99	0,91	1	1	0,97
Астраханская область	0,989	0,784	0,62	0,52	0,73
Волгоградская область	1	0,93	0,69	0,85	0,87
Ростовская область	0,59	0,893	0,86	0,87	0,8
г. Севастополь	0,88	0,9995	0,61	0,63	0,78
Нижегородская область, справочно	0,88	1	0,92	0,62	0,85

Примечание. Рассчитано авторами по: [Отчет по проекту... web]. В таблице использованы следующие обозначения: ИПУР – интегральный показатель устойчивого развития.

в обеспечение ЦУР в регионах ЮФО значения стандартизированных коэффициентов институционального кластера, которые везде, за исключением Астраханской области, выше медианной Нижегородской области.

В таблице 4 представлены данные, характеризующие значения интегрального индекса человеческого развития и входящих в его состав индексов, для регионов ЮФО.

Анализ значений индекса человеческого развития и его компонентов по регионам ЮФО в сравнении со среднероссийскими значениями, к сожалению, приводит к выводу о том, что все регионы ЮФО, за исключением Астраханской области, демонстрируют более низкие значения индекса и подиндексов, чем в среднем по России. Основной вклад с отрицательным значением в отставание регионов ЮФО вносит, как видно из таблицы 4, индекс дохода, расчет которого основан на значениях показателя валового регионального продукта, приходящегося на душу населения региона. Что же касается индекса долголетия, то для большинства регионов ЮФО (исключение – Республика Крым) характерно более высокое его значение, чем в среднем по России. Уровень образования в четырех регионах ЮФО (Ростовская область, Краснодарский край, Астраханская область и г. Севастополь) выше среднероссийского, в остальных – к сожалению, ниже.

Для наглядности дифференциации регионов ЮФО по значениям показателей, отражающих их результаты в области демографического, человеческого и устойчивого развития, объединим полученные в таблицах 1, 3 и 4 результаты в рамках рисунка 1.

Данные, представленные на рисунке 1, позволяют определить степень дифференциации регионов ЮФО по трем группам интегральных показателей, расчеты которых представлены в таблицах 1, 3 и 4. По показателям демографического развития три региона ЮФО демонстрируют более высокие значения, чем в среднем по России, по индексу человеческого развития только у Республики Крым значение ниже, чем среднероссийское, по степени достижения ЦУР превышают среднероссийское значение Краснодарский край и Волгоградская область.

Поскольку, как было сказано выше, демографически устойчивое развитие должно отвечать критериям количественного увеличения и качественного улучшения воспроизводства населения, проведем агрегирование значений интегрального коэффициента демографического развития (см. табл. 1) и индекса человеческого развития (табл. 4), получив индекс демографически устойчивого развития (далее – ИДУР), и сопоставим его значение с интегральным показателем устойчивого развития (см. табл. 3) для регионов ЮФО (см. рис. 2).

Сбалансированные значения интегральных показателей, отражающих демографически устойчивое и устойчивое развитие, характерны как для большинства регионов, за исключением Краснодарского края, Волгоградской области и г. Севастополя, так и для Российской Федерации в целом. Причем Краснодарский край и Волгоградская область являются явными лидерами среди анализируемых регионов по степени достижения ЦУР, а г. Севастополь – по степени устойчивости демографического развития.

Таблица 4

Индекс человеческого развития и его компоненты по регионам ЮФО, 2019

Название субъекта	Индекс дохода	Индекс долголетия	Индекс образования	ИЧР
Республика Адыгея	0,75	0,814	0,929	0,828
Республика Калмыкия	0,762	0,831	0,942	0,842
Республика Крым	0,72	0,795	0,939	0,813
Краснодарский край	0,799	0,815	0,959	0,855
Астраханская область	0,861	0,814	0,953	0,874
Волгоградская область	0,795	0,818	0,939	0,848
Ростовская область	0,786	0,812	0,963	0,85
г. Севастополь	0,747	0,809	0,953	0,832
РФ, справочно	0,857	0,806	0,952	0,87

Примечание. Составлено авторами по: [Индекс человеческого развития... web]. В таблице использованы следующие обозначения: ИЧР – индекс человеческого развития.

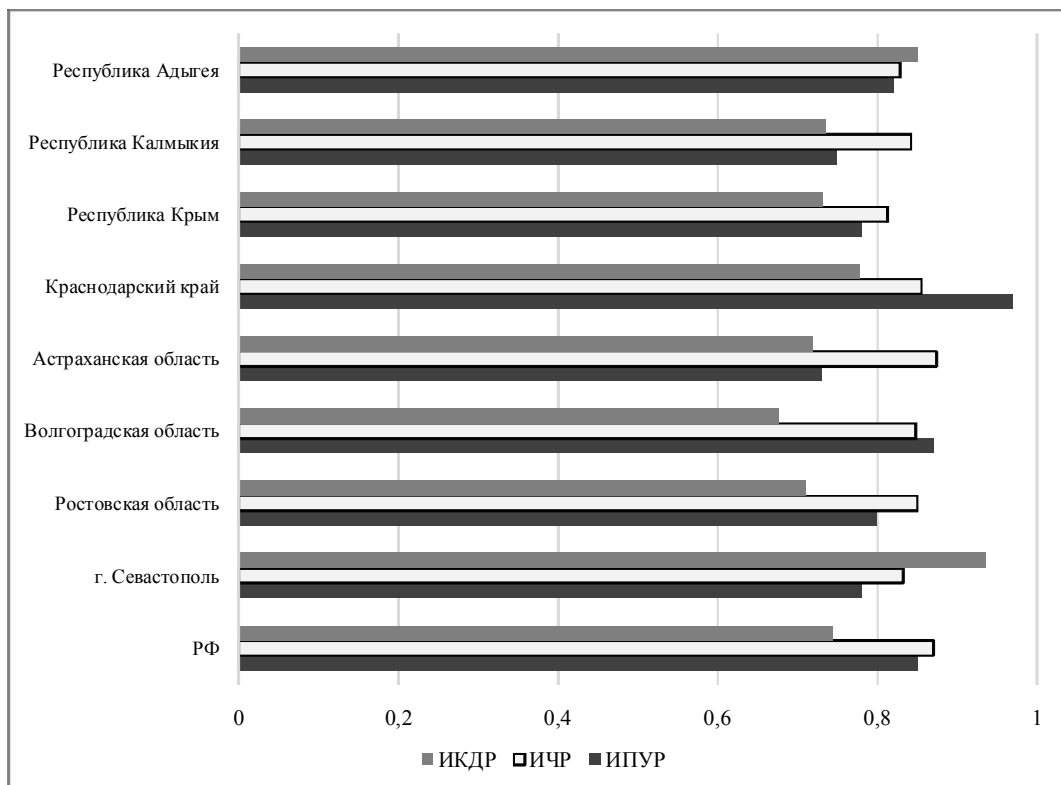

Рис. 1. Значения ИКДР, ИЧР и ИПУР для регионов ЮФО и в среднем по РФ

Примечание. Построен авторами на основании данных таблиц 1, 3 и 4.

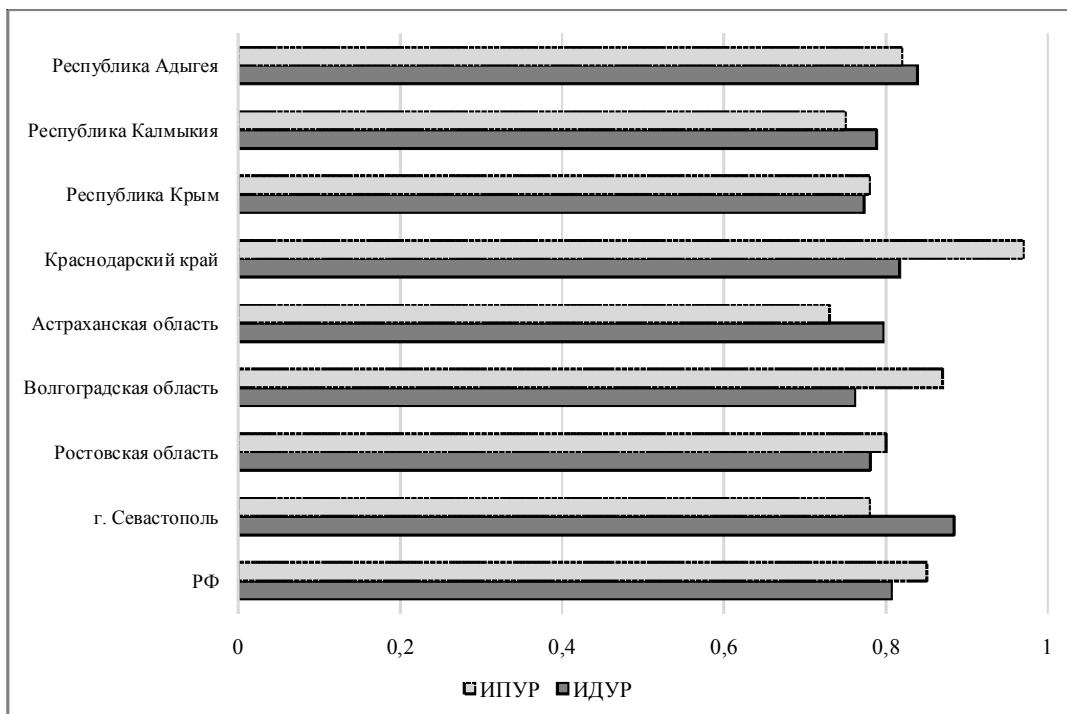

Рис. 2. Значения ИДУР и ИПУР для регионов ЮФО и в среднем по РФ

Примечания. Построен авторами на основании данных таблиц 1, 3 и 4.

Для выявления лидера среди регионов ЮФО предпримем еще один этап агрегирования с целью получения интегрального показателя, характеризующего уровень демографически устойчивого социально-экономического развития (далее – ИПДУСЭР) (рис. 3).

Как видно из рисунка 3, признанным лидером среди анализируемых регионов по демографически устойчивому социально-экономическому развитию является Краснодарский край. Причем основное влияние на значение ИПДУСЭР для данного региона оказали показатели достижения ЦУР, согласно которым Краснодарский край лидирует в рамках двух кластеров – социального и институционального, а в экологическом и экономическом кластерах занимает второе место среди рассматриваемых регионов.

Для выявления более полной картины, определяющей возможности для демографически устойчивого социально-экономического развития, необходимо не только анализировать показатели, характеризующие количественные значения его критериев, но и проводить их качественную оценку. Решить эту задачу возможно посредством анализа данных социологических опросов, позволяющих определить отношение населения к проблемам демографического, социального и экономического развития.

Поскольку речь в данном исследовании прежде всего идет о модели *демографически устойчивого* социально-экономического развития, то, естественно, необходимо проанализировать поведенческие установки россиян относительно их демографического поведения в аспекте прежде всего репродуктивных намерений, так как позитивная динамика показателя рождаемости в большей степени способствует достижению демографически устойчивого развития. Для анализа воспользуемся результатами исследования, проведенного В. Архангельским и А. Смирновым относительно выявления влияния ценностных ориентаций и уровня жизни на репродуктивное поведение россиян [Архангельский, Смирнов 2023].

К сожалению, для репродуктивного поведения и женщин, и мужчин характерна единая тенденция сокращения численности желаемого и ожидаемого количества детей. Если до 1980 г. желаемое/ожидаемое количество детей, рассчитанное как средний балл по 5-балльной шкале, для женщин составляло 2,48 б. / 2,11 б., а для мужчин – 2,02 б. / 1,63 б., то в 2000 г. и позже соответственно 1,42 б. / 0,95 б. и 1,25 б. / 0,79 б., причем это происходило на фоне роста эгоцентричного поведения – оценка значимости свободы и независимости возросла для женщин с 3,02 б. до 4,57 б., а для мужчин – с 2,7 б. до 4,51 б. [Архангельский, Смирнов 2023, 100].

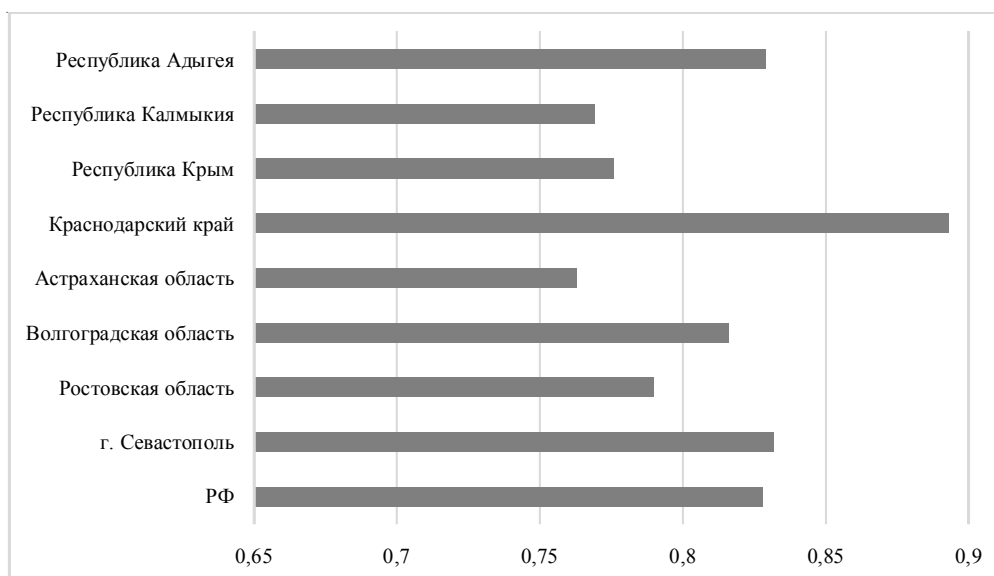

Рис. 3. Значения ИПДУСЭР для регионов ЮФО и в среднем по РФ

Примечания. Построен авторами на основании данных таблиц 1, 3 и 4.

Если факторы, которые оказывают негативное влияние на желание иметь детей, расположить по степени негативного влияния, то для женщин этот антирейтинг будет выглядеть следующим образом: материальные трудности (57,7 %), неуверенность в завтрашнем дне (56,8 %), стремление интересно проводить досуг (53,4 %), жилищные трудности (49,3 %) и профессиональная деятельность (48,6), а для мужчин – материальные трудности (53,2 %), неуверенность в завтрашнем дне (42,2 %), стремление интересно проводить досуг (31,1 %) [Архангельский, Смирнов 2023, 101–102].

Кстати сказать, большая часть опрошенных женщин (68,3 %) и мужчин (73,5 %) не считают, что помощь, оказываемая государством, существенным образом влияет на желание иметь детей, особенно это касается первого ребенка, но чем больше детей в семье, тем более значимой является господдержка [Архангельский, Смирнов 2023, 105].

Однако, основной вывод, который был сделан В. Архангельским и А. Смирновым, заключается в том, что на репродуктивное поведение влияют не столько факторы материального порядка, сколько сложившиеся ценностные установки [Архангельский, Смирнов 2023, 107], а это означает необходимость формирования в обществе ценностей семьи и брака, без которых решение проблемы обеспечения демографически устойчивого развития невозможно.

В этом аспекте вызывают интерес результаты межрегионального исследования демографического поведения населения, в рамках которого посредством анкетного опроса 5616 человек из десяти регионов РФ, в том числе Волгоградской области, не только были даны характеристики поведенческих практик различных видов демографического поведения и определены их взаимосвязи, но и выявлены поведенческие практики, наиболее поддающиеся воздействию на них [Шабунова, Ростовская 2020].

В качестве поведенческих практик, воздействие на которые позволит повысить рождаемость, А. Шабунова и Т. Ростовская относят прежде всего практики самосохранения, направленные на формирование здорового образа жизни. Необходимость этого обусловлена тем, что 55 % респондентов в качестве

фактора нездоровья указали частое наличие стрессовых ситуаций, 53 % – употребление алкоголя (27 % – злоупотребление), пренебрежительное отношение к питанию и соотношению между трудом и отдыхом – 40 % респондентов [Шабунова, Ростовская 2020, 54–55].

Сформировать практики самосохранения невозможно административным путем, поэтому задачей государства должно являться создание условий для развития и повышения доступности инфраструктуры, необходимой для реализации программ, направленных на поддержание здоровья, антистрессовых и релаксационных программ для населения, а задача структур гражданского общества – через распространение успешных практик и опыта способствовать формированию потребности в самосохранении.

Заключение

Формирование модели демографически устойчивого социально-экономического развития России, сочетающей в себе признаки не только эксклюзивности и инклюзивности, но и признак всеобщности, заключающейся в соответствии этой модели императивам и ценностям устойчивого развития, в настоящее время означает прежде всего выход на траекторию расширенного воспроизводства населения, увеличение рождаемости и сокращение смертности, как главных факторов депопуляции. В аспекте формирования модели демографически устойчивого социально-экономического развития России особо следует выделить проблемы бедности большого числа населения, а также материального и социального неравенства, которое, несмотря на научно-технический прогресс, цифровизацию, открытое общество, свободную торговлю, и как не парадоксально звучит, именно благодаря им, усиливается, что ведет к снижению качества человеческого капитала и социальной неустойчивости.

В эксклюзивных моделях устойчивого развития акцент может быть сделан на его экономическую, экологическую или социальную составляющую, в зависимости от существующих институциональных условий, что не отрицает доминанту модели – ее демографическую устойчивость. В механизме

функционирования модели демографически устойчивого развития России необходимо сочетание государственного регулирования, рыночного саморегулирования и регулирования с помощью механизмов гражданского общества. Причем, на современном этапе ввиду резкого обострения демографической проблемы, грозящей самому существованию российского государства и сложившейся за многие столетия демографической общности, необходимо прежде всего государственное регулирование демографических процессов, эксклюзивный подход с использованием рыночных механизмов в рамках основной общемировой тенденции к развитию гражданского общества и формированию инклюзивной цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский, Смирнов 2023 – *Архангельский В.Н., Смирнов А.В.* Влияние ценностных ориентаций и уровня жизни в регионе на репродуктивные намерения (по результатам исследования в Тюменской области) // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 93–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6
- Бричкалевич web – *Бричкалевич И.* Тайна демографии в Китае: рождаемость стала фактором геополитики [Московский комсомолец. 2021. 3 июня. № 28551] // <https://www.mk.ru/social/2021/06/02/ekspert-obrisoval-demograficheskiy-apokalipsis-mir-zhdet-vymiranie-a-ne-perenaselenie.html>
- Индекс человеческого развития... web – Индекс человеческого развития в России: региональные различия // https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf
- Клупт 2008 – *Клупт М.* Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008.
- Наше общее будущее... 2023 – Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: ИНФРА-М, 2023.
- Отчет по проекту... web – Отчет по проекту «Ренкинг регионов РФ в достижении целей устойчивого развития в соответствии с показателями ООН» // <https://mgimo.ru/upload/2022/11/ranking-regionov-rf.pdf>
- Посошков 1951 – *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М.: Изд-во Акад. наук, 1951.
- Регионы России... 2022 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. М.: Росстат, 2022.
- Российский статистический... 2007 – Российский статистический ежегодник. 2007: стат. сб. М.: Росстат, 2007.
- Сен 1989 – *Сен А.* Развитие как расширение человеческого выбора. М.: Нов. изд-во, 1989.
- Социально-экономическое положение... 2023 – Социально-экономическое положение России, январь – июль 2023 года: стат. сб. М.: Росстат, 2023.
- Цели в области... web – Цели в области устойчивого развития // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
- Шабунова, Ростовская 2020 – *Шабунова А.А., Ростовская Т.К.* О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2
- Human Development... web – Human Development Report. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World // <https://www.undp.org/egypt/publications/human-development-report-2013-rise-south-human-progress-diverse-world>

REFERENCES

- Arkhangelsky V.N., Smirnov A.V., 2023. The Influence of Value Orientations and Living Standards in the Region on Reproductive Intentions (According to the Results of a Study in the Tyumen Region). *Problemy razvitiya territorii*, vol. 27, no. 4, pp. 93-112. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6
- Brichkalevich I., 2021. The Mystery of Demography in China: The Birth Rate Has Become a Factor of Geopolitics. *Moskovskiy komsomolets*, no. 28551, June 3. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/06/02/ekspert-obrisoval-demograficheskiy-apokalipsis-mir-zhdet-vymiranie-a-ne-perenaselenie.html>
- Human Development Index in Russia: Regional Differences.* URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf
- Klupt M., 2008. *Demography of the Earth's Regions.* Saint Petersburg, Peter Publ.
- Our Common Future. Report of the International Commission on Environment and Development (ICED),* 2023. Moscow, INFRA-M Publ.
- Report on the Project Ranking of Regions of the Russian Federation in Achieving Sustainable Development Goals in Accordance with UN Indicators.* URL: <https://mgimo.ru/upload/2022/11/ranking-regionov-rf.pdf>

Pososhkov I.T., 1951. *A Book About Poverty and Wealth*. Moscow, Izd-vo Akad. nauk.
Regions of Russia, 2022. *Socio-Economic Indicators. 2022. Statistical Collection*. Moscow, Rosstat.
Russian Statistical Yearbook. Statistical Collection, 2007. Moscow, Rosstat.
Sen A., 1989. *Development as an Expansion of Human Choice*. Moscow, New Publishing House.
Socio-Economic Situation in Russia, January–July 2023. Statistical Collection, 2023. Moscow, Rosstat.
Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

Shabunova A.A., Rostovskaya T.K., 2020. On the Need to Develop a Model of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes. *Ekonomicheskie i socialnye peremny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 13, no. 4, pp. 38-57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2.
Human Development Report, 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. *Technical Notes*. URL: <https://www.undp.org/egypt/publications/human-development-report-2013-rise-south-human-progress-diverse-world>

Information About the Authors

Elena V. Loginova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 Let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, elena.loginova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1579-411X>

Mikhail M. Guzev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Educational and Scientific Laboratory of Regional Systems Research, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 Let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, guzev@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3129-5211>

Natalya V. Gorshkova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Economic Security, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gorshkovanv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0586-9509>

Информация об авторах

Елена Викторовна Логинова, доктор экономических наук, доцент, директор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Волгоградская область, Российская Федерация, elena.loginova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1579-411X>

Михаил Михайлович Гузев, доктор экономических наук, профессор, заведующий учебно-научной лабораторией исследования региональных систем, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Волгоградская область, Российская Федерация, guzev@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3129-5211>

Наталья Валерьевна Горшкова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов, учета и экономической безопасности, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gorshkovanv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0586-9509>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.17>

UDC 316.4
LBC 60.561.7

Submitted: 18.10.2023
Accepted: 16.11.2023

INFORMED VOLUNTARY CONSENT OF THE PATIENT: INSTITUTIONALIZATION OF PRACTICES IN MODERN RUSSIA

Natalya N. Khomutova

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint Petersburg, Russian Federation

Tatyana M. Zelenskaya

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The state has initiated the institutionalization of voluntary consent practices before medical intervention, recognizing that social well-being is a crucial factor in the provision of medical care. Today, informed voluntary consent (IVC) of the patient is being formalized, but the problem of trust in the healthcare system remains. An analysis of social patients' practices shows that consent has not been formalized, and a favorable public opinion about the healthcare system as an institution of trust in the medical system has not yet occurred. The conclusions are based on data from a survey of young people aged 18 to 35 years – patients of medical organizations in St. Petersburg. The sample is multi-stage, with nests (medical organizations) being selected first, followed by a purposeful sample, and the selection criterion for respondents is receiving medical care at the institution during the study period. This article presents an analysis of violations in signing informed consent and the reasons for their occurrence, as well as a patient assessment of the procedure and the IVC document. The obtained findings allow us to state that in order to improve the quality of medical care and increase trust in medical organizations, it is necessary to conduct additional explanatory work on medical interventions in written and accessible form for people who do not have special knowledge and are not familiar with medical and legal terminology. The IVC should have a place for indicating the performer of the medical intervention and special conditions that could be filled in considering the individual characteristics of the patient and the capabilities of the organization providing medical services. In a broader research perspective, it is worth paying attention to the discussion of bioethical documents, which are not always conducted from a conservative position; on the contrary, the principles of bioethics are questioned and new grounds are sought for its modernization; there is talk of “ambiguous ethics” and the impossibility of solving all problems within the framework of institutionalization theory.

Key words: institutionalization, social practices, informed voluntary consent, medical care, bioethics.

Citation. Khomutova N.N., Zelenskaya T.M. Informed Voluntary Consent of the Patient: Institutionalization of Practices in Modern Russia. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 170-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.17>

УДК 316.4
ББК 60.561.7

Дата поступления статьи: 18.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ПАЦИЕНТА: ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наталья Николаевна Хомутова

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Татьяна Михайловна Зеленская

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Социальное благополучие является главным условием оказания медицинской помощи, поэтому на государственном уровне была инициирована процедура институционализации практик добровольного согласия перед медицинским вмешательством. Сегодня оформляется информированное добровольное согласие (ИДС) пациента, но проблема доверия системе медицинской помощи остается, анализ социальных практик пациентов показывает, что оформление согласия и формирование благоприятного общественного мнения о системе медицинского обслуживания как института доверия медицинской системе не произошло. Выводы основаны на данных опроса молодежи в возрасте от 18 до 35 лет – пациентов медицинских организаций г. Санкт-Петербурга. Выборка многоступенчатая, сначала были отобраны гнезда (медицинские организации), далее выборка формировалась целенаправленно, критерий отбора респондентов – получение медицинской помощи в учреждении в период проведения исследования. В данной статье представлен анализ практик нарушений при подписании информированного согласия и причин их возникновения, а также представлена оценка пациентами процедуры и самого документа ИДС. Полученные выводы позволяют утверждать, что для повышения качества медицинского обслуживания и роста доверия медицинским организациям необходимо вести дополнительную разъяснительную работу по медицинским вмешательствам в письменной и доступной форме для людей, не обладающих специальными знаниями и не владеющих медицинской и юридической терминологией. В ИДС должно быть место для указания исполнителя медицинского вмешательства и особых условий, которые могли бы заполняться с учетом индивидуальных особенностей пациента и возможностей организации, оказывающей медицинские услуги. В более широкой исследовательской перспективе стоит уделить внимание обсуждению биоэтических документов, которые не всегда проводятся с консервативных позиций, наоборот, принципы биоэтики ставятся под сомнение и ищутся новые основания для ее модернизации, говорится и о «двусмысленности этики» и невозможности все проблемы решать в рамках теории институционализации.

Ключевые слова: институционализация, социальные практики, информированное добровольное согласие, медицинская помощь, биоэтика.

Цитирование. Хомутова Н. Н., Зеленская Т. М. Информированное добровольное согласие пациента: институционализация практик в современной России // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 170–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.17>

В современном мире развитие медицины можно рассматривать в рамках теории институционализации, обуславливающей изменение характера норм и правил взаимодействия врача и пациента (социальных, биоэтических и юридических), позволяющей описать влияние новых технологических достижений на характер социальных практик. Сегодня любое вмешательство в организм человека осуществляется с его согласия, за исключением случаев, связанных с состоянием самого пациента, таких как, недееспособность, невменяемость, бессознательное состояние или состояние, угрожающее жизни человека. Данная специфика отражена в законодательстве, в частности, в ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [Приказ Министерства... web]. Форма информированного добровольного согласия (далее – ИДС) утверждена на федеральном уровне приказом Министерством здравоохранения РФ № 1051н от 12 ноября 2021 г., и сохраняется неизменной с ранней редакции закона от 5 мая 2012 г., как и порядок подписания этого согла-

сия, что тоже закреплено законодательно приказом Министерства здравоохранения РФ № 1051н. Тем не менее остается проблема несоответствия потребностей граждан в правильной организации получения ими медицинской помощи и противоречий, возникающих при получении информированного согласия пациентами. Данной проблеме посвящена настоящая статья.

Эмпирические данные получены методом социологического опроса, анкета была размещена в сети интернет, процедура анкетирования проводилась в медицинских учреждениях г. Санкт-Петербурга. Опрошена молодежь в возрасте от 18 до 35 лет ($n = 586$). Структура опрошенных по уровню образования: высшее образование – 43,8 % респондентов; среднее общее образование – 41,0 %, среднее специальное образование – 8,7 %; не имели полного среднего образования – 6,5 %. Треть опрошенных составили лица мужского пола (31,2 %) и две трети – женского пола (68,8 %).

Важнейший вектор анализа принципов взаимодействия врача и пациента связан с рас-

ширяющимся каталогом медицинских услуг и спецификой их предоставления. С одной стороны, это услуги, направленные на профилактику болезней, с другой, это непосредственное клиническое вмешательство в организм пациента. Пациент, не имеющий особенностей психологического и когнитивного характера, является автономной личностью, которая самостоятельно выбирает способ, метод и время своего лечения.

В медицинской практике, согласно социологическим исследованиям, часто наблюдается формальное отношение к принципам информированного согласия. Сопутствующая проблема является биоэтической – нанесение вреда и привлечение к ответственности за причиненный вред. Исследователи отмечают, что «издание “USA Today” называет медицинские ошибки на восьмом месте в списке основных убийц» [Доника, Кожевников, Рева 2011, 32]. Распространение проблемы соотношения моральной и юридической оценки врачебной ошибки предполагает реализацию «механизма досудебного решения споров между медицинскими работниками и пациентами, реализуемого деятельностью этических комитетов» [Доника, Кожевников, Рева 2011, 34].

Существенным принципом биоэтики является принцип информированного согласия, однако до сих пор вопросы о форме документа, особенностях его предоставления активно обсуждаются. Рассматривая социальные практики защиты неимущественных прав – жизни и здоровья, с одной стороны, можно говорить об отлаженном механизме взаимодействия врача и пациента. С другой стороны, о случаях нарушениях биоэтики, негативного взаимодействия акторов, снижающих уровень доверия пациентов системе медицинского обслуживания.

В.И. Бояринова отмечает, что «зачастую к получению данного согласия относятся формально: врачи не разъясняют пациенту информацию о предстоящем вмешательстве либо допускают иные ошибки на стадии оформления такого документа, а пациент ограничивается подписанием согласия, зачастую не осознавая его содержания» [Бояринова 2021, 67].

Однако формальное отношение к получению информированного согласия, когда его дают подписать в регистратуре и не разъясняют особенностей и специфики планируемо-

го вмешательства, создает ситуацию риска как непонимания со стороны пациента процесса его лечения, так и снижения доверия между субъектами взаимодействия. Ответственность за последствия принятия решений лежит на пациенте, если его статус автономной личности не утрачен и действие является свободным. Другая ситуация, если пациент не полностью автономен в принятии решений, для установления данного факта реализуются специальные процедуры [Быстревская, Доника 2017]. Ответственность за нанесенный вред можно разделить между пациентом и врачом только при условии полного информирования пациента компетентным специалистом о плюсах и минусах вмешательства. Это будет верным, поскольку врач более компетентен, чем пациент, а социальные практики регулируются институциональными нормами: информированным согласием и биоэтическими принципами.

Вопрос автономии личности пересекается с вопросами о субъективной оценке своего здоровья. Субъективная самооценка может значительно отличаться от объективной оценки здоровья врачом или ближайшим кругом родственников [Шабунова, Россошанский 2018, 9]. Субъект вполне может ощущать себя автономной личностью и самостоятельно оценивать свое здоровье, однако фактически это может не соответствовать объективной ситуации. Эту проблему еще предстоит исследовать, так как на сегодняшний день в медицине отмечается тенденция к утверждению ценностей индивидуализма, самооценки и самодетерминации, что повышает востребованность телемедицинских услуг, институционализирует социальные практики дистанционного оформления информированного добровольного согласия [Гребенщикова, Чучалин 2021, 15].

Процессы информатизации интенсифицируются, вместе с цифровым прогрессом повышается как осведомленность пациента, так и риски ошибочных субъективных оценок состояния здоровья и субъективного выбора тактики лечения со стороны пациента. Это еще раз подчеркивает сложность механизма самовосприятия и трезвой оценки объективной реальности. Все это безусловно влияет на характер выстраивания взаимодействия между врачом и пациентом.

По результатам проведенного нами исследования, менее половины опрошенной молодежи (47,1 %) имеют четкое представление о том, что такое информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, 46,3 % – в общих чертах и 6,6 % не знают, что это такое. В последнюю группу попали респонденты в основном с неполным средним (3 % от всех опрошенных или 45,8 % указанной группы) и со средним образованием (1,9 и 29,2 % соответственно). Информацию об ИДС из закона почерпнули лишь 11,9 % респондентов, 9,3 % спрашивали у лечащего врача, 10,5 % – искали информацию в интернете, 14,0 % спрашивали у знакомых, больше половины (51,9 %) нигде не искали никакой информации.

Восприятие информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство детерминируется его формой, конкретный бланк разработан так, что пациент дает согласие сразу на весь перечень услуг, оказываемых в поликлиниках. Результаты проведенного исследования показывают, что устойчивейшей социальной практикой стало то, что молодые люди, обращаются в районные поликлиники за медицинской помощью фактически без информированного добровольного согласия, так как подписывают документ, не заглядывая в его.

С правовой точки зрения возникает противоречие с п. 4 Приказа Минздрава № 105/н [Приказ Министерства... web], а именно, поскольку перед оформлением информированного добровольного согласия пациенту не предоставляется в доступной для него форме полная информация о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах видов медицинских вмешательств и так далее. Медицинские работники отмечают, что невозможно рассказать обо всех услугах пациенту за ограниченное время, поэтому производится специальное информирование перед некоторыми процедурами, такими, как УЗИ, МРТ или КТ, ФГДС, перед которыми пациента следует информировать дополнительно о подготовке к предстоящей процедуре. Как и когда происходит информирование пациента, зависит от конкретных специалистов и организаций. Так, по данным нашего исследования, лишь 16,5 %

молодых людей получили информацию о предстоящей процедуре оказания медицинской помощи при обращении в поликлинику, 21,7 % респондентов никогда не получали никакой информации перед подписанием ИДС, 33,7 % – только перед проведением МРТ, КТ, ФГДС, часть респондентов (28,1 %) даже не помнят, проводилось ли информирование. При этом качество получаемой информации как хорошее и высокое отметили только 13,2 и 5,5 % соответственно. Преобладающая часть опрошенной молодежи дала оценку удовлетворительно (35,5 %) или «недостаточное качество информирования» и низкое (28,9 %).

Организация оказания медицинской помощи в стационарах отличается от поликлинической. Каждый пациент поступает с определенным диагнозом и заболеванием, то есть круг медицинской помощи для конкретного пациента гораздо уже, чем в поликлинике, и период оказания стационарной медицинской помощи ограничен сроком госпитализации. В связи с этим ожидается возможность в полной мере проинформировать пациента до оказания ему услуг о видах вмешательства и рисках для его здоровья. Однако в приемном отделении нет возможности заранее предвидеть все виды диагностических и лечебных услуг, которые будут оказаны данному пациенту в течение госпитализации, следовательно, он должен сразу согласиться на все возможные виды медицинской помощи, либо перед каждой услугой подписывать отдельное информированное согласие на вмешательство. Кроме того, часть госпитализаций происходит в экстренном порядке, когда пациент находится в состоянии болевого шока, сильного стресса или в бессознательном состоянии. Это подтвердили и результаты опроса – 38,6 % респондентов не помнят, получали ли они какую-либо информацию до подписания ИДС или нет. Данные нашего социологического исследования также показали, что каждый пятый (20,5 %) получал при обращении в стационар полную информацию перед подписанием ИДС, каждый четвертый (25,1 %) только перед услугами МРТ, КТ, ФГДС.

Информацию, полученную в стационарах перед подписанием ИДС, опрошенные оценили как удовлетворительную (20,1 %), низкого качества и неудовлетворительную – 25,8 %. Тем не

менее 19,8 % респондентов получили информацию хорошего и 2,6 % – высокого качества.

В п. 36 Постановления Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 [Постановление Правительства... web] отмечено, что платные медицинские услуги предоставляются при наличии информированного добровольного согласия потребителя (законного представителя потребителя), данного в соответствии с порядком, установленным Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон... web]. Возможно, в коммерческих медицинских организациях, где нет такого большого потока пациентов и столь ограниченных норм времени на прием ситуация лучше? Мы проанализировали полученные ответы: 35,3 % респондентов всегда получали необходимую информацию перед подписанием ИДС, 26,3 % – только перед МРТ, КТ, ФГДС. Тем не менее 12,0 % респондентов отметили, что не получали никакой информации, а четверть (26,3 %) не помнят, как и когда им предоставляли информацию о предстоящих вмешательствах. При этом оценка полученной информации была значительно выше, чем в поликлиниках и стационарах госсектора. Качество информирования как высокое и хорошее оценили соответственно 18,1 и 24,1 % опрошенных, удовлетворительно – 23,8 %, низкую оценку выставили 16,0 % респондентов, а 18,0 % опрошенных затруднились дать оценку. Таким образом, наша гипотеза о более высоком качестве информирования в коммерческих организациях подтвердилась. В то же время фиксируются низкие оценки, в связи с не предоставлением в ряде случаев необходимой информации до подписания ИДС.

Наиболее часто, по опыту респондентов, встречается вариант подписания ИДС до посещения врача, в регистратуре или у администратора при первом обращении в поликлинику или стационар (26,2 %), или перед подписанием договора на оказание платных услуг (48,8 %). Непосредственно у врача перед получением услуги подписывали ИДС 21,7 % респондентов. Опрошенные респонденты отметили, что если они просили их проинформировать о рисках для здоровья и особенностях предстоящих вмешательств до подписания

ИДС, то вместо информации каждый третий часто (9,7 %) или иногда (21,3 %) в ответ слышал фразу «Вы можете отказаться от услуги». Фразу «не хотите не подписывайте, без этого врач Вас не примет» получали вместо информации 22,9 % респондентов (часто – 1,1 % и иногда 21,8 % опрошенных). Почти половина (46,1 %) респондентов подписывают ИДС, не ожидая разъяснений. Информирование пациента осуществляется преимущественно устно, однако не исключена и письменная форма по требованию пациента, право на которое предусмотрено в Порядке подписания ИДС. Согласно ему, пациенту должна быть предоставлена полная информация в доступной для него форме. Однако Федеральный закон № 323-ФЗ [Федеральный закон... web] и принятые в соответствии с ним подзаконные акты не устанавливают механизм реализации данного требования, что позволяет медицинским организациям его игнорировать, ссылаясь на отсутствие конкретных подзаконных нормативных актов прямо на то указующих и стандартной формы письменного информирования.

Надлежащая информированность пациента является важным критерием оценки качества и полноты оказания медицинских услуг при проведении проверок контрольно-надзорными органами и возникновении споров с пациентом [Шипова 2019] и одновременно социальные практики ИДС показывают, что нельзя утверждать, что это информирование осуществляется в полной мере.

ИДС выполнено в виде универсальной формы бланков информированных согласий. Унифицированная форма ИДС закрытого типа рассматривается как негативный фактор, способствующий формальному разъяснению персоналом медицинских организаций содержания согласия пациенту. На данную проблему указывают в своих работах А.О. Кургузов, И.М. Магомедов [Кургузов, Магомедов 2016], Ю. Д. Сергеев, Ю.В. Бисюк [Сергеев, Бисюк 2007], М.Ю. Старчиков [Старчиков 2017], В.Н. Флоря [Флоря 2019] и др.

В утвержденной форме информированного согласия отсутствует указание на исполнителя медицинской услуги (врача или другого медицинского работника), хотя в п. 2 ст. 10 ФЗ «Закона о защите прав потребителей» [За-

кон РФ... web] написано, что при оказании услуг необходимо: «указание на конкретное лицо, которое будет выполнять работу (оказывать услугу), и информацию о нем, если это имеет значение, исходя из характера работы (услуги)». Никаких дополнений или уточнений в данную форму не могут вносить ни медицинские работники, ни пациенты. По данным опроса, преобладающая часть молодежи (43,2 %) хотели бы иметь возможность внесения дополнений со стороны пациента в ИДС при его подписании, причем одинаково: как среди женщин (43,2 %), так и среди мужчин (43,1 %). Такое желание в большей степени выразили опрошенные со средним (51,0 %) и неполным средним (57,4 %) образованием, среди опрошенных со средне-специальным образованием таковых было 39,7 %, а с высшим образованием – 34,4 %. Треть опрошенных (31,0 %) не знают, нужно ли давать такую возможность, остальные 25,8 % – считают это излишним (наиболее часто такой ответ наблюдался среди респондентов с высшим образованием – 44,0 %).

Интересно, что судебная практика не рассматривает согласие на медицинское вмешательство в качестве обязательного условия медицинского вмешательства и не считает письменную форму согласия документом, исчерпывающим образом, отражающим волю пациента [Бояринова 2021, 72].

В судебной практике, как отмечает О.В. Беляева, имеет место позиция, согласно которой «само по себе подписание пациентом добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство не свидетельствует о полном информировании учреждением пациента о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи, как то предписывает ст. 20 ФЗ РФ № 323-ФЗ от 21.11.2011 г.» [Беляева 2018, 16].

С.В. Горюченко отмечает, что обязанность по доказыванию неполноты информирования лежит на пациенте, поэтому, если пациент не предпринимает действий по аудио- или видеофиксации процедуры информирования, доказать неполноту предоставленной ин-

формации будет практически невозможно [Горюченко 2019].

Для понимания восприятия пациентами ИДС мы попросили респондентов ответить на вопрос: что они чувствуют при оформлении информированного добровольного согласия? Больше половины (61,6 %) воспринимают ИДС как отписку или просто формальность, а 9,7 % – испытывают чувство незащитности. При этом различий в долевом соотношении ответов среди мужчин и женщин не обнаружилось. 28,7 % опрошенных (среди женщин – 26,0 %; среди мужчин – 32,9 %) ощущают себя защищенными. При этом подавляющее большинство опрошенных (81,0 %) хотели бы иметь возможность получения информации в доступной письменной форме (22,0 %) для спокойного ознакомления и подготовке к предстоящим медицинским вмешательствам или в виде дополнительных разъяснений компетентным специалистом (22,0 %), и то и другое хотели бы получать 37,0 % респондентов. Это становится очень важным, если учесть, что состояние пациента перед приемом обычно сопровождается волнением, которое мешает быстро и четко воспринимать предоставляемую информацию в сжатом виде с большим набором медицинской терминологии, не всегда понятной потребителю медицинских услуг. Мы предложили оценить свое состояние респондентам по шкале от 0 – абсолютно спокоен, до 5 – состояние сильного стресса. Оказалось, что 36,8 % практически спокойны при обращении к врачу (оценка в 0–1 балл); половина опрошенных (50,4 %) испытывают небольшое волнение (оценка в 3 балла – 27,4 % и в 2 балла – 23,0 %), и лишь 12,7 % опрошенных находятся в стрессовом состоянии (оценили в 5 баллов 5,1 % и в 4 балла – 7,6 %).

Резюмируя, можно выделить следующие проблемы, связанные с реализацией социальных практик оформления добровольного информированного согласия:

- недостаточное понимание документа ИДС со стороны субъекта подписания;
- нарушение процедуры оформления ИДС со стороны представителя медицинской организации;
- недостаточное разъяснение информации по медицинским вмешательствам в письменной и доступной форме для людей, не об-

ладающих специальными познаниями и не владеющих медицинской и юридической терминологией.

В более широкой исследовательской перспективе необходимо отметить следующие проблемы:

- проблема совершенствования процедуры институционализации ИДС в контексте сложных биоэтических проблем, которые предполагают несколько решений, критерии оценки которых не отработаны;

- проблема соотношения институциональных норм: социальных, биоэтических и юридических;

- проблема субъектной самооценки пациентом соотношения понимания содержания ИДС и проблемы ответственности за нанесение вреда;

- проблемы, связанные с развитием медицины и изменением характера взаимодействия врача и пациента и с новыми технологическими достижениями, влияющими на характер вмешательства в жизнь пациента (дистанционные технологии).

Для решения практических проблем можно предложить медицинским организациям создать систему дополнительного информирования пациента о предстоящих медицинских вмешательствах в виде буклетов, памяток, информационных стендов. Возможно также создание справочных служб или кабинетов, где пациент мог бы задать вопросы или получить необходимые разъяснения по поводу предстоящего исследования, процедуры, иного вмешательства, не отвлекая при этом врача от приема других пациентов и не нарушая регламента его работы. Использование данных предложений позволит снять напряжение или непонимание между врачом и пациентом, особенно для категорий лиц с повышенным уровнем тревожности, замедленным восприятием новой информации в условиях ограниченного времени приема.

Остается открытым вопрос и о доступности и полноте восприятия информации пациентом. По этой причине актуальна проблема создания образовательного компонента, то есть разработки программ, которые помогут гражданам осознанно воспринимать ИДС [Саяпина 2018, 46].

С правовой точки зрения следует продолжить работу над формой ИДС. В нем должно быть место для указания исполнителя медицинского вмешательства и особых условий, которые могли бы заполняться с учетом индивидуальных особенностей пациента и возможностей организации, оказывающей медицинские услуги.

В более широкой исследовательской перспективе стоит уделить внимание обсуждению биоэтических документов, которые не всегда проводятся с консервативных позиций, наоборот, принципы биоэтики ставятся под сомнение и ищутся новые основания для ее модернизации [Savulescu 2015]. В исследовании, выявляющем роль женщины и материнства в мире и отношению к ним, говорится о «двусмысленности этики» и невозможности все проблемы решать в рамках строгих категорий. В своем эссе автор критически рассматривает работы Джона Харриса и Юргена Хабермаса по проблеме генной инженерии, бросая вызов традиционным взглядам на биоэтику [Oliver 2010]. Автор пишет об идее «двусмысленности этики», понимает ее как соответствующую «беспорядку жизни», спонтанности жизни и невозможности представить жизнь через строгий круг категорий. Часто в реальной ситуации мы, как отмечает автор, отталкиваемся от этих двусмысленностей и основываем этику на них, а не на абстрактных моральных нормах или каком-то представлении о человечестве как виде». В этом случае «этика исходит из (вместо того), чтобы противостоять случайностям жизни в том виде, в каком мы ее на самом деле проживаем» [Oliver 2010, 94].

Данные тенденции с одной стороны подразумевают новые варианты интерпретации привычных биоэтических проблем, с другой стороны, делают социальные границы понимания этических принципов настолько гибкими, что категории институционализации, которые воплощаются в правовых документах, оказываются слишком жесткими для анализа подобных двусмысленностей. В этом контексте исследователь Ш.Г. Айвазян называет несколько причин, по которым в реальности общество сталкивается все с новыми сложными проблемами в области охраны здоро-

вья. Например то, что особенности отношений между врачом и пациентом (индивидуализация) не могут быть описаны в строгих категориях закона, в том числе он отмечает, что сложные биоэтические проблемы могут иметь несколько вариантов решений, но критерии правильного их выбора зачастую не отработаны, а «взаимоотношения между врачами и пациентами нельзя в полной мере описать только юридическими нормами» [Айвазян, Доника, Элланский 2015, 37].

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что процедура институционализации ИДС в современной России еще не завершена, в перспективе нормы взаимодействия врачей и пациентов будут дорабатываться. Результаты опроса показывают, что большая часть молодежи не концентрирует внимание на процедуре ИДС, однако чем старше становится человек, тем чаще нуждается в медицинской помощи, поэтому социальные практики молодых людей будут меняться. Объективные факторы – повышение уровня образования молодежи, расширение опыта взаимодействия с медицинскими организациями; субъективные факторы – изменения самооценки уровня здоровья и доверия медицинским организациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян, Доника, Элланский 2015 – *Айвазян Ш.Г., Доника А.Д., Элланский Ю.Г.* Права врача в проблемном поле биоэтики (случай из европейской практики) // *Биоэтика*. 2015. № 1 (15). С. 35–37.
- Беляева 2018 – *Беляева О.В.* Добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство в свете практики судов Российской Федерации и Европейского суда по правам человека // *Медицинское право: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 2 (8). С. 13–20.
- Бояринова 2021 – *Бояринова В.И.* Правовое значение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2021. Т. 18, № 1. С. 66–74.
- Быстревская, Доника 2017 – *Быстревская Н.Ю., Доника А.Д.* Комплементарность автономии и ответственности пациента в клинической медицине // *Международный журнал экспериментального образования*. 2017. № 4-1. С. 52–52.
- Горovenko 2019 – *Горovenko С.В.* Административная ответственность за нарушение требований законодательства о получении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 2 (48). С. 44–51.
- Гребенщикова, Чучалин 2021 – *Гребенщикова Е.Г., Чучалин А.Г.* Уважая автономию пациента: добровольное информированное согласие в современной медицине // *Медицинская этика*. 2021. Т. 9, № 1. С. 12–16.
- Доника, Кожевников, Рева 2011 – *Доника А.Д., Кожевников Л.Л., Рева И.Е.* Врачебная ошибка: дифференциация этического и правового поля (опыт США и российские реалии) // *Биоэтика*. 2011. № 1 (7). С. 32–34.
- Закон РФ... web – Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с дополнениями и изменениями) // <https://base.garant.ru/10106035/>
- Кургузов, Магомедов 2016 – *Кургузов А.О., Магомедов И.М.* Информированное согласие пациента: проблема стандартизации // *Международный студенческий научный вестник*. 2016. № 6. С. 60–61.
- Постановление Правительства... web – Постановление Правительства Российской Федерации от 11.05.2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // <http://government.ru/docs/all/147526/>
- Приказ Министерства... web – Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.11.2021 № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» (зарегистрирован 25.11.2021 № 65977) // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111250019>
- Саяпина 2018 – *Саяпина С.М.* Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: проблемы содержания и процесса оформления // *Медицинское право: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 1 (7). С. 43–47.
- Сергеев, Бисюк 2007 – *Сергеев Ю.Д., Бисюк Ю.В.* Юридическое значение первичной медицин-

- ской документации // Клиническая медицина. 2007. № 12. С. 72–73.
- Старчиков 2017 – *Старчиков М.Ю.* Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. М.: Инфотропик Медиа, 2016.
- Федеральный закон... web – Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g>
- Флоря 2020 – *Флоря В.Н.* Юридическое значение согласия пациента на медицинское вмешательство, повлекшее его гибель или тяжкие // Медицинское право. 2020. № 5. С. 51–53.
- Шабунова, Россошанский 2018 – *Шабунова А.А., Россошанский А.И.* Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 7–19.
- Шипова 2019 – *Шипова Е.А.* Информационное обеспечение качества оказания медицинских услуг субъектами предпринимательской деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19, № 4. С. 111–115.
- Oliver 2010 – *Oliver K.* Enhancing Evolution: Whose Body? Whose Choice? // Southern Journal of Philosophy. 2010. № 48 (s1). P. 74–96. DOI: 10.1111/j.2041-6962.2010.00022.x
- Savulescu 2015 – *Savulescu J.* Bioethics: Why Philosophy is Essential for Progress // Journal of Medical Ethics. 2015. № 41 (1). P. 28–33.
- Responsibility in Clinical Medicine. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya*, no. 4-1, p. 52.
- Gorovenko S.V., 2019. Administrative Responsibility for Violating the Requirements of Legislation on Obtaining Informed Voluntary Consent for Medical Intervention. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, no. 2 (48), pp. 44-51.
- Grebenshchikova E.G., Chuchalin A.G., 2021. Respecting Patient Autonomy: Voluntary Informed Consent in Modern Medicine. *Meditinskaya etika*, vol. 9, no. 1, pp. 12-16.
- Donika A.D., Kozhevnikov L.L., Reva I.E., 2011. Medical Error: Differentiation of the Ethical and Legal Field (US Experience and Russian Realities). *Bioetika*, no. 1 (7), pp. 32-34.
- Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I "On the Protection of Consumer Rights"*. URL: <https://base.garant.ru/10106035/>
- Kurguzov A.O., Magomedov I.M., 2016. Informed Consent of the Patient: The Problem of Standardization. *Mezhdunarodnyy studentcheskiy nauchnyy vestnik*, no. 6, pp. 60-61.
- Decree of the Government of the Russian Federation Dated May 11, 2023 No. 736 "On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations, Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidation of Decree of the Government of the Russian Federation Dated October 4, 2012 No. 1006"*. URL: <http://government.ru/docs/all/147526/>
- Order of the Ministry of Health of the Russian Federation Dated November 12, 2021 No. 1051n "On Approval of the Procedure for Giving Informed Voluntary Consent to Medical Intervention and Refusal of Medical Intervention, Forms of Informed Voluntary Consent to Medical Intervention and Forms of Refusal of Medical Intervention"* (Registered November 25, 2021 No. 65977). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111250019>
- Sayapina S.M., 2018. Informed Voluntary Consent to Medical Intervention: Problems of Content and the Process of Registration. *Meditinskoye pravo: teoriya i praktika*, vol. 4, no. 1 (7), pp. 43-47.
- Sergeev Yu.D., Bisyuk Yu.V., 2007. The Legal Significance of Primary Medical Documentation. *Klinicheskaya meditsina*, no. 12, pp. 72-73.
- Starchikov M.Yu., 2017. *Civil Liability of Medical Organizations for Harm Caused to the Life (Health) of Patients in the Provision of Medical*

REFERENCES

- Ayvazyan Sh.G., Donika A.D., Ellansky Yu.G., 2015. The Rights of a Doctor in the Problematic Field of Bioethics (A Case from European Practice). *Bioetika*, no. 1 (15), pp. 35-37.
- Belyaeva O.V., 2018. Voluntary Informed Consent to Medical Intervention in the Light of the Practice of the Courts of the Russian Federation and the European Court on Human Rights. *Meditinskoye pravo: teoriya i praktika*, vol. 4, no. 2 (8), pp. 13-20.
- Boyarinova V.I., 2021. The Legal Significance of Informed Voluntary Consent to Medical Intervention. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, vol. 18, no. 1, pp. 66-74.
- Bystrevskaya N.Yu., Donika A.D., 2017. Complementarity of Patient Autonomy and

- Services: Theoretical Provisions and Judicial Practice*. Moscow, Infotropik Media.
- Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation”. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g>
- Florya V.N., 2020. The Legal Significance of the Patient’s Consent to Medical Intervention That Caused His Death or Serious Injury. *Meditsinskoye pravo*, no. 5, pp. 51-53.
- Shabunova A.A., Rossoshansky A.I., 2018. Assessment of Subjective Quality of Life by Representatives of the Older Generation, *Problems of Territory Development. Problemy razvitiya territorii*, no. 3 (95), pp. 7-19.
- Shipova E.A., 2019. Information Assurance of the Quality of Medical Services Provided by Business Entities. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, vol. 19, no. 4, pp. 111-115.
- Oliver K., 2010. Enhancing Evolution: Whose Body? Whose Choice? *Southern Journal of Philosophy*, no. 48 (s1), pp. 74-96. DOI: 10.1111/j.2041-6962.2010.00022.x
- Savulescu J., 2015. Bioethics: Why Philosophy Is Necessary for Progress. *Journal of Medical Ethics*, vol. 41 (1), pp. 28-33. DOI: 10.1136/medethics-2014-102284

Information About the Authors

Natalya N. Khomutova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social and Human Sciences, Economics and Law, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Prosp. Piskaryevsky, 47, 195067 Saint Petersburg, Russian Federation, homutova_nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0157-2428>

Tatyana M. Zelenskaya, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Social and Human Sciences, Economics and Law, Northwest State Medical University named after I.I. Mechnikov, Prosp. Piskaryevsky, 47, 195067 Saint Petersburg, Russian Federation, szgmu2023@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8914-0870>

Информация об авторах

Наталья Николаевна Хомутова, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, просп. Пискаревский, 47, 195067 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, homutova_nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0157-2428>

Татьяна Михайловна Зеленская, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, просп. Пискаревский, 47, 195067 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, szgmu2023@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8914-0870>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.18>

UDC 141.201
LBC 87.341

Submitted: 03.05.2023
Accepted: 16.11.2023

DIFFERENCES BETWEEN IDEAS OF CONFUCIUS AND PLATO

Ran Jinhong

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. West and East are two branches of human culture, two civilizations, two ways of life. West and East were perceived as “opposite” sides of the world, and this statement applied not only to geography, but also to mentality and worldview. The article discusses the features of Eastern and Western philosophy through the prism of the great ideas of Confucius and Plato, thinkers who had a huge impact on the further development of both cultures and value systems. The comparison in the article is based on metaphysical concepts and the value orientations that follow from them, the attitude to knowledge and to a person, as well as the way of thinking. In the context of metaphysics, the category of philanthropy, which is significant for Confucianism – *ren*, is considered in comparison with the theory of Plato’s ideas, the differences are demonstrated, which later gave different vectors for the development of European and Chinese thought. These differences gave rise to dissimilarity of value concepts, and, as a result, a different understanding of knowledge. As a separate position for comparison, the concept of “aspiration” is taken as the desire for individuality in Western philosophy as opposed to the desire for harmony in Chinese. The reasons leading to such a difference are rooted not only in the personality of the thinkers, but also in a special cultural background and geographical environment. The analytical Western mind of the individual is opposed to the Chinese public consciousness, where the priority is harmony in relations between people at different levels. The author shows some basic philosophical attitudes important for both civilizations and the difference in the further directions of development of the two cultures.

Key words: Confucius, Plato, metaphysical aspiration, value orientations, way of thinking, state of aspiration.

Citation. Ran Jinhong. Differences Between Ideas of Confucius and Plato. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 180-187. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.18>

УДК 141.201
ББК 87.341

Дата поступления статьи: 03.05.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

РАЗЛИЧИЕ ИДЕЙ КОНФУЦИЯ И ПЛАТОНА

Жань Цзиньхун

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Запад и Восток – две ветви человеческой культуры, две цивилизации, два образа жизни. Запад и Восток всегда воспринимались как «противоположные» стороны света, и это утверждение относилось не только к географии, но и к ментальности и мировоззрению. В статье обсуждаются особенности восточной и западной философии сквозь призму великих идей Конфуция и Платона, мыслителей, которые оказали огромное влияние на дальнейшее развитие обеих культур и систем ценностей. За основу сравнения в статье взяты метафизические концепции и следующие из них ценностные ориентиры, отношение к знанию и к человеку, а также образ мышления. В контексте метафизики рассмотрена значимая для конфуцианства

категория человеколюбия – *жэнь* в сравнении с теорией идей Платона, продемонстрированы различия, давшие в дальнейшем разные векторы развития европейской и китайской мысли. Эти различия породили и несходство ценностных концепций, и, как следствие, разное понимание знания. В качестве отдельной позиции для сравнения взято понятие «стремления» как стремление к индивидуальности в западной философии в противовес стремлению к гармонии в китайской. Причины, приводящие к такому различию, коренятся не только в личности мыслителей, но и в особом культурном фоне и географической среде. Аналитический западный ум индивида противопоставлен китайскому общественному сознанию, где приоритетом является гармония в отношениях между людьми на разных уровнях. Автор показывает некоторые важные для обеих цивилизаций базовые философские установки и различие в дальнейших направлениях развития двух культур.

Ключевые слова: Конфуций, Платон, метафизическое стремление, ценностные ориентации, образ мышления, состояние стремления.

Цитирование. Жань Цзиньхун. Различие идей Конфуция и Платона // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, №4. – С. 180–187. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.18>

Конфуций был великим мыслителем Китая. Конфуцианство, основанное им, оказало большое влияние на историю Китая и стало основным направлением в истории китайского мышления. Анонимный представитель династии Сун писал: «Вечно царила бы долгая ночь, если бы в Поднебесной не было бы Чжун Ни (второе имя Конфуция)!» [Чжу Си, 1992, 1], в котором выражено бесконечное уважение Конфуцию от ученых последующих поколений. Платон находится в аналогичном положении в истории западного мышления. Как сказал А.Н. Уайтхед: «Вся европейская философия – это лишь заметки на полях сочинений Платона» [Whitehead 1929, 142].

В данной работе мы анализируем некоторые различия мыслей Конфуция и Платона, чтобы выявить некоторые характерные направления развития китайской и западной культур с целью анализа отдельных аспектов китайской и западной культур.

Основная разница философских идей у Конфуция и Платона состоит в следующем:

1. Метафизическое стремление.

Нет большой разницы во взглядах Конфуция и Платона на то, что источник вещей трансцендентален. Однако рассмотрим некоторые взгляды этих философов отличающиеся друг от друга [Ши Бинцзюнь 1999].

Ранняя китайская мысль приписывала человеческий порядок и мораль «владыке (Ди)» или «Небу». Эта концепция Небо-человек воплощается в таких фразах, как «Был велемощным Небом род людской рожден, природу жаловало роду и закон Небо, рождая на свет человеческий род, Тело и правило жизни всем людям дает. 天生丞民，有物有则» («Книга

песен», Большие оды (Да я), Цикл Дан, «Род людской», III, III,6) [Конфуций 1987, 267] и «Не полагаясь, на знания свои и на опыт, ты подчинился владыкою данным заветам. 不知不识，顺帝之则» («Книга песен», Большие оды (Да я), Цикл Вэнь-ван, Вышнего неба державен верховный владыка, III, I,7) [Конфуций 1987, 230]. Однако после Конфуция появилась новая тенденция к повышению статуса человека, поскольку Конфуций подчеркнул, что «Дао Неба далеко, а Дао человека близко. 天道远，人道近» [Весны и осени... 2000, 351]. Ядром мышления Конфуция является человеколюбие, недоступное обычному человеку, но тем не менее вечно присутствующее в его сердце.

Конфуций рассматривает человеколюбие как высшую моральную концепцию и превращает его в цель жизни благородного мужа. Человеколюбие присутствует не только в человеческом разуме, но и пребывает в единстве с миром и всем остальным. По мнению Мэн Пэйюаня¹, «Конфуцианство дает положительный ответ на духовные вопросы, осуществляя самопревосхождение и рассматривая человеколюбие как наивысшее состояние» [Мэн Пэйюань 1998, 97] Хотя нельзя сказать, что человеческий порядок и ценность происходят от мира, где мы живем, но, по крайней мере, это показывает, что китайская культура является гуманистической. Конфуций не отрицает того, что источник ценности находится не в человеке, а в Небе. Поскольку языком трудно объяснить этот источник трансцендентности, каждому человеку придется самому его переживать. Из этого Цзы-гун сделал вывод: «Суждение Учителя о вэнь-культуре можно услышать. Суждения же Учителя о природе

человек и Дао-Пути Неба невозможно услышать» («Лунь юй», V, 13) [Переломов (ред.) 2004, 173]².

Теория Платона состоит в том, что он рассматривал бытие как существование бес-телесных идей, всего того, что реалистично. Учение Платона основывается на существовании двух миров, «мира идей» и «мира вещей».

По теории Платона мир идей – это подлинный и настоящий мир, состоящий из вечных, неизменных и абсолютных идей или форм. Мир вещей – это все то, что окружает человека, но человек сам изменяется и находится в вечном процессе становления. Воспринимаемый человеческими чувствами мир, это не подлинное бытие, а отраженное, временное, смертное. Платон утверждал, что бессмертная душа человека связана с «миром идей» миром чистых сущностей, которые он познает своим умом, то есть, иными словами, размышляя о мире его окружающем. Тем самым человек переходит в духовное состояние или к подлинному своему состоянию.

Аристотель был учеником Платона и развил его учение. Развивая учение своего учителя Аристотель стремился преодолеть разрыв между миром чувственных вещей и «миром идей». Принимая то, что существует материя, Аристотель считал ее вечной, несотворимой и неуничтожимой. Однако сама материя инертна и не может менять своей формы, чтобы возникла действительно возможность возникновения разнообразие вещей надо придать материи соответствующую форму. Форма это активный творческий процесс, это причина становления вещей из разнообразной материи. Аристотель приходит к неизбежным выводам в соответствии с логикой его учителя, что основным двигателем мира является Бог. Бог также есть «первопричина» и «начало всех начал».

В отличие от Платона Конфуций делает предположение об этом источнике трансцендентности, но не пытается его доказывать простым людям. Поиски этих двух мудрецов с самого начала заложили разные направления развития для китайской и западной культур.

2. Ценностные ориентации.

Мысли Конфуция имеют сильный гуманистический оттенок. В главе «Янь-юань» Конфуций интерпретировал «человеколюбие» как «любовь к людям», а «знание» как «знание

людей». В главе «Ли Жэнь» он также сказал: «Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду». Отсюда видно, что «знание» Конфуция в основном посвящено познанию моральных отношений между людьми. Это понимание способствует реализации «человеколюбия». Однажды он сказал: «Как можно быть человеколюбивым без знания (未知焉得仁)» («Лунь юй», V, 19) [Лу Демин 1983, 347]. В этом предложении слово “知” часто объясняется как знаю, но согласно толкованию Лу Демина слово “知” обозначает знание или мудрость. «Знание» является необходимым условием «человеколюбия». Если нет четкого понимания моральных отношений, то не будет сознательного человеколюбия и добродетели. Следовательно, «знание» всегда соединяется с «человеколюбием».

В теории Конфуция о единстве знания и человеколюбия рассматривается эпистемология как этика, поэтому все его тезисы эпистемологии имеют нравственное значение. Что касается содержания познания, то «знание» у Конфуция означает «знание людей», «благородный муж постигает свой Дао-Путь через учебу», а «дума» есть «мышление» – «по отношению к делам думает о том, чтобы быть внимательным к ним; в случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по его отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собою; при виде возможности приобрести что-либо думает о справедливости» («Лунь юй» XVI,10) [Конфуций 2018,167].

На самом деле процесс познания – это процесс культивирования добродетели: «знание» заменяет «незнание», преодоление четырех недостатков: склонности к домыслам, категоричности, упрямства и самовозвеличивания, в результате осуществляется согласование учебы с мышлением, единство речи и действия. Именно благодаря этому процессу культивируются человеческие добродетели. Конфуций стремится к тому, чтобы культивировать идеальную личность в единстве человеколюбия и знания. Он подал прекрасный пример ученикам своим поведением. Выращивание идеальной личности в единстве человеколюбия и знания зависит как от коллективной помощи, так и от субъективных усилий человека. Поэтому Конфуций

особо подчеркнул важность задавать цели. Он сказал: «Тот, кто стремится претворить человеколюбие, не сотворит зла» («Лунь юй» IV, 4). По его мнению, в том случае, если у человека есть благородное стремление, он, проявляя субъективную активность, неуклонно усердно трудясь, безусловно, может быть человеколюбивым.

Учитывая силу воли человека, Конфуций подчеркнул: «Можно лишить поста командующего тремя армиями, но невозможно заставить простолюдина отказаться от своих намерений» («Лунь юй», IV, 26), «Целеустремленный шикнижник и обладающий человеколюбием не пытаются сохранить жизнь, если рискуют утратить человеколюбие, напротив, они жертвуют собой ради обретения человеколюбия» («Лунь юй», XV, 9). Если человек непоколебимо стремится к человеколюбию, постоянно повышает свою осведомленность и сознательность, то он может достичь такого предела: «Мудрый не сомневается, человеколюбивый не печалится, храбрый не боится». При необходимости он может пожертвовать собой во имя человеколюбия. Отстаивать принципы и иметь мужество пожертвовать ради мечты – все это оказало положительное влияние на историю Китая.

Философия Платона полностью воплощает рационалистический дух греческой философии и характеристики философии как науки о мудрости. Философия Платона очень приближена к познанию Бога. Платона еще называют религиозным мыслителем. Платон выдвинул идею бессмертности души, душа человеку дана для достижения высшей истины. В своей работе «Федон» Платон говорил о бессмертности души, приводил доказательство того, что душа продолжает жить после физической смерти человека. Философское ученье о душе впоследствии было разработано и усовершенствовано более поздними религиозными деятелями. Бессмертность души является концептуальным убеждением верующих людей христианской веры. Утверждением Платона в ученье о душе человека является так же и то, что душа после смерти человека освобождается от тела и продолжает жить в мире идей. Платон называл разум человека наивысшим качеством души, он также утверждал, что тело человека препятствует

достижению истины. Платон утверждал, что человек при жизни должен отрешиться от всего материального, и стремиться к духовному своему развитию. Философия Платона настолько глубока и всеобъемлюща, что она влияет на наш современный мир. Теория Платона, относящаяся к типу мудрости, является учением о знании и познании, которое полностью отражено в его теории идей и тесно связано с его эпистемологией. Как сказал Аристотель, основным символом философии Платона является то, что он превращает общие определения, найденные Сократом, в так называемые идеи, которые отделены от отдельных вещей и существуют самостоятельно. Платон считает, что идея является коренной причиной существования и развития вещи.

По его мнению, существует два принципиально различных и фундаментально противоположных мира: мир идей (эйдосов) и мир вещей (материальный). Мир идей предшествует материальному миру и определяет его. Мир идей является формы и прототипа материального мира, а последний – это копия и образ мира идей. Для того, чтобы обосновывать свою точку зрения, Платон предложил знаменитый миф о пещере. Согласно его учению, пещера является символом чувственного мира, в котором обитают все люди. Все люди, словно узники, живущие в пещере, ошибочно считают мир образов подлинным. На самом деле только мир идей, которому подражает мир образов, является подлинным и совершенным миром.

Платон считает, что наличествуют три формы существования вещей: одна из них – это существенная форма вещи или идея вещи, она единственна и создана Богом, другая – это образ идей, то есть конкретные вещи в материальном мире, созданные путем подражания идеям. Третья – это художественный образ, созданный поэтами и художниками, имитирующими конкретные вещи, он представляет собой подражание образу идеи (подробнее см., например: [Асмус 1975, 48–57]).

Мир идей также иерархичен. На вершине этого мира расположена высшая из идей – идея блага или добра, являющегося конечной причиной изменения всех чувственно воспринимаемых вещей и существования всех существенных идей. Платон внедрил теорию идей в эпистемологию. Он считает, что в

соответствии с миром вещей и миром идей существуют две формы знания: чувственное и рациональное знание. Первое знание – это восприятие мира вещей. Поскольку мир вещей изменчивый и трудноуловимый, поэтому первое знание, относящееся к недостоверному знанию, не является настоящим знанием. Разум – это мышление мира идей. Разум рассматривает мир идей как объект мышления и критерий идентификации, он превосходит не только восприятие, но и мнение, поэтому второе знание является единственным истинным знанием.

3. Образ мышления.

Совершенномудрые и мудрецы древности в Китае, включая Конфуция, прежде всего, заботились о потребностях человека и считали их Дао Неба. Ядром исследования философии Конфуция являются межличностные отношения, нацеленные на то, чтобы соединить души людей, поэтому методы, используемые им, чрезвычайно гибки.

В основе метафизики нравственности, которая с помощью дао Неба проявляет дао человека, лежит этика межличностных отношений. Совершенная личность и совершенное общество, опирающиеся на эту этику, идеальны, в отличие от объектов в эпистемологии, которые не могут быть проверены. Это обусловлено тем, что для нравственных правил требуются не объективные и четкие понятия, а душевное состояние человека. Душевное спокойствие является критерием, требованием нравственной философии. Поэтому в традиционной китайской философии было достигнуто общее понимание о том, что нужно делать добро и избегать зла. Но вопрос состоит в том, что никогда не было авторитетного и объективного определения того, что такое добро и что такое зло. Мэн-цзы подчеркнул, что «под добром понимает то, что имеет возможность стремления» (可欲之谓善) [Чжу Си 1986, 468], это определение имеет субъективный и произвольный оттенок.

Традиционно колыбелью теоретического мышления и спекулятивной философии считается Древняя Греция. Гегель отметил: «При упоминании Греции образованный европеец, и в особенности мы, немцы, чувствуем, как будто очутились в родном доме» [Гегель 1957, 157]. Платон является основателем диалектики, Фалес – основатель натурофилософии.

Гегель уделяет большое внимание платоновской философии, он рассматривает диалектику Платона как преамбулу истинностной диалектики. На протяжении всей жизни Платона его диалектика постепенно развивалась от простого к сложному.

Он приписывает все познавательные действия познанию идей, но также делает предположения о единстве мышления и бытия; он приписывает познавательную деятельность человека воспоминанию рациональной души, но делает предположения о последовательности, противоречии и движении развития познания; он приписывает методы познания открытию, определению и утверждению рациональной концепции, но также делает предположения о диалектической логике в процессе развития рационального мышления и категорий мышления. Платон обобщил и развил диалектические идеи древних мыслителей, а также положил начало закону единства противоположностей, являющий ядром диалектики. Поскольку Платон все время искал общие принципы и основы в метафизическом мире, он пренебрег потребностям человека.

В отличие от китайской философии, западная философия стремится к «ясности и отчетливости», поэтому в эпистемологии не допускается существование неясных понятий и использование неопределенных понятий. Эта разумная традиция в развитии естественных наук воплощается в том, что при исследовании каждого предмета требуется точность и объективность, а это способствует развитию западных естественных наук.

Таким образом, китайская философия соединяется с историей и литературой. Западная философия приближена к богословию, естествознанию и науке.

4. Состояние стремления.

Конфуцианская философия, созданная Конфуцием, уделяет большое внимание коллективу и стремится достичь состояния «единства неба и человека». Концепция единства неба и человека в конфуцианстве, а также его тезис «Поднебесная есть всеобщее достояние, великое единение» показывают мотивацию и усилие соединения. Согласно этой теории соединения, все разделение является явлением, целью которого является соединение. Например, наблюдая разницу между мужчинами и

женщинами, мы объединяем их отношениями между мужем и женой 夫妇人伦; наблюдая все противоречия, противоположности и различия, мы объединяем их с помощью концепции «Путь объединяет все в единстве 道通为一» («Чунцзы», II,12) [Дао: гармония мира 2000, 159].

Отдельный, изолированный человек никогда не ценился в китайской культуре. Конфуцианство рассматривает человека в межличностных отношениях, даосизм – в естественных отношениях, а легизм – в групповых отношениях. В социальной и политической жизни отдельный человек служит группе, а группа – отдельному человеку, это двусторонний и одинаково важный процесс. Ценности индивидуализма не имеют возможность стать господствующим направлением в китайской культуре. В китайской философии человек стоит между небом и землей, живя в отношениях между людьми.

Западная философия, характеризующаяся «разделением», преследует свободу, а китайская философия, характеризующаяся «совпадением», преследует гармонию. В мыслях Платона мы можем увидеть ключ к этому «разделению», а затем в логике Аристотеля, в схоластической философии и даже в современном логическом эмпиризме это «разделение» проявляется в способности анализировать. По этому принципу «разделения» отдельный человек не только отличается от человечества, но и раскладывается на двойственность души и тела. Теория индивидуализма и либерализма является развертыванием этой логики.

В осевое время появилось много известных мыслителей Востока и Запада, одни из них – Конфуций и Платон. Теории этих мыслителей (особенно между Востоком и Западом) явно различны. Мы считаем, что причины, приводящие к этому различию, исходят не только из личности мыслителя, но и из особого культурного фона и географической среды. Из теории Платона видно, что он, как и Конфуций, испытывает тревожность и беспокойство по поводу социального и политического хаоса, пытается создать идеальное общество. Собственно говоря, идеальное государство Платона, основанное на справедливости, равенстве и общественной морали, мало отличается от общества Дагун, о котором мечтает Конфуций. Но обоснование создания идеального государ-

ства у Платона состоит не в чувстве тревоги и беспокойстве, а в метафизической основе мира идей [Платон 2021].

Западная философия с момента своего возникновения начала обрисовывать картину метафизического дуализма в процессе определения знаний и онтологий. У Сократа разделение дуального мира становилось окончательным решением, его ученик Платон и последующий ученик Аристотель вели философские дискуссии на основе этой двойственности космической философии. С тех пор дуализм стал основным направлением западной философии. С точки зрения этого дуализма, что мир идеями является основой чувственного мира, и все в чувственном мире должно быть объяснено и истолковано миром идей. Христианская философия в Средние века имеет дело с двойственностью между Богом и человечеством, а также между Богом и миром. Человек и мир имеют общее происхождение от Бога. Это учение о трансцендентном Боге как высшей реальности не только создало вершину богословия и основы веры, но и закладывало фундамент догматов метафизической двойственности. Происхождение бытия, знания и основ этики следует истолковать посредством потустороннего мира, и вера стала единственным мостом, соединяющим посюсторонний и потусторонний мир. С IV до XVI в. на Западе доминировала эта модель мышления. В эпохах Ренессанса и Просвещения из-за эмоциональной неудовлетворенности религией и политической сферой появилась антидуалистическая тенденция, ее место занимает двойственность субъекта и объекта.

Ни рационализм в континентальной Европе, ни эмпиризм в Великобритании не избежал этой дилеммы. Впоследствии теория идей немецкой классической философии, хотя и пыталась соединить два начала, но все еще не избавилась от дуальной структуры. Западная современная философия, такая как феноменология и экзистенциализм, и даже аналитическая философия, в основном выступали против субъектно-объектной дихотомии.

Конфуцианская философия, основы которой были заложены Конфуцием, ориентирована на человека, но она не специально определяет человека как человека, и не анализирует его природу, а только развертывает

человеческую природу в межличностных отношениях. Когда кто-то спросил Мэн-цзы о разнице между человеком и зверями, он так ответил: «любовь между отцом и сыном, справедливость между государем и чинами, различие в обязанностях между супругами, порядок между старшим и младшим и искренность между друзьями» («Мэн цзы», ША, 4). По его мнению, человеческие отношения, благодаря которым человек отличается от животных и зверей, являются основами добродетелей межличностных отношений. С помощью этих основных отношений был заложен следующий принцип постепенной ассимиляции: «За совершенством знания следует искренность помыслов, за искренностью помыслов следует выправленность сердца, за выправленностью сердца следует усовершенствованность личности, за усовершенствованностью личности следует выравненность семьи, за выравненностью семьи следует упорядоченность государства, за упорядоченностью государства следует уравновешенность Поднебесной» («Да Сюэ» I,1.5), и подтверждена мечта построения идеального общества «Великого Единения» (Датун).

Конфуций редко говорил о метафизических вопросах. Об этом мы узнали из таких высказываний, как «Суждения же Учителя о природе человека и Дао-Пути Неба невозможно услышать» («Лунь юй», V, 13) и «Учитель не говорил о чудесах, физической силе, смуте и духах» («Лунь юй», VII, 21). Только в крайнем случае он апеллировал к Небу и восклицал: «Коль я не прав, пусть Небо отринет меня! Пусть Небо отринет меня!» («Лунь юй», VI, 28) и «О! Небо хочет моей гибели! Небо хочет моей гибели!» («Лунь юй», XI, 9).

Мэн-цзы считает, что для усовершенствования человеческих отношений необходимо сначала изучить корни личности и природы человека. Чтобы найти корни природы человека, Мэн-цзы рассматривал метафизическое значение Неба. Он подчеркнул, что «Чувство сострадания есть начало человеколюбия. Чувство стыда и отвращения (ко злу) есть начало справедливости. Чувство самоотречения и уступчивости есть начало житейских правил. Способность (чувство) одобрения и порицания есть начало мудрости» («Мэн-цзы», ПА, 6). По мнению Мэн-цзы, природа людей – добро,

то есть человек изначально – добр. Хотя человек интуитивно стремится к добру, подобно воде течет вниз, но сама природа человека основывается не на самой природе человека, а на Небе, поэтому необходимо сохранять свою душу и воспитывать свою природу, чтобы служить Небу.

Греческая и китайская культуры являются культурами, основанными на ценности человека, поэтому они могут наилучшим образом отражать истинный дух гуманистического рационализма. Хотя существуют серьезные различия в идеях Конфуция и Платона, они как два самых здоровых ребенка в Древнем мире, скорее всего, имеют большую возможность быть связанными друг с другом. За последние сотни лет незападная культура находится под сильным влиянием западной культуры, но это не означает, что западная культура является доминирующей, так как «за пределами замкнутого мира Европы была мировая ширь, уходящая далеко на Восток... Обратное движение с Запада на Восток, по-видимому, является внутренне неизбежной диалектикой европейской культуры» [Бердяев 1990,115].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мэн Пэйюань родился 9 февраля 1938 г. в Чжуанлан, провинция Ганьсу, один из влиятельных представителей современного конфуцианства.

² Далее все цитаты канонических текстов, если не указано иное, даются по переводу «Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу»)» 2004 г. и указаны в соответствии с принятыми правилами их цитирования: название текста – раздел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмус 1975 – Асмус В. Платон. М., Мысль, 1975.
 Бердяев 1990 – Бердяев Н.А. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности). М.: Мысль. 1990.
 Весны и осени... 2000 – Весны и осени с комментариями Цзо. Шэньян: Ляонин цзяюй чубаньшэ, 2000. [《春秋左传》. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2000].
 Гегель 1957 – Гегель. Лекции по истории философии. Пекин: Изд-во Саньянь, 1957. [黑格尔. 哲学史讲演录. 北京, 三联书店, 1957].

- Дао: гармония мира 2000 – Дао: гармония мира. М.: ЭКСМО. 2000.
- Конфуций 1987 – *Конфуций*. Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987.
- Конфуций 2018 – *Конфуций*. Суждения и беседы. СПб.: Азбука, 2018.
- Лу Демин 1983 – *Лу Демин*. Интерпретация классики. Пекин: Кн. компания Чжунхуа, 1983. [陆德明: 《经典释文》, 北京: 中华书局, 1983].
- Мэн Пэйюань 1998 – *Мэн Пэйюань*. Трансцендентность и сфера разума. Пекин: Народ. изд-во, 1998. [蒙培元. 心灵超越与境界. 北京, 人民出版社, 1998].
- Переломов (ред.) 2004 – *Переломов Л.С. (ред.)*. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу»). Китайский канон в русских переводах. – М.: Восточ. лит., 2004.
- Платон 2021 – *Платон*. Государство. М.: Аст, 2021.
- Чжу Си 1986 – *Чжу Си*. Сборник комментариев к Четверокнижию. Чанша: Юэлу шушэ, 1986. [朱熹. 四书集注. 长沙, 岳麓书社, 1986].
- Чжу Си 1992 – *Чжу Си*. Чжу-цзы чжу-цзы юлей (Беседы Чжу-цзы о выдающихся интеллектуалах. Шанхай: Шанхай. изд-во древ. кн., 1992 [朱熹. 朱子诸子语类. 上海, 上海古籍出版社, 1992].
- Ши Бинцзюнь 1999 – *Ши Бинцзюнь*. Рассмотрение разных направлений китайской и западной культур исходя из различий в мыслях Конфуция и Платона // Вестник Педагогического университета Ханьчжун. 1999. № 2. С. 36–38 [史炳军. 从孔子和柏拉图的思想差异看中西文化的不同路向. 汉中师范学院学报, 1999, 第 2 期, 36-38 页].

- Whitehead 1929 – *Whitehead A.N.* Process and Realty. N. Y.: Macmillan, 1929.

REFERENCES

- Asmus V., 1975. *Platon*. Moscow, Thought Publ.
- Berdyayev N.A., 1990. *The Fate of Russia (Experience in the Psychology of War and Nationality)*. Moscow, Thought Publ.
- Spring and Autumn Zuozhuan*, 2000. Shenyang, Liaoning Education Press.
- Hegel, 1957. *Lectures on the History of Philosophy*. Beijing, Joint Publishing.
- Confucius, 1987. *Shijing. Book of Songs and Hymns*. Moscow, Art. lit. Publ.
- Confucius, 2018. *Judgments and Conversations*. Saint Petersburg, Azbuka Publ.
- Lu Deming, 1983. *Classic Interpretation*. Beijing, Zhonghua Book Company.
- Meng Peiyuan, 1998. *Spiritual Transcendence and Realm*. Beijing, People's Publishing House.
- Plato, 2021. *State*. Moscow, Ast Publ.
- Perelomov L.S. (ed.), 2004. *Four Books of Confucianism ("Sishu"), Chinese Canon in Russian Translations*. Moscow, Vost. lit. Publ.
- Zhu Xi, 1986. *A Collection of Commentaries on the Tetrabook*. Changsha, Yuelu Publishing House.
- Zhu Xi, 1992. *The Languages of Zhu Zi*. Shanghai, Shanghai Ancient Books Publishing House.
- Shi Bingjun, 1999. Viewing the Different Directions of Chinese and Western Cultures from the Thought Differences of Confucius and Plato. *Journal of Hanzhong Normal University*, no. 2, pp. 36-38
- Whitehead A.N., 1929. *Process and Realty*. New York, Macmillan.

Information About the Author

Ran Jinhong, Postgraduate Student, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation, furongran@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3261-3747>

Информация об авторе

Жань Цзиньхун, аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация, furongran@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3261-3747>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>

UDC 101.1:316+130.2
LBC 87.6

Submitted: 18.10.2023
Accepted: 16.11.2023

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF MODERN IDENTIFICATION PROCESSES

Evgeniya V. Listvina

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Mikhail O. Orlov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Alexander V. Ryazanov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the problem of multiple identities and the specifics of their interaction in modern conditions. Plurality of identities, on the one hand, is considered a normal phenomenon that explains complex social communications and allows an individual to optimally participate in a diverse modern social life, applying to various situations. On the other hand, the authors note that in conditions of social, political, economic, and cultural mobility, the phenomenon of identity also turns out to be in an unstable state, which is aggravated by the fact that the phenomenon of identity itself is not completely static. If a few decades ago an equivalent diversity of identities implied their interaction, multicultural polyphony, where a plurality of identities could be realized as much as possible, then at the beginning of the twenty-first century, a request for hierarchization and ordering of identities arises in society. In the article, the authors attempt to determine by what criteria it is possible to build a hierarchy of identities, on which social and cultural events, accents, and preferences this hierarchy will depend, whether it will be accepted by the whole society, or whether it will require taking into account group subcultural specifics. The authors note the desire for the dominance of civil and civilizational identities based on cultural identity as a deep foundation. Civil identity in a multinational state with ethnic, cultural, and economic diversity among regions presupposes a strong consolidating resource. The needs of society for a clear definition of the civilizational vectors of modern Russia make the question of defining civilizational identity one of the most demanded. The article also examines how purposeful social and institutional formation of identities and their conscious alignment into a hierarchical pyramid is possible.

Key words: identity, plurality of identities, hierarchy of identities, civic identity, civilizational identity, cultural identity.

Citation. Listvina E.V., Orlov M.O., Ryazanov A.V. Sociocultural Aspects of Modern Identification Processes. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 188-193. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>

УДК 101.1:316+130.2
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 18.10.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Евгения Викторовна Листвина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Михаил Олегович Орлов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Александр Владимирович Рязанов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме множественности идентичностей и специфике их взаимодействия в современных условиях. Множественность идентичностей, с одной стороны, рассматривается как нормальное явление, объясняющее сложные социальные коммуникации и позволяющие индивиду оптимальным образом участвовать в многообразной современной социальной жизни, применяясь к различным ситуациям. С другой стороны, авторы отмечают, что в условиях социальной, политической, экономической, культурной подвижности феномен идентичности также оказывается в неустойчивом состоянии, что усугубляется тем, что сам феномен идентичности не является полностью статичным. Если несколько десятилетий назад равноценное многообразие идентичностей предполагало их взаимодействие, мультикультурную полифонию, где множественность идентичностей могла максимально реализоваться, то в начале двадцать первого века в обществе возникает запрос на иерархизацию и упорядочение идентичностей. В статье авторы делают попытку определить, по каким критериям возможно выстраивание иерархии идентичностей, от каких социальных и культурных событий, акцентов, предпочтений будет зависеть эта иерархия, будет ли она принята всем социумом или потребуются учетывание групповой субкультурной специфики. Авторы отмечают стремление к доминированию гражданской и цивилизационной идентичностей с опорой на культурную идентичность как на глубинную основу. Гражданская идентичность в условиях многонационального государства с этническим, культурным, экономическим разнообразием регионов предполагает сильный консолидирующий ресурс. Потребности общества в четком определении цивилизационных векторов современной России делают вопрос об определении цивилизационной идентичности одним из наиболее востребованных. Также в статье рассматривается, насколько возможно целенаправленное социальное, институциональное формирование идентичностей и их сознательное выстраивание в иерархическую пирамиду.

Ключевые слова: идентичность, множественность идентичностей, иерархия идентичностей, гражданская идентичность, цивилизационная идентичность, культурная идентичность.

Цитирование. Листвина Е. В., Орлов М. О., Рязанов А. В. Социокультурные аспекты современных идентификационных процессов // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 188–193. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>

Настоящий период современного развития общества характеризуется интересными изменениями в различных областях его существования. Социум сталкивается с качественными трансформациями, которые требуют теоретического анализа, так как влияние этих трансформаций оказывается масштабным, и их результаты могут оказывать и оказывают серьезное воздействие на сообщество в целом, на социальные группы и отдельных людей.

Проблема идентификации стоит на повестке дня не одно десятилетие и не воспринимается сейчас как новационная, но это не умаляет ее значимости в исследовании современных социокультурных практик. Более того, можно согласиться с Н.А. Хреновым, который отмечает, что одной из важнейших функций культуры является производство идентичностей [Хренов 2007]. На рубеже веков исследователи обращались к различным аспектам данного феномена, и со временем сфор-

мировался, если можно так сказать, привычный набор идентичностей, в рамках которых рассматривались и индивидуальная и коллективная идентичности. К ним можно отнести этническую, групповую, культурную, субкультурную, профессиональную, национальную, региональную, локальную, гражданскую, цивилизационную идентичности. В начале двадцать первого века стали выделять и цифровую идентичность (см., например: [Соловьева 2020]). В целом в первые десятилетия двадцать первого века появились принципиально новые подходы к самому феномену идентичности, который также подвергся серьезным изменениям вследствие происходящих глобальных и региональных политических, социокультурных процессов.

К проблеме определения идентичности в последнее время обращались многие отечественные авторы, работающие в различных парадигмах гуманитарных наук (например, И.В. Лысак, Р.Б. Сапожникова, В.Е. Бу-

денкова, Е.Н. Савельева, А.О. Левашкина, Е.В. Листвина и др. [Лысак 2017; Сапожникова 2005; Буденкова, Савельева 2016; Левашкина 2013; Листвина 2016]).

Возьмем за основу определения идентичности, предложенное И.В. Малыгиной. И.В. Малыгина под социальной идентичностью подразумевает «сложный социально-психологический феномен, означающий отождествление, эмоционально окрашенное осознание и переживание человеком своей принадлежности социуму, обусловленное психологической потребностью человека в социальной адаптации» [Малыгина 2018, 64–65]. Таким образом, на наш взгляд, идентичность успешно сочетает в себе реализацию ряда глубинных потребностей личности, что сегодня становится особенно актуальным.

Сейчас, когда мы находимся в условиях социальной, политической, экономической, культурной подвижности, когда то, что казалось фундаментальным основанием привычных мировых контуров, рассыпается мозаичным, пазловым пространством, когда происходит размывание культурного ядра, сам феномен идентичности также оказывается в неустойчивом состоянии. Само это подвижное состояние В.В. Бычков, отметив нарастание данной динамики еще в 2000 г., обозначил понятием пост-культура – «бессистемной системой малых и больших сдвигов, смещений всего и вся в сознании, в психических состояниях... дрейфом ценностей в бесконечную неопределенность» [Бычков, Бычкова 2000]. Надо сказать, что начало нашего века только ускорило эти процессы. Такое состояние усугубляется тем, что сам феномен идентичности не является полностью статичным.

Можно согласиться с В.А. Тишковым, который отмечает, что «все формы современной идентичности находятся в постоянном дрейфе... пребывают в постоянном соперничестве за собственную приоритетность, но чаще всего имеют множественный и не взаимоисключающий характер» [Тишков 2013, 74]. Действительно, множественность идентичностей воспринимается как нормальное явление, объясняющее сложные социальные коммуникации и позволяющие индивиду оптимальным образом участвовать в многообразной совре-

менной социальной жизни, применяясь к различным ситуациям.

Однако хочется отметить, как нам кажется, зарождающуюся в последнее время тенденцию, отличающую нынешнее функционирование данного феномена от его недавних проявлений. В конце XX – начале XXI в. виды идентичностей на фоне постмодернистской пост-культуры осваивались индивидами и социальными группами, целыми сообществами весьма активно, разносторонне, подчеркнуто равноправно. Причем предполагалось, что идентификационные процессы разворачиваются с некоей внутренней интенцией, вполне самостоятельно для каждого индивида или группы, как бы произрастающая из общего поля культуры. В этом мобильном разновекторном пространстве идентичности флуктуировали, где-то переплетались, конкурировали в стремлении к доминантному проявлению, и в целом социум оценивал этот процесс как естественный. Равноценное многообразие предполагало толерантное взаимодействие, мультикультурную полифонию, где множественность идентичностей могла максимально реализоваться. Такое положение вещей казалось волне приемлемым.

Тем не менее по прошествии нескольких десятилетий общество ощутило иную потребность, которая начинает постепенно оформляться как социальный и культурный запрос. С одной стороны, мы получили определенные социокультурные результаты от богатства возможностей множественной идентификации. Но в какой-то момент и общество и отдельные индивиды начинают испытывать стремление к упорядоченности. Да, в манифесте метамодернизма ярко маркируется полярность социокультурного пространства, его универсальная пульсация: «Впредь движение должно осуществляться путем колебаний между положениями с диаметрально противоположными идеями, действующими как пульсирующие полюса колоссальной электрической машины, приводящей мир в действие» [Манифест метамодернизма web]. Однако эта фиксация постоянного соскальзывания к энтропийным процессам обостряет тяготение к организованности и регламентированности.

И тут возникает несколько важных вопросов. По каким критериям возможно выст-

равнение иерархии идентичностей? От каких социальных и культурных событий, акцентов, предпочтений будет зависеть эта иерархия? Будет ли она принята всем социумом – или все же потребуются учеты групповой субкультурной специфики?

Справедливости ради надо отметить, что потребность в структурировании идентификационного разнообразия в нашем социуме стала оформляться более или менее проявлено в 2010-е гг., особенно после 2014 года. В этот период возникает необходимость в усилении гражданской идентичности – так общество реагирует на возникновение внешнего фактора, требующего более четкого понимания нашего положения в мировой социокультурной палитре, и отсюда – поиск стимулов, способных осуществить процесс национальной сплоченности. Гражданская идентичность оказывается более способной к удовлетворению этого запроса, становясь в ряде случаев более активно востребованной, чем этническая идентичность, которая периодически может быть фракционирующей, а не объединительной силой. Гражданская идентичность вполне может объединять и выстраивать локальную, региональную, этническую, конфессиональную идентичности в той конфигурации, благодаря которой обществу удастся сохранить свой внутренний импульс развития при гармоничном сплочении и социокультурной устойчивости [Листвина 2018]. Гражданская идентичность в условиях многонационального государства с этническим, культурным, экономическим разнообразием регионов предполагает сильный консолидирующий ресурс, и поэтому именно она оказывается сейчас востребованной, становится краеугольным камнем для формирования целостной личности, гражданина. Гражданская идентичность предполагает реализацию активной социальной и гражданской позиции индивида, осуществления им совокупности гражданских функций.

Также можно отметить, что сегодняшняя социокультурная ситуация сделала актуальным вопрос о культурной и вместе с тем цивилизационной идентичностях. Так, культурная идентичность остается насущной потребностью каждого человека. Она создает условия для проживания «непрерывной самоож-

дественности», необходимой для каждого члена общества. Без нее не получится идентификационного процесса и, как следствие, формирования самостоятельной, самодостаточной, социально адаптированной личности, обладающей целостным самосознанием. Но в последнее время актуализируется потребность не только в собственно культурной идентичности. В некоторых случаях она оказывается узкой для решения индивидом всех встающих перед ним проблем и вопросов. И на них может ответить цивилизационная идентичность, понимаемая как восприятие себя представителем «определенного сообщества, базирующегося на единстве территории проживания, социально-культурного опыта ценностных ориентаций и образа жизни» [Немчина, Кандыба 2014, 30]. Цивилизационная идентичность в какой-то мере усиливает, делает объемными все характеристики культурной идентичности, но в то же время включает их в качестве элемента более масштабного образования, чей объединяющий потенциал способствует и закреплению и развитию культурной специфики на общем фундаменте вместе с другими видами идентичностей. Сегодняшние потребности общества в четком определении цивилизационных векторов современной России делают вопрос об определении цивилизационной идентичности одним из наиболее востребованных.

Констатируя данные изменения в идентификационных процессах, которые следуют за социальными трансформациями, мы отмечаем необходимость постановки еще одного вопроса: насколько возможно целенаправленное социальное, институциональное формирование этой (или этих) идентичностей и их сознательное выстраивание в иерархическую пирамиду? Насколько общество может это сделать и насколько оно нуждается в таком рациональном структурировании процесса, который включает в себя элементы, связанные с интуитивными, подсознательными детерминантами бытия? Какие социальные слои способны взять на себя в этом ведущую функцию и какое место в данном процессе будет занимать основная часть общества?

В истории нашей страны существовали периоды – и в восемнадцатом, и в двадцатом веках, – когда процессы по фактическому пе-

рекраиванию, или, как сейчас говорят, ментальной перезагрузке, приводили к массовой смене идентичности по унификационному лекалу. Все они реализовывались жесткими способами, осуществляемыми властью, и имели неоднозначные суровые последствия. При этом следует отметить, что наиболее устойчивые идентификационные конструкции формировались в условиях взаимного сотрудничества различных социальных слоев, и часть механически переносимых или внедряемых элементов не смогли встроиться в идентификационные социокультурные паттерны. В целом же, однако, можно сказать, что эти преобразования достигали целей, хоть и не в полном объеме, и наши теперешние идентификационные матрицы базируются, в том числе, и на их результатах.

Конечно, современные условия вряд ли предполагают буквальное повторение методов предыдущих эпох. Но все же общество приходит к пониманию, что без определенных программ и рамочных планов невозможно сохранение социума для его дальнейшего позитивного развития. И одним из таких условий является создание социокультурных условий для формирования определенных конфигураций идентичностей, оптимальных для данного этапа социального существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буденкова, Савельева 2016 – Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44. DOI: 10.17223/22220836/21/4
- Бычков, Бычкова 2000 – Бычков В., Бычкова Л. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. 2000. № 3. С. 67–85.
- Левашкина 2013 – Левашкина А.О. Трактовки понятия идентификации в отечественных и зарубежных исследованиях // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3, т. 2: Психолого-педагогические науки. С. 208–211.
- Листвина 2016 – Листвина Е.В. Национально-культурная идентичность и глобализм: pro et contra // Русский универсум в условиях глобализации. Саров: Интерконтакт, 2016. С. 29–32.

- Листвина 2018 – Листвина Е.В. Гражданская идентичность: потенциал интеграции современного общества // Человек. 2018. № 2. С. 44–51.
- Лысак 2017 – Лысак И.В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2017. № 38. С. 130–138. DOI: 10.17223/1998863X/38/13
- Малыгина 2018 – Малыгина И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018.
- Манифест метамодернизма web – Манифест метамодернизма // <https://web.archive.org/web/20160429115624/http://www.metamodernism.su/>
- Немчина, Кандыба 2014 – Немчина В.И., Кандыба В.Н. Цивилизационная идентичность: обоснование пространственно-временной целостности России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 30–35.
- Сапожникова 2005 – Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТПУ. Серия: Психология. 2005. Вып. 1 (25). С. 13–17.
- Соловьева 2020 – Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12. С. 53–56. DOI: 10.24158/fik.2020.12.7
- Тишков 2013 – Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Хренов 2007 – Хренов Н.А. Традиционная культура и цивилизационная идентичность // Традиционная культура. 2007. Т. 8, № 2 (26). С. 9–12.

REFERENCES

- Budenkova V.E., Savelyeva E.N., 2016. Identity as a Subject of Theoretical and Methodological Analysis: Models and Approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiia i iskusstvovedenie*, no. 1 (21), pp. 31-44.
- Bychkov V., Bychkova L., 2000. *The 20th Century: The Ultimate Metamorphoses of Culture*. *Polignosis*, no. 3, pp. 67-85.
- Levashkina A.O., 2013. Interpretations of the Concept of Identification in Domestic and Foreign Studies. *Jaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, vol. 2: *Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, pp. 208-211.
- Listvina E.V., 2016. National-Cultural Identity and Globalism: pro et contra. *Russkii universum v*

- usloviiah globalizazii*. Sarov, Intercontact Publ., pp. 29-32.
- Listvina E.V., 2018. Civil Identity: The Potential of Integration of Modern Society. *Chelovek*, no. 2, pp. 44-51.
- Lysak I.V., 2017. Identity: The Essence of the Term and the History of Its Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Politologii. Soziologii*, no. 38, pp. 130-138.
- Malygina I.V., 2018. *Identity in Philosophical, Social and Cultural Anthropology*. Moscow, Soglasie Publ. *Manifesto of Metamodernism*. URL: <https://web.archive.org/web/20160429115624/http://www.metamodernism.su/>
- Nemchina V.I., Kandyba V.N., 2014. Civilizational Identity: Substantiation of the Sapatial-Temporal Integrity of Russia. *Sozialno-gumanitarnye znaniia*, no. 12, pp. 30-35.
- Sapozhnikova R.B., 2005. Analysis of the Concept of "Identity": Theoretical and Methodological Foundations. *Vestnik TPGU. Seriya: Psikhologii*, iss. 1 (25), pp. 13-17.
- Solovjeva L.N., 2020. Digital Identity as a Phenomenon of Information Modernity. *Obschestvo: filosofii, istoriia, kultura*, no. 12, pp. 53-56. DOI: 10.24158/fik.2020.12.7
- Tishkov V.A., 2013. *The Russian People: The History and Meaning of National Identity*. Moscow, Nauka Publ.
- Khrenov N.A., 2007. Traditional Culture and Civilizational Identity. *Tradizionnaya kultura*, vol. 8, no. 2 (26), pp. 9-12.

Information About the Authors

Evgeniya V. Listvina, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Mikhail O. Orlov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Theology and Religious Studies, Dean of the Faculty of Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Alexander V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Информация об авторах

Евгения Викторовна Листвина, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Михаил Олегович Орлов, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой теологии и религиоведения, декан философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Александр Владимирович Рязанов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2024 года
осуществляется
по «Объединенному каталогу
Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1.
Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на I полугодие 2024 года
1 359 руб. 08 коп.

Распространение журнала осуществляется
по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2024 is carried
out through
“The United Catalog. Russian Press.
Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 1st half of 2024
is 1359.08 rubles.

Distribution of the journal is carried out through
the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

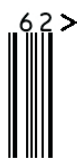
The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004